ДАРИЯ
БЕЛЯЕВА
красная тетрадь
18+

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Арлен Жданов живет на закрытой планете Аврора, а у него в голове живет червь. Если Арлен будет учиться хорошо, червь изменит его и позволит ему стать настоящим героем и космическим солдатом. Тогда Арлен отправится в Космос и найдет своего папу. Космофэнтези без космоса, киберпанк, который мы не заслужили, история о взрослении детей и история о взрослении их инопланетных мозговых паразитов – дарвиновская «бесконечность прекрасных форм» и ретро-дискотеки. А еще – невероятно милый и наивный ностальгический боди-хоррор об отдыхе у моря.Книга содержит нецензурную брань

- Дария Беляева
  -
  - Запись 1: Как я хочу полететь в Космос
  - Запись 2: Исторический документ
  - Запись 3: Привет, меня зовут Андрюша
  - Запись 4: Ночное время
  - Запись 5: Психологические характеристики от доктора Шиманова (младшего)
  - Запись 6: Черновик письма для мамы
  - Запись 7: Впечатления Андрюши о море
  - Запись 8: О море
  - Запись 9: Жалоба
  - Запись 10: Все разы, когда меня обидел Боря
  - Запись 11: Бесценное мнение
  - Запись 12: Ночное беспокойство
  - Запись 13: Про Эдуарда Андреевича – маме
  - Запись 14: Дорогая Галечка
  - Запись 15: Странная история про появление щенков
  - Запись 16: СКАТАБОЙНИ
  - Запись 17: Набережная
  - Запись 18: Журнал присутствия
  - Запись 19: Объяснительная записка
  - Запись 20: Мамино письмо
  - Запись 21: Быстрый ответ
  - Запись 22: Так тебе и надо!
  - Запись 23: Я ее видел!
  - Запись 24: Клятва Арлена
  - Запись 25: Клятва Андрюши
  - Запись 26: Братание

- Запись 27: Больно
- Запись 28: Фиточай, зеркала и последняя ночь
- Запись 29: Обязанности по уборке комнаты
- Запись 30: Завтрак
- Запись 31: Галечка отвечает
- Запись 32: Планета ангелов
- Запись 33: Тема для размышлений
- Запись 34: Хватит читать мой дневник!
- Запись 35: Интересная идея
- Запись 36: Мое самочувствие
- Запись 37: Самочувствие Андрюши
- Запись 38: Мой папа
- Запись 39: Ночные путешествия
- Запись 40: Комментарий Володи
- Запись 41: Андрюшина страшилка
- Запись 42: Некоторая критика
- Запись 43: Критика оправдана
- Запись 44: Еще одна телеграмма для мамы
- Запись 45: Странный сон
- Запись 46: Обрыдаться
- Запись 47: Задумайся об этом!
- Запись 48: Снова на море
- Запись 49: Манифест к людям будущего
- Запись 50: Счастливчик Жорж
- Запись 51: Прогулял полдник
- Запись 52: Хуесциплины
- Запись 53: Ужас
- Запись 54: КАК МИНЯ НАШЛИ В ЛИСУ
- Запись 55: Соляная комната
- Запись 56: Варианты фраз для плаката
- Запись 57: Ящерица спасена!
- Запись 58: День без моря
- Запись 59: Отчет о самочувствии после процедуры
- Запись 60: Объявили дискотеку
- Запись 61: ЖИ-ШИ пиши с буквой И
- Запись 62: Дорогая мама!
- Запись 63: Головная боль
- Запись 64: Жорж и Маргарита
- Запись 65: Пробежка
- Запись 66: Кормушка летом
- Запись 67: Новости из девчачьей комнаты
- Запись 68: Советы Жоржа
- Запись 69: Сама дискотека
- Запись 70: Мясная ночь

- Запись 71: Белый катер
- Запись 72: Камушек для Галечки
- Запись 73: Просто замечательная саранча
- Запись 74: Точный образ мамочки
- Запись 75: Список покупок
- Запись 76: Мама пишет
- Запись 77: Новая процедура
- Запись 78: Началось!
- Запись 79: Утро
- Запись 80: Вечер
- Запись 81: Ночь
- Запись 82: Снова утро
- Запись 83: Прогулка с Дианой
- Запись 84: Температура и море
- Запись 85: Жалобы Жоржу
- Запись 86: Написать маме
- Запись 87: Лето в разгаре
- Запись 88: Маргарита на скамейке
- Запись 89: Это капец
- Запись 90: Странное дело
- Запись 91: Жмурки
- Запись 92: Объявление
- Запись 93: Красивая кормушка готова
- Запись 94: Пионербол
- Запись 95: Станислав Константинович и смерть
- Запись 96: Ночной припадок
- Запись 97: Вокзальный кошмар
- Запись 98: Пробежка
- Запись 99: Ну и ладно
- Запись 100: Скотомогильник
- Запись 101: Дружеский совет (копия)
- Запись 102: Не забывай, Арлен
- Запись 103: Конкурс талантов
- Запись 104: Что?
- Запись 105: Так, стоп
- Запись 106: Официально объявили
- Запись 107: Комары
- Запись 108: О самочувствии
- Запись 109: Проблема
- Запись 110: Кормушка для птиц наконец-то находит свое место
- Запись 111: Монолог Клавдия
- Запись 112: Питомцы
- Запись 113: НИЧЕГО СЕБЕ

- Запись 114: Придумал
- Запись 115: Интригует
- Запись 116: Безобразия на конкурсе талантов
- Запись 117: Та самая речь (легендарная)
- Запись 118: Ночные мысли
- Запись 119: Раненый еж
- Запись 120: Как чувствует себя Николай Убийца
- Запись 121: —
- Запись 122: Кошмар
- Запись 123: Попробуй сюда что-нибудь написать
- Запись 124: Товарищ Шиманов и тетя Лена
- Запись 125: Невыносимо
- Запись 126: В морге
- Запись 127: Переселение
- Запись 128: Сборы
- Запись 129: Андрюшины размышления
- Запись 130: Поджог
- Запись 131: Уборка
- Запись 132: До свиданья, Максим Сергеевич
- Запись 133: Навсегда не прощаемся
- Запись 134: Поезд и гроб
- Запись 135: Подарок
- Запись 136: Новый куратор
- Запись 137: Хороший сон
- Запись 138: Неприятная процедура
- Запись 139: Рука Фиры
- Запись 140: Галечка написала
- Запись 141: Для тети Иры
- Запись 142: Для Галечки
- Запись 143: Вопрос Андрюши
- Запись 144: Братоубийца
- Запись 145: Безобразие
- Запись 146: Фира!
- Запись 147: Мое колечко
- Запись 148: На подумать
- Запись 149: Понял!
- Запись 150: ТАК
- Запись 151: Небольшой комментарий
- Запись 152: Ха-ха
- Запись 153: Напиши что-нибудь еще
- Запись 154: Отвали
- Запись 155: Бананы
- Запись 156: Странности
- Запись 157: Не получается!

- Запись 158: В горы!
- Запись 159: Андрюша и горы
- Запись 160: Опять письмо маме
- Запись 161: Список вещей для гор
- Запись 162: 5 утра!
- Запись 163: В автобусе
- Запись 164: Андрюша
- Запись 165: Боря
- Запись 166: Ванечка
- Запись 167: Фира
- Запись 168: Валя
- Запись 169: Мила
- Запись 170: Алеша
- Запись 171: Диана
- Запись 172: Анкета Алеши
- Запись 173: Анкета Милы
- Запись 174: Анкета Вали
- Запись 175: Анкета Фиры
- Запись 176: Анкета Ванечки
- Запись 177: Анкета Бори
- Запись 178: Анкета Андрюши
- Запись 179: Анкета Арлена
- Запись 180: Какие они, горы
- Запись 181: Идиот
- Запись 182: И опять
- Запись 183: Все-таки сон о Космосе
- Запись 184: Еще некоторые рассуждения по поводу взрослого меня
- Запись 185: Космос
- Запись 186: После Ванечки
- Запись 187: Поиски
- Запись 188: Сомнения
- Запись 189: Просто так
- Запись 190: Фотокарточки
- Запись 191: Всех избегаю
- Запись 192: Свернулся калачиком
- Запись 193: Браво!
- Запись 194: Разделенная тайна
- Запись 195: Решение
- Запись 196: Как на меня ругались
- Запись 197: Взросление
- Запись 198: Есть о чем волноваться
- Запись 199: Я тоже переживаю
- Запись 200: Ужас

- Запись 201: Звонок маме
- Запись 202: Ночь перед экзаменом
- Запись 203: Сон про цирк
- Запись 204: Экзамен
- Запись 205: Шоколад и сочувствие
- Запись 206: Организационное
- Запись 207: О шоколадке
- Запись 208: Красивая сцена
- Запись 209: АРЛЕН
- Запись 210: Разъяснения
- Запись 211: Свободный день
- Запись 212: Поздравительная телеграмма от мамы
- Запись 213: Беда
- Запись 214: Еще нет
- Запись 215: Снова нет
- Запись 216: Хорошие новости насчет ежа
- Запись 217: Земля
- Запись 218: Чистосердечное признание
- Запись 219: Скотомогильник
- Запись 220: По результатам дня
- Запись 221: Напоследок

Дария Беляева
Красная тетрадь

Дизайн обложки: Юлия Межова

© Дария Беляева, 2022
© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

Запись 1: Как я хочу полететь в Космос

Почему я хочу полететь в Космос?

1. Я хочу принадлежать к прогрессивному общественному классу и приблизить светлое будущее для всех людей всей Вселенной. Защищать слабого – привилегия сильного. Я верю в это всем сердцем, и я готов отдать жизнь во имя светлых идеалов всеобщего равенства и прогресса. Я готов бороться с вредителями и врагами на территории всей Вселенной, если понадобится, я отдам жизнь за то, чтобы в мире торжествовал единственно правильный порядок. Человеку совершенно необходим смысл жизни, великая цель. Цель моей жизни – построить лучший мир для всех тех, кто будет жить после меня. Прогресс и порядок представляются мне объективно достигаемыми целями. Однажды Вселенная станет прекрасным местом, и я хотел бы, чтобы это случилось благодаря в том числе и моим усилиям. Впрочем, последнее – проявление индивидуализма. Я не хочу отправиться в Космос, чтобы стяжать себе славу. Наоборот, необходимо каждый день воспитывать себя для того, чтобы суметь поставить общественные интересы выше личных. Я хочу вырасти хорошим и порядочным человеком. Только таких людей берут в Космос. Таким был первый человек, который отправился туда, – Юрий Гагарин.

2. Я хочу увидеть мир таким, каков он есть. Я ничего еще не видел за пределами своей планеты, но знаю, что другие планеты бывают прекрасными или ужасающими. Я готов к прекрасному и готов к ужасающему.

3. Мой папа где-то в Космосе. Мама говорит, что он был пилотом космического корабля и они любили друг друга очень сильно. Папа, конечно, не такой, как мы. В его голове нет червя, и он, я точно уверен, хороший человек. Ему, безусловно, приходится прилагать к этому меньше усилий. Я ничего о нем не знаю, кроме того, что его зовут Георгий, и, конечно, что он – далеко. Иногда мне нравится думать, что папа обо мне думает. Я не знаю, так ли это, но мама говорила, что папа знал: у них с мамой будет ребенок. У меня нет папиной фотокарточки, но я несколько лет записывал все черты, которые встречаются в моей семье с материнской стороны, чтобы установить, в чем я могу быть похож на отца. Этот анализ, по всей видимости, нельзя принимать всерьез, ведь генетика – удивительная вещь, иногда можно быть похожим не на маму и не на папу, а на прадедушку.

Моя мама говорит, что я очень похож на папу, только я светловолосый, как она, а в остальном – папина копия. Но, насколько я знаю, многим мальчикам говорят именно так, даже если они со всей очевидностью похожи на своих матерей. Матери думают, что сходство с отцом делает их сыновей мужественнее. От папы мне, впрочем, вероятнее всего, достались крупный нос с горбинкой и зеленые глаза. Может быть, я стану больше похож на него, когда вырасту: такое случается часто. Мне бы этого хотелось. Так или иначе, когда я полечу в Космос, то найду его и увижу. Когда мы познакомимся, я сделаю все, чтобы ему понравиться. Я докажу ему, что в чем-то на него похож, и, несмотря на то, что в голове у меня живет червь, я могу стать полезным членом общества и обеспечить безопасность многих людей, которые и имени-то моего никогда не узнают (они никогда не узнают моего имени, потому что я не хочу славы). Вот зачем еще мне нужно в Космос.

4. Сегодня я еду в поезде, за окном такие краски, все красиво и ярко, и совсем уже начинается лето. А еще я еду на море – прежде никогда не видел никакого моря. На нашей небольшой планете много воды и много морей, есть даже два океана, таких больших, что это сложно себе представить. Впрочем, взгляд с берега не позволяет отличить море от океана. С виду ни у того ни у другого нет края, и то и другое упирается в горизонт. Мысли о море, стремительные рывки поезда, особое путешественное настроение – все это заставляет меня мечтать о Космосе.

Таким образом, я изложил причины, по которым я хочу полететь в Космос, – от самой глобальной и вечной ко все более личным и сиюминутным. На первое место я поставил общественные ценности, на второе – тягу к познанию, на третье – семейные связи и, наконец, на четвертое – мое особое нынешнее настроение в преддверии лета.

Придет время, и я обязательно исполню свою мечту, ведь я много работаю, хорошо себя контролирую и очень стараюсь.

Конечно, я полечу в Космос не один. Со мной полетит мой лучший друг Андрюша. Он – большая умница. Мы с Андрюшей почти всегда все делаем вместе. Я выражаю самую искреннюю надежду на то, что Андрюша и в Космос отправится вместе со мной, мы вместе будем убивать вредителей и врагов прогресса. Конечно, у меня есть легкое беспокойство по поводу его морального облика (червь в голове – серьезная проблема).

Разумеется, в Космос полетит Володя, потому что у Володи получается все, за что он берется. Володя сохраняет бодрость и присутствие духа в любой ситуации, что, безусловно, пригодится в Космосе. Кроме того, у него лучшие оценки после Андрюши по

всему-всему, кроме идеологической подготовки. Лучшие оценки по идеологической подготовке – у меня. Так и не скажешь, что у Володи в голове червь, это почти незаметно, когда общаешься с ним, и в нем меня вовсе ничего не тревожит, хотя я привык быть внимательным и бдительным.

В Космос наверняка полетит и Фира. Она добрая, хорошая и спокойная девочка. Никто не представляет такими девочек с нашей планеты.

Валя, конечно, тоже справится, потому что Валя такая упрямая. Она хорошо дерется и все время жует жвачку (первое – плюс, второе – минус).

Что касается Бори, я надеюсь, он никогда не полетит в Космос.

А еще будет известен только тем, что он – Володин брат.

А лучше – совсем ничем не известен.

Впрочем, не по-товарищески с моей стороны писать именно так. Также я не хочу быть слишком самоуверенным, излишне самонадеянным и так далее и тому подобное, потому что всецело доверяю свою жизнь и судьбу, а также жизнь и судьбу своих товарищей партийному руководству.

На этом, кажется, следует закончить сегодняшнюю запись, но меня переполняют эмоции. Мне очень хочется поскорее оказаться в санатории. Мне хочется увидеть море и проверить, такое ли оно синее, как на картинках. Я хочу знать, как выглядят люди, которые живут там, где так тепло и хорошо. Мне нравится, как едет поезд, меня успокаивает его движение. Мне кажется, так должно наступать будущее: ему полагается быть неизбежным, как движение колесных пар по рельсам, ему полагается быть успокаивающим, как биение этого большого, железного сердца, ему полагается иметь предпосылку и цель, как всякое путешествие имеет начальный и конечный пункты.

Еще я подумал: когда-нибудь все мы станем взрослыми. Я очень этого хочу. Мне страшно надоело быть ребенком. Конечно, быть ребенком – биологическая необходимость. Но это также и трудность: никто не воспринимает тебя всерьез, многие вещи делать нельзя, а те, которые делать можно, еще не получается делать правильно.

Мама говорит, что для двенадцатилетнего я – весьма зрелая личность. Однако я не чувствую себя зрелой личностью, скорее наоборот. Поэтому я и веду эти записи (тетрадь под номером 32, самая толстая, купленная по случаю моего отъезда). Я довольно неповоротлив в своих мыслях, думаю медленно и обстоятельно, мне бывает тяжело отвлечься от каких-то важных, по моему мнению, вещей. В моей характеристике написано, что у меня

эпилептоидный тип личности. Это значит, что мое мышление довольно вязкое. Я стараюсь прилагать все усилия для борьбы со своей медлительностью, однако некоторая обстоятельность, как мне кажется, делу не вредит. Записи помогают мне, написав о чем-то, я могу на некоторое время отвлечься и посвятить больше времени учебе.

А сегодня началось лето, и это значит, что три месяца не будет никаких тренировок и уроков. Зато произойдет нечто другое, весьма важное и волшебное. Там, у моря, я наконец-то стану взрослым. Вернее, не я, а паразит во мне, но некоторые ученые говорят, что никакого меня и нет, есть паразит, и мое сознание – это сознание червя, и ничего больше.

Другие ученые спорят с этим, они говорят, что люди и черви находятся в сложной симбиотической связи, и нельзя сказать, кто кем управляет. А еще есть ученые, которые считают, что это человек управляет червем, и вовсе не наоборот. Я далек от науки, хотя и интересуюсь последними новостями, подписан на несколько научно-популярных журналов, а также регулярно прослушиваю познавательные радиопередачи. Все равно наука и технология от меня далеки, ведь наша планета, ради блага всех людей Вселенной, лишена большинства технологий современности, однако мне нравится представлять, как люди используют вещи, находящиеся далеко за пределами моего опыта.

Теперь следует вернуться к началу и рассказать о поезде, и море, и обо всем том, для чего я взял самую толстую, самую красивую, самую красную тетрадь.

Обычно люди ведут дневник по нескольким причинам: контейнирование эмоций, систематизация мыслей и консервирование воспоминаний. Так как я с гордостью могу назвать себя среднестатистическим человеком, я преследую все три цели. Мне бы хотелось сохранить этот день в памяти. Я постараюсь описать его очень точно и ничего не забыть.

Ночью я почти не спал, проснулся совсем рано, задолго до будильника. Мне вовсе не хотелось будить мою маму. Она работает на рыбоперерабатывающем заводе (невольная тавтология, которой нельзя избежать), мамины руки всегда пахнут рыбой. Она активная, здравомыслящая, серьезная женщина, которая не позволяет жизненным невзгодам себя сломить. Но ей тоже нужно отдыхать, и почаще.

Так что я лежал совсем тихонько и не нарушал правила совместного проживания. Необходимо уважать правила общежития – это первое, чему в своей жизни учится порядочный человек.

Я смотрел в окно. Я живу в самом центре нашей столицы. Из

моего окна видно Кремль, и я с гордостью могу сказать, что проживаю по адресу Красная площадь, дом 6.

Это, конечно, совсем не та Красная площадь, но зато – самая первая из тех, что появились за пределами Земли, на других планетах.

Я горжусь тем, что у меня есть возможность быть частью исторического процесса, соединяющего прошлое и будущее.

В ясные дни из моего окна так хорошо видно Кремль. Сегодня, впрочем, день выдался, наоборот, совсем пасмурный, хмурый, серый. Синеватый туман заволок все на свете, и я почти ничего не видел, будто мой дом обложили ватой. Я ждал дождя, который прибьет этот туман. Я хотел еще раз посмотреть на красные башенки Кремля, перед отъездом мне это было совершенно необходимо. Никогда еще я не уезжал так далеко от дома. И никогда еще так не тосковал, ни по маме, ни по Красной площади, ни по нашей комнатке с высоким потолком и белыми занавесками.

Мне хотелось забрать это все, унести с собой, уложить в чемодан и никогда не оставлять. Накатила некоторая тоска.

Однако я одернул себя, потому как мне необходимо приучить себя к долгим расставаниям, если я хочу отправиться в Космос. Там все расставания очень долгие.

Ночью резко похолодало, под простыней мне было зябко, и сама эта простыня показалась мне вдруг влажной, неприятной, но я не решился встать – хотел выгадать еще совсем немного времени для моей мамы.

Я очень терпеливый (это отмечено в моей характеристике), так что мне не составило бы никакого труда лежать не шевелясь весь день, если так будет нужно.

Еще я могу причинить себе сильную боль: в тесте с током я и вовсе лучший.

Вообще-то, думаю, я выносливее всех своих товарищей. Если бы враги, и вредители, и галактические империалисты подвергли меня пыткам, я бы ни за что не сдался. Пожалуй, на этот счет я в себе уверен. Я не отвлекаюсь, хотя может показаться именно так. Замерзнув, дрожа, глядя в молочное утро за окном, я думал именно об этом: я хорошо терплю боль. Затем я понял, что проснулся от холода. Так бывает, если долго не спишь, можно заснуть под утро, а потом резко упадет температура тела в самый холодный час. И от этого просыпаешься в некоем обидном недоумении – так сложно заснуть, так легко проснуться.

Человек наиболее уязвим ранним утром – таково мое мнение. А уязвимей всего, когда просыпается от холода летом, такое сразу появляется ощущение обманутости, запутанности,

неопределенности всего в мире.

И даже в первый день лета все равно обидно, когда холодно. Чтобы отвлечься от этой бессмысленной обиды на изменчивый мир, я стал перечислять про себя вещи, которые положил в чемодан. Одежда (не буду перечислять все, я и без того скучный), две зубные щетки: одна основная, одна запасная, зубной порошок и паста, ментоловый крем, детский крем, земляничное мыло, салфетки, расческа, ножницы, аптечка (снова обойдемся общим обозначением), письменные принадлежности, включая цветные карандаши, две книги: зачитанная до дыр и совсем еще новая, обе хотелось взять с собой, складной нож, фонарик, иголка и моток ниток, мой любимый плакат. Всего этого казалось достаточно, но меня не покидало ощущение, будто я что-то забыл.

Последней я положил в чемодан вот эту самую тетрадь, в которой пишу сейчас, красивую, красную и очень толстую тетрадь в клеточку. Я положил ее торжественно, так, словно чемодан был гробницей, в которую я опускал тетрадь, будто древнего царя, окруженного подданными и предметами роскоши, и после этого гробнице предстояло закрыться навсегда.

Впрочем, эта торжественность оказалась не к месту, не только по причине социальной отсталости подобного рода культов, а также и по менее возвышенным, более обыденным причинам. Например, чтобы достать эту тетрадь в поезде, мне пришлось открыть отсек под кроватью, вытащить чемодан, расстегнуть молнию, заставить чемодан снова распахнуть огромную пасть и создать тем самым на каждом этапе внушительные неудобства для всех. Стыдно до сих пор.

Утром я еще не знал, что мне придется все это проделать. Я думал начать писать по приезде в санаторий, думал, что основные впечатления возникнут у меня не раньше, чем когда я увижу море хотя бы из окна поезда.

Вернемся к раннему утру. Заснуть у меня так и не вышло, волнение переполняло меня, хотелось встать, пройтись, подвигаться не столько из-за холода, сколько из-за ощущения важности и значительности происходящего.

Когда я испытываю сильное волнение, у меня появляется ощущение, будто меня во мне слишком много, даже через край. С этим ощущением, куда более мучительным, чем холод, я и встретил звонок будильника – резкий, звонкий, бодрящий. Я тут же вскочил с кровати.

– Доброе утро, мама! – сказал я. – Я уезжаю в санаторий!

Мама сказала:

– Да, мой родной, как бы тобой гордился твой отец, если бы он только знал!

С этой мыслью мама и вставала утром, и ложилась спать. Я сказал:

– Чтобы не опоздать, мама, нужно все делать вовремя. Я пойду мыться, а еще я могу приготовить завтрак, а еще…

Я не договорил, потому что мне стало вдруг тоскливо. Я понял, что не увижу ее три месяца, только буду слышать ее голос, опуская монетки в телефонный автомат. Такие проявления деструктивной эмоциональности постыдны для взрослого мальчика, каковым я себя считаю (впрочем, «взрослый мальчик» – это словосочетание, уже заключающее в себе противоречие, иными словами – оксюморон).

Я пошел в ванную, соседи еще спали – день был воскресный. Я долго мылся и долго чистил зубы. После этого старая щетка полетела в мусорное ведро, ведь я взял с собой две новые. Я привык чистить зубы с ожесточением, так, чтобы пена была розовой. Стоматолог говорит, что мое усердие излишне, но иначе зубы кажутся мне недостаточно чистыми.

В ду́ше я все-таки постарался не задерживаться, как обычно, постоянно смотрел на часы (у меня они водонепроницаемые и противоударные, красивые часы «Победа» с красным циферблатом, в них я моюсь и сплю, мама сказала, что эти часы, новенькие, в коробке, оставил ей папа специально для меня).

Когда я, совершив все полагающиеся порядочному человеку гигиенические процедуры, включая чистку ушей, вышел из ванной, полностью готовый к особому новому дню, мама спросила:

– Арлен, ты хочешь кофе?

Предложение мне весьма польстило: кофе более взрослый напиток, чем чай, но я все равно попросил налить мне чай с лимоном. Еще мама сделала завтрак специально для меня, такой, какой я больше всего люблю: бутерброды с маслом и манная каша. Я очень люблю манную кашу, а еще бутерброды больше всего люблю с маслом. Но в этот особый, волнительный день есть было очень тяжело. Говорят: кусок в горло не лезет. Так иногда и бывает. Все казалось именно слишком жестким, таким, что может травмировать горло. Я заставил себя съесть один бутерброд, а дальше только пил чай с лимоном.

Мама спросила:

– В поезде вас ведь покормят?

– Да, – сказал я. – Разумеется, нас покормят. Нам выдадут сухой паек.

Мама показалась мне какой-то уж совсем бледной, я спросил, все ли в порядке.

– Конечно, в порядке, – сказала она. – Я желаю тебе хорошо

отдохнуть. С тобой все будет хорошо.

– Да, – сказал я. – Со мной все будет отлично. Когда я вернусь, я стану полезным для Вселенной. Я смогу делать великие дела. Я благодарен нашему мудрому руководству за возможность проявить себя с лучшей стороны и делом доказать мою верность.

Мама сказала:

– Это очень хорошо. Таким я тебя и воспитывала.

А над кроватью у меня висит (висел, я взял его с собой) плакат. Там мальчик, похожий на меня, и написано вот что: «Пионер, ты за все в ответе!»

Разумеется, этот плакат – репродукция тиражной графики давно ушедших времен. Но для меня он играет особую роль: я был и остаюсь в числе тех немногих детей, которые, как и дети ушедших земных времен, тоже зовутся пионерами. Слово «пионер» происходит от одного из земных языков, которых ныне уже нигде не услышишь, насколько я знаю, это означает что-то вроде «первопроходец». Наша группа – первая в своем роде, большой эксперимент, который должен окончиться грандиозным успехом. С самого начала проект назывался «пионерским». Разумеется, есть в этом названии и заигрывание с древней историей, весьма модное в наше время и в наших обстоятельствах. Для того, чтобы прошлое концентрированнее присутствовало в наличной реальности, люди то и дело воскрешают его символы. Вот и мы носим красные галстуки и белые рубашки с нашивками, разве что на значках у нас совсем другая звезда – символ нашего Солнца, тот самый, которым оно обозначалось когда-то на звездных картах.

Мне нравится ощущать себя связующим звеном между прошлым с его культурным наследием и грядущим светлым будущим. Я хочу быть похожим на мальчиков и девочек, которые ставили общественное выше личного, помогали тем, кто нуждается в помощи, учились трудиться и защищать свой дом. Это кажется мне почетным.

Мне нравится думать, что я являюсь одним из немногих людей (если конкретно: нас шестеро), которые приняли эту историческую эстафету. Преемственность позволяет нам ощущать большую (с ударением на «о») значимость нас самих и большую (с ударением на «у») значимость общества, союза людей, живых и мертвых, населяющих разные планеты в разные времена.

Мне нравится быть частью чего-то большого и большего.

Но я хочу вернуться к моему утру. Чай казался мне горьким, вязал язык. Мама смотрела на меня, словно пыталась запомнить. Я сказал:

– Я не изменюсь внешне.

Потом я сказал:

– У товарища Шиманова только с руками проблемы, и то появились недавно, но он носит перчатки, и всё.

– Я не думаю, что ты изменишься, – сказала мама. – Я просто буду очень скучать. Но я горжусь тобой. Очень сильно.

И она протянула руку, коснулась моего лба, будто хотела проверить температуру. Руки моей мамы всегда чуть-чуть, но пахнут рыбой. Многим отвратителен такой запах, а мне – нет.

Мама мной очень гордится, ведь кто попало не может отправиться в Космос! Этого никак нельзя допустить, чтобы в Космос отправлялся кто попало! Очень много времени и сил моя мама потратила на то, чтобы я вырос достойным человеком.

Но в то утро она вдруг загрустила.

– Я тебя люблю, – сказала она. – Когда ты родился, я испытала нечто удивительное, я не знала, что можно так сильно любить. Даже представить себе этого никак не могла. Я всегда так и знала, что ты особенный, для особенных вещей, дел, времени. Что тебя ждет что-то такое, что никого здесь больше не ждет.

Подобные речи показались мне в высшей степени несвойственными для моей мамы. Она – большая активистка, как я уже, кажется, упоминал. Прежде, чтобы мотивировать меня учиться усерднее, она использовала только аргументы, так или иначе связанные с ролью человека в обществе.

Я сказал:

– Мама, я вовсе не индивидуалист. Мое личное благополучие мало меня волнует.

– Я так тебя и учила, – сказала мне мама, и я вдруг подумал, что она подводит какой-то итог. Это означало, что я стану взрослым, и это означало, что мы впервые расстаемся надолго.

– Я вернусь осенью, – сказал я. – Тебе не стоит так волноваться. Я уже очень взрослый. Я соберу для тебя гербарий из красивых южных трав и куплю тебе варенье из роз.

– Я никогда не пробовала варенье из роз, – сказала мама и помешала ложкой чай, словно оно могло, по странной случайности, оказаться в чашке.

– Ты попробуешь, – сказал я. – Пожалуйста, давай обойдемся без сентиментальных сцен. Я очень сильно ценю твою заботу и буду по тебе скучать. Теперь не будем об этом.

Мама посмотрела на меня как-то странно, потом прикусила и без того бледную губу, вздохнула и спросила, уверен ли я, что ничего не забыл. Я продемонстрировал ей список с галочками, которыми отметил то, что уложил в чемодан.

– Я очень ответственно к этому подошел, – сказал я. –

Видишь, сколько пунктов, столько и галочек.

Мама сказала, что я живу правильно, и это внушило мне большое, красивое чувство, похожее на надежду. Странное дело, я почти не спал, но сонным себя не чувствовал. Наоборот, казалось, я весь наэлектризован, и мир стал ярким, контрастным, почти угрожающе цветным. Это научный факт: цвета кажутся нам ярче, когда мы напуганы. Можно сказать, опасность стимулирует зрение.

Я боялся не чего-то конкретного, а только перемен в целом. Перемены я не люблю. Весь день у меня расписан по часам, и я стараюсь не нарушать расписание, а если его приходится нарушить, я даже злюсь. Перемены могут быть, впрочем, и хорошими, например, смена отсталого социального строя на прогрессивный. Или грамотно проведенные реформы. Или когда дни становятся длиннее. Но все равно, я люблю порядок и постоянство почти во всем.

После завтрака мы с мамой вышли из дома, я все старался запомнить: наш длинный, всегда освещенный коридор, ряды галошниц, чужие двери, обтянутые синим, красным или зеленым кожзамом, запахи: сырости, чая, сигарет.

На улице стало совсем туманно, а туман, если честно, не самая приятная в мире вещь. От него бывает даже холоднее, чем от дождя. Мама тут же сунула руки в карманы. Она так быстро и легко мерзнет, всегда одевается теплее, чем большинство людей вокруг. Вот и сегодня утром она накинула осеннее пальто с красивой латунной брошью в виде птицы, расправившей крылья. Мягкая, тусклая, нежная латунь смотрелась на синеве ткани почти как звезда в ночном небе. Других украшений мама не носит, у нее нет даже сережек. Мама считает, что украшать себя безнравственно, это проявление индивидуализма и люди должны больше думать о вещах значимых и полезных.

Но брошь для нее сделал мой дедушка (сам он столяр, но у него очень хорошие руки и для работы по металлу), и для этой броши, единственной, мама всегда делала исключение.

Я помню день, когда стоял такой же туман. Я тогда был маленьким, и мы с мамой шли в булочную. Я начинал болеть, чувствовал, как поднимается температура, у меня текло из носа, и я то и дело чихал. А когда чихаешь, это всем известно, невольно закрываешь глаза. И я боялся, что моргну, выпущу мамину теплую руку, а мамы раз, и уже нет. И в таком густом тумане я никогда ее не найду.

Но теперь, конечно, я стал уже взрослым, на занятиях по ориентированию я показывал отличные результаты, и мог сам добраться куда угодно, а если нужно, то и маму спасти. Туман

больше не вселял в меня никакого страха, разве что мне не хотелось простыть – ведь уже завтра я искупаюсь в море.

В метро мы с мамой встали в конце вагона. Мы никогда не садимся, если можем стоять, – такое у нас правило. Ведь люди рядом могут быть усталыми или больными. Я никогда еще не был таким усталым, чтобы ощутить необходимость сесть в метро. А если не необходимо, значит, можно и постоять. Сядет тот, кому это нужнее.

Иными словами: защищать слабого – привилегия сильного.

– Там нет метро, – сказал я. – И весь-весь город можно обойти за час. Представляешь?

– Представляю, – сказала моя мама. – Ты, наверное, будешь знать там каждый закоулок.

– Да, первым делом я изучу местность.

Вдруг она развернула меня к себе, посмотрела мне в лицо и сказала:

– Ты теперь совсем взрослый.

Я сказал:

– Да, спасибо.

Нас покачивало, и я думал, так ли это в поезде, так ли это, как здесь, в метро? Кнуты проводов проносились мимо, люди читали газеты, зевали, спали. А мама говорила мне вот что:

– Я растила тебя не для себя. Я растила тебя для людей.

Нечто похожее говорила о своем сыне героиня ее любимой пьесы, я сразу вспомнил.

Мама не красится, и я не знаю, почему в ту минуту ее ресницы показались мне темнее. Может, они были влажными. Свет в вагоне, этот простой, золотой, привычный свет, вдруг лег на нее по-особенному, и я увидел ее совсем другой, будто бы незнакомой.

Мне стало стыдно, ведь я уже взрослый мальчик и подобные сентиментальные сцены должны, если уж без них не обойтись, иметь место за закрытыми дверями.

– Мама, – сказал я. – Надо быть сдержаннее. Мы расстаемся не навсегда, а на одно только лето.

Но она сказала:

– Я никогда не просила ничего для себя, мне это было противно, я бы себя за такое презирала. Я хотела, чтобы ты принадлежал миру, а не мне.

Я, конечно, стал оглядываться. Но никто нас не слышал и не слушал. Такая личная, странная, возвышенная сцена – в утреннем вагоне метро, где все устали и хотят спать. Я стоял, не зная, что сказать. Я был с ней, по существу, согласен. Желание приблизить к себе человека эгоистично по самой своей сути. Человек –

достояние человечества. Моя мать совсем не эгоистка, и это радует.

Да вот только ресницы у нее действительно были влажные. Она вытерла левый глаз указательным пальцем, поддела ресницы, словно хотела их так расцепить, а может, просто ей стало щекотно. Постояла так, а потом с силой притянула меня к себе.

Меня, двенадцатилетнего.

– Арлен!

Я бы никогда ее не оттолкнул, но, скажу честно, я об этом подумал. Я испытал раздражение. Сентиментальность чужда менталитету ответственного гражданина, потому как сентиментальность исходит из индивидуализма. Я сам очень сентиментален, честно говоря, слабодушен, но я стараюсь с этим бороться.

Я сказал:

– Мама, я попрошу тебя быть сдержаннее в проявлении своих чувств.

Мне казалось, что все на нас смотрят, но никто на нас не смотрел. Утром люди пребывают внутри себя почти так же глубоко, как и когда они спят. Я отвел взгляд в сторону, на стекло легли наши отражения: мамины светлые, бледно-золотистые, мягкие пряди смешались с моими так легко и просто, до полной неразличимости, наши с ней волосы были абсолютно одинакового цвета. Это зрелище вызывало у меня странное ощущение: неужели я – все еще ее часть?

У меня всегда будут волосы того же цвета, что и у моей мамы. Я, наверное, умру раньше, чем она поседеет.

Я сказал:

– Все будет хорошо. Верь в меня, и эта вера согреет меня во времена непростых испытаний. Скажи мне, ты будешь заходить к Галечке сегодня?

– Завтра, – сказала мама растерянно.

Галечка – моя двоюродная сестра, дочь маминого брата. Я очень люблю дядю Сережу. Он работает в газете, пишет статьи на военно-патриотическую тематику. Раньше он ходил по кладбищам и писал некрологи, там он встретился с молодой вдовой одного хорошего человека, теперь она – моя тетя Ира. Они полгода дружили, полгода страдали, еще через полгода поженились, а еще через полгода родилась Галечка.

Сначала я думал, что появление очередного члена семьи меня не заинтересует, тем более Галечка младше меня на семь лет, вряд ли у нас найдутся общие увлечения. А потом дядя Сережа пригласил нас на новоселье и я увидел Галечку, она лежала в колыбели, и над ней плыли самодельные звездочки на

веревочках (их сделал тоже дедушка), эти звездочки позвякивали, ударяясь друг о друга.

Благодаря моей хорошей репутации (я очень ответственный и аккуратный), мне удалось получить разрешение подержать Галечку на руках. Это была совсем-совсем маленькая девочка с ясными синими глазами, она ничего не пугалась, она улыбалась, проявляла здоровую активность, волю к познанию мира и вообще, на мой взгляд, могла бы стать образцом для младенцев всего мира.

Я сразу решил, что всегда буду ей надежным другом и добрым товарищем, стану тем старшим братом, который поможет ей в начале ее долгой и счастливой жизни. С тех пор мои добрые чувства к ней только усиливались. Два раза в неделю я брал Галечку погулять, читал ей книги, играл с ней в игры, учил ее разным социально значимым словам, поддерживал ее, когда она пробовала ходить, бегать, петь, читать, писать.

Я пообещал ей привезти с моря много ракушек, и когда я объяснил Галечке, что такое ракушки, она пришла в восторг.

Галечка растет, и за этим так интересно наблюдать! Теперь глаза у нее не синие, как при нашей первой встрече, а карие, она уже умеет делать кучу вещей, а хочет уметь еще больше.

Конечно, я по ней скучаю!

У меня только один страх (немного эгоистичный): не хочу, чтобы она меня забыла. У детей ее возраста происходит столько всего, вдруг я приеду, а она меня и помнить не будет.

Об этом я думаю сейчас, и в метро я подумал об этом.

– Галечка же меня не забудет? – спросил я.

– Что ты! Когда будешь писать мне письма, пиши и для нее: я ей почитаю.

– Она может и сама, ей надо практиковаться, – сказал я. – И привезу что-нибудь на память. Такое…

Я дотронулся пальцем до маминой броши.

– Чтобы она могла это хранить.

Отчего-то маму очень расстроили мои слова. Дальше мы ехали молча.

Туман не рассеялся, когда мы вышли из метро. Белое, важное здание вокзала будто плыло в мягком, молочном облаке и оттого казалось немного сказочным, как замок на горе. Высокий шпиль поддерживал грузное, низкое небо, и от этого тоже становилось тревожно. Как воздушный шарик, балансирующий на игле. Но если такое небо лопнет, нас всех зальет водой.

Вокзалы мне нравятся, там всегда людно, а людные места я люблю. На вокзалах теряется ощущение дня и ночи, время там всегда особое, свое, вокзальное.

Мы с мамой достали мой билет, сверились с ним, нырнули в толпу, чтобы найти нужный нам путь.

На вокзале много встреч и расставаний, радости и грусти. Часто на вокзале можно увидеть людей из КБП, однажды, когда мы провожали дедушку в командировку, я видел, как люди из КБП забирали вредителя. Он пытался уехать из города без справки о здоровье, ясное дело – зачем. Хотя такие выходки – относительная редкость, все-таки они опасны!

Температурные сканеры на вокзале работают непрерывно, однако в большом потоке людей бдительность всех граждан остается необходимостью.

Вот и я, конечно, тут же удвоил свою бдительность. Очень сложно выделить кого-то из толпы, заметить его странность, нервозность, но я старался.

Классические признаки ксеноэнцефалита известны мне с самого детства.

1. Температура выше 42 градусов, однако человек сохраняет продуктивность, несмотря на такую страшную лихорадку.

2. Неврологические нарушения разнообразного характера.

3. Ощущение «шевеления в голове», на которые больной часто жалуется.

4. Нарастание агрессивности.

Я думал: если буду достаточно бдительным, могу спасти множество жизней.

Впрочем, мы с мамой быстро нашли нужный нам путь, и я об этом немного пожалел. Я бы лучше еще поискал тех, у кого зашевелился червь в голове. Хотя, внутри всего, что плохо, есть хоть капелька того, что хорошо.

Разумеется, Боря – это очень плохо, но Володя – это терпимо, а их папа, товарищ Шиманов, – это даже очень хорошо.

Мне сложно назвать Борю своим товарищем, честно говоря, я не знаю человека, который мне нравится меньше, но их с Володей отец достоин всяческого восхищения.

Во-первых, он летает в Космос. Во-вторых, он победил ксеноэнцефалит. Нет, не так. Во-первых, он настоящий герой и много раз спасал своих товарищей на войне, которая ведется так далеко отсюда и такими методами, о которых мы даже не подозреваем. Жаль, товарищ Шиманов почти ничего не может нам рассказать из-за подписки о неразглашении.

Пожалуй, я даже его опишу. Товарищ Шиманов – сухощавый, невысокий человек с красивыми глазами, высоким лбом и белыми острыми зубами. От него всегда пахнет «Шипром», и в последние годы он всегда ходит в перчатках. Паразит страшно изуродовал его руки. Однажды, на десятом дне рождения Володи, товарищ

Шиманов снял перчатки и бросил их на стол.

Я опишу увиденное, хотя это слегка неприятно: на руках у него нет кожи, совсем, только красная плоть, и видно кости, и в этой красной плоти что-то непрестанно шевелится, будто змея ползает под простыней.

– Во! Во как, гляньте! – сказал он тогда. – Девчонки и мальчишки, нравятся вам такие медальки?

Я все смотрел на его руки. Казалось, ему совсем не больно, но плоть была влажной, живой, незажившей.

Товарищ Шиманов любит истории о том, как он остается единственным из своего взвода, как все умирают, а он – нет. Я понимаю, почему так все время случается, а вот он, по-видимому, этого понимать не хочет.

– Война, – говорит он, – делает из мальчиков мужиков. Война вращает мир, а не какая-нибудь там любовь!

Еще товарищ Шиманов часто рассказывает, как (иногда кто-нибудь в его историях выживает) спасал жизни своим товарищам. Будет уместно процитировать его, опуская, по возможности, все нецензурные слова:

– И тут я ей говорю: предлагаю тебе руку и сердце. Руку она не взяла – на хрена ей моя рука, такой мадаме. Но сердце, сердце она взяла. Мне пришлось вскрыть себе грудную клетку консервным ножом. Вы бы знали ка-ак это сложно.

Приведу еще одну цитату товарища Шиманова:

– Как только им был нужен какой-нибудь орган, они запускали в меня нож. Потом уже никто ничего не спрашивал. А я говорю: я что, проститутка, что ли?

Употребленное мной слово «проститутка» является заменой своему куда более жесткому эквиваленту.

И всегда товарищ Шиманов после этих слов начинает смеяться, он вообще часто смеется.

В последнее время товарищ Шиманов немного сдал, у него все сильнее проявляются последствия использования паразита, и ходить ему теперь приходится с тростью. Володя говорил, что это вовсе не те самые признаки, а просто его папа – алкоголик. Это тоже правда, товарищ Шиманов употребляет одеколон «Шипр» не только по прямому назначению, но и в качестве, как он выражается, духовного анестетика.

У товарища Шиманова много недостатков: он агрессивный, язвительный, часто и не по делу смеется, вероятно, он домашний тиран. Я не поощряю его поведение, однако ему не откажешь в своеобразном лихорадочном обаянии, и он весь увешан медалями, красноречиво говорящими о том, на что он готов ради своей Родины.

Кроме того, он – единственный человек из тех, кого я знаю лично, которому червь в голове не помешал отправиться в Космос.

Иногда, когда на родительском собрании мне удается постоять рядом с ним, я представляю, что он – мой папа. Это очень стыдно, даже мысленно пытаться присвоить себе чужое: чужого папу, чужую историю. Но я с этим борюсь.

– Александр Васильевич! – сказал я. – Доброе утро! Очень здорово вас увидеть!

Слова тут же, едва только они покинули меня, показались мне фальшивыми. Боря и Володя засмеялись.

– Ваши подвиги, военные и трудовые, отношение к товарищам, а также стойкость в непростых жизненных ситуациях вдохновляют меня на поступки, – провозгласил я.

Товарищ Шиманов наклонился ко мне и сказал:

– Я все время думаю, как так в детстве за тобой мамаша не доглядела, что ты радио проглотил?

Он положил руку мне на голову, на ощупь его рука чувствовалась куда мягче, чем должна, потому что она была лишена кожи, кожу ему заменяли черные перчатки, но под ними – сразу плоть, мясо.

– Еще что-нибудь скажи, давай!

– Я готов доложить вам обстановку. Подозрительных элементов за время исследования вокзала мною обнаружено не было.

– Ну вот и славно, – сказал товарищ Шиманов. Из-под его перчатки подтекала желтоватая жидкость, одна капля приземлилась прямо рядом с моим ботинком. Но мне не стало противно, ведь я разговаривал с героем.

Товарищ Шиманов закурил одну из своих по обыкновению невероятно вонючих папирос (они отбивали железный, кровяной, мясной запах, исходивший от него, как и щедро набрызнутый «Шипр»).

– Катерина, – сказал он моей маме. – Небось все глаза выплакала, а?

– Нет, – сказала мама. – А где Лена?

– У нее голова болит, – ответил товарищ Шиманов. – Я так и сказал ей: ну и хрен с ними, не езжай.

– Я хотела с ней поговорить, – чуть подумав, добавила мама. – О мальчиках.

– Ну, о мальчиках и со мной можно пошептаться, – сказал товарищ Шиманов, показав острые зубы.

Мама взяла его за рукав, оттянула в сторону, и я увидел, что ноги у товарища Шиманова заплетаются, впрочем, не упасть он

умудрялся с невероятным изяществом.

– Твой Борис донимает моего Арлена, – сказала мама тихо, но недостаточно тихо, чтобы я не услышал. Во всяком случае, достаточно тихо, чтобы не услышали Володя с Борей.

Товарищ Шиманов засмеялся, а потом громко, как пьяный (или он и был пьяным), развязно приобняв мою маму за плечи, сказал:

– А ты объясни-ка своей дочке, что стучать – это плохо, а то тяжело ей в жизни придется. Пока твоя лапочка-дочка этого не поймет, ее будут учить.

Надо ли описывать здесь степень моего унижения? Боря заливисто захохотал, запрокинув голову, Володя сказал:

– Батя есть батя. – И развел руками.

Я почувствовал, как сильно у меня горят щеки. Теперь казалось, что так будет всегда. Мама сказала:

– Вот почему я с Леной хотела поговорить. Ты-то на людей кидаешься.

Я не подходил к Боре и Володе, но Володе помахал, чтобы показать, что мы товарищи, несмотря на всю эту ситуацию.

Пришло время рассказать о Володе и Боре. Так как они будут появляться в записях довольно часто, следует их тоже описать. Возможно, когда я захочу перечитать эти записи в будущем, из-за червя моя память пострадает, и я не смогу вспомнить чего-то важного. Требуется быть очень обстоятельным, но не слишком обстоятельным.

Володя и Боря:

Общее:

1. Они оба зализывают волосы так же (пишется раздельно, в значении «тем же образом»), как их отец.

2. Отец отдал их в программу, потому что посчитал, что война – лучшее занятие для мужчины.

3. Они любят висеть на турнике вниз головой, несмотря на то, что Фира говорит, будто от этого глупеют.

4. Они активные, любопытные дети, для своего возраста уже слишком непоседливые.

5. У них один пес на двоих, его зовут Марс, и он – немецкая овчарка.

6. Они очень похожи внешне: у них одинаково вздернутые, аккуратные носы, по-детски очаровательные щечки и острые подбородки. Моя мама называет их мультяшными мальчишками.

Общего достаточно. Теперь перейдем к различиям:

1. Володя на шестнадцать месяцев старше Бори.

2. Володя – делает вид, что он умный, Боря – делает вид, что он не очень умный. Необходимо справедливо оценивать своих

товарищей, отставив в сторону личную неприязнь. Повышенная агрессивность свойственна, на мой взгляд, интеллектуально неразвитым людям. Однако у Бори на удивление хорошо подвешен язык, также он умеет ввернуть в разговоре что-то такое, отчего все удивятся: и откуда Боря это знает? Похвальное качество, используемое не во благо. Володя, с другой стороны, учится хорошо, однако спорт его интересует куда больше, чем добыча знаний.

3. У Володи, как и у их отца, каштановые с рыжинкой волосы и карие глаза. У Бори глаза серые, а волосы светло-русые, как у их матери.

4. Володя изредка обижает моего лучшего друга Андрюшу, но ко мне почему-то нейтрален. Боря наверняка хочет, чтобы я умер.

5. Боря курит и ругается матом. Володя, в общем и целом, сохраняет моральный облик настоящего пионера.

6. У Володи правильный, общественно ориентированный, дружелюбный характер. Боря – индивидуалист, шкурник, демонстрирует агрессивность, впрочем, вполне объяснимую наличием паразита в его голове. Я хотел бы добавить нелестных характеристик, но существует вполне реальный шанс, что эта тетрадь очутится у Бори. А мне кажется подлостью описывать плохие качества человека на бумаге, такие вещи надо говорить человеку в лицо, тем более, что я это могу.

Кажется, что братья должны быть похожи. Но часто случается совсем наоборот: двое братьев являют собой полные противоположности. Отчего так происходит, это большой вопрос. Я думаю, что дети как бы компенсируют качества друг друга, ведь любая семья – это маленькое общество, а общество строится на разделении социальных ролей. Кому-то полагается быть покладистым, а кому-то лидером, и так далее и тому подобное.

Это не вполне объясняет феномен Бори – ведь никому не полагается быть, как Боря.

Однако я не хочу писать о том, что Боря – мой враг. У меня есть враги, они очень далеко, но я считаю важной причиной для вражды только идеологическую, все остальное – от индивидуализма, который я порицаю. Поэтому я не могу назвать Борю своим врагом. В то же время мне сложно считать его товарищем. Его позицию я классифицирую, как неопределенную.

Так вот, вернемся к тому, как ужасно было стоять там, на вокзале, в паре метров от Бори и Володи, и осознавать, что их отец, которым я так восхищаюсь, ругается с моей мамой.

– Чего, крошка политрук, – сказал мне Боря. – Маме пожаловался?

И хотя я, да, пожаловался, мне стало вдруг почему-то очень

стыдно, я почувствовал себя вовсе не взрослым и очень расстроенным. Чтобы отвлечься, я стал разглядывать поезд. Мне нравятся большие, мощные машины, они рассказывают историю о человеческом труде. Они помогают нам понять, сколько мы можем достичь вместе, приложив усилия.

А еще они очень красивые. Как огромные древние животные.

Я подумал, что если я погружусь в созерцание плодов нашей местной промышленности, то Боря отстанет. Но мне никогда не узнать, насколько верной являлась моя стратегия, потому что к нам подошли девочки, Валя и Фира. Валя была одна, а Фира – со своим больным, вечно кашляющим папой.

Фирин папа – добрый человек. Во всяком случае, так мне показалось в тот момент, потому что и свою дочь Фиру, и чужую дочь Валю он вел одинаково заботливо, так, словно они были сестры.

Факты о Вале:

1. Она не сестра Фиры.

2. Ее мама умерла из-за алкоголя, продемонстрировав чудовищный пример маргинального материнства, и Валю взяли на воспитание мамин брат и его красивая жена.

3. Мне кажется, они не очень любят Валю.

4. Она дерется лучше всех.

5. Ей очень нравится кататься на коньках, и она делает это очень хорошо.

6. Волосы у нее еще светлее, чем у меня, почти совсем не имеют цвета, и глаза – совсем как вода, какой ее рисуют на картинках.

Теперь, когда я стал писать по шесть фактов о каждом, мне уже очень трудно писать больше или меньше, поэтому фактов о Фире тоже будет шесть.

1. У Фиры две неаккуратные толстые черные косы с аккуратными белыми бантами.

2. Она любит стихи и разные мистические истории.

3. Ее папа очень сильно болен, такого у нас не лечат, но людям с червями в головах нельзя покидать свою планету просто так, потому что этого требует их дочь. Если у Фиры все получится этим летом, она отдаст отцу свои легкие.

4. У нее ласковый голос.

5. Ее глаза очень темные, а ресницы очень длинные, зато кожа совсем светлая. Поэтому Фира выглядит, как девочка с черно-белой иллюстрации, и вызывает ассоциации с книгами.

6. Она добрая и умная, но очень плохо бегает.

– Привет! – сказал я. Фира лениво, медленно махнула мне рукой, Валя сказала:

– Здорова, крошка политрук.

Однажды Валя мне сказала, что я – мальчик, как с картинки. Я не сразу сообразил, что она имеет в виду, а потом, открыв учебник по обществознанию, увидел мальчика, действительно на меня похожего, строгого, аккуратного и светловолосого. Тогда я понял, что Валя сделала мне комплимент. Вооружившись этим знанием, я хотел предложить ей создать крепкую социалистическую семью, но прежде, чем я это сделал, она специально разбила мне нос мячом.

Должно быть, из-за того, что я не сообразил все сразу, Валя на меня обиделась. Некоторое время мы и вовсе не разговаривали, но сейчас Валя немного оттаяла. Эта история общеизвестна, а о своих чувствах, в связи с опасностью их обнаружения, я здесь писать не буду, напишу в осенней тетради, которая будет храниться дома.

Да и недостойное это дело – чувствовать чувства. Я признаю несколько чувств: любовь к Родине, веру в прогресс и надежду на светлое будущее. Все остальные чувства я чувствовать не хочу.

Валя и Фира держались на равном удалении и от меня, и от Бори с Володей. Они о чем-то перешептывались, и я испытал недостойное любопытство. Мне казалось, они обсуждают Володю, но я не мог быть уверен.

Фирин папа, товарищ Кац, тоже выглядел очень сонным, его тяжелые веки периодически смыкались дольше, чем на одну секунду, необходимую для того, чтобы моргнуть. Сначала я подумал, что сегодня он совершенно вялый, а потом осознал, что ему грустно.

– О, Фельдман!

– Кац, – сказал товарищ Кац.

– Точно-точно, – сказал товарищ Шиманов. – Как дышится?

Товарищ Шиманов захрипел, весьма натурально, потом резко, по-собачьи, рассмеялся. Настроение у него было приподнятое. Он дернул к себе за шкирки Володю и Борю.

– Вернетесь оттуда мужиками.

– Ну да, – сказал Володя. – Ясное дело, бать.

Боря засмеялся, за что тут же получил подзатыльник.

– И ничего смешного, – сказал господин Шиманов, прибавив крепкое словцо.

– Ой! – услышал я. – Ой, Андрюшенька, мы не опоздали!

Я развернулся, чтобы радостно поприветствовать моего самого главного товарища.

Но сначала шесть фактов об Андрюше.

1. Он самый высокий из нас, хотя и не самый старший. Володя старше нас всех на год, однако Андрюша выше него.

2. У Андрюши большие, круглые глаза и все время растерянное выражение лица, он говорит очень тихо и не очень внятно.

3. Андрюша ненавидит всю еду, кроме зеленых яблок. Остальную еду он ест через силу, а когда нам дали баранину на обед, его едва не стошнило.

4. Когда Андрюша проливает воду, он боится вытирать пятна, из них, говорит он, может вылезти черная рука.

5. Он лучше всех рассказывает страшные истории, потому что голос у него монотонный, а фантазия – очень изощренная.

6. Андрюша – отличник, я горжусь им, еще мы – лучшие друзья на всю жизнь.

На самом деле об Андрюше я мог бы сказать куда больше фактов, и мне даже немного жаль, что я выбрал цифру шесть, но в любой ситуации придерживаться выбранной линии – одно из достоинств человека упорного и идейного, а я стараюсь таковым быть.

Андрюшина мама, тетя Геля, уже ниже, чем ее двенадцатилетний сын. Она очень быстро и невнятно говорит, все время суетится, просит не говорить о плохом, и у нее всегда какие-нибудь дела. Андрюшин папа получил травму на производстве, и теперь он не ходит, так что все проблемы приходится решать тете Геле, поэтому у нее никогда нет времени.

– Привет! – сказал я Андрюше.

– Привет, – ответил мне Андрюша своим обычным печальным тоном. Он – очень астеничный человек. Такое определение я прочитал в книжке, и, по всей видимости, Андрюше оно подходит.

Мы пожали друг другу руки, и мне сразу стало легче. Теперь мы были вдвоем, и мне не приходилось стесняться девочек и опасаться хулиганов.

Андрюша спросил:

– Ты не боишься плавать?

– Нет, – сказал я.

– Представляешь, сколько в воде трупов и нечистот?

Я дал себе труд представить, и мне стало неприятно.

Тетя Геля обняла мою маму, сказала:

– Думала, с ума сойду, пока его соберу. Ну, прощаемся?

Мама кивнула, а тетя Геля вдруг раз – и в слезы.

Я сказал Андрюше:

– Крепись.

– Все в порядке, – сказал Андрюша. – Маме это все очень тяжело. Она будет по мне скучать.

Люди ходили вокруг нас вперед и назад, волочили за собой

чемоданы, смеялись, а тетя Геля стояла и плакала, прижав руки к лицу, ее плечи под широким черным плащом, который был ей велик, как-то совсем беззащитно и по-детски дрожали.

Я не знал, что делать. Я не люблю, когда люди плачут, мне хочется им помочь, но я иногда не понимаю, что нужно сказать в такой ситуации. Моя мама положила руку на плечо тете Геле. Тетя Геля, словно игрушка-волчок, отреагировав на прикосновение, вдруг остановилась, перестала дрожать, сказала:

– Мы вообще-то дома не держим ничего черного. Плохая примета. Но у меня прохудился плащ, и мне не в чем было идти, а такой дождь.

Я забыл упомянуть о дожде, потому что он начался, когда я был от него надежно укрыт. Дождь, барабанивший по стеклянной крыше вокзала, казалось, усиливался и усиливался, становился все упрямее, все настырнее, как гость, которого не хотят впускать в дом, а он все не уходит.

Товарищ Шиманов сказал, предварив и закончив фразу двумя одинаково ужасными словами:

– Геля, это ж просто плащ.

Я сказал:

– Может быть, вам принести воды?

– Вот, Геля, давай, погоняй мальчика-робота, развлекись немного!

Тетя Геля покачала головой, убрала с лица налипшие волосы. Слезы ее, как и дождь, все не переставали, только усиливались. Я в который раз подумал, что мне хочется такого папу, как товарищ Шиманов.

– Сделают из твоего сына настоящего мужика, – сказал товарищ Шиманов. – И все будет хорошо, даже прям замечательно. Нам здесь, на планете, нужны герои!

Андрюша стоял рядом со мной неподвижно, я осторожно подтолкнул его в спину, но Андрюша не шелохнулся. Казалось, эта некрасивая сцена ничуть его не смутила, не расстроила. Андрюша – очень спокойный мальчик, и в этом я ему немного завидую. Я бы хотел быть спокойнее.

Мне стало очень жаль тетю Гелю с ее слезами, и с чужим соседским плащом, который ей велик, и который не к добру оказался черным. Товарищ Кац предложил ей конфету, и это навело меня на мысль о том, что все взрослые когда-то были детьми.

А потом я увидел, как к нам бежит Максим Сергеевич. Он всегда опаздывал и под мышкой всегда держал толстую папку с документами. Иногда, когда он опаздывал слишком сильно и бежал слишком быстро, папка выпадала, и документы устилали

полы, асфальты и поляны, ведь Максим Сергеевич опаздывал всюду.

На этот раз папку спасти удалось, и он резко затормозил, едва не врезавшись в нас. Оглядев представшую его глазам сцену, Максим Сергеевич, кажется, остался недовольным.

– Ангелина Павловна, давайте без сцен, – сказал он.

Шесть фактов о Максиме Сергеевиче будут таковы:

1. У него нет червя в голове, поэтому его нервная система вполне обычная и здоровая. Он не склонен к насилию и не будет делать плохих вещей просто так. Ему не нужно бояться, что он заболеет ксеноэнцефалитом.

2. Он прилетел из Космоса.

3. Ему нравится история, а мы – и есть история. Здесь он хочет стать детским писателем.

4. Но стал нашим куратором. Он принимает указания от руководства. Для нас он – главный человек.

5. На самом деле он не любит детей. Он как-то сказал, что хочет стать детским писателем, потому что ему нравятся детские книги, а не потому что ему нравятся дети.

6. У Максима Сергеевича пушистая светлая борода и смешные круглые очки, которые всегда блестят.

Максим Сергеевич – рассеянный, но строгий человек. Когда мне кажется, что мы ему не нравимся, это меня расстраивает. В конце концов, он наш куратор. Я нравлюсь почти всем учителям, хочу нравиться и куратору.

Максим Сергеевич сказал:

– Вижу, все в сборе. Ну, долгие проводы – лишние слезы. Слышите, Ангелина Павловна?

Тетя Геля утерла красный нос, и я вспомнил, как мы с Андрюшей сидели у него дома под кухонным столом, и Андрюша светил фонариком на нарисованных им странных животных и рассказывал истории о том, как мы поехали в лес на экскурсию и встретили их. Тетя Геля тогда ходила туда-сюда, она варила куриный суп, и я видел, как болтаются помпоны на ее тапочках.

Воспоминание ничего не означало, по крайней мере при первом осмыслении.

Мама вдруг потянула меня к себе и обняла.

– Хорошо тебе отдохнуть, – сказала она и прижалась губами к моей щеке.

Мне захотелось сказать: почему тебе так грустно теперь, если ты сама этого хотела? Ты ведь хотела, чтобы я стал героем, и вот я почти герой.

Мои мысли показались мне недостаточно внятными для полноценного высказывания, и я сказал только:

– Мама, спасибо тебе за пожелание. Я буду активно писать тебе письма.

Тут я понял, что дождь затих, небо прояснилось и казалось, что стеклянный купол над нами светится. Это было так красиво.

Я посмотрел на поезд, огромный, красивый, блестящий. Поезд издал гудок, от которого все внутри перевернулось. Я еду на море! Я терпеливо ждал, пока мама меня отпустит. А потом оказалось, что она сделала это быстрее, чем я хотел.

– Будь сильным и храбрым, Арлен, – сказала мама. – И очень честным. Я в тебе уверена. Я буду очень тобой гордиться.

Я сказал:

– Благодарю тебя за напутствие, мама.

Я очень боялся, что она расплачется. И почему-то очень боялся, что она не расплачется. Мама не расплакалась.

Максим Сергеевич впустил меня в вагон первого, и это отчего-то заставило меня гордиться собой.

В поезде я никогда еще не бывал, но видел картинки и фотографии. И все-таки поезд оказался удивителен: светлые окна, низко висящие белые занавески, лихо отъезжающие двери купейных отсеков, скользкий, странный материал, раскрашенный под дерево, свет над головой, рыжее и уютнее, чем в метро.

Как огоньки на елке – об этом я подумал тогда сразу, хотя стоял первый день лета, и до зимы было еще так далеко.

В вагоне оказалось душно, люди разбирали свои вещи, люди открывали и закрывали двери, люди обмахивались газетами, хотя жарко и не было, но ведь не хватало воздуха.

Пахло хлоркой и чем-то еще, очень человеческим, как в метро, но не противным, а едва различимым.

Я распахнул дверь своего купе, чуть не прищемив пальцы.

Как же светло, подумал я, и красиво. Занавески были отдернуты, и волшебный белый свет лился прямо на меня. Только через пару секунд я различил линии электропроводов, далекие дома и костистый каркас вокзала.

Я уезжал из Москвы.

Впервые так далеко.

Сердце зашлось радостно и тревожно. Бился на ветру красный флаг, небо из белого постепенно становилось синим, и первый луч солнца упал на столешницу, оставив золотую кляксу.

В этот торжественный и прекрасный момент я получил довольно ощутимый пинок и чуть не повалился на столешницу.

Здесь я принимаю важное решение. Я все-таки буду писать плохие слова, которые употребляет Боря, без купюр, однако возьму их в кавычки, чтобы, если тетрадь обнаружится, вместе с ней обнаружилась бы и ужасная приверженность Бори к

сквернословию.

Как ни неприятно мне писать такого рода слова, придется все-таки приводить сказанное им дословно. Надеюсь, что кавычки в какой-то степени меня извинят.

– Какого «хуя» ты тут стоишь, политрук, двигай давай.

Я собирался сесть, но Боря схватил меня за шкирку и сказал:

– Не-не-не, ты куда, сначала смотри, чего у меня есть.

Из рюкзака он достал странную, серебристую штуку.

– Что это? – спросил я. – Похоже на кусок трубы с рычагом.

Вещь эта была блестящей и пахла кисло, как мокрая монетка. Боря покрутил ею перед моими глазами. Я увидел темное дуло, как у пистолета, хотя форма вещи о нем совершенно не напоминала.

– Это пистолет для забоя скота, – сказал Боря, вскинув голову. Его вздернутый нос шелушился – так всегда бывало летом.

Тут следует отметить, что бабушка и дедушка Бори и Володи работают на скотобойне.

– Твоя бабушка ворует социалистическое имущество? – спросил я.

Боря сказал:

– Нет, ей подарили.

Я сказал:

– Значит, ты украл.

– Нет, дурочка тупенькая, она подарила мне.

Он приставил пистолет к моей голове, сказал:

– Стержень пробьет твою башку.

– Очень экономно, – сказал я. – Следует использовать такие вещи для казни врагов народа, чтобы не тратить боевые патроны.

Боря засмеялся, потом сказал мне, что спустит курок.

Я несколько растерялся, но не испугался.

– Не спустишь, – сказал я. – Ни в коем случае.

– Почему это?

– Потому что это запрещено правилами поведения в поезде, – сказал я.

– Ты и правила прочитал?

– Да, я заранее их прочитал.

И Боря засмеялся, показав красивые, белые, острые зубы. С большой ловкостью он, не выпуская пистолета для забоя скота из рук, влез, почти взлетел, на левую верхнюю полку.

– Но здесь мое место, – сказал я.

– Нет, – сказал мне Боря. – Вдруг тебе приснится какой-нибудь плохой сон о том, как сюда прилетают злые капиталисты-империалисты и устанавливают рекламный щит про газировку,

ты заворочаешься и упадешь, разобьешь себе голову, ну и все в таком духе.

Я сказал:

– Но я мечтал спать на верхней полке.

– Да, разумеется, ты мечтал. Но, блин, мечты такая штука обидная – они не сбываются. Воло-о-одь, а я на верхней!

Володя заглянул в купе, осмотрелся, заулыбался.

– А я тоже, – сказал он. – Дрочер недееспособен, но не недоговороспособен.

Следом за Володей зашел Андрюша. Мы переглянулись. Этого стоило ожидать.

К нам заглянул Максим Сергеевич:

– Устроились? – спросил он, на очках его мерцали блики, он моргнул, поправил дужки. – Солнце, солнце.

– Устроились, Максим Сергеевич, – сказал Володя.

– Все ништяк, – сказал Боря.

Я сказал:

– Мы с Андрюшей должны были ехать на верхних полках.

А Максим Сергеевич сказал мне:

– Жизнь вообще очень несправедливая штука. До крайности.

И Максим Сергеевич закрыл дверь. Андрюша сказал:

– Он прав.

Я сказал:

– Но задача человека в том, чтобы это изменить. Мы потомки людей, которые покоряли иные планеты.

– И подцепили паразитов нервной системы, из-за которых нас все ненавидят, – сказал Андрюша.

– О, ваши замечательные разговоры, ура! И смеялся дьявол, создавая плацкартные вагоны, – сказал Володя.

– Но мы в купейном вагоне, – сказал я.

– И что? Это такое выражение.

– Оно неприменимо к этой ситуации.

– Арлен, ты скучный, но бить я тебя не буду, потому что тебя все равно будет бить Борька.

Боря сказал:

– Я буду, ага.

И в этот момент поезд тронулся. Я понял, что совсем забыл помахать маме, а когда опомнился, ее уже не было видно. Боря развернулся, уставился в окно, приоткрыл его, принялся глотать воздух. Мы с Андрюшей чуть пошатнулись, а Володя не пошатнулся ничуть, он скинул свои белые кроссовки и забрался наверх.

Андрюша сел на свое новое место, а я так и стоял, и меня покачивало из-за хода поезда.

– Сядь, крошка политрук, не маячь, – сказал Боря.

Андрюша сказал:

– И мы уедем на целых три месяца.

– Да, – сказал я. – А вернемся – совсем другими.

До свиданья, Москва, думал я, до свиданья.

Звучало, будто старая песня, и я почти слышал мелодию.

Мимо нашего купе со смехом прошли девочки, наверное, они отправились к проводнице. Стоило мне шевельнуться, как я натолкнулся на чемоданы. Боря и Володя уже лежали на верхних полках, и я предчувствовал, что основную работу по раскладыванию чемоданов придется выполнять нам с Андрюшей.

Впрочем, нет стыдной работы. Стыдно как раз таки отдыхать, пока работают другие.

Мы с Андрюшей поместили чемоданы в отсеки и сели к окну.

– Представляешь, – сказал Андрюша. – А на большинстве планет люди даже не помнят, что такое поезд.

– Да, – сказал я. – Органическая связь прошлого с современностью делает нас прогрессивным классом в борьбе за завершение исторического процесса.

– Да? – спросил Андрюша.

– Да, – сказал я, и мы стали смотреть в окно – быстро закончился город, и вот уже плыли перед нами деревья, быстрее и быстрее, и поезд качался на рельсах, и линии электропроводов казались непрерывной артерией, соединяющей города и природу.

Как это было хорошо, и здорово, и страшно. И чудесно. Мы уезжали все дальше от Москвы, где начало светлеть, навстречу тьме, и время казалось ощутимым, словно движешься в ночь.

Я принялся стелить постель, все остальные медлили. Мои старания окупились, когда к нам снова заглянул Максим Сергеевич.

– Орлы, почему постели не застелены?

Боря встал на мою простыню, носки у него, к счастью были совершенно белые и чистые. Не успел я порадоваться этому, как он наступил мне на колено, чтобы удачнее приподняться.

– Терпи, – сказал Боря. – Людям надо помогать.

И я терпел. На поясе у Бори болтался пистолет для забоя скота.

Я думал: у Бори червь в голове, как и у меня. Но это и все, что у нас есть общего.

Потом он довольно болезненно сдвинул ногу, и я сжал зубы.

Я сказал:

– Осторожнее.

– Терпеливый ты такой, – сказал мне Боря.

Пистолет для забоя скота блестел в свете солнца. Поезд

качнуло, и Боря мазнул коленом мне по носу, это не было больно, но вышло по-дурацки.

Я сказал:

– Пойду на тебя нажалуюсь.

– Ну удачи тебе. Радость-то какая, стукач, и дрочер, и вся королевская рать!

– А ты бы охотнее ехал с девчонками? – спросил Володя.

– Я уже в том возрасте, когда я бы охотнее ехал с девчонками, – сказал Боря. – Но не с такими страшными, как вы, малышки. Вот с Фирой или Валей – другое дело.

Мама говорила мне всегда пропускать оскорбления мимо ушей, потому что отвечать на них будет лишь тот, кто опустился до уровня оскорбителя.

Этим я и руководствовался.

А еще я опять вспомнил, что не помахал маме, пока она стояла на перроне. Не помахал, а стоял и смотрел вдаль, не на нее, не на людей, и думал о своем.

Мне пришло в голову, что мама все еще на вокзале. Она гордится мной, я знаю, но отчего тогда сегодня так тревожилась?

Когда-то она сама хотела, чтобы я стал космическим солдатом, и я почти уже им стал.

Андрюша сказал:

– Я взял карты.

– Картежничество – это порок, – сказал я. – Я буду смотреть в окно. А когда мне надоест, займусь чем-нибудь полезным. Почитаю книгу.

– У меня есть кроссворд, – сказал Андрюша.

Боря с Володей почему-то засмеялись, но они вообще часто смеются.

А вот и то, о чем я хотел написать, и к чему подводил все это время. Пусть описать свое утро у меня вышло неловко, пусть многие вещи оказались более запутанными, чем я их представлял, но я хочу сохранить вот что: как бегут краски за окном, до полной неразличимости сливаются друг с другом деревья, как синее небо похоже на обещанное нам море, как дождь начинается и быстро заканчивается, словно поезд вонзается в него и проходит навылет.

Это удивительно, и я такого еще никогда не видел.

На этом и следует закончить данную запись, хотя ее сердце заняло ровно две строчки.

Скоро Максим Сергеевич будет раздавать сухпаек, и я хочу ему помочь, потому что всегда нужно брать на себя ответственность, даже в мелочах.

Посмотрим, как пройдет день.

Запись 2: Исторический документ

Пока мы раздавали сухпаек (это было быстро), Максим Сергеевич сказал мне очень мудрую вещь, которую я теперь запишу здесь.

Любой дневник, любая запись, все, что создано рукой человека и имеет смысл, – это исторический документ. Сейчас я пишу историю будущего. Разумеется, моя тетрадь может потеряться или сгореть, ее может никто никогда не найти, большинство вещей исчезают без следа.

Но если вдруг вы прочитаете эти записи, легко или с трудом, потому что мой язык станет очень древним, я хочу обратиться к вам, люди будущего.

Мои записи могут показаться вам глупыми и наивными, потому что созданы в непростые времена войн и хаоса человеком, который не вполне осведомлен обо всем, что происходит в Космосе, и может говорить лишь за свою маленькую, даже крошечную планетку, где живут люди с червями в головах.

Но и история моей маленькой планетки – тоже история.

И моя история – тоже история. Или это индивидуализм? У людей будущего, наверное, не будет уже никакого индивидуализма, и все будут ценить друг друга так же, как самих себя.

Так или иначе, я решил обращаться к людям будущего, чтобы им было интереснее читать мой дневник, когда все ныне со мной происходящее уже станет историей. Хотя я чувствую себя от этого несколько неловко, ведь не знаю, как именно мои слова отзовутся в тех, кто еще даже не родился. Вдруг я кого-то обижу?

Знайте, что такого намерения у меня нет.

Итак, нам выдали сухпаек (вернее, всем выдали сухпаек при моем активном участии): воду питьевую бутилированную (1 литр), огурец, яблоко, вареное яйцо, сыр плавленый, хлеб, вафли.

Андрюша сказал:

– Я могу съесть огурец и яблоко.

Я сказал:

– Я отдам тебе свои огурец и яблоко.

Володя сказал:

– Мне так нравится, как неестественно вы говорите, это умат.

Я сказал:

– Я стараюсь всегда контролировать свою речь.

– Вы сегодня даже прикольные. Вам такого, наверное, никогда не говорили.

Андрюша сказал:

– Говорили. Мы друг другу говорили. И представляли, что это ты нам говоришь.

Это была неправда: такого мы друг другу не говорили. И вообще слово «прикольный» звучит довольно грубо. Но Володе, кажется, польстила шутка Андрюши.

День в поезде, как оказалось, тянется очень медленно. И хотя можно много читать или мечтать, за чем время обычно пролетает быстро, в поезде все иначе – каждая секунда внутри него имеет вес больший, чем снаружи.

От этого на всем появляется такая патина скуки, от которой сложно избавиться. Но я, например, легко выдерживаю скучные вещи, я могу неопределенно долго делать что-то монотонное, и за это меня очень даже ценят.

Боре же сложно усидеть на месте. Весь день он то слезал вниз, то забирался обратно на верхнюю полку и с каждым разом выглядел все более раздраженным.

– «Пиздец», – наконец сказал он.

Андрюша вздохнул. Володя сказал:

– Зато завтра будет просто зашибись, успокойся ты уже.

– Поезд – это отстой, он как клетка.

– А я иногда думаю, – сказал Володя. – Вся наша планета – как клетка. А может быть, кто-нибудь думает: вся наша Галактика – как клетка. Тут должна быть философская мысль, но у меня она недооформилась.

К слову о философских мыслях. Некоторые вещи, очевидные для меня, могут быть далеко не так очевидны для вас. Я понял, что следует пояснить. Например, что такое КБП? Наверняка историкам будет сложно работать с аббревиатурой, если не сохранится иных свидетельств.

Поясняю: КБП – Комитет по борьбе с паразитами. Эти люди занимаются сложной и ответственной работой. Они оберегают нас от тех, кто болен ксеноэнцефалитом. Для того, чтобы помочь КБП, мы сами должны быть бдительными и подмечать странности наших друзей и соседей.

Большинство людей, работающих в КБП, не имеют червей в голове. Они экспаты. Им тяжело приходится на нашей планете, они вынуждены много работать, чтобы не допустить трагедий и жертв. Думаю, многим из них глубоко противны люди вроде меня, но это можно понять. Фира рассказывала, что один человек из КБП говорил Максиму Сергеевичу, будто не может долго находиться с нами, будто мы вызываем у него инстинктивное ощущение омерзения, как черви в мясе или насекомые. Максим Сергеевич согласился с ним, сказал, что поначалу у него все тоже было именно так, но со временем он привык.

Мне сложно понять подобные чувства, потому что я никогда не испытывал к людям отвращения. Мне не нравится, что у меня в голове, в голове у моего лучшего друга, в голове у моей мамы, в головах у моих соседей и так далее и тому подобное живут черви. Но это осознание почему-то не вызывает у меня ужаса. Люди, не зараженные паразитами, испытывают омерзение при мысли о живом существе в моем мозге, но, наверное, они не вполне понимают, что я его не замечаю.

Теперь следует рассказать про червей, потому что может статься так, что ко времени обнаружения этого дневника ни у кого уже не будет червей в голове (в лучшем мире, наверное, будет найдено лекарство).

Наша планета стала домом для колонистов с Земли много столетий назад. Во многом она изначально походила на Землю: имела воду, атмосферу, растительность (именно такие объекты искали), но на этой планете не наблюдалось никаких разумных форм жизни, да и крупных животных тоже не имелось. Многие называли нашу планету новым Эдемом, вновь найденным райским садом. Мне совсем не нравится это сравнение, потому как я не верю в Бога, но оно часто встречается в учебниках (с непременной отметкой о непрогрессивном способе мышления). После нескольких десятилетий подготовки планеты на ней прижились наши земные растения (они сейчас и составляют основу местной флоры) и многие животные, а затем сюда отправились первые колонисты.

Поначалу действительно казалось, что люди попали в райский сад и загрязненная, печальная, унылая Земля наконец-то осталась позади. Я пишу это со всем уважением к колыбели человечества, но она к тому времени уже не была способна нести груз разумной жизни.

Наша планета стала первой колонией землян в Космосе. Для колонистов создавались все условия, планета постоянно принимала новых поселенцев и функционировала так же, как и другие колонии, вскоре основанные в разных частях Галактики, демонстрируя высокие темпы экономического развития.

Затем случилась эпидемия, не на шутку взволновавшая все человечество. Болезнь, названная ксеноэнцефалитом (это была первая инопланетная болезнь, с которой столкнулось человечество) стремительно распространилась в колонии Аврора (прежде я не упоминал названия, и это с моей стороны весьма неблагоразумно).

Летальность оказалась очень высокой, симптомы, как следует судить из названия, были стандартны для воспаления мозга: лихорадка, головная боль, светобоязнь, эпилептические

припадки, нарушения сознания, параличи, кома.

Худшие опасения человечества (что природа заболевания вирусная, и, следовательно, у него высокая контагиозность), впрочем, не оправдались, ксеноэнцефалит фактически не выбрался за пределы Авроры. Болезнь вызывал местный паразит, червь, обитавший в земле, чьи личинки попадали в организмы людей вместе с выращенной на этой земле пищей. Оказавшись внутри нового хозяина, червь убивал его. Следует оговориться: червь – название условное, основанное на его внешнем виде, однако это существо имеет также и черты насекомого, а в общем и целом, его с трудом можно соотнести с земной классификацией. Устоявшееся название.

Большинство поселенцев, как и большинство червей, так и не смогли друг к другу приспособиться. Однако некоторые люди выжили. Смертность при ксеноэнцефалите оценивалась в пределах восьмидесяти процентов.

Оставшиеся, те, кто выздоровел, требовали немедленной эвакуации с планеты, обвиняли правительство в халатном отношении к здоровью населения, страдали от перебоев с поставками продуктов (колония еще не вышла на полное самообеспечение) и вынужденной изоляции.

Спустя некоторое время (годы), эвакуация все-таки была объявлена. Однако в ходе исследований выяснилось, что черви не только до сих пор находятся в головах выживших (этого стоило ожидать), но, более того, личинки содержатся в половых клетках мужчин и женщин. Поэтому от союза человека, зараженного червем и человека, незараженного червем, всегда получается зараженный ребенок, вне зависимости от того, отец носитель заболевания или мать.

Эвакуацию прекратили, носителей заболевания, а также их детей, вернули обратно на Аврору. Следует признать, что эвакуация была свернута без должных исследований, однако же их результаты все равно бы никого не обрадовали.

Аврора оказалась в изоляции и фактически считалась заброшенной еще четыре сотни лет. К тому моменту, как на Аврору снарядили следующую экспедицию, она уже считалась необитаемой.

Однако высадившиеся на Авроре неожиданно для себя обнаружили цивилизацию. Это и была цивилизация моих предков, которыми я вовсе не горжусь. Наши предки жили в централизованной империи (Улей) и поклонялись императору (Червю). Их нельзя было в полной мере назвать людьми, во всяком случае, на некоторых этапах развития паразита. Их разумы связывались в причудливую сеть, сходящуюся к

императору. Многие люди на Авроре обладали способностью изменять свою плоть самыми фантастическими способами и могли регенерировать, при условии наличия нужного количества энергии – достаточно было буквально одной живой клетки.

Многие не считали наших предков людьми. Сами наши предки не считали себя людьми, они называли себя детьми Червя. Нас однажды водили в музей, посвященный тем временам, я видел их произведения искусства: много золота (на Авроре в золоте нет недостатка), причудливых цветных минералов. В общем и целом, многие предметы культа и царственные инсигнии напомнили мне византийское и русское (в те времена, когда оно находилось под влиянием Византии) искусство древнейших времен.

По всей видимости, император не просто управлял своими подданными в качестве правителя, но обладал над ними также биологической властью. Император, в отличие от своих подданных, легко переносил активность червя – не страдал от жара, не умирал рано. Все носителя червя были в той или иной степени связаны друг с другом вплоть до чтения мыслей. В сочетании с чрезвычайной живучестью телепатия и единый центр координации сделали обитателей Авроры сильными противниками для других космических колоний. Аврорианская империя, получив доступ к космическим перелетам, сумела распространить себя довольно далеко. Это было развращенное, отсталое и жестокое государство.

Отчасти беспрецедентная жестокость была связана с неврологическими особенностями жителей Авроры. Я не специалист в области биологии (мне двенадцать лет, я совершенно ни в чем не специалист), но нам всегда говорили, что мы плохие изначально, больше склонны к насилию и агрессии, пусть у каждого эти проявления и индивидуальны. Среди носителей червей зафиксирован наибольший процент как серийных, так и массовых убийц. Также присутствие червя связывают с ускоренной реакцией, повышенным сексуальным влечением и пониженным самоконтролем.

Это связано с тем, что червь встраивается в нервную систему эмбриона еще при ее закладке, и это ведет к недоразвитию или повреждению некоторых высших функций.

Мне не хотелось бы глупо ошибиться и отправить науку будущего на неверный путь, поэтому я стараюсь излагать максимально близко к тому, что нам рассказывают на уроках.

Война с Аврорианской империей (или война с Червями, как ее еще называют) длилась без малого полсотни лет и завершилась при помощи нашего великого, соединяющего народы, государства

и планеты справедливого Союза, наследовавшего первому в мире социалистическому государству.

В первую очередь наше государство заботится о людях, даже о таких, как мы. Никто не истребил нас за наши страшные дела, хотя многие хотели. Но под защитой Союза мы и ныне процветаем на планете Аврора.

Разумеется, за нами присматривают и устраняют (ради нашего же блага) тех, в ком паразит переходит на вторую стадию развития. Разрушена, к счастью, несправедливая и отсталая императорская система. С гибелью императорской семьи оказались разорваны узы, соединявшие когда-то представителей нашего народа. И со временем мы становимся все больше похожи на людей. Теперь мы не только выглядим, как люди, но и ведем себя, как люди.

Государство позволило нам существовать под его защитой, и вот мы уже более полутора сотен лет живем в мире. Мы лишены современных технологий, но наше заботливое руководство воссоздало, насколько это было возможно, на Авроре исторические условия двадцатого века так называемой новой эры на планете Земля. Возможно, когда-нибудь наша планета станет парком для историков и увлекающихся историей, но сейчас попасть сюда можно лишь по особым пропускам.

Конечно, историческая точность (хотя профессионалы и были привлечены к работе) нашего окружения не так высока, насколько я понимаю, в архитектуре, быте и институциях мешаются элементы самых разных периодов, к примеру тридцатых и восьмидесятых. Я очень рад, что у нас есть элементы всей почти семидесятилетней истории первого социалистического государства. Историческая точность – это задача, цель же – воспитать из нас настоящих советских людей: добросовестных, деятельных, трудолюбивых и честных.

Мне очень комфортно жить на нашей планете, хотя я и хотел бы посмотреть на то, что находится за ее пределами.

Некоторые специально проделывают большую работу для того, чтобы получить пропуск на Аврору. Например Максим Сергеевич. Он очарован историей, и ему нравится жить в двадцатом веке, пусть и таком условном.

Процитирую его:

– Вы, мальчишки и девчонки, мечтаете о космических полетах точно так же, как ваши товарищи много сотен лет назад. Но это все довольно скучно. Куда скучнее, чем наблюдать, как вы друг с другом цапаетесь за эту унылую перспективу.

Надеюсь, его слова вполне благонадежны для цитирования. Впрочем, если нет, значит, он допустил ложное идеологическое

высказывание, и это главным образом его вина.

В данный момент на Авроре почти безопасно. Во всяком случае земля была тщательно санирована, и теперь червь не встречается в естественной среде обитания, а передача его от человека к человеку возможна только внутриутробно.

Еще мы не съедобные. Наши организмы приспособлены носить в себе червя, но, если мы будем съедены (вернее, если будут съедены наши мозги), обжора погибнет от ксеноэнцефалита, который все еще крайне мучителен и смертелен для неадаптированных организмов.

Официально экспатам, вроде Максима Сергеевича или моего папы, запрещено заводить здесь семьи, но многие все равно вступают в отношения, ребенок в любом случае наследует червя и не может покинуть Аврору, поэтому особенного вреда от таких связей на первый взгляд нет.

Жаль, что папе пришлось отправиться обратно в Космос, жаль, что ему не понравилось здесь, у нас, так же сильно, как Максиму Сергеевичу.

Я и мои товарищи – первые участники проекта по контролируемой активации паразита. Если все пойдет правильно, мы обретем силы, которыми владели многие наши предки и не потеряем при этом разум. В случае нынешних солдат, например товарища Шиманова, такой исход – маловероятная случайность, почти чудо. Но мы, скорее всего, станем первыми, кто получит доступ к способностями червя намеренно.

Я думаю, мои возможности, червь в моей голове – все это послужит на благо нашего самого справедливого в мире государства. Я в этом уверен.

Пока я писал, за окном уже стемнело. Боря и Володя опять ушли. Мне кажется, Боря курит в тамбуре. Я не могу быть уверен в правонарушении, но, когда он возвращается, от него пахнет табаком. Это необходимо пресечь, и, когда Максим Сергеевич зайдет к нам, я обо всем доложу.

Тело Бори – государственная собственность. Он обязан сохранять свое здоровье ради того, чтобы его мозговой червь был максимально продуктивен. Кроме того, таким маленьким мальчикам вообще не стоит курить.

Я никогда не буду курить. И пить тоже никогда не буду.

А еще теперь за окном все как будто фиолетовое, очень красивое. Небо стало совсем похоже на дорогую ткань, а эти золотые звезды фонарей!

На картинках я много раз видел ночное небо таким, каким люди видели его с Земли. На Авроре оно другое, чуть более яркое, и рисунок звезд отличается. Я не вижу многих созвездий из

тех, что видели земляне, или вижу их не так.

Из окна поезда не разглядеть никаких настоящих звезд, а свет фонарей размазан, будто кто-то промокнул блестящие эти пятна кистью. Это очень красиво, и мне так сильно нравится! За нами следом устремляется луна. Она похожа на большую игривую рыбу. Не формой, разумеется (хотя кто знает, какой формы рыбы будут на вашей планете), а той мягкой, изящной ловкостью, с которой она ныряет в небо.

Андрюша спит или делает вид, что спит. Он часто делает вид, что спит, а на самом деле – мечтает. Я ругаю его за бездеятельность, но, наверное, зря. Друзья должны принимать друг друга такими, какие они есть.

Андрюша совсем не бледный, даже смуглый чуть-чуть, но в темноте кажется почему-то очень белым. Его ресницы едва заметно подрагивают. О чем он думает, я не знаю, это никогда не бывает понятно. У Андрюши открытое, доброе, симпатичное лицо, кажется, такой человек должен быть как на ладони, но на самом деле все не так.

Я хочу понимать его лучше, чтобы быть более верным и добрым другом.

В железном подстаканнике стоит стакан, в стакане подрагивает недопитый Володин чай. Я смотрю на него, и он странный. Похож на янтарное море в волнах. Чай плещется, и свет фонарей пронзает его, а потом пропадает и снова возвращается. Очень-очень красиво.

Не знаю, зачем я заканчиваю эту запись так. Наверное, людям будущего будет странно читать об этом моменте моего настоящего. Ничего интересного. Но, может быть, людям будущего незнакомы ночи. Вдруг мы стали по-иному жить у звезд? Я не знаю, как это возможно, и, наверное, это вряд ли возможно.

Ночи красивые, когда их что-то освещает. Люди, наверное, всегда будут освещать свои ночи.

Проснулся Андрюша. Я дам ему почитать эту запись и спрошу его мнение. Надеюсь, ему понравится мое изложение исторических фактов. Как круглый отличник он должен поделиться со мной своим ценным мнением.

(Впрочем, люди будущего не должны думать, что я не отличник – я почти что самый настоящий отличник, особенно, когда дело касается теории, что касается практики, я немного неповоротливый, зато выносливый и сильный физически.)

Еще я не представился, то есть я писал свое имя, но не представился полностью. ФИО: Жданов Арлен Георгиевич.

Конец записи.

Запись 3: Привет, меня зовут Андрюша

Привет, меня зовут Андрюша.

Запись 4: Ночное время

Я вне себя от возмущения! Сейчас я расскажу вам, что здесь происходит.

Во-первых, я рассчитывал лечь спать после отбоя, ведь, как вы помните, я очень мало спал. Отдых необходим для растущего организма, тем более, что сегодня день выдался нервный и очень особенный.

Разумеется, я уважаю правила общежития, поэтому как только Максим Сергеевич сказал, что наступил отбой, я немедленно накрылся одеялом и принялся спать. Это было легко, потому что я в самом деле устал.

Разбудил меня шепот, причем такой, какого в нашем купе точно не должно быть.

Девчачий шепот.

Я подумал, что мне это снится, ведь у девочек приятные голоса, а мне вполне может сниться что-то приятное. Но когда я открыл глаза, оказалось, что совсем рядом с моими ногами сидит Фира. Ее длинные, густые, черные как смоль (устойчивое выражение) волосы были распущены и странно блестели в свете фонарей, мимо которых пролетал наш поезд. На белой столешнице она разложила карты. Вид у Фиры сделался самый загадочный.

Володя говорил:

– Капец, поезда мне так нравятся. Поезд – лучшее, что случилось в моей жизни. Обожаю поезда.

Рядом с ним сидела Валя. В темноте она, такая светленькая, почти светилась, будто призрак в мультфильме.

– А моя мачеха, – сказала Валя, – умеет гадать, как гадали еще в червивые времена.

– Я только один расклад знаю, – сказала Фира. – Это на судьбу. Только нельзя подряд двум людям гадать, я вспомнила.

Фира принялась собирать карты.

– Валя, посиди на колоде.

– А почему я? – спросила Валя.

– Должна девочка сидеть, чтобы энергетика очистилась.

Я едва мог держать себя в руках. Мало того что происходит антинаучная чепуха, так еще и после отбоя.

Я сказал:

– Что это вы тут делаете? У вас есть свое купе. А ну идите спать, не то я позову куратора.

Фира посмотрела на меня своими большими, блестящими в темноте глазами.

– Ленчик, – сказала она. – Ну ты же нас не заложишь, правда?

– Меня зовут Арлен, – сказал я. – Леня – это Леонид. А меня, пожалуйста, называй полным именем, как всегда раньше.

Я и возмутился, и смутился. Нет, мне совершенно точно не понравилось коверканье моего имени, но тон, которым она это все произнесла, был особым и прежде мне незнакомым.

Фира передала колоду Вале, и Валя на нее села. В этот момент меня ударили пяткой в нос.

– Боренька, – сказала Фира. – Он никому ничего не скажет.

Вышло не больно, но очень обидно. Я, не сообразив что делаю, сильно дернул Борю за ногу и едва не свалил его вниз (а это может быть фатально, и вообще крупное нарушение техники безопасности). К счастью, Боря ловкий, он успел вовремя схватиться за держатель для полотенец, и тот жалобно звякнул.

– Вот «сука», – сказал он. Да, именно так. – «Пиздец» тебе теперь.

Вынужден, к сожалению, привести эти слова именно так, как они прозвучали.

А потом Боря засмеялся. Обычно выражение на его лице всегда скучающее и надменное, такое, словно вокруг него вращаются все планеты и ему это решительно надоело. Но когда он смеется, то весь меняется, показывает белые острые зубы, становится похож на животное.

Андрюша говорит, что Боря похож на свинью. Он совсем не толстый, даже наоборот, поджарый, как многие активные дети, а ведь именно толстых мальчиков принято обзывать так. Но на свинью Боря похож в самом деле – из-за вздернутого носа и забавных щечек.

Андрюша называет его свиноподобным, что звучит, по-моему, жутковато. Еще Андрюша говорит, что маленькие поросята похожи на чертей.

Однажды мы ездили на экскурсию на скотобойню (где работают дедушка и бабушка Шиманова), и там свиньи издавали ужасные звуки, похожие на звуки ада. Хорошо, что на самом деле никакого ада нет.

Справедливости ради, у Володи такой же нос и тоже смешные очаровательные щечки, но его никто не сравнивает со свиньей, потому что он не такой злой.

Но вернемся к моим нынешним неудачам. Володя сказал Боре на меня «забить», и Боря, спустившись с верхней полки, сел рядом. Андрюша сказал:

– Фира, а ты мне тоже погадаешь?

Я почувствовал боль предательства, ощутил его, так сказать, во всю силу.

Андрюша все наблюдал за Фирой, взгляд его оставался неподвижным, а Фира сохраняла загадочный вид. Я вздохнул, и взял свою тетрадь, и начал это писать. Если людям будущего такое хоть капельку интересно, то ребята все еще гадают, хотя уже совсем наступила ночь. Самая что ни на есть настоящая.

Я лежу, пишу, свечу фонариком на страницы и пытаюсь думать о том, что раньше, на Земле, если люди ездили в другую страну на поезде, их проверяли пограничники с собаками. Мне бы хотелось увидеть пограничников с собаками. Наверное, у них были бы чудесные, здоровые и сильные, главное – очень умные собаки.

И все же мои мысли часто сбиваются на то, что девочки в темноте очень особенные, они словно светятся и почему-то кажутся удивительными.

Вот сейчас Фира говорит своим тихим нежным голосом:

– Семерка крестей – это знак дальней дороги. Сейчас мы посмотрим, какая это будет дорога, чем она для тебя обернется, Боренька.

– Трахну инопланетную красотку на руинах межгалактической космической станции, – говорит Боря.

Фира встряхивает густыми волосами и говорит:

– Будешь таким грубым, я тебе гадать ни за что не буду. – И она переворачивает еще одну карту в раскладе.

– Рядом с тобой всегда будет тот, на кого ты сможешь положиться.

– О, – говорит Володя. – Это ж я.

– Может быть, – говорит Фира осторожно. – А может быть, и нет. А вот восьмерка червей означает, что ты – счастливчик.

– Это я и без тебя знаю, – отвечает ей Боря.

В темноте белки его глаз блестят очень сильно, и он готов засмеяться, это видно. Почему-то гадания ввели всех в нездоровый ажиотаж. Я не одобряю гаданий, потому что это пустое развлечение. Необходимо строить будущее своими руками, а не надеяться на десницу судьбы.

Нам не на кого надеяться, кроме друг друга и самих себя. Даже, наверное, самих себя нужно написать в первую очередь.

Ночью поезд как будто сильнее шумит, и словно его качает больше, но это, наверное, потому, что скорость увеличилась. Я это чувствую и вижу.

Фира собирает карты, мешает колоду, снова передает ее Вале.

– Посиди еще.

Вот чем они занимаются.

Опять произошла небольшая пауза. Ко мне наклонилась Фира. От ее волос пахло чем-то сладким, и она спросила:

– А что это ты там пишешь, Арлен?

Мое имя она произнесла подчеркнуто жестко, но получилось все равно как-то до странного ласково.

Я ответил честно, и Фира сказала, будто бы я не ответил ничего:

– Дай-ка я и тебе погадаю.

Андрюша сказал:

– Давай, Арлен, это очень весело.

Андрюшин голос не наводил на мысли о веселье, но таков его голос всегда. Я не знаю, почему я согласился, и виню себя за это.

Фира сказала мне сесть напротив нее, я потеснил Андрюшу и уставился на белую столешницу. Фира разложила передо мной карты. Володя и Боря внимательно за нами наблюдали, и я чувствовал, что не могу ошибиться, хотя ошибаться не в чем – мне вообще не надо было ничего делать.

Фира перевернула первую карту.

– Король пик, – сказала Фира. Дедушка с добрыми глазами, нарисованный на карте, представлял собой рудимент отставшего государственного строя и не вызвал у меня никакой симпатии. Кроме того, ему следовало подстричься. – Это друг или неравнодушный к тебе покровитель.

Боря и Володя захохотали, я закрыл глаза и вздохнул.

– Интерпретация, – сказал я, – характеризует интерпретатора в большей степени, чем интерпретируемое.

– Что, Жданов, проведешь лето на коленях перед Максей? – хохотал Боря. – Неравнодушный к тебе покровитель, ой не могу, не могу!

Я сказал:

– Что еще можно узнать по поводу моего лета?

– Восьмерка пик – тень печали, – сказала Фира.

– Пионер не должен впадать в уныние, – сказал я. – Да и к тому же, это чувство слишком личное. Пионер не имеет право на личные чувства, ведь он общественное ставит превыше индивидуального.

Валя сказала:

– Ой, помолчи ты, интересно же.

Ее волосы тоже были распущены, но Валины волосы не доходили ей до плеч. Она сидела, подобрав под себя ноги, и почесывала колени. На ногтях у нее блестел золотистый лак, в неверном свете фонаря он казался трогательным и ярким.

В течение учебного года подобный внешний вид не поощрялся, но, конечно, начались каникулы, и я не стал делать ей замечание. Девочки есть девочки.

– Еще тебя ждут хлопоты, но в конце – примирение.

– С кем? – спросил я.

– С Максей, ясное дело.

– Я скажу Максиму Сергеевичу, как ты его называешь, – пообещал я.

Боря уперся языком себе в щеку, изобразив что-то весьма неприличное (впрочем, хочу думать, что подробностей я не понял).

– Этого карты не знают. Могу предположить, – сказала Фира, – что после хлопот и печали ты помиришься с кем-то, кто тебе дорог. Например, вы поссоритесь с Андрюшей и помиритесь.

Андрюша вздохнул так, словно наша с ним ссора уже решенный вопрос.

Я сказал:

– Спасибо, Фира, это было познавательно.

Потому что всегда следует благодарить человека за то, что он для тебя делает, даже если ты не со всем согласен.

Они теперь рассказывают анекдоты. У Володи есть любимый анекдот про девушку из Ялты. Это, как говорит Володя, анекдот о бессмысленности жизни. Когда Володя так говорит, его лицо приобретает какое-то совсем взрослое выражение, что комично.

Я расскажу этот анекдот в собственной редакции, потому что Володя употребляет слишком много сниженной лексики.

Анекдот про девушку из Ялты:

Мужчина умер и попал в так называемый рай, где встретил весьма гипотетического Бога. В раю мужчине относительно понравилось, однако был один вопрос, который не давал ему покоя.

Мужчина подошел к Богу и сказал ему:

– Господи, спасибо тебе за рай, здесь в самом деле очень здорово. Но не мог бы ты сказать мне, в чем был смысл моей жизни?

Бог сказал, расставляя театральные паузы в нужных местах:

– Смысл, смысл… Ялту помнишь?

– Помню, – ответил мужчина.

– Восемьдесят шестой год, – сказал Бог. – Ты там был на дне рождения у своего однокурсника.

– Да, помню. Мы ели шашлык. Были звезды. Очень красиво.

– Да-да, – сказал скучающим тоном Бог. – Разумеется, тебе понравилось. А девушку в красном помнишь?

– Девушку в красном, – задумался мужчина. – Да, пожалуй, помню. В красном, красивом платье с белым цветком на плече.

– Да, – сказал Бог. – Ее. Помнишь, она тебя попросила передать ей соль?

– Помню, – сказал мужчина. Пауза. Бог молчал. Мужчина

поторопил его:

– Помню-помню, и что же? Я передал ей соль! И что же дальше?

– Ну и вот, – сказал ему Бог.

Это самый взрослый анекдот, который я когда-либо слышал. Все засмеялись, а я сказал:

– Бога нет.

Андрюша тоже рассказал анекдот. Его я приведу в авторской редакции.

Никто не хотел слышать анекдот от Андрюши.

– Я тоже знаю один анекдот, – сказал Андрюша.

– Один анекдот знаешь, дрочер? – засмеялся Володя и пригладил волосы точно так же, как это делает товарищ Шиманов.

– Всего один, – сказал Боря и шмыгнул носом.

– Ну ладно, если не отстанешь, тогда расскажи, – сказала Валя.

Андрюша вздохнул, посмотрел в окно, на темный лес на фоне фиолетового неба, похожий на детскую аппликацию.

– Жила-была одна вдова. Она пришла к гадалке и сказала: узнай мое будущее. Гадалка посмотрела в свой волшебный шар и сказала: тебя ждет большая потеря, наверное, ты станешь вдовой. Но я уже вдова, сказала женщина, мой муж умер две недели назад от рака. Да? Так спросила гадалка. Значит, ты потеряешь ребенка. Но все мои дети мертвы, сказала женщина, один умер во младенчестве, а другой погиб на войне. Но твоя собака, сказала гадалка, она умрет. Моя собака, сказала женщина, отравилась и умерла. Гадалка подумала-подумала и сказала: тогда ты потеряешь зонтик.

Я понял соль шутки, однако мне стало скорее грустно, чем смешно. У Андрюши куда лучше получается рассказывать страшные истории. Хотя, если подумать, история про вдову и зонтик – очень страшная.

Почему одни люди рассказывают анекдоты смешно, даже если анекдоты грустные, а другие люди рассказывают анекдоты грустно, даже если они смешные?

Я думаю, что ответ лежит где-то в области психологии.

А я все-таки лягу спать, потому что для психологической готовности и умственной продуктивности необходимо выполнять здоровую норму труда и отдыха.

Запись 5: Психологические характеристики от доктора Шиманова (младшего)

Значит так, как доктор медицинских наук, имею сказать следующее: все здесь ебанутые.

> Диагностический тест у меня короткий:
> По стене ползет кирпич,
> Красной Армии боец,
> Если хочешь закурить,
> В углу валенки стоят,
> Валенки, валенки,
> Бей фашистских оккупантов.

По результатам диагностики психический статус пациентов вот каков.

Шиманов Владимир Александрович:

Образец адекватности, во времени, пространстве и иерархии школьников ориентирован. На вопросы отвечает спокойно, адекватно, улыбается. На контакт идет охотно. Утверждает, что имел секс с экспаткой, которая отказалась ему сосать, дескать, от червей в сперме у нее голова заболит. Память сохранена, мышление в целом ускоренное. Присутствует некоторая амбивалентность: угрожает «дать пизды, если не перестанешь баловаться», потом смеется, говорит: «Хорошо это ты придумал». Пословицы понимает, но не все. Пословицу «конец – делу венец» понимает превратно. Об увлечениях говорит охотно: ходит в «качалочку», занимается «спортиком», «зимой – на лыжах». Не курит, не пьет, вредные привычки отрицает. Настроение мало изменяется по ходу беседы, остается добродушным, вполне контактным. На слова «ты – хуй» реагирует смехом, затем угрозами, затем снова смехом.

Ну просто образец психической целостности.

Жданов Арлен Георгиевич:

Во времени и пространстве ориентирован плохо, считает, что на дворе тридцатые двадцатого, угрожает написать на врача донос «куда надо». Эмоционально возбудим. Пытается отобрать документ, ругается, однако беспонтово. Память сохранена,

мышление вязкое, обстоятельное, но символичное. Еблан, каких поискать. Нарушения в сфере половых инстинктов: на вопросы о половой жизни отвечает, что хочет завести семью с девушкой социалистических взглядов. Слабодушен, затрагиваемые темы для разговора его расстраивают, может заплакать. Осанка прямая, одет аккуратно, причесан хорошо. Жесты выразительные, рубленые, резкие. Язык клишированный, стереотипный, часто употребляет лозунги, сопровождает своеобразным жестом – прижимает руку к сердцу, говорит громко, отчетливо. Часто употребляет слова: государство, дисциплина, правила. Планы на будущее строит абстрактные, говорит о помощи народам всей Вселенной, светлых идеях прогресса, космических путешествиях. Требует, чтобы его выпустили, требует обратно документы, утверждая, что они принадлежат ему. Яркие эпилептоидные черты. Критика к своему состоянию отсутствует. Диагноз: дурочка тупенькая.

Арефьев Андрей Романович:

Идти на контакт отказывается. Утверждает, что врач не имеет полномочий с ним разговаривать. Одет небрежно. Говорит негромко, небыстро, невыразительно. Речь малоинтонирована. Только глазками лупает. Беспокоится, опасается, что врач его побьет, высказывает надежду на благополучное разрешение ситуации, затем тушуется. Мышление амбивалентное: говорит, что «хочется сыру», потом расстраивается, потому что сыр не любит. Жестикуляция практически отсутствует, руки сложены на коленях. Выражение лица грустное, иногда лицо выражает ужас, с изменением внешних обстоятельств ужас никак не связан. Нарушения в сфере половых инстинктов: дрочер, страдает от компульсивной мастурбации. Шхерится по углам, как психанутый. Увлечений, хобби нет. Говорит, что фантазирует. На вопрос: «Понимаешь, почему ты здесь?» отвечает: «Еду в поезде, в санаторий». На вопрос: «О чем фантазируешь?» отвечает: «Просто так». Пословицы понимает. Любимая – «семь раз отмерь, один раз отрежь». Страдает всеми известными парафилиями. Настроение безучастное, некоторое оскудение эмоциональной сферы налицо. Диагноз: какая-то шиза.

Кац Фира Аркадьевна:

Красотка, каких поискать. Глаза, как море и все такое. На контакт идет охотно, улыбается. В пространстве и времени ориентирована пиздец как хорошо. Запас знаний широкий. Говорит, что увлекается поэтами и художниками. Любит Рембрандта, Вермеера и каких-то еще, врачу неизвестных. Музыку

предпочитает классическую. Один раз даже на балет ходила. Настроение приветливое, с любопытством относится к записям врача, пытается заглянуть в документ, интересуется своим состоянием, спрашивает о диагнозе. На вопрос о том, что ее беспокоит, отвечает: «Беспокоюсь о папе». Планы на будущее есть. Говорит, что когда полетит в Космос, будет смотреть искусство. Речь мягкая, сонная, часто зевает. Диагноз: девочка-умничка.

Толмачева Валентина Геннадьевна:

Агрессивная блонда. Во времени и пространстве ориентирована. Нарушение оборонительных инстинктов: обещает дать в морду врачу, «если не прекратишь этот цирк». Запас знаний так себе. Любимый философ – Макся. На контакт идет неохотно. Выражение лица обиженное. На слова «да дура ты, дура» кинулась кроссовками во врача. Положение тела напряженное, говорит, что готова к нападению. Увлечения есть, утверждает, что ей нравятся футболисты. На вопрос «какие?» не отвечает, говорит «отстань». Требует, чтобы врач перестал задавать ей вопросы. Потом решает на них не отвечать. Молчит. Ушла в дефект. Диагноз: здорова, как корова.

Доктор Борис Александрович Шиманов.

Дата:

Подпись:

Запись 6: Черновик письма для мамы

Дорогая моя мама, пишу тебе уже из палаты.

Как ты там, дома? Всё ли в порядке? Хорошо ли ведут себя соседи? Ты должна следить за товарищем Кузнецовым, есть уверенность, что с ним не все ладно, кроме того, он стал часто и не по делу (как мне кажется) посещать почту. Будь бдительной ради блага окружающих нас людей. Не упускай из виду деталей. К сожалению, я не могу помочь тебе в поддержании порядка. Не позволяй пользоваться нашей плитой без важной на то причины. Следи за тратой газа. Многое теперь остается на тебе, но я знаю, что ты справишься.

Ты была расстроена на вокзале, я это видел. Почему? Я ведь стал таким, каким ты хотела. Я один в доме мужчина, и мы с тобой давным-давно условились, что я в этой жизни буду делать особенные вещи и червь в голове мне ничуть не помешает. Ты теперь грустишь? Не грусти. Я себя сейчас очень хорошо чувствую. Мы скоро пойдем купаться в море.

Доехали, в целом, хорошо. Некоторые, не буду называть имен, всю ночь бесились. Я потом не мог заснуть. Смотрел в окно, видел рассвет. Было так серо, а потом быстро на все пролилось солнце. Из поезда рассвет очень красив. Ты, наверное, тоже была в поезде. Расскажи мне об этом, пожалуйста, мне хочется с тобой всем делиться.

Проспал всего полчаса или даже меньше, да и не проспал, а только с закрытыми глазами полежал. Проснулся от того, что все говорили о море. Сел, посмотрел в окно, и правда – море из окна видно, а это уже было девять часов утра.

Мама, это такое чудо! Всех море привело в восторг! К нам прибежали девочки, и даже Максим Сергеевич постоял и посмотрел. Поезд ехал и ехал, а море никак не кончалось. Здорово это, наверное, жить у моря! Так мне кажется.

А какое оно синее! Но и блестит очень-очень. Будто кто-то положил огромный кусок синего стекла. Когда так быстро едешь, волны не рассмотреть, но оно как бы рябит и мерцает. Мы открыли окно, и оказалось, что пахнет оно замечательно, песком и йодом и чем-то еще таким свежим-свежим, совсем хорошим.

Замечательно это – отдыхать на море.

Деревья все тоже изменились, появились кипарисы (во всяком случае, я так решил). И цвета все поменялись – стали суше, выбеленнее, у нас дома пейзажи нарисованы как будто гуашью, а

тут – пастелью. Травы все как будто желтоватые, не летние, скорее похоже на осень. Ветер очень свежий, прохладный, но не холодный. И небо синее, какого я еще не видел. Это очень красиво, мама. Я бы так хотел, чтобы ты приехала и посмотрела. Видели с ребятами вдали корабль, он был совсем маленький и очень белый. С него, наверное, ловят рыбу, а может, он перевозит груз. Говорят, недалеко от санатория стоит маяк. Может быть, мы его посмотрим.

Нам выдали завтрак, в том числе и печенья сахарные, твои любимые. Я хотел бы тебе отдать, но они совсем засохнут и испортятся, пока я вернусь.

Когда мы позавтракали, я еще немного поспал, а потом Максим Сергеевич сказал всем убрать постели и лично проверил результат. Андрюше досталось. У него потерялось полотенце.

Поезд опоздал на семь минут. Вокзал был маленький, желтый с рыжей полосой и с белой лепниной (орнаментальной), а в каждом кружке – красивая звезда. Совсем рядом с вокзалом начинались обычные дома панельного типа. Мне они показались старыми, но Андрюша сказал, что все выглядит старше из-за солнца и что сами мы быстро состаримся тут из-за солнца.

Хотя нас немного, собраться все равно оказалось проблемой: у Фиры на чемодане сломалось колесико, а Володя и Боря ушли покупать газировку. Максим Сергеевич очень ругался и сказал, что мы недисциплинированные и нас таких в Космос ни за что не возьмут. К счастью, именно я очень дисциплинированный.

Мы с Андрюшей долго стояли на жаре, Максим Сергеевич забыл выдать нам воду. Андрюша не взял панамку, я отдал ему свою. У него темные волосы, значит, ему голову напечет больше, так я рассудил.

Кроме того, ты всегда мне говорила, что следует делиться с тем, кто нуждается. Так что я еще и отдал ему свое яблоко и свой огурец (снова). Солнце было очень большим и ярким, во всяком случае, мне так показалось.

Когда Максим Сергеевич все-таки дал нам воду, стало приятнее. В целом, мы довольно долго ждали, потому что Боря и Володя потом потерялись, а когда пришли, кажется, совсем стыда не испытывали. Они и пришли-то благодаря высокому профессионализму Володи, во всяком случае, он так говорит.

Максим Сергеевич нас ругал, говорил, что головы у нас червивые, и мы ничего не понимаем, и если не станем нормальными людьми, то никогда отсюда не выберемся.

Я его понимаю. Безответственное поведение провоцирует агрессию. Потом мы сели в маленький такой желтый автобус. Он рассчитан на куда большее количество людей, и я там

почувствовал себя одиноко, хотя мы сели вместе с Андрюшей.

Ехать было комфортно, открыли все окна, дул ветер. Городок совсем маленький и очень хорошенький, от вокзала до санатория вовсе и недалеко, пешком дойти тоже можно быстро. Валю укачало, я дал ей конфеты, которые ты мне с собой положила, мятные. Ей полегчало.

Из окна я город еще особенно рассмотреть не успел, могу только сказать, что мне он понравился, но пока ничего конкретного, что можно описать для тебя.

Расскажу еще раз про санаторий: не волнуйся. Это очень хорошее место, им заведует Эдуард Андреевич Забелин. Я уже видел его фото. Он очень импозантный мужчина с ясными глазами и большими бровями, выглядит, как актер из фильма, и совсем такой, как ты любишь. У него червь в голове, как и у нас, но это не помешало ему стать видным ученым. Он даже бывает в Космосе, единственный из тех, у кого червь не активирован, насколько я понимаю. Кроме того, он недавно защитил докторскую диссертацию. И наверное, знает о червях больше всех на свете.

В этом санатории два года назад лечился товарищ Шиманов. Вообще-то Эдуард Андреевич Забелин специализируется на лечении неврологических патологий и прочих нарушений, возникающих после активного использования сил червя.

Нам пока что рано об этом думать. Зато мы увидим настоящих героев! Эдуард Андреевич сумел многим помочь, улучшить качество жизни солдат и увеличить ее срок. На будущий год, так говорит Володя, товарищ Шиманов опять сюда поедет. Но еще Володя говорит, что товарищ Шиманов умирает. Он, конечно, и так прожил очень долго для человека с третьей стадией ксеноэнцефалита – почти пятнадцать лет. Это даже уникально.

Но мне все равно не хочется, чтобы он умирал. Он ведь такой герой. Надеюсь, Эдуард Андреевич ему поможет.

Я его еще не видел, но, когда увижу, обязательно с ним поговорю и спрошу про все, чтобы тебе написать и тебя успокоить. Процедуры, разработанные для нас, должны специально вызвать у нас ксеноэнцефалит и позволить нам управлять возможностями червя. Я думаю, руководство знает, что делает, а доктор Забелин разработал замечательную программу и тебе совсем не стоит за меня волноваться. В любом случае, процедуры начнутся не сразу, и сначала они будут совсем нечастые.

Максим Сергеевич сказал, что учиться нам вообще не придется, мы будем только отдыхать и делать процедуры. И еще

он пообещал развлекательные мероприятия, хотя я не уверен, что он сможет их организовать один, и не очень представляю, какими они могут быть. Надеюсь, впрочем, что нам будут показывать патриотическое кино.

Вместе с этим письмом я вышлю тебе также адрес местного отделения КБП, просто на всякий случай, кроме того: местного отделения милиции и больницы.

Забыл написать, мы проезжали еще и кладбище. Все надгробия были почему-то белыми, а не серыми. Андрюша сказал, что это тоже от солнца. Южные кладбища не кажутся такими уж страшными и гнетущими, может быть, потому что выглядят непривычно.

После этого небольшого отступления сообщу, что мы быстро и без проблем доехали. Сам санаторий оказался очень красивым. Он за большими коваными воротами, входишь через них и идешь по длинной тенистой аллее, деревья большие и будто бы даже под собственными весом немного прогибаются. Пахнет ярко, сочно и незнакомо. Первые деревья на пути оказались не кипарисы, а такие, каких я не знаю по названиям. Немного похожи на ивы, но не настолько печальные.

Дальше пошли уже кипарисы и стали видны корпуса. В санатории два корпуса и столовая. Два, как говорит Максим Сергеевич, это даже слишком много. По понятным причинам постояльцев совсем мало. В одном корпусе есть актовый зал, но я еще не разобрался, в каком. Может быть, даже в нашем. Корпуса друг от друга отделены садом. Много роз, и кусты все подстрижены, есть и другие всякие разные цветы в клумбах. Выглядит это аккуратно, но из-за того, что под солнцем жухнет вся трава, немножко и заброшенно, хотя впечатление это ложное.

За корпусами есть большое футбольное поле. Там сейчас никто не играет, но, наверное, играть будем мы. Максим Сергеевич так и сказал, что проведет нам игры. Я надеюсь, направление игр будет военно-патриотическое.

Для нас выделили весь второй корпус. А в первом корпусе живут герои, некоторые – вместе с семьями. Может быть, мы познакомимся и с другими детьми.

Перед корпусами стоят скамейки, они свежевыкрашенные, очень зеленые, поэтому их не сразу видно на фоне деревьев и кустов. Пока нас расселяли, мы долго ждали около нашего корпуса и я успел его хорошо рассмотреть.

Мне кажется, тебе бы тут очень понравилось. Корпус длинный, со множеством балконов, он облицован такими странными, красивыми, гладкими камушками. Я бы не сказал, что балконы вполне отвечают технике безопасности, необходимой

для юных искателей приключений, кои среди нас имеются.

Однако этажей всего четыре. Впрочем, расшибиться насмерть, наверное, возможно. Надеюсь, все будет хорошо. Балконы как будто идут сплошной верандой, отгорожены друг от друга они ненадежными, похожими на акульи плавники пластинами. Сам корпус песочного цвета, но с желтыми полосами. Над крышей имеется жестяной навес, видимо, от палящего солнца.

Именно от нашего корпуса идет широкая дорога в столовую, но мы там еще не были, как раз скоро пойдем, и, если честно, я уже очень голоден.

Как я уже упоминал, стояли мы долго, потом, наконец, Максим Сергеевич выделил нам палаты. Мне не совсем понятно промедление, ведь корпус предназначен для нас, и все было спланировано весьма задолго.

Зато палату нам выделили хорошую. Я, честно говоря, рассчитывал, что у нас будет палата на двоих с Андрюшей, это было бы логично. Однако я живу в номере 321, он рассчитан на четверых. Как ты понимаешь, это мне не слишком нравится, но поделать ничего нельзя. Я уже подошел к Максиму Сергеевичу, изложил проблему, но он сказал, что я должен быть мужчиной, а быть мужчиной, значит, отважно сражаться с трудностями. Я с ним абсолютно согласен, так что теперь мы с Андрюшей живем с Володей и Борей.

Палата не очень просторная, четыре кровати занимают почти все место. Зато очень высокие потолки, от этого все кажется таким светлым. Обои бежевые, немного поблескивают, но орнамент неописуем, какой-то растительный. Письменного стола нет, это и хорошо, и плохо. Хорошо, потому что он не вызовет конфликты. Плохо, потому что, опираясь на тумбочку, писать неудобно. Зато тумбочек четыре. У моей немного отходит дверца, не болтается на одной петле, но к тому близко. Однако я планирую ее починить. Гигиенические принадлежности и личные вещи в тумбочку влезают (там две полки).

Кстати, из прочих удобств есть библиотека! Это очень меня радует, потому что двух книг надолго мне не хватит.

Занавески очень красивые, белые, поверх них есть шторы, красно-коричневые. Шторы мы подвязали наверх, чтобы они не мешались, ведь столько света – это даже хорошо, а вставать мы будем рано, чтобы успевать много купаться.

Вполне чисто, хотя ковер (он лежит как раз между моей и Бориной кроватью) мне не нравится, мне кажется, он застарел, если только это нужное слово (и если оно существует).

Спим мы так: я у окна, Андрюша за мной, у двери, с другой стороны у окна Боря, а за ним у двери Володя. Андрюша боится

спать у окна, а Володя уступил место у окна Боре, потому что Боре часто бывает душно.

Палата у нас хорошая. Девочки живут в другом конце коридора. Номер у них трехместный, и есть стол.

Я имею подозрения, что Максим Сергеевич не хотел нас сильно расселять, чтобы было легче поддерживать дисциплину. В таком случае я его полностью понимаю и ни капельки не осуждаю.

Сейчас мы пойдем обедать, расскажу тебе про столовую, но потом, потому что сейчас стремлюсь закончить это письмо. Что касается моря, мы обязательно пойдем на море после тихого часа, уже совсем скоро. Максим Сергеевич сказал, что спать не обязательно, но я обязательно посплю, если только никто не будет беситься (сама знаешь, о ком я).

Надеюсь, я рассказал обо всем весьма обстоятельно, и ты больше не волнуешься.

Мне не терпится увидеть море! Думаю, оно еще прекраснее, чем из окна поезда.

В ответном письме, пожалуйста, расскажи, как ты! Ответь на все вопросы, опиши, что происходит дома, расскажи мне, как Галечка!

До свиданья, мама.

Твой любящий сын,

Арлен!

Запись 7: Впечатления Андрюши о море

Море очень красивое.

Запись 8: О море

Не знаю, к кому обратиться, а не обращаться ни к кому будто бы странно. Может быть, какие-то части отсюда я использую в новом письме для мамы. Для людей будущего мои рассуждения о море не представляют ценности. Я это понял очень хорошо, когда увидел само море. Я по сравнению с ним такой маленький, совсем крошечный. А оно бесконечное. На самом деле, разумеется, не бесконечное, но кажется именно так, и я себя никак не могу убедить в том, что за горизонтом есть города, и жизнь, и все такое же, как и у нас.

У берега море почти зеленое, а на горизонте его гладь кажется черной.

Вдалеке, как огромные морские чудовища, стоят вышки, они добывают аврорум (примечание для людей будущего: это газ, он очень ценен, есть не только на нашей планете, но у нас был открыт впервые, и его много, такой газ используется в космической промышленности, но как именно, я не знаю).

Издалека вышки выглядят очень странно, они похожи не только на чудовищ, еще – на корабли на ножках. Мне бы хотелось получше их рассмотреть, но это стратегический объект, и мы не поедем туда на экскурсию.

Еще есть корабли, они тоже очень далеко, и они белые. Боря говорит, что в море водится ксенобелуга, она похожа на белугу из книжек, но больше и злее. И что она убивает двести человек в год. Я этому не верю, но Андрюшу, кажется, такая выдумка испугала.

Море – это не пустота. В море есть рыба, и газовые вышки вдали, и красивые корабли, и черная полоса горизонта, такая длинная, что всю ее нельзя увидеть, и красно-белые, похожие на конфеты буйки, и купальщики, которых довольно много, и медузы (не ядовитые).

Для меня море было некоей абстракцией, а теперь оно реально и очень конкретно. Вода – соленая, она холодная и как будто более липкая и плотная, чем обычная, пресная, в реке или озере. Когда высыхаешь на солнце, остается как бы соляная пленочка на коже и кожу стягивает. Это и приятно и неприятно. Бегать по песку я уже приноровился, это весело, хотя меня часто заносит на поворотах. Много ракушек. Кто-то закапывает в песок сигаретные бычки!

Входить в море сначала ужасно холодно, все сводит, вплоть до зубов, здесь секрет в том, чтобы опуститься быстро, и тогда привыкаешь, и кажется уже, что даже тепло. Сверху солнце, оно большое и яркое, может легко напечь голову. Оно похоже на

кружок, вырезанный в небе. То есть: небо – синяя бумага, а за ней – свет большой, красивой, мощной лампочки, его и видно через кружок.

Больше всего мне понравилось нырять. Правда, вода мутная от песка и глаза раскрывать больно, но все равно вслепую искать ракушки весело. Ракушки есть разные: и такие, как в книжках, и совсем особые – аврорианские, витые, многоярусные, с несколькими жильцами.

Боря и Володя изобрели игру «в пятку». Довольно травматичная, на мой вкус, игра. Выбираешь противника, и цель в воде достать до его пятки рукой. Цель противника – достать до твоей пятки. Завязывается бой, иногда очень напряженный, с подныриваниями и прочим.

Девочки с нами поиграли. Валя очень много раз побеждала. А Фира, когда вылезла на берег, вдруг расплакалась из-за того, что теперь точно не расчешет свои волосы. Они и правда совсем запутались, ее красивые, густые волосы, а еще они такие черные, что после моря, мне показалось, покрылись белесой соляной пленкой.

Я оказался в пяточной игре неплох, потому что я довольно терпеливый и умею выжидать. Еще я могу надолго задерживать дыхание и оставаться под водой, а также я сильный. Один раз я перевернул под водой Володю.

Максим Сергеевич с нами в море не ходил, он оставался на лежаке и читал книжку, только иногда поглядывал, всё ли в порядке. Я такого не одобряю, ведь всегда (особенно во время игры в пятку) может произойти несчастный случай. С другой стороны, человек должен быть самостоятельным, чтобы соответствовать высоким идеалам, заданным справедливым обществом.

У Максима Сергеевича теперь появился еще красивый серебристый свисток, на солнце он все время блестит, даже ярче, чем Борин пистолет для забоя скота (он его спрятал где-то в номере, я уверен). Максим Сергеевич в этот свисток свистнул, когда нам пришла пора выходить из моря. Я, конечно, сразу вышел и Андрюшу с собой захватил, потому что Андрюша легко простужается. Девочки вышли чуть погодя, а Боря и Володя до сих пор в воде, они играют.

Безответственное поведение.

Максим Сергеевич так и отдыхал на лежаке. Мы с Андрюшей расстелили полотенца рядом с ним.

Я спросил:

– Сходить за ними?

Максим Сергеевич пожал плечами и сказал:

– Человек свободен в главном, даже в условиях тотальной несвободы, он может делать выбор между наказанием и его отсутствием.

Я сказал:

– Хорошо.

Андрюша рисовал на песке. Он очень хорошо рисует, и сейчас у него получались ладные девочки, мальчики и виселицы.

Я сказал:

– Ты хочешь поиграть в казни?

Так мы с ним однажды подружились, я играл в казни, а Андрюша меня спросил, можно ли ему присоединиться. Мы стали уничтожать вредителей.

– Да, – сказал Андрюша. – Хочу.

У Максима Сергеевича в первые же полчаса весь нос обгорел, теперь он отчаянно прикрывал его от солнца. Я вдруг посмотрел на свои руки и понял, что скучаю по этому ощущению: собирать и разбирать оружие.

Максим Сергеевич сказал:

– Жданов, ты же хочешь хорошую характеристику?

– Да, – сказал я. – Я готов трудиться на благо нашей великой Родины, чтобы ее заработать.

– Особо трудиться не надо, – сказал Максим Сергеевич, почесал нос и поморщился. – Послушай, ты ведь ребенок, так?

– Я будущий солдат.

– Но образно-то выражаясь, ты ребенок. Вернее нет, не образно – физиологически ты ребенок.

Андрюша поднял голову, посмотрел на Максима Сергеевича и сказал с неожиданным участием:

– Да, мы дети.

Светило яркое солнце, песок поблескивал.

Максим Сергеевич сказал:

– У меня есть идея книги. Я хотел узнать, понравится ли такое детям. Вот вы – дети. Давайте настройте свои детские умы на понимание моей глубокой мысли.

Максим Сергеевич помолчал, а потом добавил задумчиво:

– А может, никакой глубокой мысли тут нет.

Я не знал что ответить. Андрюша сделал своим девочкам и мальчиками глаза-ракушки. Максим Сергеевич сказал:

– В принципе, искусство, конечно, должно быть самоценным. Но если адресату будет совсем неинтересно, то какая же это книга? Это так, письмецо самому себе.

– Я пишу письма самому себе, – сказал я. (Вот, например, я занимаюсь именно этим через некоторое время после нашего разговора.)

Максим Сергеевич вздохнул:

– Это потому что ты, Жданов, как личность мало кому интересен. Но это пройдет. Вот станешь героем, начнешь жонглировать своими внутренними органами, и все будут тебя страшно бояться.

– Я не хочу, чтобы меня боялись, – сказал я. – Мне хочется помогать людям.

– Ну, в мире не все выходит так, как мы хотим. Я вот хочу быть писателем. Арефьев, ты меня слушаешь?

– Слушаю, Максим Сергеевич, – сказал Андрюша и тоже вздохнул.

– Значит так, – Максим Сергеевич снова свистнул в свисток. Валя и Фира, собиравшие ракушки у кромки воды, оглянулись, а Боря и Володя даже не отреагировали.

– Не дети, – сказал Максим Сергеевич. – Уроды. Так вот, моя книга. Это будут приключения львенка.

– Львенка? – спросил я. – Почему львенка? Я – человек и хотел бы читать про приключения человека.

– Жданов, – сказал Максим Сергеевич. – Ты – не человек. Но очень похож.

Он сказал это вовсе не зло, но, кажется, сам себя немного устыдился.

– Хорошо, – сказал он. – Это будут приключения львенка и червенка.

– Червенка?

– Червя? – спросил Андрюша.

– Не такого, как у тебя в голове, Арефьев. Просто червя. Червенка.

– Но я не понимаю, – сказал я.

– Они дружат, – продолжал Максим Сергеевич, глядя на море. – Львенок и червенок. Дружат, несмотря на то, что они очень разные. Им нелегко друг с другом, и иногда они друг друга не понимают. Например, львенок ходит на четырех ногах, а у червенка вообще нет ног.

С моря подул ветер, соленый, свежий, прохладный. Андрюша чихнул, я сказал:

– Закрывай рот, пожалуйста. И будь здоров.

А Максим Сергеевич продолжал:

– Львенок и червенок жили в маленьком городке, почти в поселке. Там жили и разные другие животные.

– Как такие разные животные могут жить в мире? – спросил я.

– А наступил коммунизм, – сказал Максим Сергеевич. – И лев больше не был врагом агнцу.

Я нахмурился. Я явно чего-то не понимал, но Максим

Сергеевич объяснять не хотел.

– Так вот, львенок и червенок стали искать причины всяких вещей. Почему мы чихаем? Откуда берутся наводнения? Куда скрывается солнце, когда мы его не видим?

– Разве в таком развитом мире, – сказал я, – при коммунизме, животные еще не знали этого?

– Нет, Жданов, – сказал Максим Сергеевич. – Они же животные.

– Тогда я совсем ничего не понимаю.

– Слушай дальше. Чтобы узнать причины появления всех вещей, львенок и червенок отправились в путешествие на край света. Туда, где, как говорят, можно было понять все законы мироздания. Там круги были по-настоящему круглыми, а треугольники треугольными. Ночи – темными, но не все, например, белые ночи были светлыми.

– Оттуда брались все вещи? – спросил Андрюша. – Но почему?

– Потому что я так придумал, вот почему, – сказал Максим Сергеевич. Я теперь совсем ничего не понимал.

– Так вот, – продолжал Максим Сергеевич. – Спустя много приключенческих глав, которые обязательно будут написаны, львенок и червенок добираются до горизонта и узна́ют, что они не могут дружить.

– Почему?

– Ну, знаете, потому что они львенок и червенок.

Андрюша сказал:

– Эта история очень грустная. И бессмысленная.

Я аккуратно ткнул его в бок, покачал головой и осторожно добавил:

– Мне нравятся более логичные истории. И про войну.

– Это очень верно, – сказал Максим Сергеевич. – Более логичные истории. И про войну.

«И» он выделил как-то по-особому.

Я сказал:

– А почему все должно так плохо заканчиваться? Дружба – вечна.

– А вы с Арефьевым всегда будете друзьями?

– Да, – сказал я.

– А если окажется, что ты вырастешь львом, а он – червем? Или наоборот.

– Все равно, – сказал я. – Дружба – это что-то такое большое и серьезное. Нельзя дружить понарошку, понемножку, не насовсем.

– Запишу, – сказал Максим Сергеевич. – Но вы совсем ничего не понимаете в искусстве, глупые дети. Жизнь – это трагедия. Я

так вовсе считаю, что лучше никогда не рождаться.

– Это упаднические настроения, – сказал я.

Светило солнце, песок блестел, Андрюша рисовал на нем свои недолговечные рисунки.

– Поди хорошо родиться с червем в голове и умереть молодым. Сколько там у тебя будет времени? Десять лет? Пятнадцать?

Я скажу честно, что не задумался ни на минуту. Я сказал:

– Это не важно. Важно, что есть что-то больше и лучше, чем я. Я за это умру, а значит, я проживу жизнь не просто так. Когда ты отдаешь, ты получаешь всегда намного больше.

Максим Сергеевич почему-то засмеялся и сказал:

– Обманули тебя, Жданов. Вообще-то говоря, в червивые времена ваши предки жили, как муравьи или пчелы. Это, наверное, у тебя оттуда. Идеи об общем благе, самоотречении.

Я сказал:

– Напишу на вас, куда следует.

– А у меня червя в голове нет, пиши куда угодно. Но так-то я, конечно, проверяю тебя. Мало ли ты какой неблагонадежный.

Я тут же подобрался, но не испугался совсем. Я сказал:

– Я очень верный. Я всем сердцем верю.

Максим Сергеевич снова свистнул в свой серебристый свисток. Боря с Володей наконец вышли.

– Вы свисток слышали? – спросил Максим Сергеевич.

– Нет, – сказал Боря. – А вы свистели?

– Надо же, – сказал Максим Сергеевич. – Не волшебный.

У Бори и Володи, у обоих, губы стали совсем синие от холода. А Валя нашла очень красивую ракушку – белую-белую, всю в полосках. Андрюша пообещал просверлить ей дырочку, и это почему-то вызвало неистовый приступ смеха у Володи и Бори.

Я, как ни старался, не смог найти в этом ничего смешного.

А сейчас мы пойдем опять купаться.

Запись 9: Жалоба

Останину Максиму Сергеевичу,
куратору первой пионерской группы планеты Аврора
от Жданова Арлена Георгиевича, пионера

Примерно в 16.30 мы с группой купались в море. Я решил совершить заплыв на дальнюю дистанцию (до косы). Для меня такой заплыв не составлял никакого труда, я плаваю довольно хорошо, и я выносливый. Довольно долго и сосредоточенно я плыл к своей цели, затем я услышал позади плеск.

По-видимому, я задумался, поэтому не понимал, что Шиманов Борис Александрович следует за мной.

Я подумал, что это Арефьев Андрей Романович, поэтому не забеспокоился. Я сказал преследователю, что не заметил присутствия попутчика, и ожидал услышать ответ друга, но вместо этого почувствовал давление на плечи. Я не успел вдохнуть достаточно воздуха и опустился под воду.

Мне стало очень страшно (не потому, что я трус, это был страх инстинктивный), я почувствовал, что задыхаюсь, очень испугался, но Б. А. Шиманов продолжал удерживать меня под водой. Место было довольно глубокое, и я попробовал подплыть под ним, чтобы освободиться, но не смог.

Мне вообще было сложно контролировать свои действия, в воде я запаниковал, и мне стало очень плохо. Б. А. Шиманов продолжал меня топить.

Я не знаю, чем я спровоцировал акт такой агрессии. Б. А. Шиманов часто ведет себя не по-товарищески, иногда нападает на меня без причины. Сегодня мы не ссорились, вернее, он конфликтовал со мной не больше обычного.

Акт бессмысленной агрессии продолжался довольно долго, в какой-то момент Б. А. Шиманов дал мне вырваться, чтобы я глотнул воздуха, а потом опять стал топить.

Так продолжалось некоторое время: когда я думал, что мне удалось вырваться, он снова меня топил. В конечном счете, я так сильно устал, что не смог продолжать бороться и у меня не осталось сил вырываться. Тогда Б. А. Шиманов вытащил меня из воды. Я не мог плыть к берегу, и он помог мне, но такая помощь не делает ему чести.

Я стал жертвой неспровоцированного нападения, мне неприятна подобная ситуация, и я требую принять меры в отношении Б. А. Шиманова как можно скорее.

Утверждаю, что у него случаются приступы

немотивированной агрессии с самого детства (на которые я, кстати, неоднократно жаловался). По всей видимости, червь влияет на него дурно. Прошу рассмотреть вопрос о том, достоин ли он отправиться в Космос и достаточно ли покладистым характером обладает Б. А. Шиманов.

Также обращаю ваше внимание на то, что у Б. А. Шиманова хранится пистолет для забоя скота (пневматический пистолет с выдвигающимся ударным стержнем).

Еще раз настоятельно требую принять в отношении Б. А. Шиманова какие-нибудь меры.

С уважением,

А. Г. Жданов.

Дата. Подпись

Запись 10: Все разы, когда меня обидел Боря

Меня даже стошнило, и в желудке оказалось столько воды, меня никогда так не тошнило. И потом долго были спазмы в груди, и я не мог вдохнуть, мне становилось больно. Я совсем устал и сейчас чувствую себя уставшим, лежу в номере и смотрю в потолок. Мы с Андрюшей уже поговорили, я пожаловался ему, и теперь мне стыдно еще за это.

Андрюша сказал, что у Бори в любой компании одно стремление: просчитать, кто слабее, а кто сильнее, и что он – существо в высшей степени иерархичное. И что такие люди везде будут строить тюрьму, и будут стараться в этой тюрьме стать надзирателями.

Меня это не успокоило, а только расстроило. Я расстроился за себя: как же так? Я расстроился из-за того, что кто-то может так видеть мир.

Мне кажется, ни с кем нельзя обращаться подобным образом. Еще я растерялся, потому что осознал в какой-то момент, что не могу понять, откуда у нас с Борей такая вражда. Мне уже стало казаться, что так было всегда, но у всего должна иметься причина, как я считаю.

Поэтому я решил вспомнить те случаи наших конфликтов, которые меня сильно задели.

1. Нам было по семь, когда мы только начали вместе учиться. Боря с самого начала показался мне очень шумным мальчиком, он все время привлекал к себе внимание, громко смеялся, демонстрировал антиобщественное поведение и этим гордился. Это был плохой ребенок, как говорит Андрюшина мама: оторви и брось. Мы с ним оба тогда не очень-то хорошо успевали, честно говоря (хотя стыдно в этом признаваться), но Боря всегда вел себя так, словно он лучше всех. Наверное, я ему завидовал, потому что мне было тяжело и я понимал, что мне тяжело.

Однажды я заметил, что он списывает контрольную по истории, мы тогда почему-то сидели рядом, может, нас так посадили, не помню. Это меня очень разозлило, и я сказал учительнице. Боря только пожал плечами, словно двойка его вовсе не волнует. Я совершенно забыл об этом эпизоде. На прогулке мы с Андрюшей стали играть в казни. Я ему объяснял, что дезертир – самый страшный преступник. Потому что даже если у тебя нет рук и ног, врага надо рвать зубами. Я был очень увлечен игрой, а потом на прогулку вышел Боря (еще помню,

стояла осень, листьев намело), его задержали после урока. Он был злой, щеки у него горели. Он меня неприлично обозвал и кинулся драться. Мы долго дрались, а потом он меня чуть не задушил ружейным ремнем. Он накинул его мне на шею и перетянул шлейки крест-накрест, и я чувствовал себя норовистой лошадью, которую вот так взнуздали. Я помню, он сидел позади меня, а я дергался, сапогами возил по асфальту, листья разлетались, мне пришлось как можно сильнее откинуться назад, и я даже чувствовал его дыхание.

А потом все как-то погасло, но дальше случилось то, чем я горжусь. Когда я очнулся, он звал меня по фамилии, наклонился надо мной, испугался. А я знаю, что дезертир – худший преступник. Как только я увидел его очертания (все было в черных пятнах), то сразу вцепился зубами в его шею. Меня тогда оттащил Володя. У Бори до сих пор шрам, а у меня весь рот был в крови.

А потом оказалось, что Боря еще и дал сапогом в нос Андрюше, как-то где-то в ходе этой истории.

2. Он все время кидает в меня камушками. Сколько раз это было – не счесть!

3. Однажды он выплюнул жвачку мне в глаз.

4. Я пытался отобрать у него сигарету, и он прижег мне руку, ожог и сейчас сошел не до конца!

5. И так далее и тому подобное. Теперь, когда я начал перечислять все эти вещи, кажется, что их бесконечное множество, и всегда он меня достает.

Для того чтобы отразить ситуацию объективно, в этот список дополнительными пунктами будут внесены и мои собственные действия, которые когда-либо наносили ущерб Боре.

1. Однажды, когда мы тренировались в технике допроса, я воткнул острый грифель карандаша ему в десну, потому что нам разрешалось применять легкие пытки. Если бы нам разрешалось применять более интенсивное физическое воздействие, я бы так и сделал. Но я всегда следую технике безопасности.

И все-таки я не понимаю, как так вышло. Ужасное ощущение, будто задал себе задачу, а она никак не решается. Я об этом думаю, и мне все время вспоминается, как меня тошнило водой, как это было противно и больно. А если подойти к делу с другой стороны? Может быть, Боря боится, что у него ничего не выйдет с ксеноэнцефалитом и он сойдет с ума. Может, он боится не быть лучшим из нас и старательно себя убеждает в том, что я гораздо слабее и никчемнее.

И тогда получается, что Боря не такой уж и плохой. Он, наверное, тревожится.

Какая успокаивающая мысль!

Запись 11: Бесценное мнение

Потому что ты обсосок, вот почему. Все куда проще, не забивай свою тупую головушку, бедняжка. «Ай-ай-ай, меня обижают мальчики». Не забудь только отрастить косички, как у Фирочки, и обязательно вплети красивые бантики, тогда мальчики перестанут быть такими грубыми и будут только совать тебе за пазуху лягушечек.

Чао!

Запись 12: Ночное беспокойство

По поводу прошедшей ночи необходимо отметить несколько вещей. Во-первых, я снова очень мало спал. После отбоя Максим Сергеевич ничего не контролировал, и началось. Во-первых, Боря курил на балконе, а Володя его покрывал. Я сегодня обязательно расскажу об этом Максиму Сергеевичу. Во-вторых, позже Володя вообще ушел, сказав, что у него запланирована «встреча». На все расспросы отвечал уклончиво, вернее, почти ничего не прояснял. Боря сказал, что у Володи свидание. Это грубо нарушает правила, но я был слишком уставшим, чтобы как-то решить эту проблему, да и не обладал достаточными полномочиями.

Потом Боря вроде как лег спать, и мы говорили с Андрюшей. Андрюша жаловался на боли в мышцах. Я сказал, что такое бывает из-за нервных перегрузок. Я перевернулся, заглянул под его кровать и увидел там полотенце из набора белья, который выдали нам в поезде.

Я страшно удивился, и мне не хотелось в это верить.

Я спросил Андрюшу:

– Зачем ты это сделал? Ты ведь украл.

Андрюша сказал:

– Не знаю. Просто мне захотелось, чтобы у меня было такое полотенце. На память.

Он говорил ровным, ничего не выражавшим тоном, будто озвучивал заданный текст. Мне стало грустно. Я сказал:

– Ты – большая умница. Я думаю, ты очень сильно нервничаешь из-за того, что будет.

– Да, – сказал Андрюша.

– Но полотенце надо вернуть на вокзал.

– Да, – сказал Андрюша.

– И сдать в поезд.

– Да, – сказал Андрюша.

– Потому что это наша социалистическая собственность.

И он, конечно, еще раз сказал:

– Да.

А я разволновался. Мой лучший друг – и ворует. И такую вещь – полотенце. Я бы разозлился, если бы Андрюша воровал то, что могло бы ему по-настоящему пригодиться. А своровать полотенце – это так беспомощно. Я стал думать, как бы мне ему помочь, какие найти верные слова, как успокоить его и убедить в том, что все будет хорошо, потому что когда человеку плохо, тогда он и занимается всякими антиобщественными делами. Мне хотелось найти нужные слова.

Андрюша не спал, он смотрел в потолок.

Я сказал:

– Ты боишься сейчас, потому что все будет новое. Но ничего страшного нет, потому что все тяжелые вещи произойдут с тобой совсем не просто так. Ты будешь частью чего-то великого. Тебе не будет страшно умирать. Я читал в одной книжке, что умирать страшно тем, кто жалеет о прожитой жизни. Тогда хочется что-то исправить, переиграть. А если ты будешь героем, то тебе не будет хотеться ничего исправлять. Жить надо так, Андрюша, чтобы не захотеть изменить ни дня.

– Ты всегда так хорошо говоришь, Арлен, – сказал мне Андрюша. Он и не пошевелился толком, и губами двигал едва заметно.

– Но ты боишься?

– Я боюсь. Я всего всегда боюсь. А мы пойдем завтра откапывать майских жуков? Они уже закопались?

– Нельзя их откапывать, – сказал я. – Они там делают детей, это очень ответственное дело.

– Жуки мне нравятся. А вдруг на других планетах их нет?

– Но ты же вернешься на Аврору.

– Умирать.

– На пенсию, а еще в отпуск, что будет не так уж редко, – сказал я. – Но ты ведь не просто так это выбрал.

Андрюша перевернулся набок, посмотрел на меня, и мне показалось, будто он хочет что-то сказать, но вот никак не может решиться.

– Смелее! – сказал я, прижав руку к сердцу. – Ты мне можешь во всем довериться, ты же мой товарищ.

– Да «еб твою мать», Жданов, твое бедное коммунистическое сердечко не выдержит, если дрочер скажет правду!

Наверное, мы разбудили Борю.

– Господи боже мой, Борис Шиманов в стране удивительных лошар.

– Бога нет, – сказал я.

– Да «отъебись» ты! В общем, дрочер сюда сам попросился, чтобы убивать людей. Не чтоб его родителям жилплощадь расширили, не чтоб много денег получить, не чтоб то, не чтоб се, а просто ему хотелось убивать как можно больше людей, и чтоб ему за это ничего не было.

– Большей чуши я в своей жизни не слышал!

Боря громко засмеялся, заблестели в темноте его зубы.

– В общем, дрочер, скажи, если б ты знал, что завтра тебе отхреначат башку к чертовой матери, ты бы как провел свой последний день?

– Я бы гулял и читал книжку.

Но Борю ни в чем никогда нельзя переубедить.

– Ну да-да-да. А на самом деле ты бы нас всех убил? А?

– Да, – сказал Андрюша очень печально и просто. Это была шутка Володи и Бори, давняя и обидная, про то, что Андрюша – потенциальный маньяк-убийца. Здесь сошлось несколько факторов:

1) Андрюша – Андрей Романович, как известный серийный убийца земных времен.

2) Андрюша странный, он любит за всеми подглядывать, у него есть дурные и чудаковатые привычки, и он много фантазирует.

3) Однажды он случайно выстрелил в Фиру. Все, к счастью, обошлось, пуля только поцарапала ей руку, но Володя и Боря (и, мне кажется, сама Фира) были уверены в том, что Андрюша сделал так специально.

Сначала он, мне кажется, обижался на эти шутки, а теперь принимает их послушно, и совсем привык, и даже сам как будто комедианствует на эту тему в своей странной манере. Я таких шуток не одобряю и считаю их обидными. Я так Боре и сказал.

А Боря ответил:

– Глаза разуй. Дрочер собирается резать межгалактических проституток, сто пудов.

– Что?

– В межгалактических борделях.

«Межгалактический» – его любимое слово, хотя люди еще даже не освоили соседние Галактики.

– Жаль, что мы разбудили Борю, – сказал Андрюша.

А Боря принялся рыться под наволочкой, вытащил пачку сигарет и пошел на балкон. Я, конечно, выбежал за ним. Было холодно, и ветер дул, и так темно, и так звездно. Красный огонек Бориной сигареты мерцал, то он угасал, то вспыхивал вновь.

Я сказал:

– Брось эту гадость и веди себя прилично! Твои пустые способы самоутвердиться позорят честь пионера!

Боря мне сказал:

– А ты отбери!

И я попытался, и он снова, как и месяц назад, ткнул сигаретой мне в руку, ловко, прямо в то же самое место. Я разозлился не на шутку: сегодняшний морской эпизод, и ожог, и обидная запись в этой тетрадке, все меня будто ослепило. Я кинулся на него, а его на месте уже не было. Клянусь, я совсем теперь не хотел спать, у меня даже зубы скрипели от злости.

А Боря легко вскочил на парапет балкона, уселся лицом ко

мне.

– Давай-давай, – сказал он, сделал пустую затяжку (сигарета потухла, когда он меня обжег), а потом щелчком отправил окурок вниз.

– Беги, пожалуйся Максе, – сказал Боря, а потом откинулся назад, раз – и он висит вниз головой. Я страшно испугался, а Боря засмеялся. Он сказал:

– Дрочер трусит, а ты – скучная зануда, девчонок не считаем. Володя ничего, но лучше всех все равно я. Я просто огонь! Когда я отправлюсь в Космос, стану межгалактической звездой. Буду зажигать по полной и умру героем. Не хочу подохнуть беспонтово. Хочу умереть красиво, я буду таким красивым, когда я умру!

– Если ты это не прекратишь, то умрешь сейчас, – сказал я.

– Ну, – сказал Боря. – А я готов.

Голос его казался гнусавым из-за того, что он висел вниз головой.

– Я готов умереть, – сказал он. – Ну просто в любой момент. По любой самой незначительной причине. Хочешь расскажу прикол?

– Что? Не надо мне ничего рассказывать, слезай.

Я стоял босой, ногам было холодно, и ночной ветер жег между пальцами.

– Значит так, если б батя скопытился раньше и меня б сюда не отдали, я б пошел в психологи или в психиатры. И мне б когда-нибудь сказали сделать доклад, «заебатый» такой доклад. И я бы взял такую тему: предикторы суицида.

– Кто суицида? – спросил Андрюша. Он стоял рядом со мной, а я и не заметил его сразу. Андрюша тоже был босой, и пальцы у него на ногах покраснели.

– Предвестники, – сказал Боря. – Предвестники суицида. Я бы прочитал длинный доклад: как это, понять, что кто-то хочет себя мочкануть. А потом знаете, знаете, знаете, что бы я сделал?

– Нет, – сказал я.

– Я бы достал пушку и выстрелил себе в висок.

Я сказал:

– Не смешно.

– Но смешно же!

Мне было страшно к нему подойти, и я боялся, что он сиганет вниз.

– Если так идти по балконам, – сказал Боря, – можно и до девчонок добраться. Но Максе все равно «по хуям». А знаете почему ему «по хуям»? Он нас жалеет.

– Глупости, – сказал я. – Во Вселенной множество людей куда

несчастнее, им нужна наша помощь.

– А то! Голова так кружится, кружится, кружится!

Я испугался, сделал шаг к нему, и меня посетила страшная и постыдная мысль: если Боря свалится, больше не будет ничего такого ужасного и унизительного. А Боря – сам виноват. Мысль эта меня испугала и расстроила.

Боря засмеялся, будто знал, о чем я думаю, а потом сделал очень страшную вещь – отцепил одну руку от перил.

– Помоги мне, – сказал он.

Поступать по-товарищески необходимо даже тогда, когда это сложно. И ценнее всего так поступать именно тогда, когда это сложно. Я крепко схватил его за одну руку, за вторую и помог подняться. Потом ладони у меня еще долго пахли чем-то металлическим, железный запах перешел с Бориных рук на мои.

Боря сказал:

– Ну, счастливо оставаться, стукач и «дрочер», до свиданья, господа, и удачи вам во всем!

– Не господа, – сказал я. – А товарищи.

– Ну товарищи.

Мы с Андрюшей еще некоторое время стояли на балконе. Я совсем-совсем замерз, но почему-то не мог заставить себя вернуться в комнату. Мне больше не хотелось спать. Я видел звезды и знал, что люди умеют летать, я тоже хотел летать.

Звездное небо казалось низким, отчетливым и ярким, как картинка.

Андрюша стоял рядом со мной. Он вдруг сказал:

– Тебе не нравится, когда тебе причиняют боль?

Вопрос такой странный. Я сказал:

– Нет.

– Понятно, – сказал Андрюша. – Если бы Боря упал, наверное, его мозги вытекли бы на асфальт.

– Наверное, – сказал я.

– Пойдем спать, Арлен. Мы с тобой совсем устали.

– Ладно, – сказал я, хотя спать мне не хотелось.

Я взял Андрюшу за рукав пижамной рубашки и потянул за собой в комнату.

Очень замерз, никак не мог отогреться. Потом пришел Володя, и они о чем-то шептались с Борей, а я думал: если бы я не подал ему руку, как бы я жил тогда дальше? Хуже нет – предать товарища, даже если тебе товарищ и не нравится-то вовсе.

Я не мог разобрать, о чем они там шепчутся. Блеснуло по векам светом, и Володя сказал отчетливей:

– Во, глядите, тут к кому-то черная машина приехала!

– Значит, кто-то «шизоебнулся», – сказал Боря.

– А если б батяня неудачно «шизоебнулся», нас бы с тобой не было.

Так они разговаривали о черных машинах, которые приезжают ночью за теми, у кого долго держится очень высокая температура.

Есть, конечно, и другие виды врагов и вредителей. Все вредители одинаково вредны.

Я заснул не сразу, но все-таки заснул.

Снился мне случай, который со мной в самом деле произошел, однако сон вышел еще более тревожный, чем сам тот случай. Это случилось на праздновании дня рождения Володи год назад. Мы сидели за столом с ребятами, я чувствовал себя некомфортно, а Андрюша – еще более некомфортно, чем я. Фира показывала нам красивые открытки. Товарищ Шиманов зашел нас проверить.

– Веселимся, молодежь? – спросил он.

Так мне все это и снилось, как было на самом деле.

Товарищ Шиманов сел за стол, засмеялся, отрезал себе кусок торта. Шиманов был пугающим и обаятельным.

– Водку вам вроде бы рано, – сказал он. – Или ты взрослый уже, Володь?

Товарищ Шиманов плеснул в Володин стакан газировки, отпил, поставил. Потом кровь потекла у него из носа. Кровь потекла, а он не обратил внимания. Лимонад стал розовым, и он его выпил. Все лицо было в крови, но мы почему-то ничего ему не сказали.

Тогда я понял, что он умирает.

А во сне я понял, что тоже так умру.

Вот какой тревожный мне приснился сон. А проснулся я оттого, что меня куда-то несут. Боря и Володя швырнули меня в комнату к девочкам. Все могло бы быть ужасно, но девочки уже не спали. Я быстро вскочил с пола, отряхнулся, сказал:

– Доброе утро!

И принялся колотить в дверь.

– Выпусти меня! Выпусти меня отсюда!

Но дверь не поддавалась.

– Это что же, Арленчик, с нами так страшно? – спросила Фира. Она расчесывала свои густые, темные волосы. Но сколько бы Фира ни расчесывала их, они никогда не становились гладкими.

«Когда-нибудь, – говорила Фира, – я совсем перестану это делать».

Валя завязывала шнурки на ботинках.

– Не обращай на них внимания, – сказала Валя. – Будешь

паниковать, они и вовсе не отстанут.

Я вздохнул, развернулся и прислонился к двери. В комнате девочек пахло шампунем и было светло-светло.

Через пять минут меня выпустили, и Максим Сергеевич повел нас на зарядку, а теперь мы уже скоро пойдем на завтрак.

Очень мне хочется бутерброд с маслом.

Запись 13: Про Эдуарда Андреевича – маме

Дорогая мамочка, еще я, конечно, не получил от тебя письма, но уже начал писать следующее.

Здесь столько впечатлений, и я ими всеми хочу поделиться!

Обязательно пиши мне, отвечай на все письма и рассказывай, как ты. Надеюсь, ты со всем справляешься. Тебе, может быть, одиноко, но ты думай обо мне, думай о том, что мы с тобой пока на одной планете и небо видим одинаковое.

В одной книжке я читал, как папа и дочка вместе смотрели на одну звезду, хотя были далеко друг от друга. Давай тоже вместе по вечерам смотреть на одну звезду. Выбирай на какую. У меня на верхней полке, слева третий, стоит астрономический справочник. Там посмотри на карту ночного неба, выбери звезду, которая понравится тебе, а я тоже найду карту. Я сверюсь, и мы станем друг к другу ближе.

Что касается твоей печали, она скоро развеется, я думаю.

Когда тебе становится печально, вспомни, что на многих планетах люди пока несчастны. А наша порода наделена большой силой, и мы можем приблизить тот мир, о котором сейчас люди только мечтают, которого они еще не могут достигнуть.

Думай о людях, которые живут впроголодь или страдают от войн, которых эксплуатируют, продают, покупают. В наших силах положить конец долгой войне и отказываться от этого – преступно.

Уверен, ты меня в этом поддержишь!

Я повесил над своей кроватью плакат, мой любимый.

Пионер! Ты за все в ответе!

Этот плакат меня всегда очень вдохновлял, и теперь тоже вдохновляет.

Еще вдохновляет море! Чудесное, чудесное море! А по вечерам, наверное, будут показывать кино.

Но я тебе спешу рассказать о самом главном, мы сегодня после завтрака (поэтому на море пойдем позже) встречались с Эдуардом Андреевичем, я тебе о нем уже немного рассказывал – директор санатория, главный врач.

Человек он престранный. Но сначала расскажу о завтраке, потому что ты, наверное, волнуешься о том, как я тут питаюсь.

Питание организовано на высшем уровне. Четырехразовое плюс кефир с вареньем вечером. Все очень вкусно, так что не переживай. Даже Андрюша ест, хотя и не очень охотно. Я бы ему

говорил, что, если не будет есть, не вырастет, но он и так очень высокий. Мне кажется, он даже по каким-то своим причинам боится еще вырасти.

Мне больше всего нравится рисовая каша с молоком. И вообще молока дают много, а я его люблю, так что я радуюсь. Все очень свежее – достижения нашей сельскохозяйственной промышленности, которыми можно гордиться.

Около столовой еще растут очень красивые кипарисы, их много, и мне кажется, кое-кто прячется за ними и курит. Во всяком случае, сегодня я слышал такую фразу: по закону Архимеда после сытного обеда, чтобы жиром не заплыть, надо срочно покурить.

Насколько я знаю, она весьма древняя (но, разумеется, не времен самого Архимеда).

Впрочем, на кипарисы я отвлекся изрядно и сделал это зря. Сидим мы все за одним столом, а Максим Сергеевич за соседним. Он все время пьет компот и жалуется. Сегодня на завтрак была манная каша, совсем не такая, какую делаешь ты, мне тоже понравилась, но я как-то сильнее ощутил, что скучаю по дому.

После завтрака мы пошли в холл первого корпуса. Там диваны с красными розами и люстры с красивыми плафонами. Я предпочитаю, чтобы интерьер был более аскетичным, но девочкам диваны понравились. Розы – яркие. А еще есть цветы в кадках, не знаю их названия, высокие, зеленые, с персиковыми бутонами. Нам сказали, что скоро они зацветут и будут издавать очень приятный аромат.

Максим Сергеевич сказал, что сам директор санатория хочет с нами поговорить. Я говорю директор, но на самом деле Эдуард Андреевич и врач, и управляющий. Очень способный человек, надо думать.

Он немного опоздал, но никто на него не обиделся, кроме Бори, впрочем, Боря всегда всем недоволен.

Я все не могу перестать удивляться: и зачем Эдуарду Андреевичу с нами встречаться заранее? У него, наверное, очень много дел, занятой человек, серьезный профессионал. Тем более, мы ведь все равно бы встретились и познакомились. Почему он все-таки хотел нас увидеть? Как думаешь ты? Если у тебя есть ответ на этот вопрос, пожалуйста, обязательно мне напиши.

Повторю еще раз: Эдуард Андреевич тебе бы очень понравился. Он появился перед нами в аккуратном летнем костюме, его ботинки были начищены до блеска, волосы тщательно уложены, а лицо выражало уверенность и дружелюбие.

Мне кажется, Максим Сергеевич достаточно небрежный, сразу же как-то расстроился, позавидовал его виду.

Эдуард Андреевич говорил глубоким, красивым голосом, как эстрадный певец перед концертом. Он сразу сказал, что очень рад нас всех видеть и что слышал о нас много хорошего, какие мы старательные и талантливые, и что наше пребывание здесь может открыть путь за пределы Авроры для многих соотечественников, а также существенно повлиять на геополитическое положение, заложниками которого мы все оказались.

Последняя фраза мне не очень понравилась, в ней не хватило мне какой-то справедливости.

Еще Эдуард Андреевич сказал, что знает, что такое с нами произойдет впервые и как мы волнуемся. Мы, конечно, это подтвердили. Тогда Эдуард Андреевич сказал, что наши страхи не совсем оправданны.

По его словам, раньше, в червивые времена (он оказался еще и историком – ну просто человек эпохи Возрождения!) наши предки умели пробуждать свои способности не случайным образом, а особенными ритуалами.

Я знаю, что эти ритуалы были болезненными. Меня не нужно оберегать от этого знания. Но он почему-то оберегал. Он сказал, что ритуалы были сложными.

Я сидел, слушал и кивал. Мы очень мало знаем о нашей истории, потому что она мерзкая, и отсталая, и проклятая. Мне стыдно, что я заинтересовался, но я заинтересовался.

Эдуард Андреевич сказал, что мы сейчас в самом подходящем возрасте. У нас еще в достаточной степени гибкие разумы, но в то же время мы вполне окрепли. В этом возрасте наши предки снимали золотые амулеты, знаки детства, и учились пользоваться тем, что предлагал червь.

Так что, по мнению Эдуарда Андреевича, технология, которую на нас испытывают, не новая, но весьма улучшенная, куда более безопасная, гуманная и контролируемая.

Эти слова, признаться честно, меня успокоили. Я очень верю в передовые достижения нашей науки.

Мы сидели и слушали, я старался быть очень внимательным и выглядеть очень внимательным. Мне хотелось, чтобы Эдуард Андреевич видел, как я успокаиваюсь от его слов.

Он вовсе не выглядел так, как будто ему будет тяжело подвергать нас процедурам. Он выглядел спокойным и уверенным. Включил вентилятор, поводил рукой около лопастей, сказал, что в первую очередь нам необходимо понять, что червь – неотъемлемая часть нас. Он нас заверил в том, что червя боятся не нужно и что мы испытаем то, что наш подвид и должен испытывать, – метаморфозы.

Какое слово красивое, правда?

Гусеницы становятся бабочками, и это нормально, это часть истории одного существа. Я посмотрел на Андрюшу, а Андрюша, как оказалось, тоже очень внимательно слушал, хотя обычно он витает в облаках.

Боря и Володя выглядели напряженными, Фира улыбалась, Валя хмурилась. Каждый из нас думал о чем-то своем.

Эдуард Андреевич сказал, что гусенице очень страшно становиться бабочкой, но такова ее судьба, биологическое предназначение, и гусеницы, которые умирают гусеницами, никогда не узнают ничего о полетах и не используют весь доступный им опыт.

И хотя некоторые бабочки живут всего один день, взамен они получают всю полноту предназначенной им жизни.

Это была очень хорошая и красивая речь.

Я знал, что боль и смерть – естественные вещи и что все через это пройдут, но Эдуард Андреевич сказал обо всем так красиво, и стало менее страшно, я даже почувствовал гордость, ведь «метаморфозы» и правда замечательное слово.

Он очень мягко с нами говорил, и еще как будто жалел нас, а когда к живому существу относишься с сочувствием, оно к тебе так и тянется, я это знаю по бездомным собакам и кошкам.

Потом он рассказал, в чем будут заключаться процедуры. Я не буду тебе расписывать, вдруг это неприятно. Для того чтобы червь перешел в следующую стадию развития, необходимо испытать сильную боль. Поэтому часто ксеноэнцефалитом заболевают те, кто получил сильные травмы или пережил что-то чудовищное в психологическом смысле.

Эдуард Андреевич сказал, что все процедуры будут отрегулированы так, чтобы не вызвать слишком быстрые изменения и мы вовсе не станем неуправляемыми монстрами и не впадем в бешенство.

Еще Эдуард Андреевич сказал, что, хотя мы, в определенном смысле, склонны к насилию изначально, это все равно всегда вопрос выбора. Он сказал: если это не вопрос выбора, так почему один убивает детей, а другой расстреливает коллег на работе, третий же просто становится холоднее и жестче, четвертый устраивает террористический ад, пятый колотит жену.

Слова Эдуарда Андреевича показались мне странными. Я думал, мы злы по своей природе и с этим ничего не поделаешь. Я посмотрел на Максима Сергеевича, но Максим Сергеевич сидел с абсолютно каменным лицом, по нему нельзя было понять, сто́ит ли с таким соглашаться.

Эдуард Андреевич сказал, что мы всегда сможем делать выбор. Просто это будет сложнее.

Ты сама прекрасно знаешь, что я боюсь стать злым. Боре, например, бояться нечего – он злой и без того. А я – боюсь. Я хочу быть хорошим и помогать людям, как же я буду им помогать, если мне будет нравиться, что они страдают.

Но Эдуард Андреевич сказал, что все индивидуально, как отпечатки пальцев, и мы не перестанем быть самими собой.

Фира потом вспомнила пословицу: где тонко, там и рвется. Мне это показалось очень верным. Жестокость – вода, она может вползти в тебя, если в тебе есть трещины. Как ты считаешь, во мне есть трещины? Обязательно ответь на этот вопрос в своем письме.

Когда Эдуард Андреевич закончил говорить, сердце у меня билось очень часто от волнения, от радости и от страха. Я испытал много чувств одновременно и совсем запутался.

Но мне показалось, он хороший человек. Во всяком случае, он хорошо говорит и такой аккуратный.

Как ты знаешь, я обычно стараюсь задавать самые разные вопросы, чтобы учитель понял, как я заинтересован в предмете. Однако я не нашелся, мне нечего было сказать. Эдуард Андреевич терпеливо ждал. Наконец Фира спросила его, можно ли ей также походить на кварцевание, потому что у нее аденоиды и ее папа попросил, чтобы ей кварцевали нос.

Эдуард Андреевич сказал, что с кварцеванием не будет никаких проблем, а еще можно делать и другие вещи: например, пить фиточай, кислородный коктейль, ходить в соляную комнату и на ингаляции. Я подумаю, что из этого мне нужно, ты тоже напиши свои рекомендации.

Потом по лестнице спустился очень мрачный мужчина. У него сильно дрожали руки, и я понял, что он – солдат, поэтому сразу рассмотрел его внимательно. Он был одет во все черное, думаю, он вдовец. И такой бледный, такой до странности чистый и аккуратный, что вдруг напомнил мне персонажа рассказов Эдгара Алана По! Казалось, когда он выйдет во двор, на плечо ему обязательно сядет ворон.

Эдуард Андреевич махнул мужчине рукой, и тот кивнул, вроде бы ничего необычного, просто постоялец, но так как я смотрел очень внимательно, то заметил, что взгляд у мужчины сочувствующий. Я, правда, не понял, кому он сочувствовал: нам или Эдуарду Андреевичу.

Значит, он что-то знал, и, наверное, они с Эдуардом Андреевичем друзья. Надо все выяснить и всегда учитывать, что Эдуард Андреевич говорил вещи неоднозначные.

Когда мужчина ушел, Эдуард Андреевич рассказал еще об удобствах лагеря, библиотеке и обо всем таком, а также

посоветовал Максиму Сергеевичу сводить нас вечером в город на набережную. Максим Сергеевич фыркнул, а потом вежливо (насколько это возможно) попрощался. Он назвал нас орлами и сказал, что пора на море.

Знаешь, на что это похоже? Когда мама все время заботится о своем ребенке, а потом приезжает папа, который с ними не живет, и папа похож на праздник. Это не мое сравнение, это сказала Валя.

А сейчас я уже собираюсь на море, письмо это после моря перепишу на чистовик и отправлю вечером уже сам, когда пойдем в город.

Еще думаю написать письмо Галечке, она ведь уже кое-что читает, и ей на следующий год в школу – надо тренироваться.

Пиши мне скорее.

Твой любящий сын,

Арлен.

Запись 14: Дорогая Галечка

ЗДРАВСТВУЙ, ГАЛЕЧКА! КАК ТВОИ ДЕЛА? У МЕНЯ ВСЕ ОЧЕНЬ ХОРОШО, Я НА МОРЕ! ПОШЛЮ ТЕБЕ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ РИСУНКИ МОЕГО ДРУГА АНДРЮШИ, ЧТОБЫ ТЫ ЗНАЛА, ЧТО ТАКОЕ МОРЕ. ТЫ УЖЕ НАВЕРНОЕ ЧИТАЕШЬ ЛУЧШЕ, ПОТОМУ ЧТО ТЫ СТАНОВИШЬСЯ ЛУЧШЕ С КАЖДЫМ ДНЕМ. Я ПРИВЕЗУ ТЕБЕ МНОГО РАКУШЕК И КРАСИВЫЕ-КРАСИВЫЕ БУСЫ, ТОЛЬКО СКАЖИ, КАКОГО ХОЧЕШЬ ЦВЕТА.

НЕ ГРУСТИ, ЧТО Я С ТОБОЙ СЕЙЧАС НЕ ГУЛЯЮ. КОГДА Я ПРИЕДУ В МОСКВУ, Я БУДУ ГУЛЯТЬ С ТОБОЙ КАЖДЫЙ ДЕНЬ.

(ТЫ ЗНАЕШЬ, ЧТО ТАКОЕ МОСКВА? МОСКВА – ЭТО СТОЛИЦА НАШЕЙ РОДИНЫ. ТЫ ЖИВЕШЬ В МОСКВЕ!)

ТЫ УЖЕ ЛУЧШЕ ПИШЕШЬ БУКОВКИ, ПРАВДА? ЕСЛИ СМОЖЕШЬ, НАПИШИ МНЕ ПИСЬМЕЦО РАЗНЫМИ ЦВЕТНЫМИ КАРАНДАШАМИ.

Я ИЩУ ДЛЯ ТЕБЯ КУРИНОГО БОГА – ЭТО КАМУШЕК С ДЫРОЧКОЙ, В НЕЕ НАДО ЗАГАДАТЬ ЖЕЛАНИЕ, И ОНО ОБЯЗАТЕЛЬНО СБУДЕТСЯ.

НЕ СКУЧАЙ, СЕСТРЕНКА.

ОБЯЗАТЕЛЬНО ПОПРОБУЙ НАПИСАТЬ МНЕ ОТВЕТ, КАК ВЗРОСЛАЯ.

ТВОЙ БРАТ

АРЛЕН.

Запись 15: Странная история про появление щенков

Рассказывать эту историю людям будущего тоже как-то странно, скорее уж ее я адресую будущему себе, чтобы не забыть, не потерять. Много хороших моментов, которые я хочу сохранить, и много странных моментов, которые не хочу забыть, над которыми собираюсь поразмыслить.

На море опять было здорово. Мы с Андрюшей и Валей делали песчаный замок, а Фира носила для него ракушки-окошки. Володя и Боря искали человека, который продавал горячую кукурузу, даже пошли на соседний пляж (и я думаю, Боря там курил).

Максим Сергеевичу снял шлепки и стоял на мокром песке, иногда волна добегала до его ног, и он смешно поджимал пальцы.

– Красиво выходит? – спросил Фира. – А, Максим Сергеевич?

– Ну, не Гауди, конечно, – сказал Максим Сергеевич задумчиво. – Но почему бы нет?

Мы занимались нашим делом сосредоточенно, и вскоре перестали его замечать, а потом он вдруг сказал:

– Эй, орлы, а вы осознаете, что живете в полностью искусственном мире?

– Что вы имеете в виду? – спросил Андрюша.

– В университете я изучал историю заката Земли, двадцатый и двадцать первые века. Специализировался на двадцатом. Очень интересное время. Тревожное. И вот вы живете в ностальгическом спектакле для ученых и любителей. Как в зоосаде. Но ведь это все не ваше, а ваше – что? Где ваши золотые наряды и каннибальские оргии?

– Я рад отсутствию каннибальских оргий, – сказал я.

– Да, Жданов, я рад тому, что ты рад. А твой язык? Такой клишированный, такой книжный, как будто взяли старые газеты и вытряхнули из них лозунги.

– А что вы хотите сказать? – спросила Фира.

– Сам не знаю, – сказал Максим Сергеевич. – Просто когда-то ваши предки строили дворцы из костей, а теперь вы ходите строем и распеваете гимн.

– Так это ведь плохо, – сказал я. – Дворцы из костей.

– Справедливости ради, – сказала Фира, – еще более дальние наши предки тоже ходили строем и распевали гимн.

– Это тоже правда, – сказал Максим Сергеевич. – Но все-таки странно, до чего мы все пластичны. Валя, сбегай принеси мне

панамку, а то голову напечет. И сама надень.

Фира вдруг спросила:

– А вам не противно с нами?

– Нет, – сказал Максим Сергеевич. – Хотя дети мне в целом не нравятся.

– Но вы знаете, что я имею в виду.

Максим Сергеевич вздохнул, посмотрел куда-то вдаль, почесал нос. Прибежала Валя с панамкой, и Максим Сергеевич долго вертел ее в руках.

– Да нет, – сказал он. – Не могу такого сказать. Я ожидал худшего, когда сюда летел. Но сначала, сначала такое чувство было. А теперь прошло.

Мы смотрели на него и ждали, что он еще скажет, но Максим Сергеевич почему-то ничего не сказал. Он закрыл ладонью глаза от солнца, и сильная волна укрыла его ноги до щиколоток. Мы смотрели на него, как будто он мог знать какой-то ответ, но он не понимал даже вопроса.

А потом я увидел, что Андрюша разрушил наш замок, который мы строили все вместе. Валя столкнула его в воду, я сказал:

– Нет, подожди, он случайно!

– Он специально так сделал, пока мы не видели, пнул его ногой! – сказала Фира. – Потому что он – урод!

Андрюша сказал:

– Я нечаянно.

Я сказал:

– Он нечаянно.

Максим Сергеевич сказал:

– Только не утопи его, Валя.

Я попытался спасти Андрюшу, но и сам очутился в воде. Вернулись Володя и Боря, они грызли желтые початки, еще два лежали в целлофановом пакете.

– Дамы, – сказал Володя. – Это вам.

А я осознал, что если лежать так спокойно под волной, то, когда она накатывает, вода затекает в нос. Так можно утонуть.

Потом все пошли купаться, а я не пошел, мне надо было собрать ракушки для Галечки.

– Эй, крошка политрук!

– Что тебе нужно?

Боря нагнал меня, хлопнул по плечу, довольно больно.

– По поводу вчерашнего, я имею в виду, когда ты чуть не утоп.

– Что?

Я подумал, он извинится, но Боря сказал только:

– Ни «хуя» себе ты слабак.

– Отстань, я занимаюсь своими делами, – сказал я.

Боря быстро загорел и казался поэтому очень отдохнувшим. Моя мама однажды сказала, что Борина внешность совершенно не соответствует его личности, мол, у него симпатичное личико: распахнутые глаза, смешной вздернутый нос, забавные щечки, и весь он такой миловидный, а как рот откроет – хоть стой, хоть падай. Только брови у него надменные, чуть с изломом.

Мне кажется, это все суеверия – далеко не всегда внешность говорит о человеке достаточно или прямо. Прогрессивный способ мыслить должен быть основан на строгих научных данных, но нет никаких строгих научных данных о том, что мальчики с милыми носами и блестящими глазами не могут быть настоящими чудовищами.

– Видал, как Макся расстроился с этого Эдика?

– Максим Сергеевич, безусловно, ценит профессионализм Эдуарда Андреевича.

– Да не, Максю реально прихватило. Щи сделал кислые. А ты знаешь почему?

– Если я этого не знаю, значит знать мне не положено, – сказал я. – Иди купайся.

– Не пойду, мое дело тебя просветить. Короче, Эдик этот, он все придумал.

– Что придумал?

– Все. Про детей, червей и всякое такое.

Я сказал:

– Знаю. У Эдуарда Андреевича у самого в голове червь. Но он даже не солдат.

– А видишь какой человек-то серьезный. Бывает!

Я молчал, не хотел сказать лишнего.

– А Макся парится, что он не такой серьезный человек. И злится, наверное. Он-то с нами тусит. Ему нас жалко.

– А что нас жалеть? – спросил я.

– Ты реально такой тупой или прикидываешься? Нас и Эдик этот жалеет. Всем, «блядь», вокруг так стыдно. Обалдеть можно.

Я остановился, резко развернулся, так что мы с Борей почти столкнулись лбами.

– Поясни.

– А что тут пояснять? Никому не охота особо мучить детей. Но вроде один предложил, а другой столько лет нас пас. Теперь всем неловко. Напряжение.

Я помолчал, а потом спросил:

– А почему ты это со мной обсуждаешь?

– А потому что ты поехавший, – сказал Боря. – И до тебя

точно ничего не дойдет.

– Мне такого знать и не надо. Люди наверху разберутся и без меня.

– «Заебись», такой ты солдат.

Вдруг меня посетило странное чувство: Боря хочет поговорить по-настоящему, его что-то волнует, и только я смогу его понять. Я вспомнил, как он разжал руку, когда висел на парапете вниз головой. Он разжал руку медленно, это не далось ему легко, но все-таки Боря так сделал.

Я невольно посмотрел на свою ладонь. Теперь она пахла только земляничным мылом. Утром я очень долго оттирал от руки металлический запах, может, он мне уже только мерещился.

Боря сказал:

– Макся сопли разводит.

– Не думаю, что сто́ит так говорить.

– А моя мамашка думает только о том, какая она красотка.

Он сказал это как бы между делом. Я молчал. На самом деле Боря сам постоянно крутится перед зеркалом, а еще он залачивает волосы (единственный из всех детей, которых я знаю), да так сильно, что в нашей палате по утрам можно умереть. Даже тогда, после моря, его волосы оставались зачесанными назад и выглядели почти как сухие.

Я знаю их маму. Она красивая-красивая блондинка, с таким же смешным носиком, как у Володи и Бори, с холодными, светлыми глазами и довольно жестким характером. Все на свете, кажется, и вправду ей безразлично, зато она носит с собой карманное зеркальце и смотрится в него, когда ей скучно.

Володя не похож ни на кого из родителей, ни на своего паясничающего отца, ни на холодную, помешанную на себе маму, а Боря – он похож на обоих.

Я сказал:

– Наверное, она вам напишет.

– А твоя мамаша? – сказал Боря. – Ты ж «наебыш», Жданов. Вот она себе всю жизнь и старается доказать, что ты не зря у нее родился и жизнь ей не сломал.

– Зачем ты меня обижаешь? – спросил я. – Что ты хочешь сказать? Что мы с тобой оба умрем? Ты что, боишься?

Я собой не горжусь. Я так сказал из злости, чтобы сделать больно уже ему.

Он ударил меня и разбил мне губу.

Я утер кровь и сказал:

– Я справлюсь, потому что я правда этого хочу. А ты-то хочешь?

Измазанные красным пальцы я помыл в море.

Боря сказал:

– Будь мужиком, Жданов.

Но на самом деле, наверное, ему незачем было говорить это мне.

Не надо думать, что я больше совсем не купался. Я искупался еще раз! От соленой воды разбитая губа болела, но я читал, что море обеззараживает.

Правда, Андрюша потом сказал, что иногда можно так подхватить бактерию, которая разъедает плоть.

Надеюсь, я ее не подхватил!

Потом мы шли с пляжа через лиман. Девочки сказали, что тут лечебная грязь. Они вымазались ею все, и выглядели, как представительницы какого-то дикого племени. Наверное, такими представлял наших предков Максим Сергеевич.

– Парни, вы тоже хотя бы тапки снимите, – сказал Максим Сергеевич. – Вдруг правда лечебная.

Мне такое неприятно, но я обычно выполняю все, что говорят взрослые. Без шлепанцев идти по грязи оказалось странно, она была черная и такая мягкая, легко скользила между пальцев.

Мы прошли по этой грязи вдоль мелкого заливчика, а потом еще долго шли между тихой дорогой и выбеленным солнцем каменным забором, из-за которого выглядывали ветви сливовых и вишневых деревьев.

– Нельзя воровать! – говорил я. – Это же чужие сливы.

Володя сказал:

– То есть как, чужие? То есть собственники скрывают свои сливы от трудового народа?

На это мне нечего было ответить, и я сунул предложенную мне сливу в карман.

– Все равно их требуется сначала помыть. И они еще недозрелые, живот заболит.

Максим Сергеевич всю дорогу выглядел так, словно решает какую-то важную задачу. Потом он сказал:

– И правда, пойдем сегодня вечером на набережную погуляем.

– Классно, – сказал Володя. – А отбой можно попозже?

– Не настолько я жалостливый человек. Отбой по расписанию.

Когда мы дошли до корпуса, девочки тут же побежали смывать с себя засохшую грязь, Максим Сергеевич сказал, что ему надо повидаться с Эдуардом Андреевичем, а мы остались стоять между кипарисами.

Володя сказал:

– Макся лапа сегодня.

– Всем бы такого Максю, – сказал Боря. – Эй, дрочер, что насчет пыточек? Уже предвкушаешь?

– Да, – сказал Андрюша.

– Ты лучше скажи, где ты был вчера ночью, Володя? – сказал я.

– Это одна из загадок, оставленных в наследство человечеству, – ответил Володя.

– А твое-то какое дело? – сказал Боря.

– Такое, что я в ответе за дисциплину.

– Конечно, ты в ответе, крошка политрук. Заведи журнал и отмечай там отсутствующих.

Я решил так и сделать.

Боря пнул камушек, он отлетел в окно первого этажа, со звоном об него ударился и упал.

– Вот это меткость, – сказал Володя.

– Один – ноль в пользу меня, играем дальше.

Пока Володя искал камушек, я сказал Андрюше:

– Надо успеть до обеда привести себя в порядок.

– Я прочитал, что здесь водятся светлячки. Вдруг мы их увидим. На вид они очень отвратительные, если их рассмотреть.

Настроение у меня теперь стало хорошее, и я почти обо всем забыл, что меня сегодня волновало. Мы с Андрюшей решили пойти наверх, но когда мы уже почти подошли к крыльцу, кто-то сшиб с ног меня, а я уже сшиб Андрюшу.

Сначала я подумал, что это очередная выходка Бори, но потом я увидел Борю и Володю. Они стояли поодаль, лица у обоих были одинаково удивленными, и они показались мне еще более похожими, чем обычно.

– Там! – сказал мне тот, кто нас сбил. – Собака рожает! Пошли смотреть!

– Что? – спросил я.

– Ну, собака. Она сейчас родит за столовой! Пошли срочно смотреть!

Я уже совсем ничего не понимал. Андрюша сказал:

– Я коленку разбил.

Я сказал:

– Да какая собака?

Боря засмеялся, а Володя спросил мальчика, который нас с Андрюшей сбил:

– Эй, пацан, ты вообще кто?

– Сейчас это вообще не важно, кто я, просто пошли смотреть собаку.

– А она реально рожает?

– Реально рожает она.

Наконец, я рассмотрел мальчишку, говорившего так странно. Он определенно был нашим ровесником. Тощий, вихрастый, бледный, он казался каким-то нездоровым, но в то же время полным энергии.

Мне сразу пришло на ум сравнение: больной волчонок.

– Тебя как зовут-то? – спросил Володя.

– Да это сейчас вообще не важно!

Речь у него была странная, какая-то немножко вывернутая наизнанку, словно он только учился говорить. Чуть подальше стоял еще один мальчик, вот уж явно младше нас года на три. Он выглядел смущенным и перепуганным. Я спросил:

– А ты кто? Ты тоже…

Но наш новый знакомый не дал мне договорить, он схватил меня за руку, помог мне подняться и сказал:

– Ой, все, пошли быстрее собаку смотреть.

И мы пошли, нет, даже побежали смотреть собаку.

Мальчик поменьше побежал за нами, он изрядно отстал. Наш новый знакомый говорил на бегу:

– Я – Ванечка, это – Алеша, мой младший брат.

– Многое проясняет, – сказал Володя. Он легко вырвался вперед, потому как бегал быстрее нас всех, развернулся и спросил:

– Ты из первого корпуса?

– Ну не важно же откуда я. Когда родит она, тогда я все расскажу.

– Мы из первого корпуса, – сказал Алеша. – Наш папа здесь лечится. То есть мой папа. А наша мама здесь отдыхает.

Они вовсе не были похожи на братьев. Старший, Ванечка, весь острый, глазастый, скуластый, с мордочкой и правда чуть напоминавшей собачью. Волосы его были темными и кудрявыми, а глаза яркими и зелеными. В Ванечкиной внешности таилось нечто странное, какая-то красота, которая немножко похожа на уродство. Его младший брат же был похож на очень реалистично исполненную куклу. Светловолосый, с аккуратными чертами лица, довольно длинными, по уши, волосами, он казался мальчиком-пажом из иллюстрации к какой-нибудь сказке, тогда как Ванечка скорее напоминал маленького разбойника.

Не знаю, хотел ли я на самом деле смотреть, как рожает собака. Может быть, и нет, но все побежали, и я, как в поговорке, тоже побежал.

Вообще-то мне не нравятся такие физиологические вещи, в природе не хватает строгости и чистоты. Машины появляются на свет куда более чистым образом, чем живые существа. Но в то же время мне было любопытно. Я же еще никогда не видел совсем

слепых щенков.

Собака лежала на газетах около мусорного контейнера с белой надписью «Пищевые Отходы».

Я сказал:

– Здесь ей, наверное, очень негигиенично.

Боря сказал:

– Вот это «охуеть», реальная беременная собака.

– Я же говорил, – сказал Ванечка.

Володя сказал:

– Честно говоря, понятия не имею, как принимают роды у собак.

– Ты типа имеешь понятие, как роды у людей принимают? – сказал Боря.

Андрюша первый сделал шаг к собаке. Он сказал:

– Если какой-то щенок застрянет, надо будет его вытащить. Как с людьми.

– Фу.

– Фу.

– Фу.

– Круто.

Последнее, разумеется, сказал Ванечка.

– Не зря я вас позвал, – добавил он.

– А я думаю, что зря, – сказал я. Собака была черная с подпалинами, она разлеглась печально и устало, глаза ее казались бездонными, полными боли, пасть была приоткрыта, живот раздут. Она не издавала ни звука, только тяжело дышала.

Алеша стоял чуть поодаль. Я видел, что он боится собаки, но ему любопытно.

Он сказал:

– Она может укусить.

– Она злая? – спросил Володя.

– Нет, – сказал Алеша. – Просто ей больно.

Очень рассудительный мальчик для своих лет, решил я.

Андрюша сказал:

– Если она не сможет родить, она умрет.

– Ну да, – сказал Боря. – Природа безжалостна. Может, Максю позвать?

– Макся ненавидит детей, – сказал Володя. – И собачьих небось тоже.

Андрюша сказал:

– Он ее пришибет палкой с гвоздями.

– Это уж слишком, – сказал Боря. – Эй, Жданов, ты в обморок не упадешь?

А я на самом деле почувствовал, как побледнел, странное

ощущение: щеки холодеют, будто только вышел на мороз. Газеты под собакой были розоватыми. Не совсем окровавленными, нет, но розоватыми.

Ванечка сказал:

– Она так уже долго. Из нее вышло немного кровяной воды, и все.

– Эй, дрочер, глянь на собачью «пизду», что там?

– Распухла, – сказал Андрюша. – Мне кажется, скоро полезет щенок.

Алеша сказал:

– То, что распухла, это не очень хорошо. Но если крови было мало, то все еще не очень плохо.

– Умница ты какая, – сказал Боря. – Ты, «пиздюк», и что делать знаешь?

– Да, – сказал Алеша. – Я читал в книжке. Могу объяснить.

Мне стало стыдно: я ничего не знал о родах у собак. Но теперь я кое-что знаю.

Чтобы принять роды у собаки (хотя, безусловно, лучше, если этим делом займется кто-то квалифицированный, или собака разберется сама), согласно сведениям, полученным от моего нового друга Алеши, требуется вот что:

1. Принять щенка, то есть когда он выйдет естественным путем, аккуратно взять его, чтобы он не упал.

2. Разорвать нечто прозрачное и наполненное жидкостью.

3. Вытереть щенячью мордочку.

4. Перерезать пуповину близко от пузика щенка.

5. Аккуратно растереть его тряпочкой, чтобы пошел кровоток и, если понадобится, слегка встряхнуть, чтобы раскрылись легкие.

На самом деле, роды принимали Андрюша и Ванечка. Боря и Володя в конце концов подошли ближе и помогли обтирать щенков, а мы с Алешей так и стояли чуть поодаль.

Но я увидел новорожденного щенка в странном, прозрачном пузыре. Не то чтобы это был такой пузырь, как мыльный, он довольно плотно обхватывал щенка. Но все-таки это был пузырь.

Собака его съела.

Она вообще много чего съела.

Но щенки, к счастью, все родились здоровые и активные. Четверо: один беленький, остальные черные, с подпалинами. Уже вскоре они нежно попискивали, прижавшись к маме.

– Надо ей поесть, – сказал Боря. Он хотел утереть рукой пот со лба, но, подумав, остановился.

Алеша сказал:

– Пока не надо.

– Она уже поела, – грустно сказал Андрюша.

Боря, Володя и Ванечка уселись на землю, облокотившись на контейнер. Боря достал из кармана сигареты, чиркнул зажигалкой, закурил.

– О, а можно? – спросил Ванечка.

– Ну да, – сказал Боря. – На, держи.

– Хорошо, а то я обычно только бычки докуриваю.

– За бомжами? – спросил Боря.

– Вот ты глупый такой, бомжи всегда до фильтра докуривают.

Володя засмеялся:

– Нет бы спорт, здоровье! Во хулиганы!

Андрюша поглаживал пальцем белого щенка. Мы с Алешей переглянулись.

Я сказал:

– Твои знания оказались нам очень полезны.

– Спасибо, – сказал Алеша. Он сделал пару несмелых шагов и подошел ко мне.

– Мы живем в первом корпусе, – снова сказал Алеша. – Мой папа – солдат, а наша с Ванечкой мама тоже здесь отдыхает.

– Это здорово, – сказал я.

– А вы, наверное, те дети-солдаты, да? Я видел, как вы в столовую ходили. У вас красные платки.

– Галстуки, – сказал я.

– Извини.

– Да, – сказал я. – Мы – пионеры.

Боря сказал:

– Всем ребятам примеры.

Он глубоко затянулся и выпустил дым. Собака недовольно фыркнула.

– Не фырчи, помогали тебе, потерпишь теперь. Во бабы, а? Все им не так.

Ванечка сказал:

– Ой вы, бедняжки.

– Это еще почему? – спросил я.

У Ванечки были очень ясные, яркие зеленые глаза, взгляд казался почти светящимся, как у ночного зверька.

– Потому что, – сказал Ванечка. Он докурил сигарету быстро, буквально в две затяжки. – Потому что вас отправят на скотобойню.

Он странно говорил, сильно давил на звук «а», и всюду его вставлял, где должно было быть «о», а еще иногда скрежетал зубами.

– Эмаль сдерешь, – сказал я. – Будет больно жевать. Почему ты говоришь – скотобойня?

– Ну просто скотобойня. А ты не знаешь ничего. Собака такая

счастливая. Чудо.

И правда, подумал я, мы только что наблюдали чудо рождения жизни. Это грязно, кроваво, но в то же время удивительно. Мне совершенно не понравилось, однако я впечатлился.

– Интересно, женщина, когда рожает, так же дышит? – спросил Андрюша.

– Не знаю, дрочер, не знаю. Эй, Иван, так что за скотобойни?

Ванечка пожал плечами, погладил собаку, в зубах у него все еще была недокуренная сигарета.

– Не хочу вас расстраивать.

Алеша сказал:

– Да ты ведь точно и не знаешь. Это городская легенда.

– Легенда, – сказал Ванечка. – Но я все знаю точно с самого рождения.

– Дурачок у тебя старший брат? – спросил Боря. – У меня тоже.

Володя дал ему подзатыльник.

Я смотрел на собаку.

– Надо дать ей имя, – сказал я.

– У нее имя уже есть. Найда ей имя, – сказал Ванечка.

Найда вылизывала своих щенков, и меня это очень тронуло. Они были совсем еще маленькие. Все живое стремится к любви, и мне это долго казалось странным, а теперь вдруг перестало таковым казаться.

Ванечка сказал:

– Скотобойни – это где убивают петухов, вы что, не знаете?

– Нет, – сказал я. – На скотобойнях убивают скот. Свиней, коров. А птиц убивают на птицефабриках.

– Да уж, – сказал Боря. – Поверь мне, Ваня, у нас с брательником бабка и дед на скотобойне работают. У меня пушка есть оттуда, я покажу.

Но Ванечка не слушал ни меня, ни Борю. Он сказал:

– Петушков.

Алеша сказал Ванечке:

– Хватит.

– Петушочков.

Андрюша сказал:

– А ты потом расскажешь нам про скотобойни?

– Если добудете творогу для Найды, – сказал Ванечка и шмыгнул носом.

Мы, конечно, пошли добывать творог для Найды, но вовсе не для того, чтобы узнать какую-то глупую городскую легенду.

Запись 16: СКАТАБОЙНИ

АРЛЕН ПАПРАСИЛ МИНЯ НАПЕСАТЬ О СКАТАБОЙНЯХ. РАСКАЗЫВАЮ О СКАТАБОЙНЯХ. НИЧИГО НЕТ СТРАШНЕЕ ЧЕМ СКАТАБОЙНИ. СКАТАБОЙНИ САМАЕ СТРАШНАЕ. КАГДА ЧИЛАВЕК БАЛЕЕТ ЛЮДИ ИС ЧЕРНЫХ МАШИН ЕГО НЕ УБИВАЮТ А ТОЛЬКА УВОЗЯТ НА СКАТАБОЙНЮ. ТАМ ЕМУ ВСЕ ВРЕМЯ ВЫРИЗАЮТ ОРГАНЫ И ОТПРАВЛЯЮТ В КОСМАС ДЛЯ КАСМИЧЕСКИХ ЛЮДЕЙ И ШТОБЫ ДЕЛАТЬ БИОТОПЛИВА. А ОРГАНЫ ВСЕМ ПОДХОДЯТ ПАТАМУ ШТА ОНИ ВАЛШЕБНЫЕ. ЕСЛИ ЧИЛАВЕК НИ САШЕЛ С УМА ОН МОЖИТ СРАЖАТЬСЯ НА БОЛЬШИХ КАСМИЧЕСКИХ КАРАБЛЯХ И ДРУГИХ ПЛАНЕТАХ. А ЕСЛИ ЧИЛАВЕК САШЕЛ С УМА ТО ЕГО ВСЕВРЕМЯ ПАТРАШАТ.

А КАГДА ЧИЛАВЕК МОЖИТ СРАЖАТЬСЯ ТО ОН ВСЕ РАВНО СУПАВОЙ НАБОР ДЛЯ КАСМИЧЕСКИХ ЛЮДЕЙ ШТОБЫ НИКТО НИ УМИРАЛ.

ЧИЛАВЕК ОТ ЭТАГА УСТАЕТ И УМИРАЕТ.

НА БАЛЬШИХ ФАБРИКАХ ПАТРАШАТ СУМАШЕДШИХ ЛЮДЕЙ АНИ КРИЧАТ НУ И КТО СУМАСШЕДШИЙ?

ПАКА.

Запись 17: Набережная

Я так устал, и всё в огнях.

Не могу заснуть, а когда пытаюсь, то огней становится еще больше.

Андрюша посоветовал мне записать свои мысли, если запишу – успокою себя и так засну. Надо спать, я уже долго не спал. Но мне сейчас так хорошо!

Максим Сергеевич действительно повел нас на набережную, и вечер получился совсем чудесный, очень особенный.

Жаль, конечно, что с нами не пошли Ванечка и Алеша. Мне показалось, что мы можем подружиться. В любом случае, теперь мы будем навещать Найду и обязательно пообщаемся еще.

Набережная на самом деле оказалась такой красивой, я почему-то (хотя теперь сам не понимаю, почему) совсем этого не ожидал. Все было залито рыжими огнями, с моря дул свежий ветер, а с неба уставились на нас низко висящие, яркие звезды. Целиком и полностью весь мир сиял.

Пахло не только морем, а еще и всякой вкусной едой. То и дело нам встречались красивые фонтаны с морской водой. Продавали мороженое, и Максим Сергеевич купил его нам.

Вот что мы получили:

Я: Эскимо.

Андрюша: Фруктовый лед, апельсиновый.

Боря: Пломбир в вафле.

Володя: Рожок шоколадный.

Фира: Шербет.

Валя: Мороженое-елочка.

Какое же оно было вкусное, мороженое, вкуснее, чем дома! Я не очень хорошо отношусь к потреблению, но потребление мороженого мне нравится. А Фире и Вале купили в специальном магазине эфирные масла: розовое, лавандовое и чайного дерева. И два глиняных кулончика (они как маленькие амфоры), куда эти масла нужно капать, и они будут пахнуть. У Фиры теперь есть красный кулончик с желтыми пятнами, а у Вали – синий с одним большим зеленым пятном посередине.

Я искал варенье из роз для мамы, но пока что его не нашел.

Володя сказал:

– А если девчонкам можно всякие пахучки покупать, можно мне серебряный перстень, как у авторитета?

– Нет, – сказал Максим Сергеевич. – Могу тебе купить ракушку. Хочешь?

– Да я таких сколько угодно найду на пляже.

Зато Максим Сергеевич (не без корыстного умысла) разрешил нам пострелять в тире. Мы, конечно, выиграли всех трех красивых кукол и одного крокодила. Крокодила решено было оставить в нашей мальчишечьей комнате, кукол отдали девочкам, только одна осталась бесхозной, причем самая красивая, потому что ее не смогли поделить.

Потом мы катались на колесе обозрения, и я видел город с высоты птичьего полета. Ветер гудел у меня в ушах, он поднялся сильный и бил прямо в лицо. Боря свесился вниз и плюнул в толпу. Я на него, конечно, нажаловался Максиму Сергеевичу, а Максим Сергеевич сказал:

– Я бы и сам с радостью так сделал, жаль, я уже взрослый.

Я сказал:

– Что-то вы больно нас балуете и щадите.

– Только ты, Жданов, не любишь, когда тебя балуют и щадят.

Потом мы покатались на цепочных каруселях, и Боря так раскачивался, что его откинуло назад и он ударил меня железной перекладиной прямо по коленям. Не знаю, специально он или нет. Говорит, что все вышло случайно, но я ему не верю.

Колени у меня потом сильно болели, и сейчас болят, а еще на них огромные синяки.

Но какой же был полет. На цепочной карусели не то, что на колесе обозрения. Цепочка натягивается, и кажется, тебя ничто не держит, и звезды, и море, все очень близко, и в животе так пусто, а потом пустота доходит до самого сердца.

И ничего, что я разбил колени, от боли вдруг все стало еще более ярким, светящимся – так действует на нас адреналин. Я вскрикнул и даже не понял, не от счастья ли это.

Такой полет, даже не знаю как его описать!

Наверное, что-то такое испытываешь в Космосе. Или, когда ты становишься героем, и уже точно знаешь, что умираешь сейчас за идею, за большую и красивую идею, единственно верную, единственно правильную.

За дальнейший расцвет человеческого общежития, например.

Или за тех, кого очень сильно любишь, и кто будет счастлив теперь всегда.

Но лучше все-таки любить всех людей и умирать за дальнейшие успехи в достижении всеобщего процветания.

Я в это верю, а тогда, на цепочной карусели, я поверил еще больше. Это было как умереть – вдруг внезапная боль, и такой полет.

Хотя, наверное, о смерти у меня нет права писать, я ведь еще не умирал.

Потом мы сидели на лавочке, и Андрюша сгибал и разгибал

мне ноги, чтобы проверить, не повредилось ли все в коленях сильно.

В конце концов он сказал:

– Я не знаю.

– Тогда что ты делаешь?

– Пытаюсь тебе помочь.

Фира принесла мне сахарную вату. От своей она отрывала куски и ела, но это очень негигиенично. Я предупредил об этом Фиру, а она только сказала:

– И ладно, Арленчик.

Я сахарную вату кусал, и во рту у меня до сих пор очень-очень сладко, хотя столько прошло времени и я уже поужинал. Весь подбородок у меня еще долгое время был липкий, и Максим Сергеевич заставил меня умыться водой из фонтана.

Я упирался, ведь вода из фонтана, но все же сдался. Горькое и соленое, морская вода и сахарная вата. Как же хорошо!

Максим Сергеевич сказал:

– Не буду вас больше кормить сладким, клянусь! Дети от сладкого сходят с ума!

В круглом и красивом «планетарии» (беру в кавычки, потому что это не настоящий планетарий) шла пятнадцатиминутная программа о звездном небе. Можно было лежать на мягких подушках, а наверху чернел экран, куда проецировалось вертящееся небо. Рассказывали о том, как возникают звезды. Я слушал и слушал, на языке было то сладко, то солоно, а звезды взрывались, и гасли, и снова собирались из космической пыли.

В темноте я нащупал руку Андрюши, потрогал его за локоть.

– Космос, – сказал я.

– Космос, – сказал Андрюша.

– Мы с тобой всегда будем лучшими друзьями, – сказал я. – И в Космосе.

– И в Космосе, – сказал Андрюша. – Ты единственный, кому я нравлюсь на всем свете. Не хочу тебя разочаровать.

– Мы навсегда с тобой товарищи, со мной ничего не бойся.

Мягкий голос диктора убаюкивал, а еще я лежал на подушках и поэтому едва не заснул. Вышел на улицу сонный, и показалось, что прохладно.

Мы дошли до самого конца набережной. Там волны бились о камни так громко и так сильно, что капли то и дело оседали на моем лице и руках. Вода взбивалась до белой пены, качалась вдалеке лунная дорожка.

Как красива родная природа!

Мы стояли вот так, под ветром с моря быстро стало холодно, Валя все время поправляла свой красный галстук, я смотрел то на

море, то на свои теперь фиолетовые колени.

– У кого-нибудь еще бывает такое, что от ветра слезы? – спросил Андрюша.

– Только у задохликов и слабачков вроде тебя, дрочер, – сказал Боря. – У мужиков – никогда не бывает.

Я сказал:

– Это от соленого ветра, наверное. Если соль попала в глаза.

– А вы щенков покажете? – спросила Валя.

– Нет, – сказал Володя. – Щенки наши. Там их мало.

– Мы тогда сами найдем, – сказала Фира. – Но если щенков не покажете, к нам духов вызывать даже не приходите.

– Какой обскурантизм, – сказал я. – Какие духи? Мы живем в просвещенное время, Фира.

– Всегда есть место тайне, – сказала Фира.

Не хотелось оттуда уходить. Хотелось смотреть на скользкие камни. В свете луны казалось, что они испещрены серебряными прожилками.

– Там, – сказал Андрюша. – Маяк.

– Да, – сказала Валя. – Точно, маяк. Максим Сергеевич, а как оно там – на других планетах?

– По-разному, – сказал Максим Сергеевич. – Но, в общем и целом, грустная часть состоит в том, что люди везде остаются людьми.

– А маяки там есть? И моря?

– Кое-где, – сказал Максим Сергеевич. – А кое-где вообще нет ничего интересного. Мир ужасно разнообразен.

– Но вы-то приехали к нам, у нас не очень разнообразно, а вы захотели, – сказал Боря. – А искупаться можно?

– Нельзя, Шиманов.

– Но вы-то зачем к нам приехали?

– Это личное, Боречка, – сказала Фира.

– Личное, – сказал Максим Сергеевич. – С моими педагогическими способностями связано примерно никак.

– Это видно, – сказал Володя.

– Да, – ответил Максим Сергеевич. – Хороший педагог бы тебя наказал. Совсем разбаловались.

– Интересно. – Валя показала на воду. – Тут наверное рыбы просто куча.

– По утрам тут рыбаки, – сказал я. – Ванечка говорил.

– Это еще кто такой? – спросил Максим Сергеевич.

Я ответил, что это наш новый друг, рассказал историю про собаку, но Максим Сергеевич не проявил к ней никакого интереса.

– А как вам такая история? – спросил он. – Брат и сестра

остались дома одни, с ними начинают разговаривать предметы быта.

– Начинается уже слишком нелогично, – сказал я.

– Это отсылка к «Мойдодыру», – сказал Максим Сергеевич. – Они разговаривают со всякими разными предметами и понимают, что только используют их и ничего не дают взамен. Им становится стыдно, но потом возвращаются их родители, и брат с сестрой понимают, что все люди используют друг друга и ничего не дают взамен.

– Сегодняшняя сказка, – сказал Володя, – почему-то особенно стремная.

– Нормальная! Наши предки так и делают.

– Борь, заткнись.

Я сказал:

– Ценить книгу необходимо, как источник нравственных представлений о людях и обществе. С этой точки зрения ваша книга не получится.

– Ну и черт с ней, – сказал Максим Сергеевич. – Пойдемте ужинать. В санатории мы ужин уже прогуляли. Тут вроде рядом кафе есть, да? Если обратно по набережной пойти. Ну-ка, Кац, сгоняй, посмотри.

Фира убежала, а когда вернулась, сказала:

– Есть. Там девушка поет.

Я прислушался. И на самом деле девушка пела, до нас доносился ее голос, нежный, чудесный, ласковый, но чуть слишком игривый для серьезной песни, которую она исполняла («Надежда – мой компас земной»).

От тембра ее голоса песня приобретала незнакомый театральный оттенок, будто исполнялась в шутку. Мне это не понравилось, так как песня серьезная.

В кафе для нас сдвинули два столика.

– А представляете, Максим Сергеевич, – сказала Фира. – Если вас принимают за нашего отца. Как будто у вас столько детей!

– И жена родила мне шестерняшек, совершенно непохожих друг на друга.

– Двое похожи.

– Но не на меня.

Я листал меню и не мог выбрать, что мне заказать. В кафе у меня возникло чувство неловкости: я не хотел, чтобы меня кто-нибудь обслуживал, приносил и уносил за мной тарелки. Я же не важный барин какой-нибудь!

В конечном итоге я заказал крабовый салат и котлету по-киевски.

А Фира заказала себе мятное мороженое. Еще мороженое!

Еще и с сиропом! И как в нее влезает столько сладкого?

Девушка на сцене пела и дальше, чем веселее ей попадалась песня, тем лучше у нее получалось. Это была очень высокая девушка на очень высоких каблуках. Ее каштановые волосы были длинными и очень, прямо непривычно, прямыми. На загорелой коже ярко выделялись веснушки (я их видел, потому что мы сидели близко к сцене). На девушке блестело красное платье. Она была вся очень тоненькая и длинная, как сиамская кошка. И глаза у нее тоже были длинные, темные.

– Ах, – сказала Валя. – Вот бы мне быть такой, как она.

– Ты красивая, какая есть. Зато ты настоящая блондинка, – сказала Фира. – Но мне бы вот тоже нос, как у нее.

– У тебя красивый нос, – сказала Валя.

Так они это обсуждали, а я старался лишний раз на девушку не смотреть, это и без того тяжело – выступать на сцене, а уж когда тебя обсуждают!

Ближе нашего столика к сцене располагался только один. На нем стоял стакан с недопитым молочным коктейлем. Я все думал, почему стакан не убирают, а потом за столик вдруг села самая красивая девочка в мире.

Какие у нее были длинные, пушистые, нежные, золотые волосы. Я такое видел исключительно в книгах. Волосы – почти до самого пояса! И огромные синие глаза! И маленький аккуратненький носик, как это говорят, «кнопочкой». Вся она была такая миниатюрная, тоненькая, легкая, что я сразу подумал о птичках, у которых, говорят, такие легонькие кости, чтобы они могли летать.

У этой девочки лицо было хитренькое, но и бесконечно милое. Она склонилась над стаканом и потягивала коктейль через трубочку, разглядывая поющую девушку. Девочка сидела за столиком одна, и это было так странно: где ее родители?

А еще мне казалось, я видел, как трепетали ее золотые ресницы от яркого света на сцене.

Я огляделся. Андрюша и Боря тоже смотрели на нее. Лицо Андрюши казалось совсем уж задумчивым, словно он сейчас продумывает роман или картину, а Боря то и дело втягивал носом воздух, словно хотел ощутить ее запах.

И только Володя, что совершенно сбило меня с толку, никак не отреагировал на появление этой чудесной девочки, самой красивой в мире. Он точно так же, как она, склонившись над стаканом, потягивал газированную воду.

Валя наступила мне на ногу.

– Чего уставился? – спросила она.

Я сказал:

– Задумался.

Не мог же я соврать. Но и правду сказать не мог.

– О чем? – спросила Валя.

– Просто об обстановке, – сказал я. – И окружающих.

Вот так. Мне кажется, я ее чем-то разозлил. А так мы еще долго сидели в кафе, практически до закрытия. Мало говорили, но заказали себе еще травяной чай на местных травах и маленькие бутерброды (особенно вкусные были со шпротами, но я съел только один, так как объелся).

Мне не хотелось, чтобы этот день заканчивался, и я ощущал легкую тревогу по поводу возвращения в санаторий. Так бывает, когда тебя охватывает счастье, но вдруг становится понятно, что дни все равно будут сменять друг друга дальше.

И завтра, даже если мы сделаем все точно так же, как сегодня, все будет по-иному.

Может быть, девочка сядет за другой столик и уже не покажется мне такой красивой.

А может, я больше ее никогда не увижу.

Домой мы вернулись такими усталыми, что мыться пошел только я.

Потом я пришел в палату (все были на месте, кроме Володи), от горячей воды все тело расслабилось, но заснуть я не мог. А теперь вот как будто засыпаю.

Такой вышел вечер, и если я сейчас закрою глаза, мне приснится все так же, как было.

Память – бесценная шкатулка.

Спокойной ночи, Арлен.

Запись 18: Журнал присутствия

1. Жданов Арлен Георгиевич – присутствует
2. Арефьев Андрей Романович – присутствует
3. Шиманов Борис Александрович – присутствует
4. Шиманов Владимир Александрович – отсутствует

Запись 19: Объяснительная записка

Данный документ требует некоторых пояснений. Я вынудил Володю написать объяснительную записку, однако результат не показался мне удовлетворительным. Записки в такой форме предъявлять руководителю группы неприемлемо, поэтому листок возвращается в тетрадь. Пусть эта «записка» символизирует глубину морального падения нижеподписавшегося Шиманова Владимира Александровича.

Я, Шиманов Владимир Александрович, отсутствовал вчера ночью в палате по уважительной на то причине. А какая то причина – это не твоего ума дело. Жалуйся Максе, маме, папе (если только сумеешь его найти), да хоть Богу, а если Бога нет, то нашему мудрому руководству.

А я буду нем, как рыба.

Ничего ты от меня не добьешься.

Бывал я там, где тебя не будет.

Что вот ты хочешь с этой объяснительной делать? Зачем она тебе, друг? Отчего такое желание лезть в чужую жизнь? Ты о себе задумайся, о том, куда тебя это приведет. Знаешь, как говорят – синдром вахтера? Вот у тебя он в полный рост прям. Очень это плохо отразится на тебе.

Я тебе скажу так: Макся нас жалеет, так что я могу подойти к нему в столовой, выпить его компот, потом выпить бутылку водки, а потом перевернуть стол, и мне не будет ни-че-го-шеньки.

Потому что Макся тоже человек.

Только ты не человек.

Но дневничок у тебя милый, этого не отнять.

Ладно, Жданов, не забывай мыть руки перед едой и чистить зубы два раза в день, а я, пожалуй, забью на эту твою объяснительную и объяснять ничего не буду.

Не скучай.

Шиманов Владимир Александрович.

Дата. Подпись.

Запись 20: Мамино письмо

Я подумал: вдруг люди будущего будут чему-то удивляться, а я им не объясню. Я всегда переписываю письма на случай их утери. Нужно сохранять копии для семейного архива.

Вот письмо моей мамы. Сохранить его мне хочется особенно сильно, потому что оно в некоторой мере странное и мне непонятное. Необычное для моей мамы.

Арлен!

Здравствуй, сынок!

Ты только уехал, а я уже села за письмо. Как у нас без тебя дела, это ты спросишь первым делом. Дома одиноко, ночью не смогу заснуть, наверное. Звонил дядя Сережа, слышала Галечку, Галечка все пищала, где же ты. Она, видимо, что-то недопоняла из того, что ты ей объяснял про отъезд.

Как же ты там? Когда письмо дойдет до тебя, ты, наверное, уже устроишься. Может быть, сам напишешь мне письмо.

Не знаю, буду ли я отправлять свое письмо сразу или дождусь твоего, чтобы дописать все необходимое. Я как-то растерялась: дети растут так быстро. Ты уже совсем взрослый, надо же.

Сегодня видела белку, представляешь? Я шла домой, мне было так грустно, а тут белка выскочила прямо мне под ноги. Откуда она взялась, ума не приложу! Рыжая такая, с огромным хвостом. Нездоровой совсем не выглядела. И вот она пронеслась мимо и убежала, и я ее уже не видела.

До сих пор гадаю, откуда она взялась? Может быть, она мне показалась, но я видела ее так отчетливо, хоть и совсем недолго. И глазки-бусинки, и пушистый хвост, и цепкие лапки.

Прямо посреди города! Белка!

Ты в детстве очень любил животных, Арлен, ты это помнишь? Нет, не надо так писать: «в детстве», тебе ведь всего двенадцать лет. Хотя возраст этот очень удивительный, я сама помню, впервые становишься в чем-то взрослым. Дети растут удивительно быстро. Ты еще не понимаешь, как быстро летит время. Мне кажется, я только вчера держала тебя на руках впервые. Ты был таким маленьким и беззащитным. Я не могла знать тогда, каким ты вырастешь.

Мы с тобой еще никогда так надолго не расставались, но ты сам знаешь, что так нужно, и, наверное, меньше без меня скучаешь, чем я без тебя.

Как там Андрюша? Ведет ли себя хорошо Боря? Вале ты, кажется, нравишься, она очень хорошая девочка, я была бы рада,

если бы вы дружили.

Какой же ты уже взрослый, пройдет еще немного времени, и ты станешь юношей. Я тебя просто не узна́ю, когда ты приедешь из санатория. Как это может быть: совсем маленький и беззащитный, а потом будто моргнула, и уже взрослый мальчик.

В тот день, когда я тебя родила, помню, было так солнечно. Солнце слепило глаза, а я так устала и хотела спать. Ты родился чуть позже полудня, на самом солнцепеке. Было жарко, и я чуть не плакала от того, как было жарко. Так устала, что не могла заснуть.

Но ты был такой красивый.

Ты уже совсем взрослый мальчик, так что это ничего, если я с тобой искренне поговорю?

Я очень переживала, как я с тобой встречусь. Столько было волнений, если честно, много оказалось и боли. Я переживала, вдруг я тебя увижу и со мной не произойдет того чуда, которое происходит почти со всеми женщинами.

Я ведь была одна. Рядом лежали женщины, у них тоже родились дочки и сыновья, за ними приезжали их любимые, а за мной бабушка и брат обещали.

А одна моя соседка родила мертвую маленькую девочку. Она лежала ближе всех к окну, не ела, не вставала. Это сложно объяснить, но смотреть на нее было страшно. У нее поднялась температура, врачи думали, может быть, это заражение, но опасались, что нет. Ее увезли ночью, не знаю, чем кончилось дело. Может быть, она просто заболела, и выздоровела, и родила еще одного ребенка потом, или двоих.

Мне было ее очень жаль. И как я могла думать, что не полюблю тебя всем сердцем?

Как только я тебя увидела, как только прижала к себе, я сразу же и бесповоротно поняла, что ты – идеален, что ничего еще на свете не было лучшего, чем ты. Я еще не знала, что ты вырастешь умненьким, и красивым, и добрым, но я тебя уже любила.

Глаза у тебя, когда ты родился, были совсем синие, только потом они позеленели, к двум годам. А тогда – синие. Такого оттенка я, кажется, и не видела никогда. Я смотрела на тебя и знала, что кто бы за мной ни приехал и как бы я потом ни жила, у меня всегда будешь ты.

Тогда я и поняла, что твой папа меня не любил. Но он оставил мне нечто куда более важное – тебя. И все случилось совершенно не зря.

Я тебе этого никогда не говорила. Не знаю, зачем сейчас говорю и решусь ли отправить это письмо. Ты для многого еще не был достаточно взрослым. Да и я, если честно, для многого

достаточно взрослой не была.

Твой папа, может быть, никогда меня не любил, но, Арлен, он полюбит тебя, если вы встретитесь. За то, что ты умный, и смелый, и особенный.

Может быть, весь смысл моей жизни и состоял в том, чтобы дать жизнь тебе? И поэтому все повернулось так, как нужно.

Мне кажется, я почти ничего не помню из тех первых месяцев с тобой, кроме огромной любви. Я так уставала, что валилась с ног. Я думала, я умру. Но я тебя любила каждую секунду. Я тебя никогда не переставала любить.

Даже когда мне не хотелось жить, я думала о том, что в этом мире есть ты и ты ни в чем не виноват. Понимаешь меня, Арлен, ни в чем не виноват. И что я должна быть с тобой, и не могу тебя бросить.

Я не вспомнила уже, почему тебя не хотела. Я и сейчас с трудом об этом думаю, и становится так страшно. Вдруг бы у меня не было тебя?

Я выбрала тебе самое красивое имя. У меня было три варианта, исторические. Владлен, Марлен и Арлен. Владлен, я подумала, несчастливое. Не знаю, почему я так подумала. Марленом звали мальчика, в которого я была влюблена впервые, и я решила, что так неправильно. А Арлен – такое имя сразу тебе подошло. Оно звучное и сильное. И очень необычное. Никто такого не носит из наших знакомых.

Это удивительное чувство – давать человеку имя, которое он будет носить всю жизнь. Ощущаешь такую огромную, страшную власть – наделять человека именем.

Какой ты был нежный и трогательный мальчик! Всегда нежный и трогательный, всегда такой добрый. Ты дарил мне всяческие вещички. Камушки, листики. Это все, что у тебя было, все, что ты имел, все, что было тебе дорого, и ты это отдавал мне. Первое твое слово было «на», потому что ты хотел всегда отдавать и ничего не хотел брать.

Я тебя учила, я с тобой разговаривала, я всегда с тобой говорила, как со взрослым, хоть и не рассказывала всего.

Когда я плакала, ты всегда меня жалел. Только ты всегда меня жалел.

А какой ты красивый ребенок, как картинка. Я еще девочкой мечтала о таком сыне, так я тебя себе и представляла: светленький, весь ясный. Но я знаю, что ты вырастешь и очень красивым мужчиной, у тебя надменный изгиб бровей, доставшийся тебе от отца, и крупный, красивый нос, все это сделает твое лицо мужественным, потом, когда ты повзрослеешь. Сейчас ты очень красивый мальчик, а станешь – очень красивым

мужчиной.

Я это точно знаю!

Но как же ты любил зверей, ты помнишь? В пять лет ты притащил домой раненую крыску. Только подумай, крыску! Ты ее положил в коробку из-под моих зимних сапог, ты ее выхаживал, перекисью обрабатывал ей раны, поил молоком из пипетки. Я никак не могла тебя понять: это же крыса!

Мне они всегда, с самого детства, казались зверями отвратительными и грязными. А ты обращался с этой крысой, как с золотой.

Не знаю, почему я тогда разозлилась. Хотя нет, знаю все-таки. У меня для тебя была готова особенная судьба. Я знала уже, чего хочу. Когда я узнала о программе, тогда ее только анонсировали, я сразу решила тебя туда отдать. Чтобы ты увидел в жизни больше, чем я. Чтобы ты был не только для меня, а для всего мира. Я так тебя воспитывала, чтобы ты был особенным, чтобы твое рождение сделало счастливой не только меня.

Пусть у тебя нет отца и семья у нас не получилась, но зато ты самый особенный, ты – то, что я сделаю в этой жизни.

Оставался всего год до первичного отбора, и я боялась, что ты не готов. Я знала, ты должен будешь стать солдатом. Я тогда так на тебя разозлилась, помню, топнула рядом с тобой ногой, ты вздрогнул, посмотрел на меня, а потом улыбнулся. Ты никогда не знал, как меня бояться. Значит ли это, что я хорошая мать? Да нет, конечно.

Я сказала тебе, что крыса – это вредитель.

Ты сказал, что защищать слабого – привилегия сильного. Этот плакат я повесила в твоей комнате давно, это было первое, что ты прочитал, первое, что я объяснила тебе о мире.

Я сказала, что к вредителям это не относится. Вредителей следует безжалостно уничтожать.

Ты так расстроился, но я верила, что поступаю правильно. У нас ведь завелись крысы тогда в подвале, и никто так и не собрался их травить, а нужно было.

И я сделала самую страшную вещь в своей жизни.

Я сказала тебе пойти в подвал (под моим присмотром, конечно) и положить туда яд. Сказала, что если ты сделаешь так, то сможешь, конечно, оставить свою крысу.

Ты согласился, потому что покладистее тебя мальчика на всем белом свете нет. Мы спустились с тобой в подвал, и ты раскидал отравленную приманку. А ночью ты плакал навзрыд.

Через три дня твоя крыса умерла. Ты выбросил ее на помойку. Я спросила у тебя: почему, Арлен? А ты сказал, что это вредитель.

Ты это помнишь? Смутно, наверное. Я мало себя помню до первого класса.

Но вдруг тебе тогда было так больно и грустно, что и сейчас ты об этом думаешь? Я никогда не спрашивала. Я никогда даже не понимала. А ты был очень нежный ребенок. Всегда такой, как нужно мне. Сначала ласковый, всегда меня утешал. А потом, наоборот, я тебя все время настраивала, что тебе нужен характер. И в чем-то ты совсем другим стал, жестким, незнакомым, даже взгляд изменился.

Я перед тобой очень виновата за тот день. Тебе с этим теперь жить всю жизнь. Ты, может, даже и не помнишь, но с этим будешь жить.

Быть матерью или отцом – самое сложное в мире дело. Любую сказанную, любую сделанную мною вещь ты унесешь с собой.

А помнишь, мы ходили с тобой на кладбище к моим дедушке и бабушке? Я тебе рассказывала о могилах солдат, о том, что они должны были умереть, чтобы мы могли жить. О том, что все держится на них и нет ничего более чистого, чем принести себя в жертву.

Я сказала, что у солдата – счастливейшая из судеб.

Я сказала, что солдаты навсегда с нами, они живут в жизнях, которые проживаем мы.

Арлен, милый мой, ты очень красивый, и добрый, и умный. Я не хочу, чтобы ты умирал. Но лучше об этом молчать, лучше вымарать это место из письма. Или нет? Или лучше сказать, как есть?

Я не знаю. Я никогда еще не делала правильный выбор, кроме одного единственного раза, когда решила тебя оставить.

Ты ведь не оружие, не предмет, нельзя отдать тебя, чтобы наточили и использовали для убийства, а потом выбросили.

Я учила тебя всегда жить только для других, не думать о себе. А я сама думала о себе.

Всё! Хватит! Надо поставить точку! Хватит писать об этом, потому что, если еще хоть строчку напишу – расплачусь.

Не отправлю, не отправлю, не отправлю.

Даже не подпишу.

Запись 21: Быстрый ответ

Дорогая моя мама!

Получил твое странное письмо. Честно говоря, не знаю, что тебе ответить. Но я тебя люблю!

Ни о чем не жалею.

(Что делать? Отправить телеграмму? Как ей, наверное, одиноко.)

Запись 22: Так тебе и надо!

Расскажу с самого начала. День вышел очень суматошным, главным образом из-за утреннего происшествия.

Значит так, утром я проснулся от навязчивого, горького запаха лака для волос. В моем сне шипели и извивались змеи, но на самом деле то был звук баллончика.

Я сказал:

– Боря, это нарушает правила общежития. Делай это в душевой.

Он пальцами аккуратно дотронулся до зализанных, блестящих волос, улыбнулся отражению в зеркале и в этот момент очень напомнил свою маму.

Боря бы, наверное, такому сравнению не обрадовался. Родителей он не любит, хоть и очень на них похож.

Я проснулся рано, но Боря – еще раньше. Володя и Андрюша еще спали.

Я думал о мамином письме, странном, каком-то диком. А вдруг мне его написала незнакомая женщина, которая только притворилась моей мамой? Вдруг это какое-то вредительство, какой-то саботаж? Но достойного обоснования для этой мысли я найти не мог.

Это моя мама так написала. И что папа ее не любил, и что она со мной поступила дурно. А я так не думаю!

Папа ее любил, и со мной она поступила правильно!

И эти крысы, почему она так убивалась? Это же крысы, и всё. Они вредители, переносят болезни, портят проводку.

Я сказал Боре:

– Дышать невозможно.

– Ну так не дыши.

Я сильно закашлялся оттого, что Боря решил сдобрить свою прическу еще одной порцией лака.

– Как думаешь, Жданов, что это ты такой чувствительный мальчик? Ребята, вот, спят себе. Или, думаешь, они уже умерли?

– Не говори так!

Боря тихонько засмеялся, потом сказал:

– А, собственно, почему?

Я молчал.

– Говоришь так, как будто смерть – это что-то плохое, – сказал Боря.

– А разве нет?

– Ты со своей красной тетрадкой, – сказал Боря, – так носишься, потому что боишься помереть и ничего после себя не

оставить.

– А ты?

– А я – фейерверк! – сказал он. Потом Боря широко зевнул и поставил баллончик с лаком на тумбочку.

Мне стало совсем плохо, и я решил выйти на балкон подышать. Было совсем раннее утро, краски еще казались тусклыми, и все выглядело синеватым: кипарисы, и далекая столовая, и крошечная библиотека. Розы в клумбах на этом фоне становились особенно красными.

Воздух был свежий и прохладный, тянуло морем, издалека, призрачно, как во сне.

Я подумал, что не забуду теперь этот запах и что он несомненно отпечатается в моем разуме. Море – благо, которое должно быть доступным всем гражданам. Есть, наверное, в Космосе планеты, где море так огромно, что все могут в нем купаться, никуда не выезжая, не покидая свой дом.

Где-то далеко кричали чайки, было тихо, оттого я слышал их очень отчетливо.

Мои колени тоже вписывались в окружающий синеватый мир – гематомы еще не прошли, но стали менее интенсивными. Я прикоснулся к синяку на левой коленке и надавил. Боль была странной на фоне этого спокойного, тихого мира, неуместной, неловкой, но бодрящей и приводящей мысли в порядок.

Некоторое время на улице никого не было, и я почувствовал себя самым одиноким человеком в мире, хотя мои товарищи находились в комнате, которая начиналась прямо у меня за спиной.

Потом я услышал шум, шаги бегущего звучали настойчиво и громко, как это бывает утром в пустынном месте, и поэтому – тревожно. Наконец, в волшебной синеве появился Ванечка.

Он бежал очень быстро, я никогда еще не видел кого-то, кто бежал так быстро без особенной цели. Что цели у него не было, мне стало понятно не сразу. Он пробежал от первого корпуса до второго, а потом вдруг описал круг, затем еще один, еще один и снова.

Так делают потерявшие ориентацию в пространстве птицы, в этом есть нечто сумасшедшее и пугающее.

Я смотрел на него, а Ванечка, казалось, совсем не обращал внимания на внешний мир. Круги становился все у́же, и я понял, что Ванечка бежит по спирали. Наконец, он остановился в точке, которую избрал центром воображаемой спирали. Стоял, покачиваясь, будто пьяный.

Я поднял руку, но почему-то не решился ему помахать.

Я всегда поднимаю руку высоко над головой, в пионерском

приветствии, потому что оно символизирует превосходство общественных ценностей над частными. И вот я так поднял руку и стоял, а Ванечка покачивался. Наконец он резко запрокинул голову и, мне кажется, улыбнулся.

Вдруг тишину прорезал его смех, а потом Ванечка исчез из виду так же невероятно быстро, как появился.

Я подумал: хорошо, что кто-то еще не спит в такую рань.

А в скотобойни я не верю.

Максим Сергеевич проспал подъем. Когда я постучался к нему в палату, то увидел его лежащим в пижаме на кровати, с книгой на лице.

Он простонал:

– Уходи, Жданов. Моя голова! Какая мигрень!

На море мы не пошли, но он дал мне денег и сказал купить всем газировки. Очень ответственное задание, между прочим, самому сходить в город.

На завтраке я увидел Ванечку и Алешу. Они сидели за столом с красивой темноволосой женщиной. Женщина что-то очень экспрессивно говорила. У нее были огромные глаза, как у Ванечки, как у Алеши (единственное, в чем они похожи), и она все время улыбалась. Ванечка и Алеша нам помахали, а женщина посмотрела на нас и засмеялась.

За соседним столиком сидел мрачный мужчина с трясущимися руками (тот самый, похожий на персонажа Эдгара Алана По), а с ним девочка нашего возраста, бледная брюнетка с короткими волосами, я вдруг подумал, что она, наверное, пианистка. Ванечка все время к ней обращался, а она отвечала что-то коротко и краснела – это было очень заметно из-за ее бледности.

Это вряд ли было возможно, но я подумал: вдруг самая красивая девочка на свете тоже здесь?

Ее не было, и мне уже стало казаться, что она мне приснилась.

Впрочем, мысли о девочках, даже самых красивых, я смогу позволить себе, только когда стану служить обществу, потому что политическая сознательность всякий раз должна предшествовать любым другим чувствам.

Вдруг эта девочка, например, не любит нашу великую Родину? Или она вовсе вредительница? А вдруг она предательница? Или ей не нравятся звезды и красный цвет?

Нечего и думать о ней.

После завтрака я отправился за газировкой. К сожалению, за мной увязался Боря.

Я сказал ему:

– Тебя не отправляли.

А он сказал:

– Я кот, который гуляет сам по себе. Хожу, где вздумается.

– А надо – где скажут.

У Бори за ухом была сигарета, он ловко выудил ее, как фокусник, и закурил.

– Как ужасно, – сказал я.

– А что в этом такого уж ужасного?

– Вредно для здоровья.

– А не «по хуй» ли, что я курю, если мы с тобой все равно умрем молодыми?

Я сказал:

– Ты говоришь так, как будто мы умрем зря.

– А я разве говорю, что это плохо, что мы умрем молодыми? Не хватало еще стать старым. Старые люди ужасные и морщинистые, они такие отвратительные. Меня тошнит от старых людей, никогда не стану старым.

– Неуважение к старшим – признак нравственного упадка, – сказал я.

– А какое ж революционное свержение основ без неуважения к старшим?

Я сказал:

– Глупости. Отстань от меня.

– Это революция-то глупости?

– Отстань.

– Нет, Жданов, ты скажи.

– Ну что тебе сказать?

Мы шли вдоль белого забора, и Боря иногда ловко подпрыгивал, оттягивал ветки, и те хрустели, гнулись. Зачем без причины делать больно даже такому неразвитому живому существу, как дерево? Дерево дает тень и плоды, оно полезно.

Если молчать, подумал я, вероятно, Боря отстанет и уйдет. Ему просто станет скучно.

Впрочем, рассчитывать на это не стоило – Боря прекрасно умеет развлекать себя сам.

Он сказал:

– Ты в курсах, что мы с тобой в группе риска?

– Да, – сказал я.

– Может, мы сойдем с ума и умрем.

– Да, – сказал я. – Но попробовать стоит.

– Потому что у тебя такой нестабильный рассудок, крошка политрук! Ты такой впечатлительный!

– А ты импульсивный. Я думаю, это ты сойдешь с ума и тебя утилизируют, – сказал я. Я решил, что тут-то Боря и разозлится

по-настоящему, но он вдруг сказал:

– А, наверное.

Мне кажется, он вовсе не боится смерти, а боится, скорее, что на него перестанут обращать внимание.

Некоторое время я шел молча. Солнце стало яркое-яркое и уже припекало. Я пожалел, что не надел панамку. Потом мы свернули на бульвар, засаженный раскидистыми деревьями, которые щедро разливали на землю тень, и все стало хорошо. Пахло чем-то сладким, древесным, сочным. Вдалеке виднелось море.

От такого солнца, подумал я, можно выгореть дотла. А в тени хорошо, и голова сразу охлаждается.

В магазинчике у пляжа я купил две бутылки газировки – «Байкал» и «Крем-соду». Пересчитав сдачу и уложив ее в карман, я развернулся к Боре и сказал:

– На что ты вообще рассчитываешь? Побить меня?

– А мы разве не товарищи?

– Да, – сказал я. – Мы товарищи, хотя это очень сложно. Но это не значит, что тебе все прощается. Мой тебе совет: спрашивай с себя хоть иногда. И самым строгим образом. Тогда ты вырастешь как личность.

– Ах, Арлен!

И все же, и все же я верить не брошу,
Что надо в начале любого пути
С хорошей, с хорошей и только с хорошей,
С доверчивой меркою к людям идти!

– Это хорошее стихотворение, – сказал я, вручив ему одну бутылку. – Там еще есть: ты сам своей мерке большой соответствуй. Вот, неси. Справедливое разделение труда.

И опять мы пошли к бульвару, где тень, и я мечтал об этой тени, как мечтают о воде, когда хотят напиться. Я испытывал ужасное напряжение: вспомнилось, что завтра будет первая процедура, и все, что мне написала мама, и моя бестолковая телеграмма, отправленная ей, и разбитые коленки снова начали болеть.

Мы дошли практически до середины бульвара, когда Боря сказал:

– Приколись, Арлен, как на тебя всем «по хуй»?

– Что? – спросил я.

Боря склонил голову набок, зевнул, а потом сказал:

– Мы-то с Володей – это понятно. Батя поехавший, а мамке плевать. Фирин папа не хочет умирать. Валиному дядьке плевать,

она сирота, по сути. Андрюшина мамка безвольная, а батя у него парализованный, ну и семейка. А тебя-то мамочка, наверное, любит. Ты же один у мамы сын. И ничего, что ты «наебыш», все равно, ты у мамочки один. И как же это она тебя сдала, если она такая хорошая, такая честная женщина? Может, ты ей все-таки немножко жизнь сломал?

Вот так он говорил, и я очень неожиданно ощутил такую сильную злость, что сразу во рту пересохло. Мы остановились под раскидистой чинарой, красивой-красивой, такие деревья рисуют на иллюстрациях к сказкам. Тень показалась мне холодной, а вот я сам погрузился в ужасный и красный огонь.

Боря не сказал ни слова правды, как я теперь понимаю, но тогда мне показалось по-другому. Ощущение было такое, будто я порезался ножом и вижу, как течет моя кровь. Я бросился на него, и все стало красным. Мы катались по холодной траве в тени чинары, бутылки покатились по дороге, газировка в них вспенилась.

Вдруг мне стало так обидно, так страшно одиноко, и так просто страшно, но более всего – зло. Со мной случился настоящий приступ ярости.

И в какой-то момент я обнаружил, что прижимаю палку к Бориному горлу, да так сильно, что костяшки пальцев отчаянно побелели. Мне кажется, я мог его задушить.

– Ненавижу тебя! – кричал я. – Как я тебя ненавижу!

Никого не было рядом, чтобы нас разнять, и я все сильнее давил на палку.

Мне кажется, я мог совершить нечто ужасное, такой моя ярость была сильной и неожиданной.

Но потом, склонившись над ним ниже, всем телом на эту проклятую палку навалившись, я ощутил запах детского крема – детским кремом Боря мажет свой шелушащийся нос.

И почему-то это заставило меня остановиться. Думаю, я понял, что он – ребенок и я – ребенок. И это нас объединяло, даже если не объединяло ничто другое на свете.

Хотя, конечно, сейчас я описываю весьма сложную концепцию. Смутное ощущение товарищества и братства – вот что у меня возникло, и я вспомнил, что человек человеку должен быть другом.

Во всяком уж случае, точно не волком.

Не то чтобы я сразу перестал злиться, нет, я чувствовал себя очень жестоким мальчиком.

И вместо того, чтобы выкинуть проклятую палку, я вставил ее Боре в зубы, как собаке, и снова надавил. Кажется, я еще обозвал его свиньей.

Ему должно было быть очень больно, во всяком случае, я на это надеялся.

Белые Борины зубы сомкнулись на палке, словно он и правда ощутил себя собакой. На грязной черной палке эти зубы казались неестественно, сахарно-белыми. Затем он вдруг схватил меня за руки и вместо того, чтобы попытаться отвести мои руки, стал на них давить, и вот мы уже вместе причиняли Боре боль.

А потом палка хрустнула, острые концы остались у Бори в руках, и он больно ткнул меня ими под ребра.

Боль меня отрезвила.

Борин рот был исцарапан, язык покраснел и даже немного опух, слюна стала розовой.

И он смеялся.

Я клянусь, он смеялся!

Боря лежал и смеялся, лежал, раскинув руки, под совершенно книжной чинарой. Вдалеке кричали чайки, кричали дети. Я схватился за ребра, боль в них не утихала, хотя ранок не было. Потом я принялся поправлять сбившийся галстук, проверять пуговицы.

А Боря все лежал и смеялся. Казалось, он может лежать так тысячу лет и все это время смеяться.

Мы потеряли «Байкал» и «Крем-соду», и все вокруг, кроме нас, тонуло в ярком солнце, как в золотой воде. Я закрыл глаза и увидел красные всполохи – это пульсировали сосуды под веками.

Я сказал:

– Так тебе и надо! Нельзя бесконечно испытывать мое терпение!

Боря глубоко-глубоко вздохнул, и я на секунду испугался (хотя этот страх в значительной мере иррационален), что я все-таки повредил ему горло, что он задохнется.

Потом Боря сказал:

– Ой, не могу, умора! Чуть меня не убил!

Я сказал:

– Я не хотел.

– Да хотел бы.

Боря вытянул руку, раздвинул пальцы, посмотрел на солнце, слабо проглядывавшее сквозь развесистую крону чинары.

– Красиво, «еб твою мать», – сказал он.

– Да, – сказал я. – Не лежи на земле.

– Слушай, Жданов, а что если Бог есть?

– Что?

– Ну послушай, в стародавние червивые времена, был ведь император. Он знал все обо всех, у кого в башке червячок. Он знал тайные мысли. И страхи. И желания. Может, это и был Бог?

Говорят, он мог помочь тому, кто истово просил. Если знал, что просят искренне. Это же прямо Бог.

– Откуда у тебя такие мысли?

– Да ниоткуда, в общем-то. У меня в семье никто ни во что ни верит. Батя мне так говорит: не надо бояться ни Бога, ни черта.

– Потому что их нет, – сказал я.

– А я хочу, чтоб были.

– Мало ли чего ты хочешь. Есть объективная реальность. Где теперь твой Бог?

Боря пожал плечами.

– Может, нигде. А может быть, где угодно.

Я знал, что обязан доложить о подобных словах куда следует. То, что говорил Боря, было куда опаснее курения или употребления обсценной лексики в невероятных количествах.

Но я никуда с этим не пошел впервые в своей жизни.

Однажды я донес на нашего соседа, мне казалось, он излишне увлекается исторической древностью. Приехали люди из КБП, все перерыли. Мне долгое время совсем не было за это стыдно, а тут вдруг стало.

Я сказал:

– Скажешь мне еще об этом хоть слово, клянусь, я доложу обо всем куратору.

– Максе-то? Макся не поймет.

– А он доложит в КБП.

– Ну точно же. И «пиздец» мне. Что делать, что делать?

И тогда я спросил то, что было мне давно и чрезвычайно интересно.

– Почему ты ничего не боишься?

Я не боялся боли, правда, но боялся множества других вещей.

Боря сказал:

– Потому что я крутой.

Я встал над ним, протянул ему руку, а он только рассматривал меня.

– У тебя нимб, – сказал он. – От солнца.

– Не говори так.

– Я ничего не боюсь, потому что я знаю, что я буду ужасно классным, даже если попаду в беду. Помнишь, как я провалился под лед?

Я помнил. Год назад на занятии по ориентированию нас с Борей распределили в одну команду. Чтобы сократить путь, он пошел через замерзший пруд, от чего я его всячески отговаривал, потому как то было прямое нарушение техники безопасности.

А потом я пошел за ним, не мог же я его оставить.

На середине пруда мы поссорились. Не помню, почему мы

ссорились, но помню один момент. Боря сказал:

– О Боже мой.

А я сказал:

– Бога нет.

И Боря так разозлился, что топнул ногой. Лед под ним пошел трещинами и провалился. Я сделал все по инструкции, лег на живот, кинул ему веревку и вытягивал как можно медленнее.

Я смотрел ему в глаза, и мне было так страшно, что я сначала не замечал, какой восторг отражается у него на лице. Губы – синие, глаза – красные (от резкой смены температур лопнули сосудики), а зубы снежно-белые, и радостно открытый рот.

Вот так.

И вот сейчас, не зимой, а летом, невероятно далеко от того замерзшего пруда, я сказал Боре:

– Я тебе тогда позавидовал.

А Боря сказал мне:

– Я знаю.

Он схватился за мою руку, поднялся и, чуть пошатываясь, отправился за бутылками.

Оказалось, что «Байкал» разбился, но «Крем-сода» осталась целой.

Я все объяснил Максиму Сергеевичу, как оно случилось. Максим Сергеевич сказал:

– Мне лень тебя наказывать, Жданов, накажи себя сам.

Запись 23: Я ее видел!

Самая красивая девочка шла к первому корпусу вместе с той девушкой, которая игриво пела серьезные песни в кафе. Теперь, за пределами сцены, девушка показалась мне старше, так что стоит писать о ней – женщина. И хотя они с девочкой вовсе не были похожи, я сделал резонный вывод: самая красивая девочка – дочь певицы.

На самой красивой девочке были шорты и длинная майка с каким-то рисунком, который я не успел рассмотреть.

На солнце она выглядела еще более золотой, совсем как статуэтка.

Жаль, я не умею писать стихи.

Но если бы умел, все равно не стал бы тратить время на такие глупости.

Запись 24: Клятва Арлена

Клянусь всеми силами поддерживать нашу дружбу до конца жизни. Никогда не предам, что бы ни случилось. Всегда буду помнить о данных мною обещаниях. Везде, и в Космосе тоже, буду спешить на помощь, если придется, своему лучшему другу Андрею Романовичу Арефьеву.

Всегда буду на его стороне, даже если будет непросто быть на его стороне.

Всегда буду верить ему, даже если никто больше ему верить не будет.

До конца буду сражаться за то же, за что и он.

Как настоящий товарищ клянусь проявить лучшие качества и, если потребуется, отдать за друга жизнь.

Клятва будет скреплена кровью, и мы станем как братья.

Запись 25: Клятва Андрюши

Клянусь быть другом для Арлена Георгиевича Жданова и всегда поступать правильно в этой дружбе.

Клянусь понимать и стараться быть понятым.

Клянусь быть привязанным и не предавать.

А если я умру, то пусть обо мне останется хорошая память.

Еще, если я умру первым, завещаю свои рисунки, игрушки, все книжки и любое имущество, которое у меня будет к тому времени.

Клятва будет скреплена кровью, и мы станем как братья.

Запись 26: Братание

Мы с Андрюшей теперь побратались! Так мы решили, потому что завтра начнутся у нас процедуры и вдруг мы станем другими, все забудем или умрем.

А теперь у меня на ладони будет большой шрам, в который уместится наша дружба и все чудесные воспоминания.

Мне теперь так легко все вспоминается!

Однажды, например, мы с Андрюшей оба заболели и весь день болтали по телефону. Андрюша рассказывал мне разные страшные истории, а еще мы вместе придумывали рассказ о том, как наш пионерский отряд отправился на экскурсию и мы все героически погибли.

А как-то раз перед Новым годом мы гуляли. Было снежно, и все блестело. Мы катались на горке, и я спросил Андрюшу:

– Ты веришь в то, что можно сделать всех людей счастливыми?

Андрюша поднялся по лестнице и встал на платформе перед спуском. Он сказал:

– Я верю в то, что люди воюют за всякое.

Я расстроился так сильно, что чуть не заплакал. А Андрюша сказал:

– Но еще я верю в то, что люди вроде тебя очень стараются. Это хорошо – стараться. Так можно кому-то помочь.

Он поправил завязки на своей кроличьей шапке, шмыгнул носом, развернулся, сел и съехал с горки вниз.

Я не спешил ехать следом, стоял задумавшись. Под рыжим светом фонаря бежевая шапка Андрюши казалась почти клубнично-красной.

Мне стало очень приятно оттого, что Андрюша в меня верит. Так и должны поступать настоящие друзья.

– Эй! – сказал я ему. – Я тоже в тебя верю!

Радостный, я решил съехать с горки, я подумал, Андрюша успеет отойти, но он так и сидел, а я уже несся на него. Так я в него врезался, и он упал носом в снег.

Мне стало так стыдно, а Андрюша сказал:

– Всё в порядке, Арлен.

Он никогда и ни на что не злился. Даже на Борю не злился никогда.

Вот что значит золотой характер.

А сегодня мы обработали перекисью перочинный ножик, порезали себе ладони и побратались навсегда.

Потому что если один раз смешиваешь кровь, то дружба уже

никогда не закончится. Кровь смешалась, и всегда теперь мы будем как братья.

Я бы хотел себе брата. Я был бы рад, если бы мама вышла замуж и родила мне брата. Я бы заботился о нем и никогда не давал в обиду.

Как Володя, который, когда мы ходили в лес, мазал Борю гвоздичным одеколоном от комаров, я бы тоже с детства своего младшего брата защищал даже от обычных насекомых. А если бы мы с братом встретили волка, то я бы пожертвовал жизнью.

Если так подумать, Андрюша действительно младше меня, пусть на несколько месяцев.

Однажды, когда мы гуляли, он соврал какой-то старушке, что мы двойняшки. А мы ведь совсем непохожи, но старушка поверила.

Я его тогда не заложил, потому что мне было приятно, только потом сказал, что врать нехорошо.

Шрам болит, и буквы выводить тяжело, особенно некоторые.

Запись 27: Больно

А вдруг мне правда нравится, когда мне больно?

Когда мне больно, я чувствую себя сильным.

Когда мне больно, я чувствую себя чистым.

Когда мне больно, я чувствую себя хорошим.

Но саму боль я ощущаю плохо, приглушенно, как через вату, и, когда она все-таки пробивается ко мне, я сразу перестаю думать, что я нехороший или слабый.

Я становлюсь лучшей версией себя.

Вдруг это плохо? Или это мне поможет, потому что я должен испытывать много боли?

Мне должно быть стыдно?

Я все время трогаю синяки на коленях, когда волнуюсь.

Запись 28: Фиточай, зеркала и последняя ночь

Надо рассказать все обстоятельно, все равно сегодня я заснуть не смогу, а уже рассвет и все хорошо видно, особенно если сесть на балконе.

Андрюша, я знаю, тоже не спит, а думает. Я предпочел его не тревожить.

Во-первых, вечером мы пили фиточай. Он очень вкусный, травяной, совсем не такой, как обычный чай, и с таким сладковатым привкусом.

С фиточая все и началось.

Сразу скажу: самой красивой девочки в мире в очереди за фиточаем не было. Но и без нее народу собралось достаточно. Мы сразу же пошли к Ванечке и Алеше, рядом с ними стояла та самая бледная девочка из столовой.

– Привет, красотуля, – сказал ей Боря. – Огонька не найдется?

– Что? – спросил я. – О чем ты?

Девочка сказала:

– Я – Мила.

Голос у нее, как я и предполагал, оказался очень музыкальный. Я сразу вспомнил, как она похожа на пианистку.

– Ты – дочь солдата, который всегда одевается в черное, – сказал я, и Андрюша вздохнул:

– Соболезную.

Мне сразу стало стыдно, я покраснел.

Мила сказала:

– Мама умерла два года назад.

Я сказал:

– Сочувствую.

Она сказала:

– Папа – лучший друг Эдуарда Андреевича. Мы здесь отдыхаем каждый год, даже когда папе и не надо. Но в этом году ему обязательно надо.

– А твоя мама? – спросил Боря. – Тоже была солдатом?

– Да, – сказала Мила.

– Круто.

Теперь уже я толкнул Борю в бок.

Алеша сказал:

– Мила очень хорошо играет на скрипке.

Я почувствовал гордость и разочарование. Я, конечно, угадал, но не полностью.

Ванечка крутился вокруг нас, а потом нашел большую улитку и, кажется, он хотел ее съесть.

Я сказал:

– Если сделаешь это, амеба съест твой мозг.

Кажется, на Ванечку это произвело впечатление.

– Ужас какой, – сказал он. – А вас уже начали препарировать?

– А нас будут препарировать? – спросил Володя.

– Мила сказала, что да!

Мила покраснела и отвернулась.

– Я не то имела в виду, – сказала она, а потом быстро добавила:

– Так папа говорил.

Я сказал:

– Мне решительно все равно, что со мной будут делать, главное, чтобы это пошло на благо Родины.

Мила потрогала свои короткие волосы, и я предположил, что она недавно постриглась – еще не привыкла.

Ванечка сказал:

– А завтра будут вас препарировать?

– Завтра, – сказал Андрюша, – будут.

Мы стояли в очереди, болтали обо всяких повседневных делах: как там Найда (Найда, кстати, в порядке, а ее дети активно растут), куда пристроить щенков, что продается на набережной и можно ли устроить матч по пионерболу между нами и обитателями первого корпуса, наберется ли команда.

Максим Сергеевич курил в стороне, но из-за ветра едкий дым шел в нашу сторону.

Алеша так ничего и не сказал, но достал из кармана ингалятор. Я подошел к Максиму Сергеевичу и сказал:

– Не курите, пожалуйста. У мальчика Алеши астма.

Максим Сергеевич сказал:

– Поуказывай мне еще, Жданов.

И ушел сидеть на скамейку около клумбы.

А я потерял свое место в очереди и получил бы фиточай последним, если бы не Андрюша. Он взял стакан и для меня. Потому что мы как братья.

Пока мы пили фиточай (стакан необходимо было вернуть), завязалась еще одна интересная беседа. Фира сказала:

– Мы с Валей сегодня вызываем духов. С нами будет еще одна девочка, мы познакомились на пляже. Она местная.

– А когда вы будете вызывать духов? – спросил я.

– Ночью.

– Разве ей здесь можно быть ночью?

– Не запрещено.

– А ее родители?

– Они разрешили.

Ни во что из этого я не поверил.

– В общем, – сказала Фира. – Если хотите, Ваня, Алеша и Мила, можете тоже приходить.

– А мы? – спросил Володя.

– А вы – нет.

– Почему это?

– Потому это, – сказала Валя.

Завязался спор, в котором мы с Андрюшей не участвовали. Ванечка показывал нам огромную гусеницу.

Андрюша спросил его:

– Ты что-нибудь знаешь о паразитических осах?

Ванечка покачал головой. А вы что-нибудь знаете о паразитических осах?

Вместо жала у них яйцеклад. Они впрыскивают яйца в гусениц или в тараканов, их личинки поедают хозяев изнутри, а потом прорываются наружу.

Иногда пара-тройка личинок остается внутри гусеницы и заставляет ее защищать других личинок, пока они не окуклятся.

А потом гусеница умирает.

Паразитические осы похожи на капиталистических воротил. То же паразитирование на чужих ресурсах, то же умение контролировать разум или парализовать волю. Природа бывает очень политична, и этим она мне нравится.

Ванечку рассказ о паразитических осах впечатлил. Он сказал:

– Я бы всех таких уродских ос убивал!

– Некоторые из них, – сказал Андрюша, – даже не едят, они только размножаются.

– Бессмысленная жизнь, – сказал я.

А Ванечка стоял, покачиваясь, бледный, с особой волчьей улыбкой, и вдруг сказал:

– Так люди с неба относятся к нам. Как к таким осам. Я бы всех таких тоже убивал!

Он засмеялся и запрокинул голову, посмотрел в небо:

– Я бы всех таких убивал! – повторил он. – Я – большой умник.

Я сказал:

– Думаю, осознание того, что у нас в мозгу сидят черви, вызывает некоторую оторопь.

Андрюша сказал:

– В детстве я играл в то, что я – паразитическая оса.

– Понятно, – сказал Ванечка. – Ты и сейчас ребенок. Почему не играешь больше?

Андрюша сказал:

– Иногда играю.

В Ванечке есть нечто, что меня пугает. Дело не в том, что он дурачок, или не только в этом. Не могу сформулировать – тревожно.

Ванечка спросил меня:

– А ты как родился?

– Как обычный человек, – сказал я.

Ванечка задумался, а потом сказал:

– А я не родился, меня в лесу нашли, напоили молоком, и с тех пор я так живу.

– Как волчонок?

– Как.

Я заметил, что Мила за нами наблюдает. Она разговаривала с Фирой и Валей (видимо, уточняли программу на вечер), но смотрела за Ванечкой.

– Вы с Милой хорошие друзья? – спросил я.

– Лучшая моя подруга, – сказал Ванечка. – А что это ты спрашиваешь?

Я не мог сказать ему истинную причину: мне хотелось проверить свою находчивость и умение разбираться в людях. С пианисткой-то я ведь почти угадал.

Почти, да только получилась скрипачка.

Потом мы допили сладкий фиточай, сдали стаканы и пошли проверить, как растут щенки. Я сказал:

– Надо взять рулетку, чтобы их измерить.

Все со мной согласились, но рулетки ни у кого не оказалось.

Мы наслаждались обществом Найды довольно долго, я уже и думать забыл о мероприятии, запланированном Фирой. Честно говоря, оно было мне не так уж и интересно.

На обратном пути мы с Андрюшей встретили Валю.

Она сказала:

– Жданов, если заложишь нас, тебе конец.

– Что?

– Ты – идиот, – сказал Валя и пихнула меня кулаком в живот.

Вышло достаточно больно. Как я уже сообщал, Валя лучше всех дерется.

Я сказал:

– Я совсем ничего не понял.

Валя сказала:

– Я тебе повторю: заложишь наш вызов духов, и все.

Она провела пальцем себе по шее, вышло очень недвусмысленно.

Андрюша сказал:

– Мы не заложим.

Валя сказала:

– Завтра начнутся процедуры. Вдруг мы потом будем слишком заняты, чтобы вызывать духов, или не сможем!

На руке у нее болтался браслетик с дельфинчиком – толстая синяя нитка с прикрепленной к ней маленькой прозрачной фигуркой. В брюшке у дельфинчика переливался всеми цветами камушек, похожий на опал. Казалось, по камушку идут волны, вот так он сиял, когда на него падало солнце.

– Но я решила, – сказала Валя, – что если ты сам там будешь, то не заложишь.

Я сказал:

– Не хочу там быть. Вызывать духов глупо.

– Приходи, – сказала Валя с нажимом.

Андрюша сказал:

– Мы придем.

Валя сказала:

– Вам же лучше.

А потом она развернулась и убежала.

– Странное у меня от всего этого впечатление, – сказал я.

– У меня есть по этому поводу теория, – сказал Андрюша.

– Какая?

– Ну, краткая теория: она в тебя влюбилась.

– Почему? – спросил я.

– Не знаю, – сказал Андрюша. – Ты задаешь слишком много вопросов, но надо прийти.

Я не был в этом так уверен.

Андрюша сказал:

– Девочки будут в пижамах.

И вздохнул.

– Еще от них хорошо пахнет, – добавил он.

– Ты не об этом должен думать, а о завтрашнем дне.

– И о нем я думаю, – сказал Андрюша. – Если будем просто спать, момент не прочувствуем. Надо не спать. А девочки сами тебя пригласили.

– Думаешь, Борю с Володей они пригласили?

– Фире нравится Боря, – сказал Андрюша.

Так я узнал, что он – эксперт в отношениях.

Я до самого конца старался быть несгибаемым, не согласился и в конце концов остался ночью в комнате один.

Я еще никогда не спал ночью в комнате один. На потолке колыхались тени от острых кривых ветвей, за окном было до странности тихо, и оттого я стал слышать навязчивый шорох.

Это, вероятно, мокрицы, подумал я.

Или уховертки, которые, если верить Андрюше, забираются человеку в ухо, прогрызают барабанную перепонку и откладывают внутри яйца.

На самом деле насекомые вовсе не вызывают у меня ужаса. Да, некоторые из них выглядят весьма своеобразно или способны навредить. Без жалости нужно истреблять определенных сельскохозяйственных вредителей или попросту опасных существ.

Но, в общем и целом, насекомые довольно безобидны.

Однако навязчивый шорох раздражал меня сам по себе, я не видел его источника, а потому его источником могло оказаться все, что угодно. Тени и шорохи и ощущение того, что я один, тем более впервые, все вогнало меня в тревогу.

Я некоторое время лежал спокойно, пытаясь справиться с этой тревогой. Я вытянул руки по швам и терпел, представляя, что меня пытают таким изощренным способом враги и я должен не поддаться их психологическим уловкам.

Однако в конце концов я оказался на грани отчаяния.

Было еще до смешного обидно: я так хотел остаться один (на самом деле, не один, а просто чтобы не было Бори), выспаться, не иметь повода для раздражения, а теперь весь сон пошел насмарку. От обиды тревога только усиливалась.

Наконец я сел на кровати, осмотрелся.

– Все хорошо, Арлен, – сказал я сам себе. – Все хорошо. Не происходит совершенно ничего ужасного.

Но темно.

И никого нет рядом.

Я устыдился подобных мыслей и повторил себе:

– Все в полном порядке.

Однако я уже знал, что не засну. И спорить с собой было нечего.

Я походил по комнате, размялся, даже сделал зарядку в надежде не то взбодриться, не то усыпить себя, но не получилось ни того ни другого. Откуда-то очень издалека и очень приглушенно до меня донесся смех. Это мои товарищи (и к ним примкнувшие) нарушали правила общежития.

Первым делом я решил пойти к Максиму Сергеевичу, но нечто меня остановило. Я вспомнил, что для моих товарищей сегодня особенная ночь. Многие из них могли быть слабее духом, чем я, и нуждаться в поддержке.

Я в поддержке не нуждался, однако мокрицы и уховертки волновали меня.

Так что я решил присоединиться к мракобесию, творившемуся в девичьей комнате.

В коридоре горела только одна лампочка. Она делала еще

мрачнее старый зеленый ковролин. Казалось, все пространство сузилось, сжалось. Лампочка мигала, и иногда из полутьмы я попадал в полную темноту.

Девочки жили на другом конце коридора, в номере 327, и я, стараясь справляться с тревогой, преодолевал это расстояние нарочито медленно.

Замерев перед блестящей в неверном свете мятно-зеленой дверью их номера, я почувствовал огромное облегчение – оттуда слышались приглушенные голоса, и мои собственные мысли о мокрицах и уховертках показались мне глупыми и наивными, недостойными человека моего положения.

Я даже думал вернуться в палату и спать, как это и полагается в столь позднее время, но что-то подсказывало мне: стоит отойти от двери, и снова станет неприятно.

Наконец, набравшись решительности, я распахнул дверь.

Со всех сторон на меня накатили визг, крики, ор, вопли. Все эти существительные могут быть употреблены с полным правом. Кричали мальчики, кричали девочки, кричал даже Володя, обычно весьма и весьма невозмутимый.

Не кричал только Андрюша. Он весь побледнел и выглядел так, словно сейчас упадет в обморок.

Когда вопли, которые мне пришлось претерпеть, стихли, я сказал:

– Доброй ночи.

– Твою мать, Жданов!

– Арлен!

– Какого хрена?

– Мог бы постучаться!

– А предупредить!

– Ужас какой!

– Я думала, я умру.

Кроме наших старых знакомых Ванечки, Алеши и Милы, я увидел новенькую девочку. Загорелая, с темными волосами, стянутыми в высокий хвост, симпатичными ямочками на щеках и громким голосом, она сразу показалась мне очень приятной. И, конечно, как и сказала Фира, она была местной. Такими казались мне все местные девочки и мальчики: подвижными, по-южному веселыми, непосредственными и преувеличенно загорелыми.

– Привет, – сказала она и помахала мне рукой. – Ой, вот это ты нас напугал. Меня Диана зовут.

– Арлен, – сказал я.

– Смешное имя, как у деда.

– Спасибо, – ответил я машинально.

Они все устроились в узком пространстве между кроватями,

расселись в круг, в центре которого лежало снятое с гвоздя зеркало.

Фира прижимала ладони к этому зеркалу, на котором красной помадой нарисована была лестница.

– Нельзя прерывать ритуал, Арленчик, – сказала Фира.

Она дернула головой, взметнулась копна ее волос. На этот раз они были совершенно уж растрепанные, как у ведьмы.

Я сказал:

– Это все глупости.

Ванечка сказал:

– Садись, Арлен.

Мне стало неловко. Какими бы глупыми, посредственными и антинародными ни были эти развлечения, я уже всех напугал и всем все испортил. Так что я вздохнул и сел между Андрюшей и Ванечкой. Втиснуться между ними оказалось довольно сложно.

Ванечка сказал:

– Я думал, это Пиковая Дама пришла.

Андрюша сказал:

– А я думал, в меня кто-то вселился.

Алеша сказал:

– Мы до этого матерного гномика вызывали.

Я сказал:

– Хорошо, что я не застал, по крайней мере, матерного гномика.

– Хорошо, что ты его не застал, – грустно сказал Алеша, и я в который раз подумал, что мы хорошо друг друга понимаем.

– Так, – сказала Фира. – Взялись за руки. Зря мы вообще руки расцепили, она ведь идет по мосту между мирами, и наша энергия ее притягивает.

Алеша спросил:

– А Пиковая Дама теперь нас не убьет?

Потом он зевнул, что в сочетании с его репликой показалось мне комичным. Я знаю, что такое юмор! Это когда одно не связано с другим или связано очень абсурдным образом.

Впрочем, смеюсь я довольно редко, больше улыбаюсь. Смех – это тоже очень странная вещь, как мне кажется. Нечто абсурдное вызывает у меня спазмы в гортани – что может быть более странным?

Фира посмотрела на Алешу с убийственной серьезностью, потом мягко улыбнулась и сказала:

– Беритесь за руки.

Ванечка до боли сильно сжал мою правую руку, а левой рукой я нащупал ладонь Андрюши. Честно говоря, мне вовсе не хотелось участвовать в домашнем спиритическом сеансе. Таким

образом я расписывался в своем бессилии перед суевериями.

Однако же выбора не было, и вместе со всеми я произнес:

– Пиковая Дама, приди.

Надо сказать, испытанные мною чувства оказались неоднозначны. С одной стороны, я люблю быть частью коллектива, шагать в ногу, петь в унисон – все это очень важно для меня. С другой стороны, общественное мероприятие, в котором мне пришлось участвовать, сам я глубоко презирал.

От Ванечки терпко пахло потом, Андрюша сидел неподвижно, и рука его была почти пугающе холодной. Когда мы замолкали, Ванечка скрежетал зубами. Я хотел сделать ему замечание, но все вокруг сохраняли такой торжественный вид, что я не решился.

Однако не случилось ничего. Мы произнесли заклинание снова, и опять я слышал только дыхание, скрежет Ванечкиных зубов и неопределенно далекий шум машин.

Результата мы не получили и в третий раз.

Наконец, Фира сказала.

– Надо выключить свет.

Она говорила мягко, но никто и не думал спорить. Ванечка резко подорвался, чуть не наступив на зеркало, побежал к выключателю и щелкнул им, потом вернулся, снова схватил меня за руку.

– Давайте, – сказал он.

– Тише, дружок, – сказала Фира.

В окно светили звезды, под их светом все мы казались бледнее. Диана шумно почесала (я бы сказал, поскребла) коленку.

– Может, нужна свеча? – спросила Мила.

– Да, – сказала Фира. – Валя, достань свечу.

Маленькая свечка легла на зеркало, Боря поджег фитиль спичкой, и огонек взметнулся вверх. Он отражался в зеркале со всех сторон, а потому казался почти цветком, странным, причудливым и пугающим.

Мы снова взялись за руки.

– Возможно, дело в Арлене и его скепсисе, – сказала Фира. – Но мы посмотрим.

– Ты просто ищешь кого обвинить, – сказал я. – На самом деле просто Пиковой Дамы не…

– Во! – сказал Боря. – Что и требовалось доказать!

– Так, – сказал Володя. – Либо уже что-то происходит, либо это объявляется девчачьим развлечением.

– Подожди, – сказала Фира. – Еще один штрих. Возьми из моей тумбочки шкатулку. Она там одна, ты не перепутаешь.

Володя переступил через Валю, подошел к тумбочке, взял шкатулку и поставил на зеркало.

– Открой, – сказала Фира.

Квадратная шкатулка такая маленькая, в темноте она казалась абсолютно черной, но я помню, что у нее был некий красноватый оттенок. Замочек блестел под светом звезд отчаянно ярко.

Внутри шкатулки ничего не было, кроме маленькой серебристой балерины. Когда крышка щелкнула, балерина завертелась, полилась музыка, нежная, звенящая, ласковая и слезливая.

Мелодия казалась знакомой, но ни названия, ни автора я вспомнить не мог.

Мы сидели совсем близко друг к другу, из приоткрытого окна шла прохлада, но становилось, напротив, все жарче от этой общности, от дыхания, и от рук, и от коленок.

Духота особым образом влияет на разум, это всем известно. Все становится вязким, странным, будто весь мир окунули в смолу.

Или в карамель.

Огонек свечи колыхался, отражение его билось под серебристым покровом зеркала, будто тонуло.

Я не стал верить во всякую дребедень, конечно, но духота и тоненькая ниточка прохлады, заставлявшая дрожать огонек свечи, нервный, нежный звук, идущий из шкатулки, ровное движение балерины по кругу – все настроило меня на особый лад.

Боря сказал:

– «Заебись».

– Тише, Боренька, – сказала Фира. – Повторяйте за мной: Пиковая Дама, приди.

И хотя мы уже знали, что говорить, да и фраза была не то чтобы очень хитрая, все мгновенно прониклись торжественностью момента.

– Пиковая Дама, приди! Пиковая Дама, приди! Пиковая Дама, приди!

Сквозняк, как мне кажется, усилился, охладил мне взмокшие колени, а пламя свечи заколыхалось еще более нервно, совсем как маленькое, хрупкое живое существо.

Нет, конечно, жутко мне не стало, но некоторое мистическое предвкушение, безусловно, родилось.

Андрюша неожиданно сильно сжал мою руку, почти до боли, и в этот момент дверь распахнулась.

Как ни странно, за дверью стояло нечто в черном балахоне, странное, длинное и, разумеется, пугающее.

Черная ткань закрывала это нечто полностью, но оно все равно двигалось ловко и стремительно. Голову обхватывал некий

ржавый обруч, может быть, корона. Я подумал, что мне стоило остаться в комнате с мокрицами и уховертками.

А потом закричал в голос, но мой крик не стал особенно постыдным, потому что потонул в симфонии многих других воплей. Куда, кстати, более громких, чем те, которые раздались при моем появлении.

Но и существо было куда больше и страшнее меня.

Особенное удовольствие (в равных пропорциях смешанное с ужасом) доставил мне громкий Борин крик.

Но громче всех верещал Андрюша, единственный, кто сохранил относительное спокойствие при моем появлении. Я никогда не слышал звука громче ни от него, ни вообще.

После скромной радости по поводу Бориного позора (во всяком случае, позора не меньшего, чем мой), я вдруг осознал, что могу сейчас умереть самым чудовищным и, главное, антинародным, мракобесным, суеверным, непрогрессивным образом.

Однако мне не хотелось, чтобы моя гибель сопровождалась еще и нарушением правил пожарной безопасности, поэтому я подхватил свечу с зеркала прежде, чем вскочить.

Задувать свечу не пришлось, от моего резкого движения она погасла, зато горячий воск полился мне на пальцы. Почти тут же Ванечка наступил на зеркало, и оно треснуло, шкатулка повалилась набок, балерина сделала полукруг и замерла, упершись в пол, музыка задрожала и зациклилась на одной ноте.

Степень происходившего вокруг хаоса сложно передать словами. Фира, как кошка, взлетела на кровать, Алеша же залез под ту же кровать с быстротой мыши.

Валя схватила подушку, Мила и Боря одновременно потянулись за крупным осколком зеркала, Диана швырнула в черное существо пригоршню ракушек из кармана.

И только мы с Володей замерли. Володя, кажется, единственный не впал в истерику.

А я, конечно, хотел бы сказать, что тоже в нее не впал, да только замер я, скорее, от ужаса.

Ожидание было утомительным. Если я умру таким позорным образом, думал я, пусть только будет быстро и не очень больно. И куда подевалась вся моя хваленая смелость? Теперь мне весьма стыдно за этот эпизод.

Существо приближалось, диапазон издаваемых нами звуков увеличился, а затем фигура, приблизившись ко мне, сдернула с себя ржавый венец и сказала:

– Дебилы.

Черная ткань соскользнула вниз, и я с большой радостью

увидел перед собой отца Милы, того самого мрачного мужчину.

Он не засмеялся, но я видел, что ему смешно.

Мне же смешно не было. Я аккуратно поставил погасшую свечку на тумбочку, машинально сказал Ванечке:

– Осторожно, осколки.

Ванечка сказал:

– Блин, дядя Стас!

Я не сразу узнал его отчество, так что пока назову его Станислав.

Так вот, Станислав смотрел на нас. Ничто в его лице не выдавало смех и радость, но мне все-таки казалось, что своей выходкой он гордится.

– Доволен собой, папа? – спросила Мила. – Ты всё испортил.

– По-моему, я придал этой истории хоть какой-то смысл.

– Ну умат, – сказал Боря. – Это было круто.

Я сказал:

– А если бы у кого-то оказалось слабое сердце?

– Наверняка у тебя, маленькая зануда, – сказал мне Станислав.

Мрачный, породистый, злой, совершенно байронический герой, Станислав вселял в меня ужас и без черной накидки.

Андрюша сказал:

– Сейчас Максим Сергеевич придет.

– Спорнем, что нет, – сказал Володя.

Станислав сказал:

– Надеюсь, это послужит вам уроком. В мире есть вещи пострашнее духов и призраков.

– Какие например? – спросил Ванечка.

– Например, я, – сказал Станислав.

– А как ваше отчество? – спросил я.

– Константинович, – сказал он. – Но это не точно.

– Что вы имеете в виду? – спросил я.

– Свою мамашу, – сказал Станислав Константинович. – Мила, пошли спать. Твои маленькие друзья переутомились.

Мила сказала:

– Из-за тебя мы разбили зеркало.

– Не переживайте, вроде бы через семь лет все будет нормально.

Чуть помолчав, Станислав Константинович добавил:

– А вот и первое несчастье: вам придется убираться. Но зато этот случай запомнится вам надолго.

Фира сказала:

– Будьте осторожнее со столь тонкими материями, Станислав Константинович.

Он пообещал нам быть осторожнее со столь тонкими материями, аккуратно переступил через осколки, взял за руку Милу и осторожно вывел из палаты.

Мы стали собирать осколки.

– Девочки, отойдите, – сказал я. – Вы можете порезаться. И ты, Ванечка.

– Я не боюсь порезаться, – сказал он.

Всем было неловко, кроме Ванечки. Теперь каждый расстраивался, что поверил в этот розыгрыш.

Боря сказал:

– Может, веник есть? Эй, Арефьев, метнись за веником.

– Хорошо, – сказал Андрюша.

Фира села на кровати. Валя перетягивала Диане распустившийся хвост яркой резинкой.

– Да уж, – сказала Диана. – Вышло просто ничего себе!

– Я же говорила, – сказала Фира, – что будет здорово.

Фира никогда не теряет присутствия духа, и, кажется, мало что в мире способно ее расстроить. Это очень хорошее качество.

Я сказал:

– Сначала уберем самые крупные осколки.

Володя сказал:

– Ты нас еще поучи, как стекло убирать.

Валя сказала:

– К несчастью все это, точно.

Всем почему-то стало грустно, хотя история по всем канонам должна была получиться скорее веселой. Я смотрел на балерину из шкатулки, потом из-под кровати вылез Алеша, аккуратно взял шкатулку, помог балерине прокрутить полный круг и закрыл крышку.

– Она в порядке, – сказал Алеша Фире.

– Она очень крепкая, – сказала Фира. – Ей вовсе не страшно падение.

Мы убрали осколки, но Ванечка все-таки порезал ногу. Весь его зеленый носок стал черным от крови, но несмотря на это рана оказалась не слишком глубокая.

Ванечка вертел в руке последний осколок зеркала, а я сидел перед ним на полу и мазал его пятку зеленкой.

– Сейчас мы забинтуем, – говорил я. – И все будет хорошо.

Отчего-то Ванечка вызывал у меня желание его опекать. Он болтал ногой, и я говорил:

– Тише сиди, тише.

А потом случилась самая странная вещь за вечер. Ванечка, игравшийся с осколком зеркала, вдруг показал его мне. Осколок был такой узкий, что я видел только собственные глаза.

– Убийца, – сказал Ванечка.

Я отчего-то смутился. Боря засмеялся, а Ванечка сказал уже ему:

– А ты – святой.

И прижал палец к своему носу, показав свиной пятачок.

Мы еще немного поговорили и разошлись, но именно на этом странном эпизоде я свое повествование, пожалуй, закончу.

Вот такая вышла ночь.

Запись 29: Обязанности по уборке комнаты

1) Жданов Арлен Георгиевич: генеральная уборка, мытье полов, инспекция.

2) Арефьев Андрей Романович: уборка мелких вещей, которые лежат не на своих местах.

3) Шиманов Владимир Александрович: уборка песка, который он сюда натащил.

4) Шиманов Борис Александрович: уборка песка, который он сюда натащил.

Запись 30: Завтрак

Сегодня на завтрак нам дали сырое мясо.

Эдуард Андреевич сказал, что для наших метаморфоз такое питание просто необходимо и это укрепит наши силы.

Резать мясо было тяжело, и с него подтекал розовый сок (я знаю, что это не кровь, потому что кровь из туши, согласно техническим требованиям, должна быть удалена).

На вкус оказалось вовсе не так отвратительно, как на вид, но Валя отдала свой кусок проходившему мимо Ванечке.

Надеюсь, он взял для Найды.

Впрочем, так как Вале нужен белок, я пожаловался на нее и ей положили еще один кусок мяса.

Думаю, Валя меня побьет, но она должна соблюдать правила питания.

Все должны соблюдать правила питания.

Запись 31: Галечка отвечает

ЗДРАСТВУЙ БРАТЕК Я ТИБЕ ПИШУ ТИПЕРЬ САМА! ДОМА БЕЗ ТИБЯ СКУШНА ПРИВЕЗИ РАКУШЕК БУДЬ ХАРОШИМ.

СПИ ПОСЛИ ОБЕДА И ХАРАШО КУШОЙ.

МАМА СКАЗАЛА ТЫ БУДЕШЬ САЛДАТИКОМ И МЫ ВСЕ БУДЕМ ТАБОЙ ГАРДИТЬСЯ.

ГАРЖУСЬ.

ГАЛИЧКА.

Запись 32: Планета ангелов

Первая процедура прошла успешно. Я почти совсем не волновался. Уже скоро закончится тихий час, а я только проснулся.

Остальные еще спят.

Теперь мы все будем спать во время тихого часа.

Я очень устал, хотя совершенно ничего не делал. Боли (не считая того, что голова гудит) тоже нет, но Эдуард Андреевич ее и не обещал.

Я расскажу, пожалуй, как это было. Я уточнил у Эдуарда Андреевича, могу ли я продолжать вести свою тетрадь, и он сказал, что я волен творчески развиваться в любом выбранном направлении.

Формулировка показалась мне странной, поэтому я уточнил.

Тогда Эдуард Андреевич сказал, что, если я хочу добиться успеха в жизни, мне никогда не стоит добиваться четко поставленных ответов на свои вопросы. Я так и не понял, почему.

Но потом он сказал: да.

Поэтому я сейчас опять пишу в своей красной тетради.

А вечером мы все равно, наверное, пойдем на море. Ничего не изменилось, оказалось нестрашно.

Медицинское крыло располагалось в первом корпусе, но было огорожено строго, проход туда осуществлялся только по пропускам.

Оно весьма отличалось от обычного медицинского крыла в нашем корпусе, где проводили кварцевание, ингаляции и прочие стандартные для оздоровительного комплекса процедуры.

Максиму Сергеевичу выписали красивый пропуск, которым он перед нами похвастался.

Мы несмотря ни на что держались бодро.

Я сказал Андрюше:

– Мы изменимся.

А он сказал мне:

– Я с детства об этом мечтал.

Фира сказала:

– Скоро я смогу отрезать себе палец, и у меня вырастет новый, как хвост у ящерицы.

– И это не все, – сказал Максим Сергеевич. – Если кто-нибудь вроде меня захочет убить тебя, Кац, за разбитое зеркало, которое мне придется возмещать из собственной зарплаты, этому кому-то, то есть мне, будет крайне сложно с тобой справиться.

– Вы же так на самом деле не думаете? – спросил я.

Максим Сергеевич сказал:

– Нет.

И как-то странно замолчал, осмотрел нас. Мы были одеты по-парадному, аккуратно причесаны. Фира даже заплела свои косы, от которых так устала за год.

– Красавцы, – сказал Максим Сергеевич. – Орлы!

И вдруг добавил с совершенно другой, минорной, интонацией:

– Жалко вас отпускать.

А потом он протянул пропуск охраннику, и тот отпер дверь, использовав незнакомую мне технологию (просто посмотрел в специальное устройство на двери).

В белом коридоре пахло сладковато и странно, как будто карболкой, хотя я не был уверен, что в таком месте, прямиком из будущего, недоступном для нас, используется карболка. Это, насколько я знаю, устаревший дезинфектант даже на нашей планете.

Нет, я должен обязательно передать, насколько белым и блестящим был коридор. Казалось, такой чистоты нельзя добиться в природе, нет, даже так: нельзя добиться в условиях реальности, где все постоянно загрязняется.

Я чувствовал себя отвратительным на фоне этой космической чистоты.

Боря прикоснулся к белой стене и тут же отдернул руку. Мне казалось, от его пальцев останутся пятна, но их не осталось, какой-то блеск поглотил его прикосновение, и вернулась изначальная чистота.

Процедурная оказалась такой же белой и очень просторной. В ней не было окон, только до странного плоский экран толщиной, может быть, с лист бумаги. На экране показывали море, яркое, сочное, как настоящее, оно плескалось.

Эдуард Андреевич стоял у экрана и смотрел на море.

– Это очень чувствительная вещь, – сказал он. – Экран будет показывать то, что успокоит вас, когда подключится к вам.

– Ничего себе! – сказала Фира.

Эдуард Андреевич повернулся к нам и сказал:

– Сегодняшняя процедура не представляет собой ничего особенного. Она, можно сказать, вводная. Мы исследуем ваш мозг и запустим некоторые процессы, которые пригодятся нам в будущем, во время прицельной работы.

Это, несомненно, должно было нас успокоить.

И я сказал:

– Это, несомненно, нас успокаивает.

Но потом выяснилось, что мы все равно очень волнуемся.

– Раздеваться? – спросил Андрюша.

– Нет, – сказал Эдуард Андреевич. – Просто ложитесь на койку и расслабьтесь насколько это возможно. А вот обувь снимайте.

Мы все принялись стягивать ботинки.

А потом я вдруг увидел нечто совсем странное. Володя, отбросив свои ботинки, вдруг обнял Борю и поцеловал его в лоб. Невероятно сентиментальная сцена, которой оба должны были стыдиться, но Боря вытерпел да не только вытерпел, а еще и прошептал что-то Володе.

Я аккуратно расшнуровал ботинки (чего никто другой не сделал) и пошел к своей койке. Только тут-то я и заметил, что натер ногу. Левая пятка носка промокла от крови.

На фоне окружающей белизны, красное пятно казалось отчаянным, красивым, но в то же время безумным, кричащим, лишенным какой-либо опоры в этом стерильном мире.

Я боялся оставить следы, но блеск снова поглотил их в секунду.

Я лег на койку, больше похожую, впрочем, на операционный стол, и вытянул руки по швам. В процедурной почти ничего не было, только этот экран, шесть коек, письменный стол и стул и небольшой шкафчик, встроенный в стену.

Из него Эдуард Андреевич достал хромированные браслеты.

Странное дело, халат Эдуарда Андреевича тоже был белым, но на фоне окружающего казался тусклым, темным, сероватым, совсем земным и грязным, как все земное.

Андрюша лег на соседнюю койку.

– Сейчас я надену на вас эти браслеты, – сказал Эдуард Андреевич. – От вас ничего не требуется. Вы будете смотреть на экран и вскоре уснете. Это очень мягкий процесс, он не похож на наркоз, и вы не испугаетесь, не потеряете сознание. Все будет максимально естественно.

– Хорошо, – сказал я.

Все молчали, и я чувствовал себя обязанным подавать голос, чтобы Эдуард Андреевич не думал, что мы его не слушаем.

Я взял Андрюшу за руку, он мне кивнул и слабо улыбнулся. С другом почти ничего не страшно.

Эдуард Андреевич сел за стол, сам надел один из браслетов, закрыл глаза и положил остальные шесть перед собой.

– Выглядит, как будто он колдует, – сказала Валя.

– Но все слышит, – сказал Эдуард Андреевич с улыбкой.

Мы смутились. Я сильнее сжал руку Андрюши.

– Не по-пацански как-то, – сказал Боря. Он лежал с другой стороны от меня.

Я сказал:

– Пожалуйста, не начинай сейчас.

Андрюша сказал:

– Думаю, мы сейчас все успокоимся.

Его рука никак не хотела нагреваться.

– У тебя все время такие холодные руки.

– Да, это моя особенность.

В этот момент, совершенно неожиданно, кто-то сунул палец мне в рот. Сначала я подумал, что это часть процедуры, но потом понял, что Эдуард Андреевич все еще сидит за столом.

А рука, конечно, принадлежала Боре.

Я сильно укусил его за палец.

Боря не отдернул руку, ждал, пока мне надоест, но мне не надоело, я продолжал сжимать зубы.

К сожалению, мне также было необходимо высказаться:

– Зачем ты это сделал? Что за глупость?

– На удачу, – сказал Боря.

– Это уж совершенно идиотское поведение.

Он поднял руку, его указательный палец блестел от моей слюны, ближе к основанию виднелись следы зубов.

– Эй, Володь, меня укусил очень обстоятельный пацан, теперь я тоже стану вязким, с тупыми, такими неповоротливыми мозгами. Серьезненьким таким. Больше не надо будет за мной следить.

– Может, станешь, – сказал Володя. – Мало ли как это все на людей влияет.

В этот момент Эдуард Андреевич сказал:

– Все готово.

И я понял, что времени почти нет. Я приподнял ногу, посмотрел на свою алую пятку, потом посмотрел на Андрюшу.

– Все будет хорошо, – сказал ему я. – Обязательно. Даже не думай о плохом. Наше руководство знает, что для нас лучше.

А потом я услышал, что Валя плачет. Не то чтобы это было громко, но все-таки она плакала.

Так что на нее первую Эдуард Андреевич надел браслет.

Я терпеливо ждал своей очереди и, несмотря на неприятное чувство в груди, в общем и целом оставался спокойным.

Эдуард Андреевич тщательно проверял браслеты.

– Надо, чтобы они были защелкнуты правильно, – сказал он. А я удивился тому, что там, в Космосе, крепления браслетов все еще нужно проверять.

Когда Эдуард Андреевич защелкнул браслет на моем правом запястье, я не почувствовал ничего особенного. Просто браслет, красивый, хромированный, блестит.

Я сказал:

– Теперь просто ждать?

Эдуард Андреевич внимательно посмотрел на меня, потом улыбнулся красивой, очень подходящей ему улыбкой и кивнул.

Жаль, его халат не казался теперь таким уж белым. Тогда я и спросил его насчет дневника. Он сказал ровно то, что я уже написал ранее, а в конце добавил:

– Кстати говоря, это может быть небезынтересно, если ты будешь вести подробный отчет о своих чувствах и ощущениях.

– Эй, – сказал Боря и протянул руку. – Я хочу уже свой волшебный браслет.

Когда Эдуард Андреевич защелкнул браслет на руке Бори, я посмотрел на экран. Пока ничего не изменилось, по ту сторону стекла все так же плескалось море.

Тревога моя больше не нарастала, но и никуда не девалась. Я старался лишний раз не шевелиться, мне не хотелось заснуть внезапно и в неудобной позе, хотя Эдуард Андреевич и обещал, что такого не произойдет.

Потом тревога в груди, это странное, опустошающее чувство, начала уменьшаться, уменьшаться и уменьшаться, пока не исчезла совсем. Мне стало очень просто, не то чтобы хорошо, но легко и спокойно. Постепенно, будто от этого спокойствия, а не от какого-то физиологического воздействия, я захотел спать.

Я зевнул, вид моря усыплял меня все сильнее, а потом вдруг картинка как-то странно мигнула и сменилась видом метро: люди шли к станции, поднимались и спускались на эскалаторах, приходили поезда. Для меня это было очень спокойное зрелище, как кровь, которая течет по венам города. Люди заняты, общество функционирует, и мы все так близко друг к другу. Я закрыл глаза, но картинка не исчезла, мне показалось, что я и сам иду в той толпе, спешу куда-то, хотя и не знаю куда.

Потом я уже вдруг ехал вдоль бетонного забора, серого в ромбиках, на него ложилась тень, а потом он выплывал из тени, но в целом все было однообразным. Не знаю, на чем я ехал, на поезде или на машине, но забор успокаивал меня, он казался бесконечным.

Однако вдруг кончился. И мне открылось поле с красными маками. Какие они были яркие! Какие красивые! Маки колыхались под легким ветерком, и я видел иногда их черно-желтые серединки. Исступленно, невероятно красивые, маки грелись под солнцем и стыли под звездным светом, и вскоре я перестал различать ночь и день, а потом маковое поле кончилось и наступила темнота.

Однако она не была абсолютной темнотой сна, той, в которой

пропадаешь. Я ничего не чувствовал и особенно – своего тела. Нет, не только потому, что я не мог пошевелиться, я вообще не ощущал, что у меня есть руки, ноги или голова. Я был растворен в пространстве, в темноте и не являл собой физический объект.

Зато смутно, будто сквозь вату, я слышал, что происходит в процедурной. Открылась дверь, зашел Максим Сергеевич:

– Ну как они? – спросил он.

– Спят, – сказал Эдуард Андреевич.

– Понятно.

Наверное, Максим Сергеевич хотел уйти, я услышал его шаги, но вдруг шаги стихли.

– Я их никогда не муштровал. Из всех, кто им преподавал, из всех, кто за них ответственен, я самый бесполезный человек. И почему меня выбрали? Почему? Может, потому что у меня нет в голове поганого червя?

– Может, чайку, Максим Сергеевич? – спросил Эдуард Андреевич своим приятным голосом.

– Ну давайте.

Время текло медленно, они о чем-то разговаривали, но я нырнул глубже в темноту, и слова перестали казаться мне понятными.

Потом пришел Станислав Константинович. Эдуард Андреевич сказал:

– Заходи, Стасик, мы тут чай пьем.

– Как дети?

– Мне девочки жаловались, что вчера вы их напугали, – сказал Максим Сергеевич.

– Подшутить решил, когда узнал, куда Милка собирается.

– Успешно?

– Орали как резаные. Уверены ли вы, Максим Сергеевич, что им не рановато в Космос?

– Не уверен, – сказал Максим Сергеевич. – Дети есть дети. Как там все проходит?

– Пока без сюрпризов, – сказал Эдуард Андреевич. – Космос – это очень хорошо, конечно. Но далеко не весь.

Станислав Константинович сказал:

– Только не говори, что ты про…

– Да, – сказал Эдуард Андреевич. – Я бы и сам не хотел про это, но молчать тоже не могу. Конфетку хотите, Максим Сергеевич? А вы были когда-нибудь на планете ангелов?

– Не был и даже не слышал, но конфетку хочу.

Станислав Константинович сдавленно засмеялся, потом резко замолчал. Эдуард Андреевич сказал:

– Знаете, Максим Сергеевич, почему ее называют планетой

ангелов? Так-то это какая-то азиатская колония с мудреным названием. Но почему планета ангелов-то?

– Почему?

– Потому что там шмары отращивают себе крылья.

– Хоботы и хвосты, – добавил Станислав Константинович.

– Огромные зубы и когти.

– Да и вообще что угодно. У них там невероятные технологии модификации. С нашими, природными, не сравнить, но каких только операций не делают.

– И крысы размером с питбуля бегают.

– Везде мусор.

– Мусор и огромные торговые центры с бутиками.

– И бомжи.

– С модификациями.

– Жара безумная, но все время влажно.

– Лицо опухает так, будто тебя искусали пчелы.

– Курить нигде нельзя.

– Особенно вдоль стены местного императора, а она идет через всю планету.

– И смог.

– Такой смог!

– В парке гуляют огромные ящерицы. Как динозавры!

– Нормальная система вентиляции воздуха только в круглосуточных магазинах.

– В местные сигареты добавляют яд местной рыбы, от которого начинается мигрень, поэтому покупать можно только контрабандные с соседней планеты.

– За оскорбление императора еще и смертная казнь.

– Но там вообще много за что смертная казнь.

Так они говорили долго, и я понял, что планета ангелов – совершенно безрадостное место с высоким уровнем социального неравенства.

Наконец Максим Сергеевич сказал:

– Вижу, вас впечатлило.

– Да, – сказал Станислав Константинович. – Теперь, когда я вижу азиата, на меня накатывает ужас.

– Мир удивителен и разнообразен, – сказал Максим Сергеевич.

– Ну, выпьем за это, – сказал Эдуард Андреевич. – Чаю, я имею в виду.

– Выпьем!

Я подумал: Станислав Константинович и Эдуард Андреевич, по всей видимости, действительно хорошие друзья и многое пережили вместе. После этой мысли все снова стало зыбким и

неясным, я слышал что-то еще о планете ангелов, на которую лучше не попадать никому, слышал далекие-далекие голоса, а потом окончательно уснул глубоко и спокойно.

Когда я очнулся, то чувствовал себя уставшим и разбитым, словно бы не спал, а наоборот, напряженно работал. Такое бывало в самые тяжелые дни в школе, когда тренировки и уроки шли до позднего вечера.

Немного болела голова, пересохло во рту. Эдуард Андреевич тут же дал мне воды. Вода показалась мне ледяной.

– Ты как, Жданов? – спросил он.

– Устал, – сказал я.

– Неудивительно.

– Но не помню, что со мной происходило. Только помню какие-то разговоры про планету ангелов.

– О, это тебе еще рано слышать. Надеюсь, время изымет большую часть сведений из твоей памяти.

Я проснулся первым. Андрюша выглядел как обычно, он просто спал. На лице его не было никакой мучительной гримасы. Боря перевернулся набок, руки сложил так, как делал обычно, когда обнимал подушку. Володя сопел во сне.

– Но пока не страшно, – сказал я.

– Ну и хорошо, – сказал мне Эдуард Андреевич. – Отдыхай.

И правда, встать было решительно невозможно. Даже когда мы все проснулись, еще как минимум полчаса пришлось нам провести на койках.

А потом, когда Максим Сергеевич отвел нас в палату, мы впервые уснули во время тихого часа и проспали почти до самого вечера.

Но это вовсе не так страшно, как я думал.

На этом пока что закончу, а то нужно собираться на море или мы уже не успеем искупаться.

Запись 33: Тема для размышлений

Знаешь, что я прошептал Володе, когда мы так мило обнимались? Я прошептал, что ты такой долбоеб.

И Володя согласился, конечно.

Запись 34: Хватит читать мой дневник!

Хватит читать мой дневник, тебе должно быть стыдно так нарушать чужое личное пространство.

Запись 35: Интересная идея

Хорошее замечание от человека, который закладывает соседей!

Запись 36: Мое самочувствие

1) Немного болит голова.

2) Я больше не хочу спать.

3) Легкое головокружение.

4) Чуть-чуть неприятно в горле, но я не могу сказать, что оно болит.

5) Я расчихался на пляже.

Запись 37: Самочувствие Андрюши

Я чувствую себя никак.

Запись 38: Мой папа

Теперь, когда Космос ближе, я думаю о папе чаще. Я ведь ничего о нем не знаю, у меня нет даже фотографий.

Что он за человек?

Похожи ли мы?

Что касается внешности, я уже писал, я кое-что установил. Но ведь некоторые черты характера тоже передаются генетически. Поймем ли мы друг друга?

Я, конечно, приложу все силы, чтобы его найти, когда окажусь в Космосе. Думаю, это вполне осуществимо. Но вдруг я ему совсем не понравлюсь? Может, он хотел другого сына, больше похожего на Володю или Борю.

Или он даже никогда обо мне не думал?

Или он вовсе не будет гордиться тем, чего я добился. Или не будет верить в то, во что я верю.

Но когда я представляю его, несмотря на все эти переживания, все-таки он выходит похожим на меня. Мне кажется, ему тоже небезразлична социальная справедливость, а еще он ответственный и ко всему относится серьезно. Может быть, он рискует своей жизнью ради других людей. Или просто выполняет свою работу хорошо для того, чтобы общество могло функционировать правильно.

Он живет совсем один, потому что думает о маме и обо мне, тоскует, представляет меня, какой я, и тоже воображает меня похожим на самого себя.

Но еще он живет совсем один, потому что это повышает продуктивность его труда, а продуктивность труда для него – главное. Он всего себя отдает любимому делу, и лучшая награда для него – на совесть выполненная работа.

Пусть даже только иногда, перед сном, он думает о том, что где-то далеко есть я и я такой же, как он. Отец мысленно обращается ко мне и заповедует мне быть смелым и честным человеком.

Но так ли смело и честно было оставить мою маму?

От этого мои мысли приходят в беспорядок, и я представляю уже совсем другого человека. Этот человек не думает ни о ком, кроме себя, он заботится только о развлечениях, не задумываясь, обманывает других и использует их для достижения своих целей.

Мы, конечно, похожи: у нас одинаковый нос с горбинкой, и очень похожи брови, а еще овал лица, да и вообще, конечно, я стану похожим на него мужчиной, когда вырасту.

Но в то же время мы являем собой два противоположных

полюса, наши характеры ни в чем не пересекаются и мы никогда не поладим.

А сегодня я вдруг подумал: жизнь часто останавливается на чем-то среднем.

Наверное, в чем-то мы с папой похожи, а в чем-то противоположны. Вряд ли он такой хороший, но и плохой – тоже вряд ли. Обычный человек, какие на всех других планетах.

И мне придется приложить усилия, чтобы стать для него родным, но это принципиально возможно.

Маятник качается от радости и предвкушения к тревоге и злости, а потом замирает в среднем положении. Мне такая мысль совсем не свойственна, я ведь всегда делю мир на черное и белое, я большой максималист.

Все случается в жизни, где ничего совершенного нет – так любит говорить моя бабушка.

Я не совсем с ней согласен: изначально в жизни, конечно, нет ничего совершенного, но мы должны посвятить свои энергию, ум, силу попыткам сделать ее лучше, и тогда, через много поколений, наши потомки увидят ту самую совершенную жизнь, которой не было у нас.

Ради этого все, как мне кажется, и существует, чтобы улучшаться со временем.

Надеюсь, мой папа верит в это тоже.

Запись 39: Ночные путешествия

Проспали весь день. Зато ночью никто из нас не мог заснуть. Может, как раз оттого, что мы проспали почти весь день, а может, оттого, что Андрюша рассказывал нам страшные истории.

Сон мне не шел, но я старался не ворочаться, чтобы не мешать другим. Боря же себя этим не утруждал. В конце концов он сказал мне:

– Спишь, лох педальный?

Мне так хотелось ничего ему не ответить, но я не смог.

Я сказал:

– Не сплю.

– Понятно, – сказал Боря и надолго замолчал.

Потом Андрюша сказал:

– Я, кстати, тоже не сплю. Кто-то еще не спит?

– Я не сплю, – сказал Володя.

И снова мы долго молчали.

– Интересно, как там девчонки? – спросил Андрюша.

– Плохо, наверное. Башка вот до сих пор тяжелая.

– Да, – сказал Володя. – Херовато как-то.

– А вы знаете? – спросил Андрюша. – Что хер – это название буквы в старом алфавите?

– А я догадывался.

– А я и представить себе не мог.

И опять мы замолчали. Занавески покачивались от ночного ветерка, в окно заглядывала полная, но хрупкая луна. Наша Луна больше, чем была у людей на Земле. И ночи наши, значит, светлее. Но по сути мне не с чем сравнить, ведь на земных картинках, фотографиях и в фильмах все всегда светлее, чем на самом деле.

Может, ночь на Земле царила совершенно непроглядная.

Но я увижу другие планеты и узнаю, что все они разные.

Замечательная перспектива. Но сегодня, в эту ночь, мне стало отчего-то тоскливо, и я знал, что тоскливо стало и всем остальным. Я только не знал, что с этим делать. Казалось, даже Андрюша потянулся к людям.

Мы молчали, но никто из нас все еще не спал. Наконец Володя сказал:

– Пацаны, а ведь как-то все пока неплохо.

– Да, – сказал Боря. – Пока нормально.

– Это да, – сказал Андрюша. – Я ожидал большего.

– Да, – сказал я. – Я же говорил, что все будет хорошо.

– О, ты постоянно это говорил, – ответил Боря.

– И я оказался прав.

– Ну хоть раз ты оказался прав.

– Цыц, – сказал Володя. – Осенью вернемся в Москву, а там уже не за горами поездка на космодром. Приколитесь, как мы будем в Космосе?

– Весело будет, наверное, – сказал Боря.

– Веселье – не главное, – сказал я.

Володя вытянул руки, обхватил воображаемый руль и принялся его крутить.

– Это мы на космическом корабле, – сказал он. – Вжух! Вжух! Лавируем между звездами! В бесконечном пространстве! Разве не здорово?

– Здорово, – сказал я и закрыл глаза. Под веками заплясали красные звезды.

– Тусуемся на разных планетах. Вот тут все живут под водой, а там нет гравитации и все летают. А тут живут огромные динозавры до сих самых пор!

Перед глазами у меня стали возникать картинки. Я не то чтобы представлял их специально, они появлялись как бы сами по себе, просто от Володиных слов.

Володя говорил:

– Вот это мы в космическом кафе едим неясные корнеплоды, которые были когда-то разумными. Этично ли пожирать тех, кто способен вычислить дискриминант? А это мы сидим на берегу огненного озера. Оно накрыто колпаком, поэтому мы не горим. Но мы могли бы и гореть, какая разница? А это мы с другими пассажирами летим на какую-нибудь капиталистическую планету устанавливать там равенство. Мы летим тайно, и никто не знает, кто мы. Ну просто безобидные подростки.

Все представлялось мне так ярко: космическое кафе и похожий на мандрагору корнеплод на красивой тарелке, огненное озеро под стеклянным колпаком, все дымно-красное, уютный салон пассажирского космического корабля, похожий на салон самолета и свет звезд за окном иллюминатора или наоборот полная темнота и пустота.

Володя сказал:

– Мы объездим все планеты.

– Я слышал, – сказал я, не открывая глаза, – о планете ангелов. Пока я спал, сквозь сон.

– А я спал крепко.

– Там крысы размером с питбуля. И много дорогих магазинов. И все люди делают себе модификации.

– А еще все они – бомжи и проститутки, – сказал Боря. – Я-то слышал, а ты об этом умолчал.

Володя сказал:

– На планете ангелов мы побываем тоже. Мы побываем на всех планетах.

– Так здорово, – сказал я. – Ты очень хорошо рассказываешь.

Андрюша сказал:

– И мы будем убивать.

– Ну, конечно, дрочер, мокрая лапка, мы будем убивать.

– Но не просто так, – сказал я.

– Но не просто так, крошка политрук, – сказал Володя.

– И какие мы будем крутые!

– Да, Борька, мы будем крутые.

– Нас будут награждать на межгалактических съездах!

– Да, Борька.

– И мы войдем в историю, – сказал я.

– Ну да, Арлен, и в историю войдем.

– Как в межгалактическую проститутку!

– Фу, Боря!

– А мы можем разрушить целую планету?

– Ну если только очень маленькую, – сказал Володя.

Мне вдруг стало так хорошо и легко. Володин голос действовал на меня успокаивающе, и передо мной открылось будущее, которого я страстно желал.

Это будущее было наполнено приключениями и пользой, и мои товарищи, даже самые невыносимые из них, были со мной.

О таком ведь мечтает любой мальчишка!

И в этот момент я вдруг отчетливо понял, что Володя старше нас.

Нет, не то чтобы я не знал этого раньше: совершенно очевидная информация. Но я никогда об этом не задумывался. А тут оказалось, что он успокаивает нас и с ним так надежно и уютно мечтать.

Я заснул, грезя о космических путешествиях.

Запись 40: Комментарий Володи

Вот это образы! Вот это я талант! Вот это я артист!

Запись 41: Андрюшина страшилка

Арлен попросил меня записать какую-нибудь страшную историю. Страшные истории мы рассказывали вчера. Вернее, их рассказывал я.

Мне кажется, страшилки надо рассказывать, а не записывать. Записанные страшилки совсем не страшные. А еще страшилку надо рассказывать *кому-то*. От того, какой человек ее слушает, зависят слова, которые надо выбирать.

Я не умею делать страшно всем сразу, зато хочу научиться.

Я пока не понял, кому Арлен адресует свой дневник, людям будущего или нам, или маме, или себе самому.

Но я адресую свою страшилку всем на свете.

Жил-был один мальчик (или девочка, тут это не важно). Мальчик заварил себе чай, но когда он взял его, то из кружки немножко пролилось на новый линолеум.

Мальчик подумал: само высохнет. Ему совсем не хотелось вытирать чай. А чай был без сахара и по цвету подходил к линолеуму, поэтому его можно было не вытирать.

Мальчик взял немножко варенья и ушел в комнату пить чай. Через полчаса он вернулся на кухню, чтобы помыть липкую чашку, смотрит, а кот стоит и чайное пятно лакает.

Мальчик никогда не видел, чтобы кот пил чай.

Он помыл кружку и ушел, а кот с тех пор стал какой-то странный: тяжелый и говорливый. Он много мяукал, и его стало совершенно не поднять на руки. Глаза его изменили свой цвет и стали еще красивее. Это уже не был прежний кот, и интересы у него стали другими.

Кот подолгу сидел у комнаты мальчика и мяукал.

А чайное пятно не высыхало, но мальчик подумал, что оно все-таки высохнет. Он пришел на кухню, сделать себе ужин, смотрит, а чайное пятно лакает его маленькая сестра. Ей было четыре года, но с тех пор это стала совсем другая сестра, тяжелая и говорливая. Глаза ее изменили свой цвет и стали еще красивее. Это уже не была прежняя сестра, и интересы у нее стали другими.

Сестра подолгу сидела у комнаты мальчика и звала его.

Она говорила:

– Братик, выйди ко мне, пожалуйста, спасибо.

Раньше она никогда не говорила ни «спасибо», ни «пожалуйста».

С работы пришла мама, и мальчик испугался, что она будет ругаться, потому что чайное пятно еще не высохло. Он сидел в комнате тихо, как мышка, а потом вышел на кухню, чтобы

незаметно вытереть пятно.

Но на кухне мама стояла на четвереньках и лакала чайное пятно.

С тех пор мама стала какая-то странная: тяжелая и говорливая. Глаза ее изменили свой цвет и стали еще красивее. Это уже не была прежняя мама, и интересы у нее стали другими.

Мама подолгу сидела у комнаты мальчика и звала его.

Она говорила:

– Сыночек, выйди ко мне, пожалуйста, спасибо. Я ведь тебя так люблю.

Раньше она никогда не говорила «я тебя люблю».

Мальчик испугался, он решил вытереть пятно, но оно никак не вытиралось. Вся жидкость впитывалась в тряпку, но мальчик отворачивался, и чайное пятно появлялась снова.

С работы пришел папа. Он часто задерживался допоздна. Мальчик испугался, что папа его накажет. Папа часто наказывал его. Но когда мальчик вышел на кухню, папа лакал чай из чайного пятна, после этого папа стал какой-то странный: тяжелый и говорливый. Глаза его изменили свой цвет и стали еще красивее. Это уже не был прежний папа, и интересы у него стали другими.

Папа подолгу сидел у комнаты мальчика и звал его.

Он говорил:

– Сын, выйди ко мне, пожалуйста, спасибо. Я ведь тебя так люблю. Давай поедем на рыбалку.

Раньше он никогда не предлагал мальчику поехать на рыбалку.

Мальчик очень испугался и вызвал милицию. Он открыл милиционеру дверь и попросил его посмотреть на пятно. Милиционер пошел на кухню, а когда мальчик тоже туда пришел, он увидел, что милиционер лакает чай из чайного пятна, после этого милиционер стал какой-то странный: тяжелый и говорливый. Глаза его изменили свой цвет и стали еще красивее. Это уже не был прежний милиционер, и интересы у него стали другими.

Милиционер подолгу сидел у комнаты мальчика и звал его.

Он говорил:

– Мальчик, выйди ко мне, пожалуйста, спасибо. Я ведь тебя так люблю. Давай поедем на рыбалку. А если ты выйдешь, я дам тебе пострелять из пистолета.

Раньше милиционер никому не давал пострелять из своего пистолета.

Мальчик свернулся калачиком и заплакал. Он совсем ничего не понимал.

Наконец он снова пошел на кухню, посмотрел на пятно, встал на четвереньки и сам стал лакать чай.

Это уже не был прежний мальчик, и интересы у него стали другими.

Вопрос: почему все эти вещи случились именно с этим мальчиком?

Запись 42: Некоторая критика

В целом, конечно, мне очень понравилась твоя работа, Андрюша. Эта страшилка оказалась действительно страшной, особенно, когда ты исполнял ее вживую. Однако я имею несколько уточняющих вопросов.

1. Если мальчика звали те, кого заколдовало чайное пятно, то как он выходил на кухню? Почему с ним ничего не случалось, когда он выходил?

2. Какая сила управляла чайным пятном?

3. Что случилось с мальчиком? Кого звал он?

4. Хотело ли чайное пятно навредить?

Я решил написать отзыв в тетради, раз оригинальный рассказ записан именно в ней. Ответ на мою критику, пожалуйста, запиши туда же. В исторических целях документам лучше располагаться рядом. Я хочу, чтобы в архивах будущего был соблюден так называемый «генетический» принцип: документы будут располагаться согласно их происхождению, времени создания и связи друг с другом. Если тебе нужна собственная копия, я сделаю ее по запросу.

Запись 43: Критика оправдана

Скажу только, что ни на один вопрос, кроме последнего, и не должно быть никаких ответов.

Ответ на последний вопрос: чайное пятно никому не хотело навредить.

Копия не нужна.

Запись 44: Еще одна телеграмма для мамы

Дорогая мама! Процедуры совсем нестрашные! Люблю. (Сократить правильно: все хор. проц. не стр. люб.?)

Запись 45: Странный сон

Ночью мне приснился странный сон. Чтобы его не забыть, я его запишу. Важно все записывать и ничего не упускать.

Тетя мне говорила, что начала записывать свои сны, и с тех пор стала их лучше запоминать.

Мой сон начался с того, что я летал в Космосе, но совершенно без корабля и без скафандра, а просто так.

В Космосе было очень холодно, но также и хорошо. Мне нравилось летать, я мог отправиться куда угодно, потому что везде был нужен. Передо мной открывались бескрайние звездные просторы. Я долго летал, а потом устал и решил приземлиться на одной планете.

На этой планете росло много маков и было много бетонных заборов. Я шел по солнечной дороге вперед.

Мне все, что происходило, нравилось, и я ощущал себя весьма цельной личностью. Потом я пришел в какой-то город, совершенно непохожий на Москву, но я не понимал почему. Это было скорее ощущение, чем четкая картинка.

Там мне сказали, что я должен умереть ради водопровода. Мне дали красивый скафандр, и я совсем перестал чувствовать то, что происходит вокруг, ощущения исчезли, и я остался совсем один.

Мне не объяснили, как моя смерть поможет водопроводу. Может быть, я должен был умереть, чтобы люди получали больше воды?

Или ради того, чтобы водопровод проложили?

Или просто потому, что водопровод уже есть и его нужно защищать?

В скафандре мне стало жарко и тяжело дышать. Я шел за какими-то людьми, но стекло в шлеме сильно запотело, и я не разбирал дороги. Наверное, меня привели на какой-то пустырь, где было много строительного мусора.

Я до сих пор ничего не понял про водопровод, но, в общем, наверное, я был рад.

Я встал, когда мне сказали встать, и раскинул руки, когда мне сказали сделать так.

Потом в бок мне воткнули длинную железную палку, металлический пруток. Что-то вроде арматуры.

Второй стержень мне воткнули в грудь, третий – в другой бок, но я продолжал стоять, хотя физически, вне пространства сна, это было бы невозможно.

Когда последний металлический стержень должен был

пробить мне голову, тогда я и проснулся.

Сон был странный, но, очнувшись от него, я не испытал ужаса. Хотя мне и было немного неприятно во сне, на пустыре, в жарком скафандре умирать вот так, я знал, что умираю не напрасно, а за водопровод.

Сны иногда бывают очень причудливыми. Но ведь, если задуматься, я умру, в том числе, и за водопровод. И за отопительные системы. И за продуктовое обеспечение. Кажется, что это такие негероические вещи, но на самом деле они помогают человеку не болеть и спасают множество жизней.

Не знаю, на скольких планетах есть водопровод, на скольких он уже не нужен и на скольких он необходим, но не так уж это плохо – за него умереть.

Только звучит смешно.

Запись 46: Обрыдаться

Вот это да! Ну просто охуеть. Впервые на арене: настоящий герой и умопомрачительный философ!

Запись 47: Задумайся об этом!

Знаешь, почему ты можешь читать мой дневник? Потому что хорошему человеку скрывать нечего и у него нет ничего личного.

Запись 48: Снова на море

Я сейчас сижу у моря. Тут, как всегда, очень красиво. Песок уже совсем нагрелся, и он такой приятный и золотой. Небо синее, очень интенсивного оттенка. Солнце над нами опять стоит такое, как будто в красочном рисунке, карандашом или чем-то подобным, пробили брешь и приставили его к лампочке. И полился свет. Я так уже писал, но мне очень нравится мое сравнение.

Сегодня жарко, и после моря я так быстро высох, опять хочется купаться, но, если буду злоупотреблять купанием, заболею, а это запутает Эдуарда Андреевича.

Я серьезно к этому отношусь, но как хочется в море.

Еще в море сегодня опасно, приплыли медузы фиолетовые. Они жалят и кусают. Андрюша меня предостерег. Он сказал, что аллергия на медуз – не такая уж редкая на свете вещь. А смерть от укуса медузы будет быстрой и очень мучительной.

– Кроме того, – сказал Андрюша, – у твоего трупа будет распухшее лицо, и тебя похоронят в закрытом гробу.

Я не то чтобы испугался, но теперь я веду себя еще внимательней. Хотя, конечно, в воде вообще никогда не следует расслабляться, иначе дело может закончиться бедой.

Еще я нашел куриного бога для Галечки. Мне, конечно, не нравится название, потому что Бога нет. Но камушек такой гладкий, и прямо посередине у него аккуратная дырочка, через которую можно смотреть на небо.

Я думаю, я выцарапаю на камне ее имя. Галечка вырастет, станет Галей, а потом Галиной, а потом Галиной Сергеевной, а камушек будет с ней. Она покажет его своим детям и расскажет им, какой у нее был брат.

Может быть, благодаря мне, ее дети смогут отправляться в космические путешествия. Они будут носить этот камушек с собой. Не наудачу, потому что это глупое суеверие, а просто так, для красоты или из гордости.

На светлом камушке есть черные прожилки. Он и правда хорошее украшение. Его можно носить на шее, на руке, в кошельке. Он очень удобный.

Что касается моего самочувствия, оно пока что такое же. Я думал, может быть, пройдет мозоль на ноге, но она не прошла. И синяки на коленках сходят все так же медленно.

Чаще стало хотеться есть.

Нам теперь дают только сырое мясо на завтрак, обед и ужин. Эдуард Андреевич говорит, что такая диета оптимальна для этой

стадии метаморфоз, и это временно, а потом мы снова сможем есть что захотим.

Но мне уже нравится сырое мясо.

А Володя сказал, что отец рассказывал им с Борей: когда у него все началось, он сам пошел в мясной магазин, купил мясо с костью и обглодал ее до белизны.

Сырое мясо совсем перестало вызывать у меня отвращение, наоборот, я ужасно рад, когда мы идем в столовую, и даже готов вылизать мясной сок, но это все-таки неприлично.

Воздух такой свежий и дышится так хорошо. Теперь я понимаю, почему люди с больными легкими едут к морю.

Еще из интересных новостей: Володя нашел краба и краб укусил его за палец.

Запись 49: Манифест к людям будущего

Человек!

Обязательно береги мир на своей планете и во всей Вселенной! Твоя задача – отстаивать позиции мирного, разумного сосуществования людей и укреплять дружбу во имя дальнейшего процветания твоей великой Родины!

Заботься о слабых, не пренебрегай своими обязанностями, трудись честно!

При необходимости сражайся за свои идеи и поддерживай свою планету, свою семью, своих друзей. Не забывай стремиться к порядочности каждый день!

Доверяй мудрому руководству партии, но не забывай и размышлять о поставленных перед тобой проблемах. Совесть каждого – ключ к процветанию всех!

Помни, что множество людей на протяжении всей истории человечества как вида, умерло за то, чтобы ты мог учиться, работать, развиваться. Не пренебрегай жертвой, принесенной во имя тебя, и не бойся жертвовать собою во имя других.

Передавай свой энтузиазм неуверенным, уважай тех, кто делает много, и учи тех, кто делает мало!

Соблюдай законы, веди себя порядочно и будь добросовестным во всем, что ты делаешь!

Если ты будешь придерживаться этих строгих правил, наша великая Родина будет процветать многие тысячелетия и ты станешь частью огромной мировой стройки!

Я не знаю, чего еще может желать человек!

(Надо все-таки подправить, много повторов, а доносить свою мысль нужно кратко. Кроме того, так как я еще не принес свою жертву, а только собираюсь, не выглядят ли мои слова лицемерно? Я хочу скорее стать частью огромной мировой стройки, но говорить о жертвах имеет право только тот, кто их приносит.)

Запись 50: Счастливчик Жорж

Сегодня после тихого часа (мы снова спали) встретил Ванечку. Он собирал окурки под окнами первого корпуса.

Я сказал:

– Что это ты тут делаешь?

Ванечка сказал:

– Бычки собираю. А ты, что это ты тут делаешь?

Так и сказал, употребив два «ты» почти подряд.

– Я решил прогуляться, чтобы согнать сон.

– Как ты серьезно ко всему относишься, – сказал Ванечка.

– А ты очень беззаботный.

– Я – очень беззаботный, – это он произнес с гордостью и показал мне прозрачный пакет, полный окурков. – Во сколько!

– Надеюсь, ты их собираешь для того, чтобы выбросить.

– Я докурю и выброшу.

– Мало ли какая там зараза!

– Я сам зараза, – сказал Ванечка. – Мне так мама говорит.

Он почесал нос и широко улыбнулся своей волчьей улыбкой, а потом неожиданно показал мне язык.

Я заметил, что язык у него скошен вправо. Да и уголок рта, если присмотреться, тоже уходил немного вправо. Это придавало его симпатичному, обаятельному лицу некоторую дополнительную странность.

Я спросил:

– Хочешь погулять вместе?

– Да, – сказал Ванечка. – Хочу. Я очень люблю гулять. Только я буду курить свои бычки.

– Я такого, конечно, не одобрю. Но и пожаловаться мне некому. Разве что только твоему отцу. Где он?

– Он в особом медицинском крыле. Подключен к разным аппаратам. Он – очень хороший человек.

Фразы Ванечки не всегда связывались очевидным образом.

– Почему? – спросил я.

– Потому что предыдущий отец не стал со мной жить.

– Я думаю, он все равно тебя любит, просто они с твоей мамой не сошлись характерами.

Ванечка покачал головой:

– А вот и нет, – сказал он. – Папа ушел из-за меня.

– Все дети, от которых ушел отец, думают, что он ушел из-за них.

– Но ты-то так про своего не думаешь, – сказал Ванечка.

– Что ты имеешь в виду?

Он пожал плечами, потянулся к цветку в клумбе, отдернул руку.

– Потому что оса! – сказал Ванечка.

– Пойдем, – сказал ему я. – Давай погуляем.

И мы пошли гулять вокруг корпуса.

– Предыдущий папа ушел из-за меня, – сказал Ванечка. – Потому что меня нашли в лесу, напоили молоком, и с тех пор я так живу.

– Это тебе мама рассказала?

– Да, она.

– Мне кажется, твоей маме не стоит обвинять тебя в том, что они с отцом разошлись.

– Да, – сказал Ванечка. – Проблема в том, что он меня не родил.

Я сказал:

– Звучит глупо.

– И мама меня не родила.

– А кто тебя тогда родил?

– Не знаю, – сказал Ванечка. – А где гнездо осиное?

Этого уже не знал я.

– Могу забраться на дерево, – сказал Ванечка. – Давай со мной.

Я вовсе не хотел забираться на дерево. Может, я забрался бы сам, но не с Ванечкой. Ванечка, дурачок, мог свалиться оттуда.

Но по этой же причине мне пришлось согласиться: чтобы подстраховать его в случае чего.

Впрочем, оказалось, что Ванечка довольно ловок, куда более ловок, чем я. Мне даже стало стыдно за свою несовершенную технику древолазания.

Когда мы уселись на крепкой, надежной ветке, Ванечка сказал:

– Отсюда солнце красивое.

И правда, сквозь крону деревьев свет лился просто замечательный.

– А ты что-то такое особое знаешь? – спросил меня Ванечка. – Какие-нибудь необщие вещи.

– Да, – сказал я. – Умею обращаться с оружием, ориентироваться на местности, да много чего. Но все равно почти всему придется переучиваться на месте, так Максим Сергеевич говорит. В Космосе все другое.

– Плевал я на этот ваш Космос.

– Это неправильно.

– А что еще умеешь?

– Например, знаю, как допрашивать людей.

– Ничего себе, – сказал Ванечка. – Это здорово. Я ничего такого не знаю. Я бы просто их спросил. А ты знаешь, как узнать правду?

– Я знаю, как нужно спрашивать, если хочешь узнать правду и если хочешь добиться признания.

– А я не знал, что это разные вещи.

– Иногда, – сказал я.

Оказалось, мы забрались на довольно приличную высоту. Ванечка беззаботно болтал ногами, и мне все время приходилось пребывать в напряжении, чтобы в случае чего поймать его.

Но Ванечка, казалось, не ощущал никакой опасности. Он доставал из своего пакетика окурки один за другим и, совершенно не экономя спичек, подкуривал. Хватало окурков буквально на две-три затяжки, а потом Ванечка выбрасывал их вниз.

– Только туши, – сказал я.

– Хорошо, – сказал Ванечка. – Буду тушить.

И тогда я вдруг решился спросить его кое о чем.

– Почему ты назвал меня убийцей?

Ванечка выбросил вниз еще один окурок и сказал:

– Ну потому что ты будешь убийцей.

– С чего ты взял?

– Ты же солдат.

– С этой точки зрения – да. Солдат убивает людей. Но юридически – он не убийца.

– А почему?

– Потому что не нарушает закон.

– Ну тогда ты не убийца.

Я молчал, а Ванечка снова зажег спичку, показал мне огонек, радостно засмеялся и сказал:

– Будешь душить себя сам, чтобы тебе стало хорошо, вот так каждый вечер.

– Что?

– Я это во сне видел. Как скотобойни. Там люди страдают. Все время кричат. Голова болит.

Мне стало так жалко дурачка Ванечку.

Я сказал:

– Тебе часто снятся кошмары?

– Мне снятся разные сны. Но папа в меня верит. И у мамы с папой родился Алеша, я за это всегда буду благодарен. Лучший брат. Он такой умный. Представляешь, куда умнее меня!

Я кивнул.

– Думаешь, я дурак?

Тут я не нашелся, что ответить.

– Твоя компания мне очень приятна, – сказал я наконец.

– Ну и ладно, – сказал Ванечка. – Я и без того знаю, что я дурак.

– А почему ты сказал, что Боря – святой?

– Тоже во сне видел. Еще он поет хорошо. А год назад он так наступил тебе на пальцы, что два сломал.

– Это он тебе хвастался?

– Я сам знаю. Ему нравится причинять другим боль.

– Все-то ты про всех знаешь.

– Все да не все, – сказал Ванечка, хитро прищурившись. Он стал похож на героя какой-то русской сказки. – Но Боре точно нужно быть добрее. Как в песне про мальчика и лошадку. Про то, что лошадку нельзя пинать и собаку, и никого вообще. Злой мальчик должен вырасти, а не кидать камушками птице в глаз.

– А Андрюша? – спросил я.

– Андрюша ждет не дождется, когда вам будут отрезать руки и ноги.

– Нам будут отрезать руки и ноги?

Ванечка пожал плечами, выудил из пакетика очередной окурок.

– Хочешь?

– Я не курю.

– Забыл.

– Ничего.

Я потрогал ветку, на ощупь она была шершавой.

– Легко занозить руки, – сказал я.

– Тебе это не страшно, – сказал Ванечка и улыбнулся. – Но ты не такой толстокожий, как тебе сейчас кажется.

Он вздохнул как-то глубоко и по-взрослому, сказал:

– Страдалец.

И я сразу понял, что это слово он взял от бабушки, даже вместе с интонацией.

– А как так вышло, что тебя нашли в лесу? – спросил я.

– Ну просто так вышло, – сказал Ванечка. – А как так вышло, что тебя нашли в роддоме?

– Меня не нашли в роддоме.

– А, ты там родился.

Этот разговор решительно терял всякий смысл. Тут я увидел красивого жука с синей спинкой и желтыми глазами. Такие водились только у нас на планете. Жук был замечательный и совершенно не кусачий. Я осторожно подставил ему ладонь, и он заполз на нее, как ручной.

– Смотри, – сказал я. – Красивый?

– Очень, – сказал Ванечка. – Я потрогаю.

– Только осторожно. Можешь пальцем погладить по спинке, но не раздави.

Жук на моей ладони замер, словно бы был не против, чтобы его гладили. Но на самом деле, конечно, он испугался. А я не имел никакой возможности убедить жука в том, что мы не причиним ему вреда.

– Красивый, – повторил Ванечка, скопировав мою интонацию. – Красивый-красивый такой.

– Да, – сказал я. – Природа удивительна и многообразна. Как говорил Дарвин: бесконечность прекрасных форм.

– Ну точно, – сказал Ванечка. – Он так говорил.

И я сам себе удивился, ну как можно было взволноваться от Ванечкиных выдумок?

– Создания эти ужасно совершенны, – сказал я. – Все в них имеет смысл.

– А эти рожки зачем?

– Это чтобы драться с врагами и соперниками. Но это очень честная драка. Соперник падает вниз с дерева. Но не умирает, насекомые не разбиваются, потому что они очень легкие.

– А я бы убил соперника, – сказал Ванечка.

– Ты все время это повторяешь.

– Потому что я убийца.

– Ты уже убивал?

– Не помню.

Ванечка качнулся вперед и назад, я осторожно удержал его одной рукой, а на другой продолжал демонстрировать ему жука.

– Мне нравится, – сказал Ванечка. – Ты мне показал жука. Я тебе тоже тогда расскажу про лес.

– Расскажешь?

– Но сейчас не расскажу.

– А почему сейчас не расскажешь?

– Потому что сейчас нас отвлекут.

В этот момент нас в самом деле окликнул какой-то мужчина:

– Эй, малышня, что это вы там уселись? Свалитесь же!

Надо же, Ванечка оказался наблюдательнее меня!

Я тут же устыдился своего поведения.

– Простите пожалуйста, мы сейчас слезем!

– А вот и не слезем! – сказал Ванечка. – Хотим и сидим. Я, если захочу, даже упаду и тебя не спрошу! А ты вообще кто такой?

Я сказал:

– Ванечка, не упрямься, нам правда лучше бы спуститься.

– А я упрямлюсь!

Мужчина внизу засмеялся. Он был очень высоким, носил

хороший костюм и замечательную шляпу. Мне сразу понравился его серьезный подход ко внешнему виду: немногие одеваются так официально в курортных городах.

– Ты, судя по форме, пионер, – сказал мне мужчина.

– Да, – ответил я с гордостью.

– А ты?

– Я – нет, – сказал Ванечка. – Я бычки ищу.

– Ладно, – сказал мужчина. – Ну тогда дай-ка мне спичек, я покурю, а тебе отдам бычок.

– А я вам брошу, и вы не поймаете.

– А ты мне не бросай, – сказал мужчина. – Зачем же, вдруг я правда не поймаю.

Он вытянул руку, немножко ею встряхнул, как теннисист перед тем, как взять ракетку, а потом из его пальца показалась белая кость, она росла и росла, будто какое-то диковинное растение, поднималась все выше и выше.

Ванечка сказал:

– Ого!

Аккуратно обходя веточки, кость пробиралась к нам, будто какая-то причудливая лиана. Наконец, она замерла почти на уровне моего носа.

– А как я спички положу? – спросил Ванечка.

– Ах да, забыл!

От кости отделились отростки, они раскрылись, образуя причудливую колыбель. Когда Ванечка опустил туда спички, они сомкнулись.

– Спасибо, – сказал мужчина.

На нечто, произошедшее от человека, эта конструкция вовсе не была похожа. Скорее на какую-то тонкую, ювелирную работу в области декоративно-прикладного искусства.

– Как здорово! – сказал я, а Ванечка уже начал спускаться.

– Осторожнее, Ванечка!

Я посадил жука обратно на ветку и принялся аккуратно спускаться, хотя мне, конечно, не терпелось познакомиться с солдатом, который рад продемонстрировать свои умения.

Товарищ Шиманов нам никогда ничего не показывал. Да и вообще интересоваться таким считается неприличным.

Ванечка спустился первым, спрыгнул он, на мой взгляд, раньше, чем следовало, упал, но тут же поднялся.

– А как это вас зовут? – спросил он.

– Жорж, – ответил мужчина.

– А я такого имени не знаю совсем!

Я спросил:

– А отчество? Жорж – ваше настоящее имя?

– Нет, – сказал он. – Настоящее – Григорий. Но это почти как Жорж.

– Георгий, – сказал я. – Почти как Жорж. А Григорий, это, скорее, Грэгори.

– Ой, какая ты маленькая зануда, – сказал Жорж, проигнорировав мой вопрос об отчестве. Оказалось, что он совсем еще молодой человек. Шляпа и хороший костюм делали его старше, но вблизи я не дал бы ему больше двадцати пяти.

Жорж, очень высокий, стройный, с изящными и правильными чертами лица, сразу напомнил мне лондонского денди. Глаза у него были длинные, светлые, а волосы – каштановые и чуть рыжеватые, почти как у Володи, но светлее.

Жорж втянул свою кость обратно да еще так стремительно! Листья над нами заколыхались от движения. Спички упали Жоржу на ладонь.

– Благодарю еще раз, – сказал он.

Достав сигарету из портсигара, Жорж с невероятным изяществом чиркнул спичкой и закурил.

– Это больно? – спросил я.

– Да, – сказал Жорж. – Если не будешь достаточно внимательным. Надо уметь работать с нервами. Там вообще много тонкостей.

– А что вы еще можете? – спросил Ванечка.

– Почти все, что ты можешь вообразить.

– А в собаку превратиться можете?

– Могу, но это будет просто невероятно уродливая собака, над красивой нужно работать.

Жорж улыбнулся нам, и я подумал: он выглядит как совершенно здоровый человек.

– А как давно вы уже солдат?

– Год, – ответил нам Жорж. – Я здесь так, для отдыха и профилактики.

Ванечка протянул руку и прикоснулся к щеке Жоржа. Жорж удивился, но не разозлился.

– Какой горячий! – сказал Ванечка.

– Так и должно быть, – сказал я. – Активность червя существенно повышает температуру тела. Только у императоров температура оставалась нормальной, они были лучше адаптированы к червю.

– А ты умный мальчик, как тебя там?

– Арлен.

– Надо же, а я думал, у меня самое необычное имя.

– У вас обычное имя, – сказал Ванечка. – Вы же Гришка.

– А ты, стало быть…

– Я – Ванечка.

– Ну ладно, – вздохнул Жорж. – Присядем. Ну, например, сюда.

Мы заняли скамейку у клумбы, Жорж вытянул ноги, сказал:

– Таких везучих людей, как я, крайне мало в этом мире.

– А, – сказал Ванечка. – Вы хотите, чтобы мы послушали вашу историю.

– Ну, строго говоря, это не обязательно. Я как раз отправляюсь на встречу к красивейшей женщине.

– Тогда почему вы не спешите? – спросил я.

– Это ясно: потому что она меня не ждет.

– Ой, это сюрприз? – спросил Ванечка. – Когда я сделал маме сюрприз и пришел к ней на работу, она не стала радоваться.

– Надо было подарить ей подарок.

– А вы дарите своей женщине подарок?

– Я его еще не купил, куплю по дороге.

Я сказал:

– А мы вас не задерживаем?

– Как же вы можете меня задерживать, если я никуда не спешу? Думаю, моя женщина сейчас только завтракает. Она работает певицей.

Тут сердце мое сильно забилось.

– У нее есть дочь? – спросил я.

– Да, – сказал Жорж. – А откуда ты знаешь?

Но я молчал.

– Понял тебя, – сказал Жорж. – Но, по-моему, эти страдания напрасны. Маргарита – настоящая принцесса. Да и принц у нее, похоже, есть.

– А я – не принц, – сказал я. – Монархия – отсталая, непрогрессивная и вредная для общества форма правления.

– Полностью с тобой согласен, – сказал Жорж. – Вот потому ни на что и не рассчитывай. Ну так вот, моя история.

– Ваша история? – спросил Ванечка.

– Я обещал ее рассказать.

– Но мы не просили.

– Я просил, – сказал я. – То есть не вслух, но…

– По тебе было отлично видно, что ты хочешь спросить, – сказал Жорж, перебив меня.

– А яд вы вырабатывать умеете? – спросил Ванечка.

– Умею, – сказал Жорж.

– А как это возможно?

– Это сложноспециализированная вещь. Надо хорошо разбираться в биологии. Но яд, я имею в виду, яд живых существ, это, по сути, токсичный белок. Так что все возможно. Я слышал о

девушке, которая специализировалась на производстве ядов. Поцелуями она убила множество крайне влиятельных мужчин и изрядно повлияла на ход истории.

– Ничего себе! – сказал я.

– Да, здесь все как в обычной жизни, у каждого свои предрасположенности, увлечения. Я знаю одно – я могу все, на что в принципе способно живое существо. Я – жизнь воплощенная. И очень этим горжусь.

Я вспомнил трость товарища Шиманова и трясущиеся руки Станислава Константиновича.

– А все почему? – сказал Жорж. – Потому что мне всегда невероятно везет.

– А сигарету можно? – спросил Ванечка.

– Нет, ты маленький.

– Но вы обещали бычок!

– Бычок держи.

Жорж закурил следующую сигарету и сказал:

– Оцените атмосферу вокруг нас. Тень деревьев, укрывающая нас от зноя, морской аромат с ветерком пробирается с востока, санаторий на отброшенной в прошлое планетке, самое спокойное место во Вселенной, я это гарантирую. Итак, слушайте.

Атмосферу я, как мне и сказали, оценил. И вправду выходило здорово, как в кино или в хорошей книге. Я, затаив дыхание, слушал Жоржа. Теперь он вовсе не казался мне серьезным молодым человеком, и не таким я представлял себе настоящего солдата.

Настоящий солдат, думал я, куда больше должен напоминать товарища Шиманова или Станислава Константиновича.

Жорж же выглядел, скорее, как прожигатель жизни из какой-то старой буржуазной книжки.

И в то же время он мне, конечно, нравился. Сам не знаю почему и не могу этого объяснить.

Я бы мог пересказать его историю, но все-таки я не буду этого делать, потому что, рассказанная Жоржем, она звучит куда лучше. Поэтому постараюсь воспроизвести ее максимально близко к услышанному.

– Стало быть, в жизни мне повезло, – сказал Жорж, затянувшись и выпустив дым. – Мои родители работают с людьми наверху, так что в детстве у меня было все. Но я всегда хотел добиться в жизни большего. Представляете, я чуть не стал преподавателем в университете. Знаете, что я изучал?

– Что? – спросил Ванечка.

– Философию. Я специализировался на философии истории. Собирался писать диссертацию по Жану Бодену. У меня была

красивая машина, я был влюблен в чудесную девушку, объездил всю планету и ни в чем не знал отказа. Моя жизнь!

– Надо же, – сказал я. – Вам очень повезло.

– Да-да, о том я и говорю, мне очень повезло. А знаете, как мне везло в карточных играх? Даже представить себе не можете. Однажды меня чуть не подстрелили. Они все думали, что я жулик, но я игрок от Бога.

– Бога нет, – сказал я.

– Дело вкуса, – сказал Жорж. – Так вот, замечательная машина, диссертация, девушка, любящие родители, квартира в центре Москвы, представили?

– Я тоже живу в центре Москвы, – сказал я. – Здорово, может быть, мы соседи.

– Да-да-да, – рассеянно сказал Жорж. – А потом мы с моей драгоценной Настенькой поехали за шкафом.

– За шкафом?

– Да, за красивым кедровым шкафом.

– Кедры пахнут сладко, – сказал Ванечка.

– Именно. Замечательный был шкаф. А потом нам навстречу выехал замечательный грузовик. Я потерял девушку, шкаф и чуть не потерял свою жизнь.

– Как вы можете, – сказал я, – ставить свою невесту в один ряд со шкафом?

– Я мог бы еще пошутить, что и то и другое сделано из бревна, но не буду. Прости, малыш, я скрываю свою боль за напускным цинизмом. Но слушай дальше. Я почти погиб, потерял обе ноги, потерял невесту, потерял…

– Шкаф? – спросил Ванечка.

– Кедровый шкаф, – уточнил Жорж. – Моя жизнь была разрушена. Где тот разбиватель сердец? Где тот восхитительный молодой человек? Изуродованный калека, потерявший все в один день! Но мало того! Температура! И головная боль, страшнейшая головная боль за всю историю меня, а сколько я пил, просто как лошадь, и какие у меня были похмелья – с этой болью не сравнится ни одно. Меня забрали прямо из больницы, я толком не успел прийти в себя.

– На что это похоже? – спросил я.

Тут Жорж замолчал. Он цокнул языком, посмотрел на небо и сказал:

– На состояние, когда ты мертвецки пьян, но не можешь уснуть. В голову лезут всякие сумасшедшие мысли. А потом – потом похоже вот как раз на похмельный сон.

– Эти неприятные стадии мы должны пропустить, – сказал я.

– Должны, – сказал Жорж. – Просто обязаны, потому что

ничего приятного в этом нет! Словом, я впал в забытье! По-моему, я кричал! Надеюсь, я кричал какие-нибудь скабрезности, это было бы стилистически очень изящным решением. Все время запах мяса, запах крови, но в остальном – почти полная темнота. Вот это была жизнь! Я был меньше, чем животное! Но, о чудо, в один прекрасный день, я пришел в себя. Помню, я открыл глаза…

– На скотобойне, – сказал Ванечка.

Жорж посмотрел на него странно.

– В неприятном месте, – сказал он. – Но в то время свет лампочки показался мне солнцем. Я спросил: где я? Надо мной находилась крайне интересная конструкция, что-то вроде костной пилы. Мои ноги были целы. А вот грудная клетка напрочь открыта! Можете себе представить шок юноши, оказавшегося в таком положении? Девица за инструментом, она еще нажимала на какие-то кнопки, охнула, подскочила ко мне и крайне вежливо сообщила, что со мной случилось чудо.

– Какое? – спросил Ванечка.

– Ты не понял? Я преодолел болезнь! Я пришел в себя! Я был единицей из тысяч, даже миллионов! Ко мне вернулся разум!

Жорж, по-видимому, пребывал в восторге от собственной истории.

– Потом вернулась боль, и я осознал весь ужас разъятой грудной клетки.

– А почему у вас было так с грудной клеткой? – спросил я.

– А ты не понял? Он был на скотобойне!

– Потому, – сказал Жорж, – что мне пытались помочь. Сильная стимуляция в некоторых случаях помогает восстановиться. Люди на последней стадии представляют опасность, но малую. Их тела восстанавливаются, но разума в них не больше, чем в кусачей осе. Только тот, кто смог преодолеть болезнь, может похвастаться самоконтролем и абстрактным мышлением, необходимыми для изменения плоти, и применять свои способности на благо бла-бла-бла, вы поняли. Ну да не важно, главное, я пришел в себя! Какой был шанс? Один ко скольки?

Я внимательно смотрел на его лицо. Оно было слишком уж совершенным, черты – невероятно безупречные. Он наверняка занимался улучшением собственной внешности, а этот процесс требует большой сосредоточенности, ведь все изменения исчезнут, стоит забыть о них хоть на секунду.

Жорж сказал:

– Так или иначе, я снова чувствовал себя собой, меня окружили вниманием и заботой, и я осознал, что я больше не заперт на этой тесной и ужасной отсталой планетке. Нет! Нет!

Впереди был огромный мир! Сколько людей из тех, кто сталкивается с большой болью, страдает от ксеноэнцефалита? А сколько из них восстанавливается после него? Но я – да. Ах, чудесный, чудесный Жорж!

– А всех других людей там так и оставили как мясо, – сказал Ванечка.

– Если они когда-нибудь придут в себя, – сказал Жорж, – их ждет большой и красивый мир, а если нет, что ж, я не могу сказать, что я вполне осознавал себя для того, чтобы оценить ничтожность своего положения.

Я сказал:

– Крайне мудрое решение нашего руководства – не оставлять в беде нуждающихся.

Тут Ванечка очень сильно наступил мне на ногу.

– Эй! – сказал я. – Больно!

– Конечно, тебе больно, – сказал Ванечка. – Ты же живой.

– Ну-ну, не ссорьтесь, – сказал Жорж. – Политика дело тонкое.

– У-у-у, – сказал Ванюша. – У-у-у, мне так не нравится.

– Тебе можно, – сказал Жорж. – Ты же дурачок. Кому какое дело, что тебе там не нравится?

– То, что он дурак, не значит, что он не такой же человек, как мы, – сказал я. – К нему нужно относиться с уважением, как и ко всем другим людям, а он взамен обязан поддерживать идеи, полезные для общества, в котором он живет.

– Ну, ты уже ко всем счет выставил, – сказал Жорж. А я понял, что совершенно не заметил, как это вот так спорю со взрослым, болтаю с ним, будто с другом, и до чего он мне приятен, хотя в нем есть все те качества, которые я считаю совершенно недостойными.

– Жаль, – сказал Жорж. – Я немногое могу вам рассказать.

– А почему бы просто не спасти нас всех? – спросил Ванечка. – Все бы стали сильными и захватили весь Космос.

– Ну ты подумай, малыш, кому захочется, чтобы его родственники, друзья, любимые становились сильными так ненадолго и такой ценой, – сказал Жорж. – Это не нужно никому. А живем мы неплохо, и не надо тут, а то блондинчик на тебя настучит. Но ладно, отвлекитесь-ка.

– А вы еще покажете?

– Да-да, я еще покажу фокус.

Жорж продемонстрировал нам открытую ладонь.

– Какая длинная у вас линия жизни, – сказал Ванечка. – Меня Фира гадать научила. А если куда-то на руке надавить, то можно узнать, сколько будет детей. Там горбы повылазят.

– Глупые суеверия. Ты Фире не верь, – сказал я. – Она народ дурит.

– Вы внимательно смотрите! – сказал Жорж, оскорбленный нашим диалогом. И мы стали смотреть внимательно. Что-то белое прорвало кожу, словно зернышко дало росток и пробило землю. Жорж и не поморщился. Кость не была костью, и я понял, что это лишь материал, которому можно придать любую форму.

Все сильнее расходилась кожа, брызнула кровь, показалась плоть. Костяной росток поднимался выше, а потом начал разветвляться. Снова появились отростки, но теперь они казались такими мягкими и пластичными, будто лепестки настоящего цветка.

Рана в ладони росла, потому что росток становился толще, выворачивал плоть. Отвратительно, конечно, но то, что сотворял из кости Жорж было в то же время и удивительно красивым.

Получался цветок, словно бы настоящий – гвоздика с ее зазубринками на лепестках и их причудливым сплетением. Белый каркас стал покрываться сосудами, которые ползли из ладони, а затем и необычной красной, насыщенной кровью плотью.

Цветок перед нами пульсировал и алел.

– Как красиво, – сказал я. – И ужасно. А сколько он проживет?

– Будет гнить, как и всякое другое мясо. Но кость – останется. Сколько таких сувениров я подарил инопланетным красавицам. Без мяса, впрочем. Хотя одна была большой затейницей и обещала хранить его в морозилке.

– А можно мне взять? – спросил Ванечка.

– Да на здоровье!

Жорж легко отломил цветок, будто он не был сделан из него самого, будто кость была хрупкой, как веточка. Хлестнула кровь из разорванных сосудов, и Жорж вытянул руку, чтобы не запачкать костюма, так отводят от себя норовистые бутылки газировки или шампанского, небрежно, просто, не думая ни о чем. Рана на его руке принялась затягиваться, и через пару секунд кожа уже была абсолютно целой.

Он вручил цветок Ванечке.

– Только девочкам не дари! – сказал он. – Несмотря на то, что я сказал, экзотику все-таки любят не все. Дарите девушкам нормальные цветы, мальчишки, мой вам совет!

– И я тоже так научусь? – спросил я.

– Не знаю, как у тебя с рисованием. Я сам почти гениальный художник. Если хорошо рисовать, знать анатомию и иметь отличное воображение, можно воспроизвести из себя любое животное, вырастить любую конструкцию. Но требуется особый разум и очень обширные знания. Не каждый дурак может, так

сказать. Но я знал парня, который мог превращаться в любое животное за минуту. Сложно представить, а? А для кого-то потолок – это создавать защитный каркас. Я слышал истории о наших предках, которые путешествовали по рекам, будучи растворенной в них кровью, и умели собрать себя обратно. На такое даже я не способен! Но это-то, может, и враки.

– У нас в школе много времени уделяют рисованию и черчению, – сказал я. – И анатомии тоже.

– Теперь понимаешь, почему?

– Да, – сказал я. – Понимаю.

Ванечка рассматривал свой цветок, а я не был уверен, что смогу взять его в руки.

– Есть еще интересность, – сказал Жорж. – Языки в Космосе знать нужно далеко не везде, есть автоматические переводчики и все такое, но кое-где, на отсталых планетках, это еще годится. И всегда можно обратиться к другому солдату, который этот язык знает. К его знаниям, полученным однажды. Черви связаны, они между собой общаются, передают информацию. Мы можем смотреть воспоминания друг друга, а иногда и ощущать эмоции. Впрочем, это чаще бывает неудобно.

– Ужас какой, – сказал я. – Не хочу быть связанным с Борей.

– Да, – сказал Жорж. – Есть люди, чьих воспоминаний я не касался бы трехметровой палкой, но что поделаешь, так уж мы устроены. Немногим мы нравимся. Это забавно: чего только люди сейчас с собой не делают, а вот мы все еще вызываем у них отвращение.

– А мне Андрюша сказал: это потому, что у нас черви в этой, как ее, сперме!

Я пихнул Ванечку локтем в бок.

– Веди себя прилично!

– Это Андрюша сказал, а не я.

Но Жорж ни капли не смутился.

– Да-да, микроскопические черви. Поэтому, если вы не такие умники и красавцы, как я, вам будет сложно убедить девушку в том, что вы чудесны и безопасны. Мне кажется, это нечто вроде древней защитной реакции, как трипофобия.

– Что такое трипофобия? – спросил Ванечка.

И Жорж показал. Не буду описывать, но его ладонь произвела на меня менее положительное впечатление, чем в эпизоде с плотской гвоздикой.

– Фу!

– Фу!

– Вот так, – сказал Жорж. – Всё, малыши, теперь пора отчаливать. Вспомните счастливчика Жоржа, если вдруг попадете

в Космос.

– Уж я как попаду! – сказал Ванечка.

Жорж поднялся, резко крутанулся на пятках, снял свою красивую шляпу и отвесил нам забавный и изящный поклон.

Мы с Ванечкой остались сидеть на скамейке.

– Ой! Сколько бычар после него осталось!

Я сказал:

– Прекрати, пожалуйста, их курить.

– А что? Он же не бомж, не заразный какой. И цветок красивый.

– Он тебе намочил карман.

– Ой, карман кровавый.

Ванечка вытащил цветок, а потом спрятал снова.

– Хуже не будет.

– Я знал только одного солдата, – сказал я. – И он никогда нам ничего такого не показывал. Только Володя один раз нам рассказал, как товарищ Шиманов забыл ключи, и тогда он вставил косточку в замок, как отмычку, и там она проросла в пазухи замка, и он открыл дверь.

– А как он почувствовал, где пазухи?

– Наверное, нарастил там какие-то нервы, чтобы ощущать, я плохо себе это представляю, если честно.

– Но это круто, – сказал Ванечка. – Мой папа так никогда не делал. Он мне вообще ничего не показывал. А мог бы грабить все дома. Хорошо, что он не грабит все дома. Это было бы как-то плохо.

– Да, – сказал я. – В этом я с тобой согласен.

– А вам вечером кефир не дают больше фруктовый?

– Не дают, – сказал я. – Нам можно пить всякое, но кефир почему-то считается едой.

– А я думал у тебя попросить, раз ты теперь только мясо ешь. Так грустно. А почему не сбежишь?

– Что? – сказал я. – Что ты имеешь в виду? Я хочу посвятить жизнь своей Родине. Для меня это очень важно. А ты совсем глупый, раз ты не понимаешь.

– Не понимаю, – согласился Ванечка. – Сбежал бы, и как бы тебя нашли?

– Когда наши родители подписывали согласие, мы сдавали разные пробы, – сказал я. – Чтобы космическими машинками нас везде можно было вычислить. Ты нигде не спрячешься, найдут меньше, чем за сутки. И это правильно, потому что свои обещания нужно выполнять.

– Ой, ужас, ужас, – сказал Ванечка. – Я бы тогда всех убил.

– Ты знаешь такое выражение? Если ты плюнешь в партию,

партия утрется, если партия плюнет в тебя, ты утонешь. Не шагай против коллектива. Убьет он всех, тоже мне.

Я разозлился, но в то же время мне стало необъяснимо приятно, что Ванечка все пытается понять меня, понять, как я живу. А он вдруг резко развернулся и обнял меня.

– Что ты делаешь?

– Жалею, – сказал он.

Запись 51: Прогулял полдник

Выяснилось, что я опоздал на полдник. Я повинился Максиму Сергеевичу, а он мне только сказал:

– А тебе, Жданов, в Москве строем ходить не надоело?

Я не нашелся что ответить.

Но теперь я знаю что ответить: мне не надоело, и мне кажется, что нам сейчас не хватает дисциплины.

Запись 52: Хуесциплины

Хуесциплины нам не хватает.

Запись 53: Ужас

Пусть эта запись останется очередным свидетельством твоей личностной деградации, Борис.

Запись 54: КАК МИНЯ НАШЛИ В ЛИСУ

АРЛЕН ПАПРАСИЛ МИНЯ НАПЕСАТЬ ПРО МИНЯ. ВОТ КАК НАПЕШУ!!!

АДНАЖДЫ МАЯ МАМА ПАШЛА В ЛЕС САБИРАТЬ ЯГАДЫ. АНА ОЧИНЬ ЛЮБИТ ЯГАДЫ РАЗНЫЕ. И АНА ПАШЛА ТУДА В ЛЕС И ЗАБЛУДИЛАСЬ ОЧИНЬ СИЛЬНА И БРАДИЛА ДО САМАЙ НОЧИ И ЧУТЬ НИ УМИРЛА.

КАГДА ЕЙ БЫЛА ОЧИНЬ ХОЛАДНА ОНА УСЛЫШАЛА КАК Я ПИЩУ.

ЭТА Я ПИЩАЛ.

Я В ЯМЕ ЛЕЖАЛ В ЛИСТЬЯХ. КРАСИВЫЙ ТАКОЙ И МАЛИНЬКИЙ. МАЯ ГАЛАВА БЫЛА В ПАКЕТЕ С КОНИКАМИ И КРАСНЫМИ ЦВЕТКАМИ. ЯРМАРАЧНЫМИ КОНИКАМИ И КРАСНЫМИ ЦВЕТКАМИ. В БЕЛАМ ПАКЕТИ.

МАМА ВЗИЛА МЕНЯ НА РУКИ КАК ХАРОШИЙ ЗНАК, А ПАТОМ ТРАПИНКУ НАШЛА. ТАК ОНА МИНЯ НАШЛА И ТРАПИНКУ НАШЛА И ДАМОЙ МИНЯ ПРИНИСЛА. ОНА МНЕ НАЛИЛА МАЛАКА КАРОВЫ ПАТАМУШТА ДРУГОГА НЕ БЫЛА У НЕЕ.

А НАУТРА У НЕЕ МАЛАКО ПРИШЛО КАК БУДТА ОНА ПРАВДА МАЯ МАМА.

ТАК МИНЯ МАМА В ЛИСУ НАШЛА НАПАИЛА МАЛАКОМ И С ТЕХ ПОР Я ТАК ЖЫВУ.

Запись 55: Соляная комната

Сегодня ходили дышать в соляной комнате, это очень полезно для легких, особенно Фире, в этом плане у нее плохая наследственность.

Вообще-то соляная комната больше похожа на соляную пещеру, и некоторые ее так и называют. Но я предпочитаю все-таки называть ее соляной комнатой, потому что пещера – это естественное углубление в земной коре, а комната – это все-таки рукотворное сооружение внутри здания.

Так или иначе, все там белое, в соляных наростах, и сверху даже растут (наверное, это сделано специально) такие интересные соляные штуки, похожие на сталагмиты.

На полу тоже соль, и везде соль, поэтому все, как я уже сказал, совершенно белое.

В соляной комнате очень темно, и это тоже придает ей сходство с пещерой. Внутри очень спокойно и тихо, и можно лежать на лежаке и наслаждаться. Фира быстро раскашлялась, но сказала, что кашель этот – очень хороший признак.

Некоторое время я наслаждался спокойствием и чувствовал себя с каждой минутой все более гармоничной личностью. Потом я и вовсе почти заснул.

Но тут начали происходить совершеннейшие безобразия, которыми я очень недоволен. Оказалось, Боря пронес внутрь ящерицу, девочки заверещали, вскочили на лежаки, а ящерица наворачивала круги, вздымая фонтанчики соли.

Мы с Андрюшей тут же попытались ее поймать, чтобы успокоить девочек, но столкнулись головами так, что у меня зубы клацнули и до сих пор болят.

Ситуация выходила совершенно анекдотическая. Боря и Володя смеялись, девочки верещали, ящерица бегала.

Потом Валя спрыгнула с лежака и швырнула пригоршню соли Боре в лицо.

Кто знает, что бы началось, если бы Максим Сергеевич не пресек беспорядки.

Ящерицу мы так и не поймали, она зарылась в соль, и теперь ее не найти.

Надеюсь, она там не погибнет.

Ужас, одним словом.

Запись 56: Варианты фраз для плаката

1. Соблюдайте тишину в соляной комнате!
2. Осторожно, идут процедуры! Не мешайте отдыхающим!
3. В соляную комнату животных проносить запрещено!
4. Тишина! Идет сеанс в соляной комнате!
5. Во время медицинских процедур требуется тишина!
6. Нарушители тишины не будут допущены в соляную комнату, зато им будет увеличено количество грязевого электрофореза.
7. Имейте совесть, посетители соляной комнаты!

Запись 57: Ящерица спасена!

Ящерицу мы нашли и выпустили. Она весьма юркая и выглядит совершенно здоровой. Может быть, ей тоже полезно подышать в соляной комнате.

Кстати, грязевой электрофорез – это действительно ужасно, во рту все время что-то очень кислое и нос щиплет невероятно.

Но надо терпеть, потому что у меня часто бывает насморк.

Запись 58: День без моря

Эдуард Андреевич попросил меня и на этот раз написать обо всем подробный отчет. Можно было бы ограничиться описанием своего самочувствия, но мне хочется рассказать все, что было.

Все-таки это очень особый период моей жизни.

На этот раз мы пошли на процедуру очень рано, нас подняли в шесть утра. Вернее, я сам встал значительно раньше, чтобы успеть сделать зарядку.

Андрюша все спрашивал Максима Сергеевича, зачем так рано, но тот только отвечал что-то о биологических ритмах, я не вполне понял, думаю, и сам Максим Сергеевич не понимал, он просто не знал ответа на вопрос.

Зато он рассказал нам, пока мы ждали Эдуарда Андреевича, идею еще одной книги для детей:

– Ну послушайте, – сказал он. – Как вам? Мальчик и девочка влюбляются друг в друга на курорте у моря вроде этого. Однако они живут в разных городах, и их общение возможно лишь в форме переписки. Потом с мальчиком происходят всякие волшебные приключения, во всяком случае, он так об этом рассказывает. Он попадает в волшебную страну, становится пиратом, захватывает корабли, король дает ему почетный титул, он борется с ведьмой, заколдовавшей королеву. А девочка остается жить в Чебоксарах. И книга про нее. Она просто живет в Чебоксарах и получает эти письма из волшебной страны.

– Это могло бы быть красиво, – сказала Фира. – Если бы он придумывал все это для нее.

– Но вы так говорите, – сказала Валя, – как будто она завидует.

– А она и завидует, – сказал Максим Сергеевич. – Она-то в Чебоксарах живет, а не в волшебной стране.

– В таком случае это грустная история.

– И опять совершенно бессмысленная! – сказал я. – Чему она учит?

– Тому, что жизнь в Чебоксарах безрадостна и уныла, – сказал Максим Сергеевич.

– Но вы ведь даже никогда не были в Чебоксарах! – сказал я.

– Не был, – сказал Максим Сергеевич. – Но это архетип.

– Это глупости, – сказал я.

Мы спорили еще некоторое время, потом нас позвал Эдуард Андреевич. Он сказал, что сегодня процедура будет весьма болезненной, но интенсивность боли будет (и должна) увеличиваться постепенно, поэтому ничего ужасного нас пока не

ждет.

Валя спросила его:

– Все говорят про стадии болезни, а вы говорите про метаморфозы, почему?

– Потому что это не болезнь, – сказал Эдуард Андреевич. – И вы тоже должны научиться так думать. Ксеноэнцефалит был болезнью давным-давно, а теперь мы с червем едины и просто проходим новый цикл нашего развития.

– Да, – сказал я. – Это очень вдохновляет.

Эдуард Андреевич сказал:

– Спасибо вам, Жданов, за обратную связь.

Мне вдруг снова показалось, что ему грустно. Но этого было почти не видно. Только что-то чуть-чуть мелькнуло и быстро пропало в его взгляде.

Эдуард Андреевич сказал, что процедуру мы будем проходить по очереди, чтобы друг друга не смущать.

– Надо будет раздеваться? – спросил Андрюша.

– Нет, – сказал Эдуард Андреевич. – Сейчас уже ни для чего не надо раздеваться.

Потом он засмеялся, понял, что сказал глупость, махнул рукой.

– Всё, товарищи, сами решайте, кто первый.

– Я первый!

– Хорошо, Жданов.

Я вошел в процедурную, сел на белую кушетку, посмотрел на экран.

– А я снова увижу картинки?

– Нет, – сказал Эдуард Андреевич. – Сегодня не увидишь. Но, когда мы снова будем исследовать твой мозг, изменения, которые будут в нем происходить, ты посмотришь их еще.

– Почему вам грустно? – спросил я неожиданно для себя. Волнение мое, должно быть, стало чрезмерным. Мне вовсе не свойственно задавать взрослым такие личные вопросы.

– Потому что я не ожидал, – сказал Эдуард Андреевич, – что это будут дети. Хотя это очень логично. И правильно. Но все-таки.

– Вы сомневаетесь? – спросил я.

– Ничуть, – сказал он. – Ни в чем не сомневаюсь, Жданов, но грущу. Мы не всегда можем контролировать свои чувства. Но мы должны уметь продолжать делать свою работу.

– Мне кажется, это очень верная мысль.

– Спасибо, Жданов.

Он защелкнул браслет у меня на руке и сказал:

– Надо бы тебя зафиксировать. Вдруг упадешь.

– А почему я упаду?

Эдуард Андреевич, насвистывая, принялся расправлять ремни, снизу пристегнутые к кушетке.

– Скажите мне, я не трус.

– Можно потерять сознание, – сказал Эдуард Андреевич. – Но не бойся, я контролирую твое состояние. Если что-то пойдет не так, я остановлю процедуру.

Я сказал:

– Все пройдет хорошо, я уверен. Я буду себя замечательно вести.

Эдуард Андреевич, кажется, снова расстроился. Он сказал:

– Ты, Жданов, очень хорошо себя ведешь на постоянной основе. Жаль, что тут от тебя мало что зависит.

Да, конечно, в науке работать тяжело. Эдуард Андреевич привязал мне ремнями руки и ноги. Вполне удобно, подумал я, не кажется, будто что-то затечет.

Я сказал, что готов, Эдуард Андреевич кивнул, сел за стол, глянул на экран, где переливалось синим море.

– Тогда поехали, – сказал он.

Я смотрел на белый потолок, но от этого получалось только больше волнения. А волнение в данном случае вещь глупая и непродуктивная. Иногда волнение помогает более эффективно делать свою работу, показывать лучший результат.

В том же случае, когда ты не можешь ни на что повлиять, волнение только терзает тебя, и все. Затем, становясь менее уверенным, ты становишься и более восприимчивым к неудачам.

Надо всегда сохранять присутствие духа.

Так я решил.

Но так я решил за секунду до того, как браслет заработал.

Сначала меня будто бы прошило электрическим током, затылок сильно свело, а потом во лбу и ниже, до самого носа, стало больно до слез.

Я не имею в виду, что я заплакал из-за собственной слабости, я хорошо выдерживаю боль и никогда из-за нее не плачу.

Слезы потекли сами, и были они совершенно рефлекторные, потому что боль локализовалась в глазах, в голове. Мысли при этом оставались ясными. Я как будто был отделен от этой боли, словно кто-то разрезал меня на куски и часть бросил в кипяток, а часть оставил за этим наблюдать.

Странное сравнение, но именно такое пришло мне в голову.

Мне думалось тогда и о вещах, которые мог делать с собой Жорж (и все другие солдаты), о том, как кость, как будто раскрывшееся семечко с побегом, прорывает плоть.

Быть здоровым, во всяком случае относительно, это базовый опыт большинства людей. Контролировать свое тело.

А что значит, если ты можешь сделать со своим телом все, что угодно, и оно от этого разрушается?

Как ты себя ощущаешь, каким, как смотришь в зеркало?

У меня не было ответов на все эти вопросы, а они все всплывали в голове. Я думал обо всем как бы для того, чтобы сбежать от боли. Будто чем больше слов в минуту протечет в моей голове, тем скорее все закончится.

Боль, которую я испытывал, не была похожа ни на что из того, что прежде со мной случалось. Я даже не понимал, как именно я эту боль чувствую. Она будто шла из глубины моего черепа, но из книг я знал, что человек не испытывает болей в мозге. Ему можно даже делать операцию, и он ничего не почувствует.

Это не была острая боль или тупая, ее нельзя было охарактеризовать какими-то известными мне словами. Она охватывала все и ничем не объяснялась.

Как-то раз мы с ребятами играли в вопросы. Нужно было написать несколько вопросов на листочках, затем мы смешивали их в пакете, и каждый тянул тот вопрос, на который придется ответить.

Мне достался такой вопрос: кто здесь слабее тебя?

И я сказал: все здесь слабее меня.

Надо мной, конечно, долго смеялись. Но я объяснил. Все здесь слабее меня, потому что я могу выдержать любую боль и не сломаться под пытками.

Вот и сейчас я изо всех сил старался не кричать, не пищать, никакого недостойного скулежа не издавать, хотя мне этого очень хотелось.

И я справился.

Может быть, я не самый сообразительный или не самый ловкий. Может быть, мне не хватает силы воли или обаяния.

Но я могу выдержать любую боль.

Глупое тело, конечно, сопротивлялось, я чувствовал, как туго натянулись ремни под руками. Это тоже должно было быть больно, но нет – вся способность чувствовать сосредоточилась у меня в голове.

По-моему, я довольно бестолково разевал рот, но я все-таки не кричал.

Отчасти секрет успеха состоял в том, что мои мысли не затуманились и я осознавал, кто я, и где, и почему нельзя кричать, и зачем нужно быть сильным и смелым.

В какой-то момент боль перестала нарастать и замерла в одной точке. И это неожиданно оказался самый сложный период, появилось ощущение, что именно так я буду чувствовать себя

бесконечно.

В жизни я часто ощущаю себя беспомощным. Я многого не понимаю, и со мной происходит много болезненных вещей.

Но в то же время никогда еще я не чувствовал себя настолько неспособным ни на что повлиять.

Это было очень грустное ощущение.

Потом я как будто устал и стал засыпать. Боль не прошла, не утихала, не отдалялась, но сознание уплывало и как бы старалось скрыться и спрятаться в спасительной темноте.

Когда я очнулся, ничего у меня уже не болело. И это тоже показалось мне странным. Редко когда такая сильная боль исчезает мгновенно, редко когда она ничего после себя не оставляет.

Эдуард Андреевич сказал:

– Надо же, какая стойкость.

Он сказал это вовсе не потому, что восхитился ею, во всяком случае, это я теперь так думаю.

Он сказал это потому, что ему хотелось меня порадовать и Эдуард Андреевич безошибочно определил, что для меня важно.

– Я хорошо держался, правда? – спросил я.

– Правда.

Он отстегнул мои руки и ноги. Я увидел широкие, плотно-красные полосы на запястьях и щиколотках.

Мне сначала стало очень себя жаль, но чтобы это позорное чувство не распространилось, я схватил себя за запястье и сильно его сжал.

Боль отрезвила и даже показалась мне родной – это получилась очень простая боль.

Лицо мое по ощущениям было покрыто мерзкой и липкой грязью. Я дотронулся до носа, кончики пальцев окрасились густым красным.

Эдуард Андреевич дал мне влажную салфетку, и через несколько секунд она вся стала розовой. Я взял еще одну. Потом еще одну. И мне все равно не казалось, что мое лицо совершенно чистое.

– Все-все, Жданов, – сказал Эдуард Андреевич. – Понимаю, ты хотел бы и дальше наводить красоту, но выглядит уже вполне прилично.

Я встал с кушетки, несмело прошелся, и оказалось, что это безмерно тяжело, будто я давным-давно не практиковался. Эдуард Андреевич предложил мне воды и мяса, но я от всего отказался.

Кровавые пятна на моей белой рубашке почти довели меня до слез (чем я, опять же, совершенно не горжусь).

– Еще отдохнешь?

– Нет, – сказал я. – Я посижу в коридоре. Только один вопрос.

– Какой, Жданов?

– Тут хорошая звукоизоляция?

– Просто изумительная, на мой вкус.

Этот факт меня расстроил. Тогда никто не узнает, что я не кричал.

И вот я вышел в коридор, держа руку так, чтобы никто не увидел крови на рубашке.

– Ну как? – спросил Володя.

– Нормально, – сказал я.

– Ты весь бледный, краше в гроб кладут.

– Немного неприятно, – сказал я.

– Следующий! – сказал Эдуард Андреевич. Боря сказал:

– Я!

К счастью, я вовсе не злорадствовал (ведь это недостойное чувство). Но Боря не пошел в процедурную сразу, а задержался.

– Ты так странно руку держишь, – сказал он.

– Так удобно, – ответил я.

– Неудобно.

Боря отдернул мою руку, надавил мне на запястье, туда, где было больно, то ли с расчетом, то ли случайно.

– Понятно, – сказал он, разглядывая пятна крови. – О, бедная детка, скорее застирай.

– Да, – сказал я. – Нужно застирать.

Наверное, мой голос показался ему каким-то особенно бесцветным, потому что Боря нахмурился.

– Максим Сергеевич, – сказал он. – А Жданову можно в корпус?

– Я его провожу, – сказал Максим Сергеевич.

Боря еще некоторое время смотрел на меня, и я не мог понять, что выражает его взгляд, только видел, что глаза темнее обычного. Потом он посмотрел на дверь. Эдуард Андреевич его не звал, но Боря чувствовал нервозность.

– Надо идти, – сказал он, непонятно зачем, снова посмотрел на меня, и я сказал:

– Иди.

Володя сказал:

– Нет уж, это я пойду. По праву первородства, так сказать.

Так и вышло, что провожать меня вместо Максима Сергеевича пошел Боря.

Солнце уже было высоко, и по небу быстро плыли облака – знак ветреного дня, но ветра я не чувствовал, хотя видел, как от него колышутся листья. Колышутся и шумят.

Боря сказал:

– Полный «пиздец», да?

– Нет, – сказал я. – Не ругайся.

Ходить я снова мог прилично, но ноги будто действовали самостоятельно, я не чувствовал в себе намерения идти или окончательного контроля над своим телом. Ходьба как будто происходила сама по себе и никак не была связана с моей волей или способностью. Это чувство очень сложно объяснить правильно.

– Ну, – сказал Боря. – Это все ради войны. Война! Война – мать родна. А?

Войну Боря любит и все, что с ней связано. Мне кажется, он хотел так меня подбодрить.

– А мы на море, наверное, не пойдем, – сказал я. Мне стало грустно.

– Не знаю, – сказал Боря. – Вечером, может. Да ладно, наверняка стремно было?

– Нет, – сказал я. – Не было. Но было больно.

– А ты орал?

– Нет.

– А «хуй» тебя знает, звукоизоляция-то там небось на пять с плюсом.

– Небось, – сказал я. – Как думаешь, это от слова «небо» или «не бойся»?

– Ни от того ни от другого, – сказал Боря. – Но вообще можно у Фиры спросить.

– Я спрошу.

– Но оба твоих варианта – тупые.

– Я и сам уже понял.

Вдруг он снова схватил меня за запястье, сделав мне больно, развернул к себе и сказал:

– Будь мужиком!

А я не понимал, что ему надо. Я сказал:

– Хорошо.

Боря повел меня по лестнице, втолкнул в нашу палату и сказал:

– Ну все, иди попиши в своей милой сладкой книжечке.

Я сказал:

– Надо сначала постирать рубашку.

Пальцы плохо слушались, а я должен быть аккуратным с вещами. Я долго расстегивал рубашку, потом долго искал хозяйственное мыло, и все это время Боря стоял у двери, а потом пошел со мной в душевую к раковинам. Я застирывал пятна крови, с ожесточением намыливал их и тер, а Боря сидел на

подоконнике у мутного окна и смотрел.

Я сказал:

– Все нормально, ты можешь идти.

Он сказал:

– Ну, могу.

И не ушел. Я же впал в отчаяние из-за пятен, потому что они отстирывались хуже, чем я ожидал. Обычно кровь стирается куда легче.

Ничто не становилось идеальным, белым, как раньше, и я тер, и тер, и тер, и тер, и смылил половину куска на два пятна.

Честно скажу, тут мне уже захотелось расплакаться.

Боря сказал:

– Да успокойся ты, боже ты мой, найди сперва того, кому не «похуям» на твою рубашку.

Но я не сдавался, и наконец пятна почти совсем потускнели. Мы пошли обратно, и я повесил рубашку на балконе. Потом глянул вниз и мне захотелось спать.

Я сказал:

– Я посплю, а потом приду обратно к вам, ладно?

– Мне-то какое дело?

– Хорошо.

Но когда я проснулся и пошел к ребятам, оказалось, что процедуру прошли еще не все. Вот сколько это длилось!

Андрюша сидел на стуле, вытянув ноги. На его рубашке тоже были красные пятна, но он их не замечал.

– Привет, – сказал он.

– Привет, – ответил я. – Ты как?

– Устал.

– Я поспал, и мне стало лучше, – сказал я, хотя это было не совсем правдой.

Боря в конечном итоге проходил процедуру последним. Мы ждали его, волновались, а он, когда вышел, буркнул только:

– Пойду щенков проведаю.

И ушел, на ходу утирая кровь. Володя пошел за ним, я тоже хотел, но Фира мне сказала:

– Дай человеку побыть с братом.

На ее воротнике было три маленьких пятнышка, похожих на диковинные ягоды.

Ни на какое море мы так и не пошли.

Запись 59: Отчет о самочувствии после процедуры

Предыдущая моя запись имеет слишком много посторонних включений. Кратко:

1) Боли нет совсем, но слабость сильная.

2) Некоторое ощущение отдельности от своего тела.

3) Сонливость, с которой сложно справиться.

4) Тяжело на сердце, но не знаю, обусловлено ли это моим физическим состоянием.

В общем и целом, чувствую я себя удовлетворительно. Не могу сказать, что я страдаю.

Запись 60: Объявили дискотеку

Сегодня нам сказали, что у нас в конце недели будет дискотека.

По моему мнению, дискотеки развращают молодежь и совершенно не нужны. Дискотека – рассадник всякого рода драк и непристойностей.

Я недоволен тем фактом, что вместо спортивно-патриотических мероприятий вдруг будет дискотека.

Однако Максим Сергеевич сообщил, что дискотека будет открытой и можно пригласить туда наших друзей из первого корпуса и даже из города.

Думаю, я скажу Жоржу (мы с Андрюшей уже выяснили, что он опаздывает в столовую примерно на полчаса, там его и можно поймать), чтобы он передал весть о дискотеке Маргарите.

Может быть, Маргариту заинтересуют такого рода мероприятия.

(Хотя я надеюсь, что нет.)

Запись 61: ЖИ-ШИ пиши с буквой И

ЖИ ШИ ПИШЫ С БУКВАЙ И.
ШЫНЫ
МАШЫНЫ
ЛЫЖЫ
ГАРАЖЫ
ЖЫВОТ
ЖЫЗНЬ
ЖИШИПИШИСБУКВАЙИ.

Комментарий репетитора:

Мои попытки улучшить Ванечкино правописание пока никакого успеха не возымели. Само правило он игнорирует, хотя формулировку повторяет за мной и записывает верно. Если я делаю ему замечания – злится. Потеряв терпение, написал правило как-то ужасно, все слитно, но зато хотя бы буквы «и» на месте.

Запись 62: Дорогая мама!

Дорогая моя мама!

Здравствуй!

Пишу тебе теперь обстоятельное письмо обо всем, что происходит.

Для начала вопросы. Как ты там? Все ли в порядке? Хорошо ли чувствуешь себя? Как идут дела дома? Как политическая обстановка на работе? Какие-то слышно новости по поводу товарища Шиманова? Я за него волнуюсь.

Конечно, хочу знать, как там моя сестричка Галечка. Обязательно мне это напиши. Если есть новая фотография – вышли фотографию. Она растет, должно быть, не по дням, а по часам.

Я тоже немного вырос – на целый сантиметр. Это потому, что мы здесь много плаваем.

Кормят очень вкусно, но меню раскрывать не буду, оно уже лечебное.

Что касается процедур, ничего такого страшного, как ты боялась, в них нет. Мы довольно много купаемся, играем, скоро у нас будет дискотека. Это замечательное лето. Многие дети во Вселенной не имеют даже куска хлеба, а мы – на отдыхе. Поэтому не волнуйся за меня, а порадуйся.

В общем, все у нас очень хорошо. Девочки, правда, излишне увлекаются всяческими гаданиями.

Познакомился я тут с большим количеством новых друзей. Они замечательные.

Больше всего я близок с Ванечкой, он мой ровесник, но немножко дурачок. Он очень наивный, но говорливый, ловкий, умелый. Конечно, с головой у него не все в порядке, но зато он явно верный друг и любит животных.

Без конфликтов, конечно, не обходится. Характер у него неподатливый и местами взрывной. Но я рад, что мы подружились. Мне хочется о нем заботиться, не только потому, что к жизни он приспособлен мало, но и потому, что будто бы он меня младше.

Расскажу тебе один эпизод: как Ванечка играл с собакой.

У нас есть собака Найда, она живет за столовой, и у нее щенки. Это черная с подпалинами, очень красивая, очень ласковая собака. Она, в общем-то, любит всех, но особенную привязанность питает к Ванечке.

Однажды Ванечка возился с Найдой, мы с Андрюшей сидели на скамейке и за этим наблюдали. Я чувствовал некоторое

напряжение, потому что такие контактные игры с собаками могут окончиться плохо. И все время я порывался остановить эту игру. А Ванечка все смеялся и радовался (а радуется он всему как будто в первый раз).

И вот Найда немного прихватила его за ногу. Совсем не сильно. Я бросился помочь Ванечке, но то, что он сделал, так поразило меня, что я встал как вкопанный.

Ванечка вдруг подался к Найде и тоже укусил ее за лапу.

Я испугался, что сейчас разыграется трагедия, но Найда посмотрела на него глазами, полными удивления.

– Видала? Видала, как ты меня? Приятно тебе теперь? – спросил Ванечка.

И Найда будто бы его поняла. Она опустила ушки и ткнулась мокрым носом в его щеку, как бы извиняясь. Андрюша потом сказал, что думал, будто Найда ему голову откусит. Я, конечно, так не думал. Но все-таки я не понимал, как Ванечка добился такого контакта с собакой. Хотя, конечно, собаки – очень умные животные.

А Ванечка – большой молодец. Он не очень умело пишет, но я стараюсь научить его кое-каким правилам русского языка.

Пусть он не очень грамотный и довольно грубый, зато какая у него душа! Та самая русская душа, о которой столько пишут, – щедрая, загадочная и неистовая.

Еще Ванечка говорит, что мама нашла его в лесу, но это, я уверен, он придумывает. Наверное, это как истории про аиста, но Ванечка все принимает за чистую монету.

Он очень хороший! Когда Максим Сергеевич проявит фотографии, я тебе вышлю его фотокарточку.

У Ванечки есть брат – Алеша. Алеша младше Ванечки на три года, ему девять. Но он очень умный и собранный молодой человек, начитанный, и с ним есть о чем поговорить. Крайне интеллигентный мальчик. Они с Ванечкой хорошо дополняют друг друга. Алеша не бойкий и не смелый, но сдержанный и интеллигентный.

Еще есть Мила, она подруга Ванечки и дочь солдата, который здесь лечится. Мила очень спокойная девочка, она будущая скрипачка.

Иногда к нам приходит Диана. Она местная, живет недалеко от санатория. Такая бойкая девочка! Немного грубоватая, но душевная. С Дианой и Милой много общаются наши девочки.

Также мы с Ванечкой познакомились с замечательным солдатом по имени Григорий (он, однако, по неизвестной мне причине, называет себя «Жорж»). Он большого о себе мнения, но очень харизматичный и добрый. Жорж рассказывает нам много

интересных историй о Космосе и о том, что умеют солдаты. Поверь мне, мама, у солдат замечательная жизнь, наполненная приключениями и глубоким общественным смыслом.

Жорж часто с нами разговаривает, кажется, мы ему интересны. Вот папа Милы почти совсем не обращает на нас внимания, только напугал один раз, когда Фира выдумала вызывать Пиковую Даму.

Я тогда, если честно, тоже немного испугался.

Больше пока и не знаю, что тебе рассказать, потому что все у меня замечательно и идет своим чередом.

Не грусти и не скучай! Вот увидишь, время пролетит очень быстро.

Твой любящий сын,

Арлен!

Запись 63: Головная боль

1) Целый день болит голова и тяжело смотреть на свет.
2) Случилось два носовых кровотечения.

Запись 64: Жорж и Маргарита

Сегодня попросил Жоржа сообщить Маргарите о дискотеке. Жорж улыбнулся загадочной улыбкой и сказал:

– Думаю, ты ее там увидишь.

Я попытался выспросить подробности, но Жорж ответил только, что сейчас уходит пить шампанское и ему не до детских любовных драм.

А никакой любовной драмы тут нет!

Запись 65: Пробежка

Сегодня с утра Володя устроил какую-то странную активность. Вдруг поднялся, достал из чемодана кроссовки и стал агитировать всех пойти на пробежку.

– Давайте, ребята! – сказал он. – Там можно и всю жизнь проспать!

К своему стыду, я не сумел разогнать сон. Володя потормошил нас всех, с особенным упорством – Борю и ушел.

Я провалился в сон еще на некоторое время, а проснулся от холода, хотя на самом деле погода стояла теплая. Дрожа, я вышел на балкон, надеясь, что этот неестественный холод как-то сам уйдет, если я немного разомнусь.

Володя бегал вокруг корпуса. Он выглядел очень художественно. Как персонаж картин Дейнеки.

Его белые кроссовки выделялись на фоне тусклого утра очень ярко, и он несся со здоровой, сияющей, мальчишеской стремительностью.

Я вдруг подумал: вот бы мне стать таким, как он.

Я стоял и смотрел на него, а потом, когда Володя скрывался за корпусом – на зеленовато-синюю пустоту утра. Вдруг пошел дождь – теплый летний дождик. Просто замечательный!

Он окончательно разогнал холод, который я чувствовал проснувшись. Потом дождик превратился в дождь, впрочем, такой же теплый.

Кафельный пол на балконе стал мокрым и скользким, но мне почему-то нравилось стоять вот так. Я думал, Володя вернется, но он продолжал бегать под дождем. Теперь его белые кроссовки уже не были такими белыми.

Вернулся Володя очень радостным и бодрым, но совсем мокрым. Он скинул кроссовки, но его носки были такие грязные, что он все равно оставлял следы.

Я стоял на балконе и смотрел на него. Он сказал:

– Физкульт-привет!

Я сказал:

– Доброе утро. Иди погрейся, а то заболеешь. А пол я помою.

И вдруг Володя мне сказал:

– Знаешь, Жданов, что мне в тебе нравится? Такой ты добрый пацан, хоть и долбанутый. Ну помоги, раз взялся.

Вот такое у Володи сегодня было настроение.

Запись 66: Кормушка летом

Странности продолжаются. Ванечка подошел ко мне и спросил, умею ли я делать кормушки для птиц.

– Ну просто представляется, – сказал он. – Что ты так радостно делаешь кормушки!

Я ответил, что, конечно, я умею делать кормушки.

– Тогда давай сделаем кормушку, – сказал Ванечка.

Мне это показалось бессмысленным, ведь птицам нужна защита от ветра и дополнительное питание зимой, а не летом, летом тепло и всего вдоволь.

Я спросил:

– Зачем?

А Ванечка сказал:

– Ну надо. Кормушка нужна мне.

– Она должна быть нужна не тебе, – сказал я. – А птицам. Если она нужна тебе, то это пустая блажь.

Но я тут же смягчился, потому что меня тронуло желание Ванечки помогать птицам, хоть и в неположенное время.

– Я научу тебя делать кормушки, – сказал я. – Знаешь что, на ней ведь даже можно выжечь какой-нибудь рисунок, чтобы она была красивой!

– А как выжечь красиво?

– Это несложно. Рисунок может быть любой, его нужно заранее нанести карандашом. Вообще есть для выжигания специальный инструмент, но можно все сделать и лупой. Я тебе покажу как, научу. А ты подумай, что ты хочешь видеть на своей кормушке?

– Птиц, – сказал Ванечка. – И белок. Но я не очень хорошо рисую.

– Это почему?

– Это потому, что все так говорят.

– А тебе твои рисунки нравятся? – спросил я. – Когда ты смотришь на них, они тебе нравятся?

– Очень нравятся, пока мне не говорят, что они не очень.

– Тогда нарисуй такой рисунок, чтобы он тебе нравился очень сильно, и никому, кроме меня, не показывай.

– А вдруг тебе не понравится?

Я не могу сказать, что всеяден в искусстве. Например, я не понимаю абстракционизм. Но я был убежден, что рисунок моего нового друга мне понравится. Так я ему и сказал.

Тогда Ванечка принес мне свой альбом и стал показывать рисунки. Это очень необычные рисунки. Они не слишком

аккуратные, зато чувственные и эмоциональные. Когда Ванечка злится, у животных, которых он рисует, получаются злые морды. Когда Ванечка рад, его животные тоже радуются.

– Вот это злые волки, – сказал Ванечка. – Они всех съедят, у-у-у-у. Потому что они злые. А это совы. Много сов. Они задумались.

– А почему одна сова красная?

– Это она в крови. Она умерла. Ее убили.

– Кто?

– Андрюша.

Я засмеялся и сказал, что Ванечка дурак. Он сказал:

– Знаю, что дурак. Нравятся рисунки?

И мне они действительно очень понравились. Я сказал:

– Хотел бы я рисовать так, как ты. Я рисую очень аккуратно, но бездушно. Я бесталанен, а ты – нет. У твоих рисунков есть душа.

И Ванечка, кажется, очень обрадовался сказанному.

Запись 67: Новости из девчачьей комнаты

Я от природы довольно любопытен, но кроме того, считаю своим долгом быть в курсе происходящих событий.

Однако сегодня вечером произошло такое, за что мне стыдно – я подслушал девчачьи разговоры.

Дело было так: после ужина мы разошлись по палатам и стали готовиться к дискотеке. Вернее, в нашей палате никаких особых приготовлений не было, разве что сильнее обычного пахло Бориным лаком для волос. А вот девочки велели к ним не заходить, взяли с собой Милу и Диану и заперлись.

Я обнаружил, что мои чистые носки украдены Борей, и жизнь поставила меня перед необходимостью постирать вторую пару носков, ведь на танцах полагается выглядеть прилично и аккуратно (впрочем, как и где бы то ни было).

Взяв хозяйственное мыло, я отправился в душевую.

Далее, честное слово, все развивалось случайным образом.

Будучи человеком бдительным, я остановился у двери девчачьей палаты, когда услышал голос Дианы.

Дело в том, что Диана от природы обладает громким голосом, который мало что способно заглушить, а плюс к тому еще и не считает нужным контролировать эту свою особенность.

И хотя Диане, безусловно, было бы легко выступать с трибуны, в обычной жизни такой голос, скорее, вредит.

К примеру, вот что я услышал, поравнявшись с девчачьей спальней:

– Как это, что надо делать? Надо намалеваться получше, и лак с блестками! Он увидит, какая ты красопетка, и сразу влюбится. Главное, кидать загадочные взгляды. Как кошка смотрит!

Далее я услышал Валин голос, но слов не разобрал.

– Да ты что? Конечно, он купится! Они все покупаются! Им надо, чтоб ты была как конфетка! В этом плане мужики все одинаковые! Оди-на-ко-вые!

Эта сомнительная мудрость битой жизнью женщины, по-видимому, была почерпнута Дианой в семье. Не всегда семья влияет на человека благотворно.

Лично меня такой вывод очень оскорбил. Что значит, одинаковые? Вот есть я, и есть Боря, и мы совершенно разные, такие разные, как будто родились на противоположных концах Вселенной, а ведь мы одноклассники.

Валя сказала что-то еще, и в этот момент я вдруг понял, что речь может идти обо мне.

В конце концов, мама утверждала, что я нравлюсь Вале.

И Андрюша утверждал, что я нравлюсь Вале.

Сложно назвать мою маму знатоком девичьих душ, но вот Андрюша все время наблюдает за девочками.

Эта неожиданная (хотя и логичная при этом) мысль вызвала у меня смесь волнения, радости, ужаса и обиды. Сейчас я поясню:

1. Волнение – девочки говорят обо мне.

2. Радость – возможно, я нравлюсь одной из них.

3. Ужас – если я нравлюсь одной из них, я обязан буду проявить к ней ответные чувства.

4. Обида – Диана утверждает, что я куплюсь на яркую обертку, будто какой-то трехлетка.

Конечно, после этого я просто вынужден был прижаться к двери так, чтобы услышать по максимуму. Я еще не знал, как девочки общаются друг с другом без мальчиков. Оказалось, что они общаются грубовато.

Даже нежная и спокойная Мила говорила вещи вроде таких:

– Я знаю, он не семи пядей во лбу, но такой симпатичный, сил нет. Глаза! У него красивые глаза! Вот я бы себе хотела мальчика только с такими глазами.

– А ты не боишься, – спросила Диана, – что дети ваши будут дураки?

Мила сказала:

– Так не всегда бывает, я это уже прочитала. Это – генетика. Вещь очень непредсказуемая.

Фира сказала:

– Но все-таки более или менее предсказуемая. У жены папиного друга шизофрения, и у их сына шизофрения. Я не то чтобы отговариваю, нет. Ну, потанцевать с ним можно.

Я встал перед моральной дилеммой: сказать Ванечке о чувствах, которые испытывает к нему Мила, или нет?

С одной стороны, дружба требовала от меня решительных действий, с другой стороны, выдавать чувства девочки – определенно непорядочно.

Я решил молчать. Но, не скрою, что это решение дало мне моральное право и дальше слушать, что говорят девочки.

Диана сказала:

– Мужики любят яркие губы, потому что в древности, если у женщины были губы измазаны в ягодном соке, значит она была зоркой и умной. Могла найти ягоды и знала, какие съедобны. Понятно?

– Бред какой-то, – сказала Валя.

– Нет, вот так вот и было, я говорю!

Я хорошо представлял Диану с ее высоким хвостиком, перехваченным яркой резинкой, в ее короткой юбке, открывавшей загорелые коленки. Я представлял, как она стоит на кровати, высоко вскинув голову, и активно жестикулирует, усиливая свое красноречие.

Иными словами, она проводила агитацию.

– Вы слишком зашуганные, – говорила Диана. – У меня есть опыт, я два раза целовалась с Кирюхой, вы его не знаете. Но это не важно. Я вам вот что скажу. Вы все трое как бы овцы. А надо быть хищницами. Держать себя как бы. Вот эту всю свою внутреннюю…

– Интеллигентность, – сказала Мила.

– Да, ее. Внутреннюю интеллигентность, короче, надо припрятать. Потому что дискотека – это джунгли. Представьте, что это ваш последний шанс! Жизнь-то проходит! Жизнь!

– Да, – согласилась Фира. – Жизнь, судя по всему, очень скоротечна.

– Это может быть ваш последний шанс, бабоньки.

Меня всегда забавляло, что люди думают, будто мой язык абсолютно выхолощенный, заимствованный и искусственный. Все мы говорим словами, которые заимствуем у взрослых, и наделяем наши слова интонациями, которые заимствуем у взрослых, и даже наши мысли создаются из того, что было нами услышано от взрослых.

Так что Диана – искусственная конструкция не в меньшей степени, чем я. И точно так же подражает своей маме, тетушке или бабушке, как я подражаю книгам и брошюрам.

И в этом нет ничего обидного, наоборот, такие вещи показывают, что мы, люди, тесно друг с другом связаны. Между всеми нами протянуты невидимые нити. Прочитанная книжка связывает ребенка с писателем, просмотренный мультфильм – с режиссером и художниками, подслушанный разговор – с теми, кто его вел. Человек получается не сам по себе, а путем сложного взаимодействия со множеством других людей.

Это прекрасно. Это очень меня вдохновляет.

Но вернемся к Диане и девочкам.

Фира сказала:

– Мне кажется, мальчишки такого энтузиазма не испытывают.

И правда. В нашей комнате к предстоящей дискотеке относились спокойно. Даже Боря, которому явно нравилась Фира, не проявлял особенной нервозности. Дискотека не воспринималась нами как эпохальное событие, и все волнение, связанное с ней, в основном сводилось к тому факту, что мы

будем выглядеть глупо.

Я, кроме того, хотел увидеть Маргариту. Но только увидеть, честное слово!

Девочки же были настроены до крайности решительно.

– Значит так, – сказала Диана. – Держимся вместе, чтобы над нами не смеялись. Медляк обычно на пятой песне.

– На пятой? – переспросила Валя.

– Но потом, – сказала Диана. – Через каждые три песни. Но не обязательно каждый медляк танцевать с одним и тем же мальчиком.

– Как-то это легкомысленно, – сказала Фира.

– Да ладно, потанцуешь с Борей, потанцуй и с Володей!

– Я бы поостереглась, Боря темпераментный.

– Да их в этом возрасте еще ничего особо не интересует, – сказала Диана. – Они не знают, что такое серьезные отношения!

– Да и с кем еще танцевать? С Андрюшей?

– У Андрюши всегда потные ладошки, фу!

– А по-моему, он симпотный, высокий такой, – сказала Диана.

Валя сказала:

– А они вообще захотят танцевать?

– Скажу тебе честно, подруга, не особо-то они и захотят танцевать. Были б тут пацаны постарше. Но, короче, могу пригнать Кирюху. Ему тоже двенадцать, но он у меня на крючке. Сделка такая: вы нам конфеты купите, мы с ним разделим, а он с вами танцует, чтоб вы как лохушки не стояли.

– Нет, – сказала Мила. – Танцевать все-таки надо по любви.

– Ой, девочка-скрипачка, жизнь тебя еще научит.

– А можно мне розовые тени?

– Мила, у тебя какие глаза? Карие. Вот тебе точно нельзя розовые тени. Можно Вале.

– Подождите, – сказала Валя.

Я тут же отскочил от двери, но и Валя оказалась стремительной.

Я думал, увижу ее уже нарядной, но Валя была в своей обычной форме, только галстук развязан. Глаза ее, как это часто пишут в художественной литературе, метали молнии (теперь я понимаю это выражение).

– Ты что-нибудь слышал?!

– Нет, – сказал я. Это вырвалось у меня само собой. Я очень не одобряю ложь, но тут, к сожалению, невольно солгал.

Девочек в комнате я не увидел, дверь лишь немного приоткрылась, но я почувствовал сладкий конфетно-косметический запах.

Валя сказала:

– Ты – идиот.

И больно наступила мне на ногу.

Я оскорбился.

– Ты думаешь, если ты девочка, так можешь безнаказанно так со мной обращаться?

Валя сказала:

– С тобой кто угодно может обращаться как угодно. Ты ж шестера, Жданов.

И она захлопнула дверь.

Из-за двери снова послышался голос Дианы.

– Ты на нее поплюй просто, а потом щеточкой, щеточкой побольше набери! Но ресницы надо разлеплять будет.

Я, преисполненный праведного гнева, пошел по своим делам – стирать носки.

Бессовестная девица эта Валя!

Запись 68: Советы Жоржа

Перед дискотекой мы с Андрюшей встретили Жоржа. Мы выдвинулись помочь украсить зал (дискотека должна была проходить в столовой), но Жорж остановил нас.

– Слышал, господа, у вас сегодня танцы?

Я сказал:

– Какие мы вам господа? У нас все – товарищи.

– Товарищи, товарищи, – легко согласился Жорж. – Это ваши первые танцы?

– Да, – сказал Андрюша. – Это наши первые танцы.

Жорж неторопливо закурил, стряхнул со спички огонек.

– Да, – сказал он. – Как сегодня помню свои первые танцы.

Я сказал:

– Нам с Андрюшей надо идти. Нужно украсить зал, а то осталось только полтора часа.

– Полтора часа – это целая жизнь, – сказал Жорж. – Имей терпение, Арлен. Терпенье и труд все перетрут, ну и далее по тексту.

Я вздохнул.

– Но вы ведь не о терпении хотели поговорить, да?

– Да, – сказал Жорж. – Я хотел дать вам пару бесценных советов.

Вот его советы:

1) Держитесь так, будто вы в своей тарелке, и ходите на танцы каждый день. Уверенность красит мужчину более всего на свете.

(Хотя никто не может быть таким уверенным, как Жорж.)

2) Если вам нравится какая-то конкретная девочка, не стоит сверлить ее взглядом до объявления медленного танца. Лучше подойти неожиданно, чтобы она не успела решить, хочет ли она танцевать с вами.

(Хотя с таким человеком, как Жорж, хочет потанцевать каждая.)

3) Обязательно почистите зубы перед дискотекой, даже если уже чистили их утром. По возможности, раздобудьте леденцы или жвачку.

(Но Жорж, конечно, никогда не сталкивался с проблемой запаха.)

4) Не смейте рассказывать анекдоты!

(Потому что удачные анекдоты знает только Жорж.)

5) Во время медленного танца лучше всего загадочно молчать, прижавшись носом к ее виску.

(Но если вы наделены красноречием Жоржа, то можно сказать невинный комплимент вроде: твои глаза… они прекрасны. Многоточие символизирует многозначительную паузу.)

6) После окончания танца нужно поблагодарить девочку.

(Или поцеловать ей руку, если это получится сделать таким же изящным образом, как делает обычно Жорж.)

7) Затем необходимо удалиться и в следующий раз пригласить уже другую девочку.

(Потому что ревность возбуждает страсть, во всяком случае, Жорж с высоты своего опыта считает именно так.)

Я в очередной раз убедился в том, что подобные глупости меня не интересуют, и участвовать в них я не имею никакого желания.

Однако же, я вежливо поблагодарил Жоржа за советы, и мы с Андрюшей пошли украшать зал.

Сейчас мы уже все украсили, вышло очень красиво и празднично, с шариками и такими замечательными гирляндами, которые называются «Московский фонарик». Их нам пожертвовал из своего личного фонда сам Эдуард Андреевич.

В санатории прежде никто не устраивал танцы для детей, поэтому персонал на добровольной основе дал нам довольно много украшений, в основном новогодних. И когда мы все украсили, я вдруг почувствовал себя в середине зимы.

Но получилось, в самом деле, здорово. Я очень надеюсь, что наш труд всем понравится.

Запись 69: Сама дискотека

Насчет того, как прошла сама дискотека – произошло столько всего, не знаю, с чего начать. Было и хорошее и плохое, и вечер получился совершенно сумасшедшим. Надо собрать все мысли.

Для начала по поводу нашего труда – всем очень понравилось.

Конечно, украшения получились у нас эклектичные: воздушные шарики и новогодние, дождики и гирлянды, банты и даже ракушки на шторах. Все это в отдельности было, определенно, красиво. Все вместе представляло собой некий хаос, но имело и особое очарование, в наибольшей степени, как мне кажется, для детей.

Я все еще доволен нашей с Андрюшей работой, хотя и посмотрел на нее со стороны.

Были некоторые объективные недостатки: разнородность украшений, не очень удачное их расположение, отсутствие цельной композиции.

Общая картинка не поражала воображение, но зато была симпатичной и привлекала внимание. Девочки обрадовались, а Диане, по-моему, все это и вовсе показалось совершенным.

– Вот это отпад! – сказала она.

А лично мне больше всего нравилась все-таки большая и красивая красная звезда на стенном выступе над стойкой раздачи еды. Она висела там с самого начала, и мы ничем ее не украшали, но вытерли пыль, и звезда засверкала красным, праздничным цветом с яркими переливами, свойственными толстому стеклу.

Что касается девочек, они оказались такими же эклектичными, как и интерьер нашего зала.

Я никогда не видел наших девочек, одетых так празднично, но при этом неофициально. Они немного напоминали елочные игрушки. Почти на всех были пышные красивые юбки и блузки с рукавами. Не всегда юбки и блузки сочетались по цветам и не всем подходили по размерам.

Только Диана была в желтых брюках с широким поясом, и выглядела поистине предводительницей девочек.

Она же была ярче всех накрашена, поэтому Максим Сергеевич и Эдуард Андреевич, несмотря на всю их толерантность к выходкам некоторых, отправили Диану смывать макияж.

Все девочки сделали себе одинаковые начесы. Вернее, я полагаю, прически умел делать кто-то один. И из-за того, что волосы их были взбиты и поставлены одинаково высоко, в жизни не слишком-то похожие Фира и Мила напоминали сестер.

Девочки сияли и сверкали, и я подумал, что этот праздник, главным образом, для них. Но меня это вовсе не обидело, наоборот. Я был рад, что у нас с Андрюшей все получилось.

Я сказал:

– Мы поработали очень хорошо.

Андрюша сказал:

– Хорошо, что мы поработали очень хорошо. Теперь давай стоять у стены все это время.

– Давай, – сказал я.

Эдуард Андреевич быстро ушел, но зато за нами вызвалась присматривать мама Ванечки и Алеши.

Ванечка сказал:

– Ничего себе! Красиво!

А Алеша сказал:

– Все замечательно блестит.

На Алеше был забавный красный галстук-бабочка в белый горошек. Он придавал ему несколько клоунский вид, но я не решился об этом сказать.

Мы с Андрюшей и Максимом Сергеевичем растащили все столы и стулья в стороны, чтобы освободить место для танцев, и теперь Ванечкина мама перевернула себе один из стульев, которые мы сгрудили у окна, села, сняла желтые туфли и принялась разминать ногу.

– Ну, – сказала она, – хорошо вам повеселиться. Ты Арленчик, да? Хорошенький такой!

Я зарделся (по ощущениям).

– Спасибо, – сказал я. – Нравится вам тут?

– Ну да!

– Как зовут твою маму? – тихо спросил я Ванечку.

– Тоня, – сказал Ванечка.

– Нет, – сказал я. – Для меня она Антонина… а отчество?

Но как я ни старался, ничего не смог добиться от Ванечки. Алеша же сказал:

– Антонина Алексеевна.

Еще Алеша сказал:

– Если честно, не знаю, что я тут делаю.

– Иди-иди, Лешка, – сказала Антонина Алексеевна.

Я спросил:

– А вы правда нашли Ванечку в лесу?

– Правда-правда, – сказала Антонина Алексеевна и засмеялась, запрокинув голову.

И я убедился в том, что это неправда.

– Если тебя нашли в лесу, – сказал я Ванечке, – то как так вышло, что вы с мамой так похожи?

– Ну просто похожи, и всё, – сказал Ванечка.

– А мама правда нашла его в лесу, – сказал Алеша. – Серьезно тебе говорю, Арлен, так все и было.

Ни на грамм я не поверил!

Володя и Боря тоже выглядели всем довольными. Хотя сами танцы смущали и их.

Если честно, мы не знали, что делать, пока девочки бесятся. Андрюша сказал:

– Нужно стоять у стены и ждать, когда это все закончится.

Казалось, он готов заплакать.

Меня танцы не приводили в такое отчаяние, однако я ощущал собственную нелепость, неловкость и неспособность справиться с ситуацией. Боря сказал:

– Ничего интересного.

Володя сказал:

– Нет, подожди, прикольно еще будет.

Я сказал:

– Да?

– Но не для вас.

– Для вас в этой жизни вообще ничего прикольного не будет.

– Потому что вы лохи.

– А лох – это судьба.

Я испытал злость на Володю. Мне казалось, после его пробежки мы хорошо пообщались.

Но Володя выглядел непривычно взвинченным. Я подумал, может, ему кто-то нравится, но это, конечно, были глупости. Вряд ли такой состоявшийся человек, как Володя, мог переживать из-за подобных вещей.

Музыка играла разная, но я небольшой специалист по истории музыки.

Я знал, что некоторые песни были написаны еще в тридцатых годах двадцатого века (такие по тональности голосов, мелодии и словам нравились мне особенно сильно), а некоторые – в конце восьмидесятых (такие песни мне совсем не нравились, казалось, что они звучат грубовато).

Разные песни, соответственно, располагали к разным танцам, но мы совсем не умели танцевать.

Собственно, поэтому мы и не танцевали, но слушать музыку было приятно.

Что касается девочек, они получали истинное удовольствие от происходящего. Девочки легко подстраивались подо всякую песню, и, хотя их телодвижения лишь условно можно было назвать танцами, выглядели они весьма гармонично.

Андрюша сказал мне:

– Красивые.

Я сказал:

– Да, прямо цветник.

И мгновенно почувствовал себя куда более взрослым и умудренным опытом человеком, чем я на самом деле являюсь.

Наверное, ради этого все и затевалось.

Когда стало жарко, Максим Сергеевич и Антонина Алексеевна вдвоем сумели приоткрыть высокое, почти во всю стену окно, которое вело на широкую площадку с лестницей. По-моему, Антонина Алексеевна, обладавшая крайне стройной и тонкой фигурой, даже выскользнула через эту небольшую щель, чтобы покурить на площадке, а Максим Сергеевич с тоской посмотрел ей вслед. Потом он подошел к нам и предложил апельсиновый сок.

– Я предложил вам так, со скуки, – сказал он.

И мы тоже от скуки согласились.

Нас было немного, а потому зал казался очень просторным. Ванечка бегал, нарезал круги, залезал под столы и смотрел оттуда волком. Боря и Володя все время куда-то отлучались и возвращались всякий раз веселее прежнего.

В конце концов Боря даже подошел к девчонкам, приобнял Фиру и Валю. Он принялся что-то им рассказывать.

Тогда-то я и понял: Боря пьяный.

Я подошел к нему и спросил:

– Ты что, пил?

Боря засмеялся, и я ощутил кисло-сладкий запах плохого вина. Он сказал:

– Ты чего от стены отлип, крошка политрук? Иди давай, не порти нормальным людям вечер.

Я сказал:

– Это очень серьезное нарушение.

– Ты у мамки твоей очень серьезное нарушение, – сказал Боря.

Я не обиделся на него, ничуть. Во-первых, Боря был пьяный. Во-вторых, Боря был Борей.

Однако моей обязанностью оставалось доложить обо всем куратору, что я и сделал.

Я сказал:

– Максим Сергеевич, Шиманов пьяный.

– Который?

– Я думаю, что оба.

Я огляделся, но Володи не заметил. Володя и Боря часто делали одни и те же плохие вещи, но Боре доставалось, а Володя почти всегда умудрялся избежать наказания.

– Борю вижу, – сказал Максим Сергеевич. – Пьяный?

И тут Боря самым идиотским образом упал, девочки засмеялись, принялись его поднимать, он замахал руками, засмеялся, выдал громкое, громче музыки:

– Да все в поряде! Сейчас-сейчас!

Щеки и уши у него сильно раскраснелись, координация нарушилась. Все было очевидно.

Максим Сергеевич подошел к Боре и что-то ему тихо сказал.

В ответ Боря громко засмеялся.

– Да ну на «хуй», – сказал он. Тут Максим Сергеевич не выдержал и схватил его за ухо.

– Ах ты черт мелкий! – сказал Максим Сергеевич, и девочки засмеялись.

Мне почему-то вспомнилось, что маленькие свинки действительно очень похожи на чертят с картинок.

Хотя, конечно, стоит отметить, что и взрослых чертей часто ассоциируют со свиньями.

– Где? Где? – спрашивал Максим Сергеевич. – Где достал? Где успел?

Он вывел Борю из зала, дальше они, видимо, о чем-то напряженно беседовали.

Потом Максим Сергеевич вернулся, сказал:

– И чтоб я тебя тут не видел! Это не для тебя праздник, хулиган!

Дверь он захлопнул так, что девочки вздрогнули.

– Продолжайте, продолжайте! – сказал Максим Сергеевич, все еще раздраженный. – Веселитесь, пожалуйста!

Он еще сказал Антонине Алексеевне:

– Эти Шимановы совсем обалдели. Думают, если папочка в Космос летает, так они что хотят могут творить.

Антонина Алексеевна засмеялась. Как же она много смеется!

Мы с Андрюшей так и стояли у стены, иногда мимо нас проносился Ванечка, останавливался и говорил:

– Обожаю танцы!

Мне все время хотелось сказать Ванечке, что с ним хочет потанцевать Мила, но я держался.

Андрюша сказал:

– Девочки так блестят. И уже, наверное, вспотели.

Я сказал:

– Не знаю. Но музыка мне нравится.

– Ты думаешь, мы правда как лохи стоим?

– Глупое слово. И не очень хорошее. Мы просто не пьяные и не девочки, и не любим танцы.

Тут к нам подошла Фира.

– Ой! – сказала она. – Ребята, а в Космосе-то есть танцы?

– Есть, – сказал я. – В Космосе есть все.

Фира протянула к нам руки. Ее бледные кисти раскраснелись, казалось, будто у нее началась легкая аллергия на блестки, которыми она покрыла руки.

В ярком свете блестки отчаянно переливались, но на красных пятнах смотрелись немного жутковато.

– Так, – сказала она. – Мне надо прихорошиться.

Фира показала нам коробочку теней в виде рыбки.

– Видишь, Андрюшенька, тут два цвета, синий и зеленый. Красиво?

– Красиво, – сказал Андрюша.

Я сказал:

– Фира, ты же не пьяная?

Я сделал шаг к ней, Фира не отступила, а только вскинула брови.

– Не пахнет, – сказал я. Фира махнула на меня рукой.

– Ой, ну тебя. Испортил Борьке праздник, да? Вот тебе достанется!

Я это знал. Но следует принимать невзгоды жизни терпеливо и смело. И нельзя пасовать перед опасностью.

Впрочем, человек, который написал эту фразу, покинул зал, когда заиграл первый медленный танец. Мне очень не хотелось выглядеть неловко.

Расскажу, однако, вот о чем: когда свет выключили, мы с Андрюшей увидели, насколько на самом деле красиво украсили зал. По-настоящему ярко загорелись «московские фонарики» и другие гирлянды, и все засверкало.

Разноцветные огоньки окружили нас, в темном пространстве они казались далекими звездами, кусочками Космоса, до того странными, до того сказочными, но вполне реальными.

В этой темноте я совсем потерялся. Огоньки блистали вокруг, верещали девочки, играла музыка, бегал Ванечка.

Мне стало душно и волнительно, и я, последовав недавнему примеру Антонины Алексеевны, проскользнул в приоткрытое окно на площадку.

Впрочем, может, сто́ит это окно, если оно ведет на площадку, назвать балконной дверью? Не знаю.

Вечерний воздух показался мне прохладным и свежим. Меня встретили другие огоньки – белые огоньки звезд, рассыпанных на низком ночном небе.

Мне вдруг стало чего-то очень жаль, но я не понимал, о чем жалею, просто дыхание перехватило.

Ах, как мы красиво украсили зал, как здорово!

Я увидел Найду. Она лежала у мусорных баков и кормила щенков. Я решил подойти к ней и поздороваться, но не стоило мне спускаться. Первое ЧП вечера. Вот что случилось дальше:

– О, какая встреча, господин стукач, сэр!

Боря затянул меня под лестницу и сказал:

– Ну привет.

От него все еще пахло алкоголем. И, по-моему, пахло даже сильнее.

Я сказал:

– Ты это заслужил.

Под лестницей было довольно грязно, в темноте белели большие, обглоданные говяжьи кости.

Боря сказал:

– Бедный ты, бедный, лох педальный, никто тебя, кроме меня, жизни не научит.

Получилось у него до того театрально, что я даже восхитился, а потом Боря ударил меня в живот.

Он быстро и больно пнул меня по коленям, и я упал на землю. Мелкие камушки впились в колени, я сразу пожалел о брюках, вдруг повредятся.

А потом Боря достал фонарик, схватил меня за волосы и стал светить мне в глаза.

– Света боишься, боишься, да? Боишься теперь, больно?

Голову тут же пронзила сильная, острая боль. Со мной теперь такое случается, если я слишком долго смотрю на солнце. Но от фонарика боль оказалась сильнее и глубже.

– Знаю, больно, – сказал Боря почти ласково. – Это потому что ты, дурочка тупенькая, ничему не учишься.

От света и боли я страшно растерялся.

– Значит так, – сказал Боря. – Слушай-ка сюда. Сейчас пойдешь к Максе и попросишь пустить меня обратно, понял?

Фонарик на секунду потух, все залило красным, потом я увидел лицо Бори. Оно стало совершенно дьявольским – злой, зубастый Боря. Тем сильнее был контраст с очаровательной, смазливой внешностью, которой наделила его природа.

– Нет, – сказал я. – Это ты неправ, а не я. Я ничего делать не буду.

– Нет, будешь делать, что я говорю. Всегда делал, и сейчас будешь! Знаешь, почему ты отказываешься? Не от того, моя бедная детка, что ты такой смелый! Ой, не от того!

А я подумал, как бы отстраненно, почему я, правда, не сопротивляюсь? Я ведь мог бы, я сильный. Однажды я так схватил Борю за запястье, что синяки не сходили неделю.

Недостойное солдата поведение, без сомнения, решил я. И со

всей силы боднул головой Борю в живот. От неожиданности он пошатнулся и упал. Некоторое время мы дрались, потом я сильно ударил его головой о землю и тут же вскочил на ноги.

– Боря! Ты в порядке, Боря?

Я протянул Боре руку. Взгляд у него был затуманенный. Боря, вместо того, чтобы принять мою помощь, уперся грязным ботинком мне в грудь, поелозил, пачкая белую рубашку.

– Глупышка, – сказал он. – Сам не знаю, чего я от тебя хочу.

– Думаешь, я на тебя управу не найду?

– Народы всего мира солидарны с твоей борьбой! А ты найди!

Он засмеялся, я схватил его за ногу, сжал, как мне показалось, больно его лодыжку.

– Убери свои грязные…

И тут Боря вытащил из кармана складной нож, поддел лезвие, и оно блеснуло в темноте, как клык животного.

Я сказал:

– Это несерьезно.

Он сказал:

– А то! Это я так прикалываюсь, не бойся!

Он так и лежал, рассматривая лезвие ножа.

– Ты, кстати, как считаешь, могу я «ебануться» после всей это медицинской «хуеты»? Я думаю, я могу «ебануться». Еще как. Вставай, короче, на колени.

– Я тебе не верю.

– Ладно, – сказал Боря, а потом резко сел, подался ко мне, и лезвие уткнулось мне в живот так, что стало больно. Я посмотрел, нет ли крови. Крови не было.

– Встань на колени, – сказал Боря. – И извинись.

Я посмотрел на лезвие, оно блестело, потом посмотрел на Борю, он тоже весь сиял. Потом я встал на колени и сказал:

– Извини меня, хотя, конечно, я не виноват.

Боря тоже встал на колени, разглядывая меня, теперь наши лбы почти соприкасались.

– Ой, блин, какой ж ты упрямый, – сказал Боря и встал. Лезвием он дотронулся до моего лба.

– Настоящий рыцарь, – сказал он.

– Рыцарей посвящали мечом, – сказал я. – И касались плеч.

Боря кивнул, улыбнулся, показав мне зубы.

– Умница.

И прикоснулся лезвием к моему правому плечу, надавил, на этот раз ткань треснула, кожа поддалась, и выступила кровь.

– Служи теперь, – сказал он. – Как собака. Сделай лапки.

Приглушенно доносилась музыка, белели кости, впивались в колени камушки.

– Давай, – сказал Боря. – Как собачка.

В этом было что-то такое детское и одновременно такое неправильное. Я медлил, и Борин нож сильнее уткнулся мне в плечо.

– Я могу терпеть, – сказал я.

– Я знаю. Могу тебе руку пилить, а ты будешь терпеть, – сказал Боря. – Это так тупо, но вот такой вот ты человек.

– Ты всегда говоришь так, словно ты на сцене.

– Жизнь – это мюзикл. Хочешь споем?

Я сказал:

– Если я это сделаю, ты отстанешь?

– Хорошая это в жизни позиция. Отстану.

Я вытянул руки.

– Нет, – сказал Боря. – Руки чуть согнуты. Вот так.

Он сам все сделал, как ему надо.

– И не надо делать такой скучающий вид. Пальцы согни.

– Ладно.

Это было не слишком удобно, запястья даже болели.

– Служишь? – спросил Боря.

Я кивнул.

– Служи.

Так мы стояли некоторое время. Мои колени болели, и я думал о пистолете для забоя скота. Я не знал, где Боря прячет его, а неизвестность – пугает. Вдруг он прячет его здесь, в таком укромном месте? Объективно: тайник хороший. Вдруг, думал я, прямо сейчас Боря выудит его откуда-то из темноты? Тогда он прижмет дуло к моему лбу и будет смеяться. А я ведь так и буду стоять на коленях, мне не хватит духу среагировать, или я не соображу, что нужно делать. Стержень пробьет мой череп. Все это случится со мной, потому что я это заслужил. Боря скажет, что я – послушная скотина. И выстрелит. Блестящий в темноте серебряный пистолет, стержень в голове, Борин смех. Все эти образы заполняли мою голову, и я все ждал Бориных слов, я ждал, что он скажет что-то вроде:

– А теперь я тебе кое-что покажу, тупая ты скотина! Это будет наш с тобой главный номер!

Но Боря сказал только:

– Надоело.

Я сказал:

– Хорошо.

Он ушел, а я еще некоторое время стоял на коленях под лестницей, среди белеющих костей, сложив лапки, как цирковой пудель.

Мне почему-то очень сильно захотелось заплакать, но я

подумал, что если заплачу, вечер будет окончательно испорчен. И я принял необычайное для себя решение – вернуться на дискотеку.

Я поднялся по лестнице, почему-то совершенно не опасаясь Бори, зашел в ярко освещенный зал, и тут свет погас, как назло, снова! А потом произошло второе ЧП.

Отчего я бежал, к тому и вернулся.

Медленный танец.

И я увидел ее – самую красивую девочку на свете, Маргариту.

Они с Володей вошли через главный вход. На Маргарите было удивительно красивое белое платье. В темноте она походила на призрака. Ее золотые волосы рассыпались по плечам. В свете «Московских фонариков» и других гирлянд Маргарита и вовсе казалась феей. Она жевала жвачку и надувала пузыри.

А я был весь грязный, в порванной рубашке, с пятном крови на плече, чумазый, совершенно жалкий.

Под лестницей я минут десять стоял на коленях, как дрессированная собака.

У меня болели запястья.

А она надувала такие огромные, такие цветные в этом свете пузыри. Володя вел ее под руку, а потом они остановились в центре зала.

– Какая красивая пара, – сказала Диана. Я увидел, что она танцует с Андрюшей. Диана сказала Андрюше:

– Зря Боря говорит, что ты лох педальный. Ты, по-моему, высокий такой и красивый.

Андрюша явно выглядел растерянным, глаза у него были, что называется, по пять копеек.

Я закрыл глаза и вздохнул. Этот вечер не мог стать хуже.

А потом ко мне подошла Валя. Сначала я ее не заметил, ведь глаза у меня были закрыты, и она встряхнула меня.

– Потанцуй со мной, – сказала Валя. Прозвучало довольно грубо и безапелляционно.

– Я упал, – сказал я. – Весь грязный.

Она сказала:

– Это ничего.

Я аккуратно взял ее за руку, и мы пошли туда, где танцевали Володя с Маргаритой и Андрюша с Дианой.

– Тебе не неприятно? – спросил я.

– Было бы неприятно, я б не пригласила, – буркнула Валя.

Мы развернулись друг к другу, и я взял Валю за плечи. Она тоже положила руки мне на плечи, я поморщился от боли, и она отдернула правую руку.

– Ой, прости.

– Ничего, – сказал я. – Ты очень красивая.

Валя нацепила на себя браслеты из бисера, две пары бус и четыре колечка. На ней была пышная розовая юбка, и я почему-то вспомнил, как красиво она катается на коньках.

– Правда так думаешь? – спросила Валя. – Или научил кто?

– Правда так думаю, – сказал я. Глаза ее распахнулись, а потом она почти сразу отвернула голову.

– Понятно, – сказала Валя.

Песня играла тоже очень красивая, я такой не знал. Мы молчали.

Бегали по кругу Мила и Ванечка. Кажется, Мила его догоняла. Ванечка кричал:

– Не хочу танцевать!

Мила, вероятно, очень упорная девочка.

– Не бегай, Ванечка! – кричала Антонина Алексеевна. Алеша спал на двух приставленных друг к другу стульях.

В песне пелось о любви, но слова я сейчас почти забыл. Я смотрел на Валю, и ее глаза вдруг показались мне почти совсем прозрачными – надо же, какой необычный цвет.

Не то чтобы мы танцевали очень хорошо. Скорее, переминались с ноги на ногу. Но еще никогда я не был с девочкой так близок. Она странно пахла, пóтом, но более нежно, не как мальчишки, а еще поверх пота – чем-то сливочным и цветочным одновременно, будто розу опустили в сгущенку.

А потом она меня поцеловала. Подалась вперед резко, как будто хочет стукнуть, и прижалась губами к моим губам.

И в тот момент я пожалел, что, когда она плакала на кушетке перед первой процедурой, я ее не утешил.

Я крепко обнял Валю, и мы стояли вот так. Ее губы были очень горячими.

Потом она сказала:

– Мне надо подышать.

Я сказал:

– Тебе не понравилось?

Она отправилась на площадку, а я последовал за ней. Мы протиснулись в приоткрытое окно, оказались в ночной прохладе. Валя подошла к перилам и остановилась, я встал рядом с ней. И вдруг мне показалось, что мы взрослые.

Вернее, что мы могли бы быть взрослыми. Она развернулась, локтями оперлась о перила, задрала голову и сказала:

– Не думай, ничего серьезного.

– Мне было с тобой очень хорошо, – сказал я.

– Не привыкай.

Я сказал:

– Но я думаю, я тебе не подхожу. Ты такая хорошая, сильная и волевая девочка. А я…

Тут я осекся, не зная, как продолжить.

– Наверное, я сумасшедший.

И тогда Валя сказала замечательную вещь.

Она сказала:

– Тебя с детства готовили к тому, что тебе причинят очень много боли, а потом ты умрешь. Конечно, ты сошел с ума. И я сошла с ума. Мы все сошли с ума, только по-разному.

Она снова развернулась к перилам, посмотрела на небо, потом плюнула вниз.

– Мы все здесь безумны, – сказала Валя. – Как в «Алисе в стране чудес».

И мне стало так хорошо и приятно, так тепло. Я попытался взять ее за руку, но Валя ударила меня по руке.

– Не зазнавайся, сказала же.

Музыка еще играла, и я увидел Фиру и Борю. Они танцевали на улице, в отголосках музыки, и совсем не так, как мы. Боря прижимал к себе Фиру за талию, крутил ее по-всякому, а она смеялась.

– Мадам! – говорил он. – Жаль только я покину вас, когда закончится музыка!

– Это еще почему? – спросила Фира.

– Потому, – сказал Боря. – Что я сегодня здесь, а завтра там.

Они тоже играли во взрослых, и со стороны это выглядело смешно. Боря притянул Фиру к себе, и это у него вышло, как мне показалось, совершенно так, как сделал бы товарищ Шиманов со своей женой.

– Сейчас засосутся, – сказала Валя.

Фира засмеялась, я даже услышал эхо. Они бы, наверное, и правда, поцеловались. Но тут произошло третье ЧП.

Фира вдруг обмякла. Сначала я подумал, что она притворяется и играет. Видимо, Боря тоже так подумал, потому что он засмеялся.

А вот Валя сразу сказала мне:

– Надо к Максе!

Мы побежали в зал, схватили Максима Сергеевича, стали говорить, что Фира потеряла сознание. Музыку так и не выключили, но вокруг нас сразу все столпились.

Максим Сергеевич побежал вниз, а мы побежали за ним.

Фиру отнесли в особое медицинское крыло, куда не пустили Антонину Алексеевну, Ванечку, Алешу, Милу, Маргариту и Диану.

А мы стояли в белом коридоре и ждали.

Максим Сергеевич спросил:

– Что ты такой грязный, Жданов?

Я не стал говорить. Боря стоял, тесно прижавшись к двери, слушал. Когда Эдуард Андреевич распахнул дверь, Боря прямо на него и упал.

– Осторожнее, Шиманов. С Кац все в порядке, просто немного ослабла. Такое бывает.

– Она долго в себя не приходила!

– Но все ее показатели сейчас в полном порядке. Это кратковременное помутнение.

Боря кусал губы, мы смотрели на Эдуарда Андреевича, Максим Сергеевич ожесточенно тер виски.

А потом из процедурной вышла и сама Фира. Она помахала нам и сказала:

– Привет, ребята.

И улыбнулась.

– Вы так волновались.

Будто бы это удивительно!

Вот как закончилась дискотека.

Запись 70: Мясная ночь

Все-таки я подумал и решил, что надо написать еще и о том, как закончилась эта странная ночь.

Никто не гнал нас спать. Мы сидели у Фиры в номере: девочки праздничные и в блестках, мальчики в серьезных костюмах. Я был особенно ужасен на вид: с земляным пятном на груди и кровавым пятном на плече.

Фира лежала на кровати, ее рука самым драматичным образом свешивалась вниз. Рука, покрытая блестками, совсем еще детская, бледная и в красных пятнах.

Впрочем, красные пятна постепенно сходили на нет.

Боря и Валя сидели на кровати Фиры, Валя гладила ее по голове, а Боря, кажется, был раздражен.

Я думаю, он хотел ее поддержать, но волновался и злился оттого, что не знал как.

Мы с Володей и Андрюшей сидели на Валиной кровати. Володя очень по-взрослому сцепил руки в замок. Андрюша выглядел крайне обеспокоенным. Я, наверное, тоже.

Я все повторял:

– Ты уверена, что приходишь в себя?

А Фира терпеливо отвечала каждый раз одно и то же:

– Да, Арленчик, мне уже лучше.

Танцы закончились, итог их был странным. Но остались девочки и их блестки, высокие начесы, праздничные костюмы.

Андрюша сказал:

– Если честно, я утащил одну гирлянду.

– Что? – спросил я.

– Я утащил одну гирлянду, – сказал Андрюша. – Не знаю, зачем я это сделал. Но я так сделал. Хочешь, украсим твою комнату, Фира?

– Надо немедленно сообщить, – сказал я, а потом осекся.

– Вот-вот, – сказала Валя. – Идите за своей гирляндой.

Мы с Андрюшей развесили гирлянду над кроватью Фиры, приклеили ее скотчем, сложив в волну. Володя выключил свет, и Фира теперь лежала под прекрасными огнями, совершенно новогодняя.

Под этим ярким, разноцветным светом она выглядела почему-то еще более нездоровой.

– Мне так нравится, – сказала она. – Очень красиво.

Огоньки переливались, гасли и загорались снова.

– Какое все новогоднее, – добавила Фира. – Прямо праздник.

Володя сказал:

– Ну! Такая ты фея зато теперь.

– Я – фея.

– Просто сказочная, – сказал Боря.

– Так грустно, что ты болеешь, – сказала Валя.

– Ну, на самом деле, не то чтобы мне нужно какое-то особое внимание, – сказала Фира. – Все идет так, как должно.

– Да, – сказал Володя. – Просто если бы сознание потерял дрочер, всем было бы плевать. Да, мокрая лапка?

– Да, – сказал Андрюша.

– Хорошо быть девочкой, – сказал Фира.

Валя сказала:

– Да, особенно такой хорошенькой.

– Ты правда так думаешь?

– Да, – сказала Валя. – Все так думают. Ты прехорошенькая.

Я сказал:

– И большая умница.

Фира сказала:

– И стихи люблю. А стихи вы мне почитаете?

И мы стали читать ей разные стихи, грустные и веселые. Я читал стихотворение Я. В. Смелякова под названием «Кладбище паровозов». Это очень грустное стихотворение. Кажется, будто оно об отживших свое, заржавевших паровозах, но на самом деле оно о людях и бесконечности принесенных ими жертв.

Меня это стихотворение очень трогает. Я люблю людей, героев, и механизмы, и поезда.

Только не люблю кладбища.

Особенно меня трогает вот этот отрывок:

> Шапку сними, товарищ,
> Вот они, дни войны.
> Ржавчина на железе,
> Щеки твои бледны.

Я очень хорошо прочувствовал это стихотворение. Фира – мой тот самый товарищ, чьи щеки были так бледны. И в этот раз стихотворение по-особенному меня задело, хотя оно и так мое любимое. Я понял его глубже, будто я повзрослел.

Не было с нами многих друзей: Ванечки, Милы, Алеши, Дианы.

Но они и не могли понять того, что было сейчас между нами.

Хотя, может быть, смог бы Ванечка. Мне так кажется. Он очень чувствителен к людям, и его сердце открыто.

Пришел Максим Сергеевич. Он открыл дверь ногой, в руках у него был пропитанный розовым соком бумажный пакет.

– Орлы! – сказал он. – Эдуард Андреевич сказал, что Фире надо бы подкрепиться. Вот я и для вас взял.

– Я люблю есть ночью, – сказал Андрюша.

Максим Сергеевич выдал нам по куску мяса в бумажной обертке.

Я сказал:

– Я так не могу, мне нужны тарелка, вилка и нож.

– Ой да ладно, Жданов, – сказал Боря. – Не вые…

Тут он сделал многозначительную паузу, посмотрел на Максима Сергеевича и сказал:

– Не выеживайся.

– Да, – сказал Максим Сергеевич. – Поддерживаю предыдущего оратора.

Фира тут же вгрызлась в свой поздний ужин, она выглядела очень голодной. Ее руки в блестках и розовом соке крепко сжимали кусок мяса. Чуть помедлив, Андрюша тоже вцепился зубами в мясо, а потом его примеру последовали и все остальные.

А я смотрел на красную говядину в моих руках.

Вряд ли я мог стать еще грязнее.

Кроме того, я чувствовал себя голодным.

Запах мяса совсем перестал отвращать меня. Даже наоборот, я улавливал приятный, возбуждающий аппетит аромат.

Боря протянул руку, надавил мне на голову.

– Да ешь ты, не отрывайся от коллектива.

Да, подумал я, ни в коем случае не следует отрываться от коллектива.

Тем более, если я так хочу есть, то ничего страшного.

И я тоже принялся рвать мясо зубами, как какой-нибудь голодный зверек. Должно быть, выглядело все это странно и отвратительно. Максим Сергеевич стоял у двери и смотрел в сторону.

Мне очень захотелось «Крем-соды», моей любимой газировки, но Максим Сергеевич принес только сок в большой банке. Его мы и стали пить, без стаканов, просто передавая банку по кругу.

Я чувствовал себя из-за этого большим хулиганом.

Максим Сергеевич сказал:

– Дети-дети.

Фира спросила:

– Вы волновались?

– Да, – сказал Максим Сергеевич. – Случись что, и это мне объясняться перед твоим отцом.

Мои руки были липкие от розового сока, и вообще мне хотелось помыться, но в то же время я боялся оставить Фиру одну.

Вдруг моему товарищу станет плохо!

Моему бледному товарищу!

Так мы просидели с ней почти до самого рассвета, зевали, мало что говорили, совсем не смеялись и очень устали. Максим Сергеевич нас не выгонял, он так и стоял у двери, будто сторожил нас. Только когда Фира уснула, мы с ребятами вернулись в палату.

Боря, Володя и Андрюша легли спать, не помывшись, что я очень осуждаю, я же пошел в душевую.

Долго и ожесточенно я тер себя бруском земляничного мыла. Обычно мне становится веселее, когда я чистый. Кажется, будто так я справляюсь со своей несовершенной природой, становлюсь лучше, чем я в естественном смысле есть. Но тут я мылся долго, под горячей водой смылил добрую часть бруска.

А все-таки мне было грустно за Фиру.

И в то же время обидно из-за Бори.

И очень хорошо вспоминались горячие губы Вали и ее прозрачные глаза.

И то, что Маргарита в своем белом платье так красиво танцевала с Володей.

Впечатлений накопилось слишком много. А когда я вернулся в палату, оказалось, Андрюша еще не спит. Он смотрел в потолок, плотно покрытый синеватым утренним отсветом, и держал руки за головой. Так часто рисуют мечтательных мальчишек в книжках.

– Привет, – сказал я.

– Доброе утро, – сказал Андрюша. – Хотя я еще не ложился. Девочка Диана зовет меня гулять.

– Ты ее забавно назвал. Ты пойдешь?

– Не знаю, – сказал Андрюша, посмотрел на меня, слабо улыбнулся и добавил:

– Я же такое чудовище.

– Не говори так, – сказал я.

– Не буду, – согласился Андрюша.

Я сказал:

– Суматошный вышел день.

– Да, – сказал Андрюша. – Ты будешь терять сознание?

– Не знаю.

– Фира такая красивая девочка.

– Это точно.

– И вся блестящая.

– Да. Ты испугался?

– Наверное.

Я сказал:

– Мы все ненормальные. Это нормально.

– Да?

– Так сказала Валя.

– Так и сказала?

– Не совсем. Но мысль была такая.

– Хорошо.

– Ты – мой лучший друг.

– А ты – мой.

Андрюша лег спать, а я вышел на балкон, чтобы записать всю эту историю. Теперь, когда я ее наконец закончил, надо прилечь хоть на часик.

Максим Сергеевич обещал, что будить нас не будет. И что мы сразу пойдем на море.

Запись 71: Белый катер

Как здорово мы сегодня катались на катере!

Это все Максим Сергеевич устроил с помощью Эдуарда Андреевича. Причем с помощью небольшой, так он сказал.

Я сейчас сижу и любуюсь на наш катер, его качает на волнах.

Он очень чудесный, остроносый, шумный, быстрый. Настоящий катер! А на боку у него краской написано «Береговая Охрана».

Мы туда все не вместились, поэтому нас катали по трое, по очереди. Ведь в катере только три места сзади и два спереди: одно для дяденьки, который шофер катера, а другое – для Максима Сергеевича.

Мы с Андрюшей катались вместе с Валей.

Я сел рядом с Валей. Ногам в катере было тесно, и наши коленки соприкасались.

Валя сказала:

– Ты же помнишь.

Я сказал:

– Я помню.

– Ничего не значит, – сказал Валя.

И стала очень загадочной.

Водитель катера спросил:

– Готовы, ребятишки?

Я начал проверять свой спасательный жилет, но Андрюша и Валя отрапортовали:

– Всегда готовы!

И катер, страшно взревев, мгновенно вспенив в белизну воду, рванулся вперед.

Как же это прекрасно! Ветер в лицо и брызги! В груди так пусто и так легко, как на карусели, и огромное синее море несется навстречу.

Рев катера пугал чаек, и они заходились отчаянными криками. Пахло бензином, приятно и резко. Запах бензина странно смешивался с запахом моря. Валя смеялась, и ветер трепал ее светлые волосы. Даже Андрюша улыбался.

Валя вдруг раскинула руки и случайно стукнула меня по носу, но я не обиделся, только удивился.

Все меня удивляло. Катер несся все быстрее и быстрее, и мне казалось, что он сейчас взлетит. Эх, были бы у него крылья!

Такие прозрачные и длинные крылья, как у стрекозы, чтобы летать над водой.

Мне так понравилось!

Сейчас вот смотрю на этот катер, на то, как качается он на волнах. Нас обещали еще разок всех покатать.

Покатают, надеюсь!

Запись 72: Камушек для Галечки

ДОРОГАЯ МОЯ СЕСТРИЧКА, ГАЛЕЧКА, ЗДРАВСТВУЙ! ПИСЬМО ТВОЕ Я ПОЛУЧИЛ И ОЧЕНЬ ЕМУ РАД. Я ТЕПЕРЬ ВСЕ ВРЕМЯ ПЕРЕЧИТЫВАЮ ТВОЕ ПИСЬМО. СПАСИБО ТЕБЕ ЗА НЕГО.

ТЫ УЖЕ ОЧЕНЬ ХОРОШО ПИШЕШЬ И ВООБЩЕ СОВСЕМ БОЛЬШАЯ! СКОРО ТЫ ПОЙДЕШЬ В ШКОЛУ, И ТАМ, Я УВЕРЕН, ТЫ ВСЕХ ПОРАЗИШЬ СВОИМИ УМЕНИЯМИ.

НЕКОТОРЫЕ БУКОВКИ ТЫ УЖЕ ВЫВОДИШЬ, КАК НАСТОЯЩАЯ ВЗРОСЛАЯ.

Я ТЕБЕ С ЭТИМ ПИСЬМОМ ВЫШЛЮ КРАСИВЫЙ КАМУШЕК, КОТОРЫЙ ДЛЯ ТЕБЯ НАШЕЛ.

ОЧЕНЬ Я ПО ТЕБЕ СОСКУЧИЛСЯ, НО НАМ СКАЗАЛИ, ЧТО В МОСКВЕ МЫ МОЖЕМ ОКАЗАТЬСЯ И НЕНАДОЛГО, А ПОТОМ СРАЗУ ПОЕДЕМ НА КОСМОДРОМ.

ТАК ЧТО, ДОРОГАЯ МОЯ СЕСТРИЧКА, ПУСТЬ КАМУШЕК ПРИЕДЕТ К ТЕБЕ РАНЬШЕ, ЧЕМ Я.

ХРАНИ ЕГО БЕРЕЖНО, НИКОМУ НЕ ОТДАВАЙ, ЗАГАДАЙ САМОЕ ЗАВЕТНОЕ ЖЕЛАНИЕ И НОСИ ВСЕГДА С СОБОЙ.

А КОГДА ТЫ ВЫРАСТЕШЬ СОВСЕМ, ТО ПЕРЕДАШЬ ЕГО СВОИМ ДЕТЯМ.

В ОТВЕТНОМ ПИСЬМЕ РАССКАЖИ МНЕ, КАК ПРОХОДИТ ТВОЯ ПОДГОТОВКА К ШКОЛЕ.

КОНЕЧНО, ТЫ ПОЙДЕШЬ В ШКОЛУ ТОЛЬКО ЧЕРЕЗ ГОД, НО НАДО НАЧИНАТЬ ГОТОВИТЬСЯ УЖЕ СЕЙЧАС.

ЧТО ВООБЩЕ ТЕБЯ ВОЛНУЕТ, ЧТО РАДУЕТ? МНЕ ВСЕ ОЧЕНЬ ИНТЕРЕСНО.

И ПИШИ ТАКИМИ ЖЕ КРАСИВЫМИ ЦВЕТНЫМИ КАРАНДАШАМИ.

ЛЮБЛЮ ТЕБЯ.

ТВОЙ БРАТИК.

Запись 73: Просто замечательная саранча

Вечером мы опять ходили в кафе. Правда, нам ничего нельзя было есть, но мы пили лимонад и слушали музыку.

Снова пела мама Маргариты. Пела красивые песни своим игривым голосом.

А вот самой Маргариты не было.

Я все хотел спросить у Володи, как так вышло, что он стал танцевать с Маргаритой, но не решался, потому что это выдало бы мою излишнюю заинтересованность.

Маму Маргариты слушал и Жорж. Он сидел за столиком совсем близко к сцене и пил шампанское. Выглядел Жорж, надо сказать, очень буржуазно. Я такого не одобряю, но ему шло.

После почти бессонной ночи и всех впечатлений мы устали, но уходить не хотелось. Сцена под открытым небом, колыхающаяся ткань навесов над летней верандой, неторопливые официанты и море сбоку, такое бьющееся, как сердце, – все это было для меня праздником.

Фира сказала:

– Как будто у меня сегодня день рожденья.

Максим Сергеевич сказал:

– Рад, что ты так думаешь, Кац. Кстати говоря, не хотите послушать идею моей новой книги?

Думаю, не ошибусь, если скажу, что никто из нас не хотел.

Но все мы стали слушать.

– Значит так, – сказал Максим Сергеевич. – Это история очень одинокого лося. Он был единственным в лесу. То есть в лесу жили лисы, волки, олени, медведи, куницы, но других лосей не было. Не знаю, как он там оказался, но факт, ему было совершенно не с кем поговорить о своих лосиных делах.

Я сказал:

– Значит, его родственники умерли?

– Не уверен. Может, его перевозили в зоопарк, и он сбежал. Сосредоточься на том, что это прежде всего очень одинокий лось. Ему совершенно не с кем было дружить, и он крайне от этого страдал. От этого у него развивались большие лосиные психологические проблемы.

– Звучит круто, – сказал Боря. – Это вы о себе?

– Нет, это не я. Лось был очень добрый, совсем не как я. Вышло так, что он стал дружить с маленькими утятами. Утята не то чтобы его понимали, да и он не понимал утят, но он часто

приходил на водопой, а утята там плавали.

Я сказал:

– Для лося логичнее пить не стоячую воду, а проточную.

Андрюша сказал:

– Иначе он чем-нибудь заразится.

– Ну, это был не самый умный лось на свете. Может, озеро было чистое, а может, лось уже заразился. Но и это не важно. Важно, что он очень привязался к утятам, хотя и не понимал их язык. А потом лето прошло, утята выросли и улетели.

– А лось?

– Остался одиноким лосем.

– Было бы лучше, – сказал Андрюша. – Если бы он хотя бы умер. Это бы придало истории завершенность.

– Но он не умер, – сказал Максим Сергеевич.

Валя спросила:

– Это история о вас?

– Да, – сказал Максим Сергеевич.

– И о нас?

– Нет, обо мне и об утятах.

– А мне кажется, – сказал я. – Это была бы хорошая история.

– Спасибо на добром слове, Жданов.

– Я обычно критикую такие сентиментальные вещи, – сказал я. – Потому что сентиментализм – проявление безвольного индивидуализма. Однако эта история учит нас тому, что непохожие люди могут дружить, несмотря ни на что.

– Здорово, что ты нашел в ней мораль. Еще лимонад будете?

Все сказали:

– Да.

Только я беспокоился об отбое.

Вернулись мы поздно, но я этого не чувствовал, потому что лег спать рано утром, и мой режим несколько сбился.

Нет, вот еще замечательно мы шли по ночной дороге.

Боря говорил:

– На нашей лажовой заштатной планетке никаких развлечений!

– Да ладно? – сказал Володя.

– Ну, разве что клей в строительном магазине, – сказал Боря.

– А как же книги? – сказал я. – Кино? Театр? Все зависит от твоего кругозора.

Боря засмеялся, толкнул Андрюшу в бок.

– Еще дрочить можно, да, Андрюшенька? Андрюшенька, а Андрюшенька, ты когда понял, что рука нужна не только для того, чтобы пушку держать?

– Рано, – сказал Андрюша своим грустным, скучным голосом.

Я сказал:

– Отстань ты от него!

– Могу на тебя переключиться!

Так мы шли и ругались, а над нами низкое небо все было в звездах, и шуршали кроны деревьев. Мы прошлись бульваром, под прекрасными чинарами.

Максим Сергеевич шел с девочками далеко позади нас, и я вдруг обернулся и увидел Валю. Она поднялась на цыпочки, чтобы сорвать колючий плод чинары.

Очень красивая девочка, подумал я, такая бледная, такая светящаяся.

И она меня поцеловала. Это очень приятное чувство.

Когда мы пришли в номер, я почувствовал себя очень уставшим. Казалось, я могу заснуть стоя. Однако всю эту усталость согнал с меня девичий крик. Я сразу испугался за Фиру и Валю, мы все испугались.

Побежали к ним в палату, а оказалось, что на занавеске у них сидит огромная саранча.

Никогда прежде я не видел саранчу. Но у меня имелось некое имплицитное знание о саранче, некое представление о том, как она должна выглядеть.

Я пишу эти строки из библиотеки, где я нашел один единственный справочник о насекомых. С полной уверенностью говорю вам, что вчера мы действительно видели саранчу.

Наши девочки стояли у двери и верещали.

Я вдруг подумал: женюсь на Вале, когда мы вырастем.

Пусть она и не Маргарита, но зато она верный товарищ и большая умница. Наверняка мы станем достойной ячейкой общества.

Как только я так решил, мне сразу захотелось спасти девочек от этого огромного зловещего насекомого.

К сожалению, я не отличаюсь быстротой реакций. К тому моменту, как я только решил поймать саранчу, Боря уже рванулся вперед, такой стремительный и бесстрашный, такой почти неестественно ловкий.

Он схватил саранчу, развернулся, словно конферансье, готовый начать представление, и быстро затараторил:

– Маленькие девочки и маленькие мальчики, только сегодня, только у нас, никогда и нигде больше, представляю вам номер: дрессировщик Борис и его поистине ручная саранча! Тихо, тихо, «сука», я тебе сказал!

Саранча была длиной почти с палец. Боря держал ее за ноги, так что зеленовато-желтое брюшко с огромным жалом на конце сильно выпятилось вперед.

Я сказал:

– Не балуйся, просто убей ее. Это – сельскохозяйственный вредитель.

Боря засмеялся, крутанулся на месте, девочки отшатнулись, будто он сейчас эту саранчу в них бросит.

В один прыжок Боря оказался рядом со мной, а саранча почти коснулась жалом моего носа.

– Посмотри-ка в глаза этой малышке! Разве ты сможешь убить ее, поглядев в ее добрые глазенки?

И правда, у саранчи оказались блестящие глаза-бусинки и по-своему очень даже умильная мордочка. Однако ее жало, пульсирующее брюшко и попытки вырваться вызвали у меня ужасное отвращение.

Я сказал:

– Убери это от моего лица.

– Хорошо, что ты такой эпилептоидный, что еще не осознал своего собственного ужаса.

– У меня нет ужаса.

– Контейнирование эмоций!

– Что ты несешь?

– Что я несу? Саранчу! Красивую! Сочную саранчу! Азиаты таких жрут!

– Это неправда!

– Правда-правда! Съешь такую ради наших красных собратьев?

– Нет!

– Вот такой ты им товарищ! А говорил: пролетарии всех планет объединяйтесь!

Боря развернулся к Володе.

– А ты что, братец, молчишь?

– Тут и сказать-то нечего, – ответил Володя. И я вдруг понял, что ему почти так же неприятно, как девочкам. А я и не знал, что Володя боится насекомых.

Боря тоже это понял, резко подскочил к нему, показал саранчу поближе.

– Похожа на дядю Сережу, – сказал он.

– Ну, немного.

– Как ее назовем?

– Дядя Сережа?

– Давай посадим в банку, и она будет жить с нами?

– Нет.

Я сказал:

– Боря, почему ты такой ужасный человек? Всем здесь саранча неприятна. Избавься от нее.

– Отчего это я такой ужасный? Один я, что ли, не хочу причинить вред этой малышке? Один я друг всему живому! А вы всему живому страшные враги!

Ему не хватало микрофона, казалось, он ведет комедийную программу и мы все из зрителей превращаемся в невольных участников, а потом – обратно.

Боря сказал:

– Ну просто замечательная саранча.

Девочки стояли, прижав руки к щекам. Фира сказала:

– Только попробуй, Борька!

Впервые на моей памяти она назвала его так грубо.

Боря засмеялся, запрокинул голову и сказал саранче:

– Пойдем, дорогая, нас здесь не любят.

Всякий раз, когда Боря впадает в подобное состояние, мне чудится в этом некоторая болезненность, странный, разительный контраст с его обычной хмурой надменностью.

Володя говорит об этом так: Боря делает программу.

Я сказал:

– В этом фарсе я участвовать не собираюсь. И никому не советую забивать голову этой чепухой.

Боря сказал:

– Ну раз не советуешь!

Он посадил саранчу Андрюше на плечо и двинулся к двери. Девочки закричали, так как саранча вновь вырвалась на волю, но Андрюша сбросил ее на пол и раздавил каблуком ботинка.

Саранча хрустнула под ботинком, затем издала короткое хлюпанье.

– Всё, – сказал Андрюша. Он аккуратно отвел ногу, посмотрел на то, что у него получилось, и задумчиво кивнул:

– Точно всё.

– Теперь, дрочер, ты наш герой, – сказал Боря. – Кричали женщины: ура! И в воздух чепчики бросали!

Я сказал:

– Хорошо, что ты что-то помнишь из Грибоедова. Грибоедов близок и дорог всему прогрессивному человечеству!

– Служить бы рад, прислуживаться тошно!

Фира сказала:

– Ты дурачок.

Валя сказала:

– Она точно сдохла?

Андрюша наклонился, рассмотрел саранчу, поднял раздавленный трупик двумя пальцами и провозгласил:

– Да.

– Время смерти: час ночи, двадцать пять минут, – сказал

Боря.

Я сверился со своими часами: так и было.

– Очень точно, – сказал я. – Спокойной ночи, девочки.

Боря снял воображаемую шляпу.

– Дамы!

Мы пошли в свою палату. Андрюша взял трупик саранчи с собой.

– Ты зачем это принес? – спросил Володя. – Мне с ней будет некомфортно спать.

Андрюша сказал:

– Засушу ее и в коллекцию.

– Но у тебя нет такой коллекции, – сказал я.

– Тогда я ее начну.

Я пошел мыться, а когда вернулся, все уже спали. Трупик саранчи лежал на тумбочке Андрюши. На этот трупик лился лунный свет, и я подумал, что и мне почему-то будет не очень комфортно спать с ним рядом.

Я лег в постель, закрыл глаза, и меня закачало, как это часто бывает от усталости. Замечательное ночное головокружение унесло меня в сон.

А приснилась мне почему-то мама Володи и Бори.

Она нюхала Володину рубашку и говорила, что мальчики в этом возрасте уже резко пахнут.

И что она больше его не увидит.

А потом тетя Лена почти заплакала, но все-таки нет, потому что у плачущих людей становятся узкие, некрасивые глаза.

Запись 74: Точный образ мамочки

В этом она вся, это ты, Арленчик, очень верно подметил!

Запись 75: Список покупок

1. Мыло хозяйственное, 2 бруска.
2. Мыло земляничное, 2 бруска.
3. Одеколон «Гвоздика» от комаров.
4. Пластырь для мозолей.
5. Леденцы-рыбки для Вали.
6. Кроссворды (сборник, красивые со звездочками) для Максима Сергеевича.
7. Валерьяны настойка для Андрюши.

Запись 76: Мама пишет

Здравствуй, сыночек!

Как ты там? Твои письма и телеграммы, все доходит до меня, я все внимательно читаю и жду с нетерпением любых вестей.

Ты мне пиши почаще, пусть твои письма все время ко мне приходят.

Расскажи мне подробнее, как вас кормят? Куда вы ходите? Есть ли какие-либо культурные мероприятия?

За лето ты наверняка сильно вытянешься, как же я тебя узнаю? Мальчишки в твоем возрасте начинают очень быстро расти.

Тяжело одной в доме без тебя. Не в бытовом плане тяжело, а в моральном. Тяжело, что по утрам я тебя не вижу и не готовлю тебе завтрак. Зато я часто вижу тебя во сне.

Иногда в моих снах ты уже совсем взрослый мужчина и я так тобой горжусь. А иногда совсем еще маленький мальчик. Что тебе рассказать? Работаем, обеспечиваем народ рыбой, здоровой пищей. Что ни говори, а работой своей я горжусь. Но что о ней рассказать? Это тебе не так интересно.

Боюсь очень, что увезут тебя и ты дома толком не побудешь, но и радуюсь за тебя тоже.

Галечка тебе все время передает приветы. Она растет умной и доброй девочкой. Если все сложится хорошо, может быть, Галечка на будущий год с тобой туда поедет и я поеду. Можно ведь с членами семьи в ваш санаторий?

Про твоих друзей я прочитала. Очень, как видно, они хорошие люди. Я имею в виду мальчиков Алешу и Ванечку. Григорий мне по описанию не понравился, я тебе не советую с ним водиться.

Твое отношение к Ванечке я всячески поддерживаю. Надо помогать тем, кто слабее. Как ты любишь говорить, защищать слабого – это привилегия сильного.

Рада, что в санатории тебе не скучно. Но не забывай читать! Всегда поддерживай свой ум в рабочем состоянии, не позволяй душе лениться, как говорит поэт. Помнишь, кто это писал?

Но и веселиться не забывай тоже, Арлен! Потому что я хочу, чтобы ты хорошо проводил время со своими друзьями и набрался впечатлений.

Процедуры в самом деле оказались не такими страшными, как все думали? Это большое облегчение. Ты уже чувствуешь изменения? Расскажи подробнее о своем здоровье.

Арлен, ты, может быть, стесняешься мне говорить, боишься,

что я стану сильно волноваться, но будь со мной честным. Ты обещал мне всегда быть со мной честным. Это ведь для тебя не пустые слова?

Не только со мной, со всеми ты должен быть честным, даже когда это нелегко.

Знаю, тебе сейчас тоже страшно. Каждый день думаю о том, что тебе там больно и страшно. Но перед обстоятельствами пасовать нельзя. Я знаю, ты сумеешь вовремя собраться. Ни в коем случае не поддавайся панике и унынию.

Знаешь, как говорит твой дедушка? Паникеров расстреливают первыми.

А с другой стороны, что это я тебя увещеваю? Это я увещеваю себя. А ты у меня держишься и, думаю, недурно.

Какой же ты сильный и умный мальчик!

Но все-таки подробно опиши, какое твое состояние сейчас? Если болеешь, так и скажи. В неизвестности быть тяжелее.

Звонил Максим Сергеевич, но подробный отчет не предоставил. Сказал только, что все идет хорошо и по плану. Охотно в это верю, но я мать, и мне нужно знать, как именно.

Но не позволяй себе нервничать из-за моего письма, просто честно все расскажи, не боясь, не волнуясь. В том, что дело окончится хорошо, я уверена. Максим Сергеевич тоже придерживается позитивной линии. Он сказал, что часто говорит о вас с главным врачом. Ты про него тоже в своем письме рассказывал: наверняка очень умный человек.

Что все-таки ты там ешь?

Все ли в порядке с одеждой? Ничего не порвал? Хотя ты у меня очень аккуратный мальчик, уверена, что одежду ты бережешь.

Все, что ни напишу, – не то. Кажется, не могу до тебя докричаться, ты сейчас так далеко, дальше, чем когда бы то ни было.

А все-таки надо привыкать, потому что тебя ждут настоящие космические путешествия.

И ты будешь так далеко от меня, как я еще даже не могу представить. Но я всегда мыслями буду с тобой, знай об этом крепко.

Все, дорогой мой, письмо надо заканчивать. Еще раз тебе скажу: будь смелым и честным. Все здесь без тебя в порядке, но все пусто, все тебя дожидается.

Очень сильно я скучаю.

До свиданья, мой хороший.

Пиши мне!

Мама

Запись 77: Новая процедура

Не писал о предыдущих процедурах, потому как они ничем не отличались от второй процедуры и ни с какими более последствиями я пока не столкнулся. Однако сегодня мы ходили на особенную процедуру. Она вышла для меня более неприятной, чем предыдущие.

Как я уже не раз говорил, я хорошо переношу боль, чем очень горжусь. Однако куда тяжелее мне переносить эмоциональный дискомфорт. С этим я справляюсь не из рук вон плохо, но значительно хуже.

Эдуард Андреевич на этот раз запустил нас в процедурную всех вместе.

Андрюша спросил:

– Нужно раздеваться?

– Нет, Арефьев, совершенно не нужно, – сказал Эдуард Андреевич и снова достал браслеты. Какие многофункциональные вещи производят в Космосе!

Я сказал:

– А ремни будут?

– Нет, Жданов, и ремней не будет.

– Хорошо, – сказал я.

Мы легли на кушетки. Фира спросила:

– Тогда к чему готовиться? Будет больнее, чем в прошлые разы?

– В каком-то смысле – да, – сказал Эдуард Андреевич. – Небольшой экскурс в историю, если позволите. Наши предки, когда их детеныши проходили метаморфозы, не только причиняли им физическую боль. Они старались реализовать их самые большие кошмары. Иногда им приходилось ставить детей в ужасные ситуации, а иногда помочь мог тот, кто хорошо владел связью. Словом, в червивые времена множество мальчиков и девочек проходили через то, через что сейчас пройдете вы.

– А в каком смысле – кошмары? – спросил Володя.

– В прямом, – сказал Эдуард Андреевич. – Но мы, конечно, гуманное, прогрессивное и справедливое общество. Никто не будет подстраивать для детей какие-то страшные катастрофы. Вы уснете, а потом увидите сны. Как кошмары. Ваши ощущения будут вполне реальны, однако, когда вы проснетесь, вы поймете, что вам просто приснился плохой сон.

Я сказал:

– Хорошо!

Мне не стало волнительно, я подумал: кошмар и кошмар, эка

невидаль. Ничего серьезного. Я первый подставил руку под браслет.

В общем и целом, я привык доверять взрослым, поэтому я никогда не боялся делать то, что они мне говорят.

Я и сейчас ничуть не жалею! Было, конечно, не очень приятно, но в конечном итоге все к лучшему. Думаю, я вырос, как личность. Почти в этом уверен.

Все произошло так же, как и в первый раз: я лежал на кушетке, смотрел на экран, картинка вдруг сменилась: не море, а снова бетонный забор, а потом снова красные маки, снова метро в час пик, города и заводы, и центр Москвы, кирпичный, красивый, и всякие прочие вещи, которые успокаивают меня.

Затем я погрузился в ту самую темноту, где не ощущал своего тела, и уже из этой темноты попал в долгую (а по ощущениям и вовсе бесконечную) череду своих кошмаров.

Первый из них, впрочем, нельзя назвать именно кошмаром, скорее – воспоминанием, потому что все достаточно точно воспроизводило реальный эпизод из моей жизни, разве что с некоторыми новыми подробностями, которые я отмечу отдельно.

Мне было восемь, и на выходных нас повели в кино. Все это очень живо мне теперь вспоминается: красные, красивые кресла с деревянными спинками, тяжелый занавес, обрамлявший экран, высокий потолок с красивыми люстрами.

Мы смотрели фильм про войну, черно-белый (у нас в кинотеатрах крутят разные фильмы – и черно-белые, и цветные).

Боря сидел со мной рядом и, уже когда показывали короткий киножурнал, вдруг сильно сжал мое запястье, так, что мне стало больно. Я старался не обращать внимания, а запястье болело все сильнее.

Я никак не мог сосредоточиться на фильме (тогда я терпел боль хуже), а когда я не выдерживал и издавал какой-то звук вроде писка или скулежа, Боря говорил что-то очень громкое, нахальное, за что ему делали замечания, но никто не слышал меня.

От этого мне стало очень грустно и тяжело и как-то стыдно. Весь фильм я просидел так, весь фильм смотрел в экран, ничего не понимая, а когда в перерыве мы вышли попить газировки с сиропом, я долго разглядывал свое запястье с красной, как гранатовый сок, полосой и чувствовал себя отвратительно.

Чувствовал боль, но она была не физической.

И почему-то особенно (эгоистическое) дурное чувство возникало у меня оттого, что никто мне не помог.

Да, я перенесся в это воспоминание, где никто мне не помог. Я смотрел черно-белые картинки, в которых не было никакого

смысла из-за навязчивой боли. Я скулил, но во сне куда громче, чем в реальности, а Боря смеялся (хотя в настоящем воспоминании он не смеялся над фильмом про войну).

Никто меня не слышал или не хотел слышать, и Боря мог сломать мне руку, если бы пожелал.

А главное, я не мог помочь себе сам.

Когда я взял в автомате точно такую же газировку с сиропом, как тогда, и посмотрел на свое красное запястье, то увидел то, чего в реальном воспоминании тоже не было, – свою плоть и кость, увидел, как кости ходят под плотью при движении.

Мне стало отвратительно и страшно, мое собственное тело показалось мне совершенно незнакомым, я уронил стакан, и он разбился, что само по себе было кошмаром.

Потом все потухло, словно я потерял сознание или как-то очень резко, быстро и неудачно уснул.

Очнулся я в своей комнате в дождливое темное утро. Я чувствовал слабость и надвигающуюся болезнь, казалось, я температурил.

Зашла мама, она была в красивом-красивом платье, какого у нее никогда не было. Мама даже показалась мне моложе. Потом я заметил, что ее живот выделяется под тканью, – она была беременна.

Мама прикоснулась к моему лбу.

– Ты весь горишь, – сказала она. – Надеюсь, у тебя началось. Я не убийца, нет, но только так я смогу от тебя избавиться. Ты будешь очень далеко, а потом ты умрешь. Ты ведь испортил мне жизнь, ты все испортил. Я целыми днями потрошу рыбу, мои руки пропахли рыбой, мои волосы пропахли рыбой, даже мои слезы пропахли рыбой. У меня есть только ты, ничего другого. Арлен, как же сильно я тебя ненавижу, я просто признаться тебе в этом не могу, боюсь, стыжусь, но ты все испортил тем, что появился на свет. Я тебя не ждала, не хотела.

Я сказал:

– Если хочешь, мама, я умру героем.

Она сказала:

– Я хочу, чтобы ты сделал что-то значимое. Иначе моя жизнь была совершенно зря. Иначе я ничего не сделала. Ничего не смогла. У меня есть только ты, больше ничего нет, я целыми днями потрошу рыбу. Я не хотела тебя, не хочу. Я хочу, чтобы ты был от меня очень далеко.

Она заплакала, стала утирать слезы. Что-то в ее животе, как мне показалось, шевельнулось, я испугался.

– Твой отец меня обманул, – сказала мама. – Когда я вижу, что ты на него похож, я тебя ненавижу.

Я сказал:

– Прости.

Она сказала:

– Ты не представляешь себе, как я испугалась, когда узнала, что ты у меня внутри. Все стало хуже. Все в мире стало хуже от того, что ты есть.

Я сказал:

– Я плохо себя чувствую, мама.

А она сказала:

– Я знаю. Я этого хочу. Я хочу, чтобы тебе было плохо.

– Мама, не говори так, мне больно.

И мне действительно стало больно, голова просто разрывалась.

Мама ударила себя по животу и сказала:

– Если бы только ты родился мертвым. Я все время об этом мечтала. Но стало только хуже. Я увидела тебя и полюбила. Мерзкой, низкой, недостойной, звериной любовью. Я думала, я умница, думала, я красавица, а оказалась глупой самкой, плачущей над детенышем. Такой красивый и милый и совсем беззащитный. Как я могла тебя оставить? Я тебя любила, и ненавидела, и снова любила. Мне больно, Арлен, мне все время больно!

– Но мне же тоже больно, – сказал я. – Мне и больно, и очень жаль. Прости меня!

Я чуть не плакал, а мама уже рыдала вовсю.

Дождь припустил сильнее, утро стало темнее. Я стоял перед мамой, и она кляла себя за глупость. Глупость, которая стала мной.

– Какая там любовь? Какая любовь, – говорила она. – Почему я всегда тебе вру, Арлен?

Я сказал:

– Тогда я умру, если ты этого хочешь.

– Я хочу.

– Я сделаю.

– Ты всегда делаешь то, что от тебя хотят. Я воспитала тебя таким послушным.

Тогда я все-таки заплакал, не знаю почему, но именно в тот момент – не смог сдержаться. И когда я заплакал, сон закончился и слезы закончились.

Я очнулся и увидел, как носки моих черных ботинок болтаются над землей. Шею захлестнула петля, в голове шумела, как море, огромная боль, которая возникает при удушье.

Я видел свои черные ботинки, белые носки, красные колени. Зеленая трава подо мной была такой яркой, что жгла глаза.

Максим Сергеевич держался за рычаг, который ослаблял и натягивал петлю. Я видел, как мои ноги дергаются, видел, как бьются друг о друга каблуки моих ботинок.

– Товарищ Жданов, – провозгласил Максим Сергеевич. – Дезертир и предатель. На коллективном собрании было принято решение о серьезном наказании для предателя Жданова. Мы всецело одобряем такое наказание.

Я не мог поднять голову, не мог поднять взгляд, я не видел, кто на меня смотрит, кто эти «мы».

Может быть, и не было никого, но разве это важно, если я дезертир и предатель?

Пальцы мои выглядели какими-то изломанными, ногти посинели, но я еще жил, воздух поступал ко мне будто сквозь узенькую щель.

– Гнилой оппортунизм и жажду славы Жданова мы по наивности нашей принимали за идеологическую верность. Но трус показал свое истинное лицо.

Максим Сергеевич надавил на рычаг, мои ноги еще приподнялись над землей, от удушья поплыло сознание, я задергался.

Но хуже удушья, хуже петли на шее и боли от нее, хуже моих синих ногтей и красных коленок было ощущение, что я всех подвел.

– Недостоин достойной смерти, – сказал Максим Сергеевич.

И кто-то сказал:

– Недостоин достойной смерти!

Кто-то согласился с этим вердиктом, кто-то, чей голос был страшно похож на мой. Потом накатила болезненная, глухая темнота.

Очнулся я рядом с Маргаритой. Мы сидели на скамейке, и я держал руку рядом с ее рукой. Маргарита жевала жвачку и надувала пузыри.

Она спросила:

– Я тебе нравлюсь?

– Ты мне очень нравишься, – сказал я. – Сильно-сильно. Ты самая красивая девочка в мире.

– Я знаю, – сказала Маргарита. – Но спасибочки, конечно.

Я сказал:

– Стань моей женой, когда мы вырастем.

Маргарита сказала:

– Но мы почти друг друга не знаем. Я хочу узнать тебя поближе.

Она развернулась ко мне, надула большой пузырь из жвачки и лопнула его пальцем. Я подумал: сейчас она меня поцелует,

сейчас сделает то же, что и Валя.

Я закрыл глаза и подался к ней, а потом мою руку пронзила боль.

Маргарита воткнула мне в руку Володин карандаш, он вошел глубоко, и кровь странно пузырилась вокруг него.

Маргарита спросила:

– Тебе такое нравится? Нравится, когда это с тобой делают?

Я сказал:

– Да.

Маргарита засмеялась. Она резко вытащила карандаш, и хлынула кровь.

Маргарита сказала:

– У тебя уродливый мозг, весь в червях.

Она взяла мою кровоточащую руку и плюнула в рану.

Я только моргнул, и никакой Маргариты уже не было. Я шел по незнакомому городу, цветному и яркому, наэлектризованному. Меня окружали незнакомые витые буквы и люди с крыльями.

Я был на планете ангелов, которая так смешила и ужасала Эдуарда Андреевича и Станислава Константиновича.

Я шел по какой-то злачной улице, вся она была в сияющей рекламе и в грязи, всюду валялся мусор, всюду пьяно смеялись.

У меня никак не переставала течь слюна, я не мог этого контролировать. Слюна стекала мне на одежду, на руки, ее набиралось много. Я видел, в ней кто-то шевелится. Маленькие белесые существа, черви.

Мне было стыдно и плохо, и я не знал, как мне остановить слюноотделение, а еще эти черви в слюне – как мерзко.

Отчего все всегда должно быть так мерзко?

Я долго, часами, ходил и бродил по чужим мне улицам, а потом снова проснулся в другом месте, в процедурной.

Эдуард Андреевич похлопал меня по щеке.

– Жданов, приходи в себя.

Я смотрел на него настороженно, наверное, даже испуганно. Мне все казалось, что сейчас случится что-нибудь отвратительное. Я привык к тому, что сны сменяют друг друга и в каждом мне плохо.

Я спросил:

– Я сплю?

– Нет, – сказал Эдуард Андреевич и засмеялся.

Это меня испугало.

– Все хорошо, Жданов.

Но и эти слова меня испугали.

Эдуард Андреевич сказал:

– Все идет очень хорошо. Теперь, чтобы убедиться в том, что

ты под контролем, я тебя просканирую и ты свободен. Ты дольше всех проспал.

Я весь дрожал. У меня не проходило смутное ощущение, что кошмаров мне снилось больше, чем я помню. И что некоторые из них включали в себя процедурную.

Кошмаров, кажется, было множество – на схожую тематику, с маленькими различиями. Словно дубли в фильме.

Я весь дрожал, но и осуждал себя тоже – это просто кошмар, ничего страшного, всем снятся плохие сны.

Эдуард Андреевич как-то по-особенному настроил свой браслет, внимательно на меня посмотрел, кивнул.

Он сказал:

– Все очень хорошо, Жданов. Отличный результат. Ты крайне чувствителен. Мы повторим, если понадобится.

Я испугался, спросил:

– Я все еще сплю, да?

– Нет, – сказал Эдуард Андреевич. Я не поверил, но противоречить не стал. Я сказал:

– Хорошо.

Потом меня отпустили. Я вышел на солнце, пора было собираться на море. Солнце слепило и казалось странным. Весь день никак не мог поверить в то, что не сплю.

Все цвета казались неестественными, голоса слишком громкими. Мои товарищи, я полагаю, чувствовали себя так же. Мы ничем друг с другом не поделились, все стыдились самих себя.

Только теперь, когда пишу эти строки, кажется, что тревога уже отступает.

Все-таки сам процесс написания очень успокаивает, здорово разгоняет мысли, позволяет взглянуть на ситуацию со стороны. На мой взгляд, это очень полезно.

Не хочу ложиться спать, вдруг мне что-нибудь приснится, но все-таки спать обязательно нужно, чтобы быть максимально продуктивным.

Спокойной ночи.

Запись 78: Началось!

Посреди ночи поднялась температура!
Началось!

Запись 79: Утро

К утру температура не снизилась. Не помогают таблетки. Сегодня я целый день лежу в изоляторе под присмотром Эдуарда Андреевича.

Запись 80: Вечер

Я весь день проспал в изоляторе. Температура не снизилась. К вечеру она поднялась и у Вали. Лежим в изоляторе вместе.

Запись 81: Ночь

Эдуард Андреевич говорит, что мой червь абсолютно точно в новой фазе, начались полноценные метаморфозы, он очень активен. Мне долго задавали вопросы о моих чувствах. На руке у меня был в это время браслет, так что, я думаю, анализировали не сказанное мной, а какие-то более глубинные реакции.

Эдуард Андреевич сказал, что температура больше не снизится.

Надо привыкать к лихорадке, теперь я всегда буду очень горячим на ощупь.

Запись 82: Снова утро

Я признан безопасным для окружающих и могу покинуть изолятор. На море пока нельзя, я должен привыкнуть к смене температурного режима.

Буду целый день читать книжку, если головная боль тоже станет привычной.

Валю в изоляторе пока задержали.

Запись 83: Прогулка с Дианой

Арлен попросил меня написать свои новости в его красивую красную тетрадь.

У Арлена очень высокая температура, ему тяжело слушать и говорить, но читать почему-то легче.

Расскажу Арлену, как у меня дела, пусть Арлен знает.

Пусть Арлен знает, я теперь гуляю с Дианой. Максим Сергеевич не отпустил нас одних в город, хотя Диана знает его хорошо, и мы гуляли по территории санатория.

Диана сказала, что это не так весело, как было бы в городе, и нам даже негде было купить мороженое, но я попросил в столовой печенье с маслом для Дианы. Я хотел взять себе мяса, но она бы не поняла.

Диана попросила меня привезти ей что-нибудь из Космоса и писать ей письма.

Не знаю, можно ли из Космоса писать письма. Наверное, нет. Но, может быть, я буду привозить ей с собой целую пачку писем. Теперь мы всегда будем вместе.

Диана говорит, что я очень красивый. Она много ест и хорошо пахнет.

У Дианы ямочки на щеках. Арлен знает, что такое ямочки на щеках? Это слишком туго натянутые скуловые мышцы.

У нее скуловые мышцы натянуты очень туго, ведь ямочки такие заметные.

С Дианой хорошо. Ее отец хороший охотник. Она тоже умеет стрелять. Рассказала мне, как свежевала оленя вместе с папой.

Диана бывает грубой, но она и очень милая. Любит кружиться, пока не упадет, и не обращает внимания на свою юбку.

Диана сказала, что если я ее обижу, то ее друг Кирюха меня побьет.

Но пусть Арлен знает, что я вовсе не боюсь.

Хорошо, что я влюбился.

Запись 84: Температура и море

Сегодня впервые купался в море. Я почти привык к новым ощущениям, но лихорадку все еще замечаю.

Когда погружаешься в море, а у тебя температура, кажется, будто вода совсем ледяная.

А потом, постепенно, становится легче.

Я стоял по шею в воде и смотрел в небо. Постепенно я будто бы выздоровел и даже этого испугался.

Но вышел из моря, и все вернулось на круги своя.

Валю выпустят завтра.

А Ванечка носит мне сладости, жаль только, что я не могу их есть.

Запись 85: Жалобы Жоржу

Сегодня мы с Ванечкой навещали Найду и за столовой встретили Жоржа. Он курил, стоя под красивой ивой. Разумеется, никто, кроме нас, не видел Жоржа, но, думаю, Жорж сам с удовольствием смотрел на себя со стороны.

Ванечка потянул меня за руку.

– Пойдем! – сказал он. – Пошли, ты пожалуешься Жоржу.

– Зачем? – спросил я.

– Потому что тебе плохо. Горячий такой! Горячий!

Я сказал:

– Мне уже лучше.

– Тебе никогда не будет лучше, мне так моя мама сказала, но я и сам знаю. Щеки у тебя горят. Страшно!

Вместо простого «страшно» Ванечка сказал «стр-р-р-рашно», прямо прорычал.

Я засмеялся, но не над ним, а вместе с ним. Ванечка весь засиял, заулыбался по-волчьи, и я перестал упираться, пошел за ним.

Жорж делал вид, что нас не замечает.

– Упрямый маленький медведь, – сказал Ванечка, и я очень удивился, ведь так меня, но только давно, в далеком детстве, называла мама.

– Откуда ты…

Но Ванечка покачал головой.

– Жорж! – сказал он. – Арлен теперь болеет!

– О! – сказал Жорж. – Мои юные товарищи!

Я сказал:

– Не хочу жаловаться, но…

Жорж сказал:

– Арлен, ты попал точно по адресу. Расскажи мне все подробно, и я смогу помочь тебе в твоей беде.

Я сказал:

– Нет, все, конечно, нормально.

Жорж сказал:

– Конечно же, все нормально.

– Абсолютно нормально.

– Абсолютно нормально, – повторил Жорж.

Я почему-то успокоился, вдохнул поглубже, а потом пожаловался Жоржу на следующие вещи:

1. Мне тяжело думать и говорить, смотреть на свет и внимательно слушать.

2. Ночью я плохо сплю.

3. Все время чувствую слабость, как я буду солдатом, если я чувствую такую слабость?

4. Больше не могу мыться под горячей водой, как я всегда любил.

5. У меня болят ноги и спина, как у старенького дедушки.

6. Сердце все время бьется очень сильно, а в голове словно что-то шевелится, я чувствую движение внутри своего черепа, и это так страшно.

7. Когда я все-таки сплю, сны все время очень беспокойные.

8. И это не проходит.

9. И не пройдет никогда.

Жорж терпеливо меня выслушал, и, что удивительно, даже не вставлял свои комментарии в мою крайне долгую и беспокойную речь.

А потом Жорж сказал:

– Человек – такое существо, он ко всему привыкает. Это касается не только такого специфического подвида, как мы, – сумасшедших космических симбионтов. Люди привыкают к тому, что потеряли руки и ноги, к постоянным болям, к тому, что они одиноки, к тому, что они убийцы или к тому, что убиты их близкие. К тому, что в доме нет воды или к страшной жаре. Мы не можем постоянно чувствовать неудобство, мы не можем постоянно бояться, нам не может всегда быть больно. Так же, как мы не можем всегда чувствовать радость, или счастье, или спокойствие. Сначала все чувства ярко горят, а потом все они гаснут. Ты тоже устанешь бояться, и к своему новому состоянию ты привыкнешь. Все мы обладаем огромным запасом прочности, о котором не знаем сами.

Я молчал и смотрел на него. Я чувствовал себя беспомощным и слабым. Я хотел, чтобы Жорж мне помог.

– Болит голова? – спросил он.

Я кивнул.

– Ксеноэнцефалит – невеселая штука, – сказал Жорж.

А потом я неожиданно для себя обнял его. И Жорж сказал мне еще одну вещь. Эту вещь я очень хорошо запомнил.

– Знаешь, что я говорю себе каждое утро и мне помогает?

– Что? – спросил я.

– Сегодня мой день.

– И часто бывает ваш день? – спросил Ванечка.

– Не так часто, как хотелось бы, – сказал Жорж. – Но мне все-таки каждое утро становится легче.

Идея, если подумать, очень хорошая.

Сегодня мой день.

Запись 86: Написать маме

Мама, привет.
Привет, мама.
Все хорошо, мама.
Все отлично, мама.
Я показываю замечательные результаты.
Все меня хвалят.
Я совсем молодец.
Можешь гордиться мной, мама.
Мамочка, все просто замечательно.
Сегодня мой день.
(Опять не то. Как же теперь начать?)

Запись 87: Лето в разгаре

Некоторое время я мало писал в свою красивую красную тетрадь. Это из-за плохого самочувствия.

Андрюша тоже заболел, а за ним следом – Володя и Боря, почти одновременно. Последней затемпературила Фира.

Всех уже выпустили из изолятора, и за нас можно не волноваться.

В последнее время мне намного лучше, я уже привыкаю. Ребятам пока тяжело, но все проблемы решаются временем.

И, кстати, сегодня мой день.

Запись 88: Маргарита на скамейке

Сегодня гулял, и глаза от солнца почти не болели.

Теперь нас каждый день сканируют, и у меня результаты пока хорошие.

Встретил Маргариту. Маргарита сидела на скамейке и жевала жвачку, а потом выдувала большие пузыри. На ней были шорты (джинсовые!) и свободная рубашка, смутно мне знакомая.

Я сначала прошел мимо Маргариты, а потом остановился, вернулся.

– Здравствуй, – сказал я.

Маргарита потерла коленку.

– Привет, – сказала она.

– Ждешь Володю? – спросил я, удивившись собственной смелости.

– Да, – сказала она просто, словно бы я ее ничем не смутил.

– А ты с другими детьми не общаешься? – спросил я. – Здесь много наших ровесников.

– Мне четырнадцать, – сказала она, одарив меня чудесным, но абсолютно холодным синим взглядом.

– Мне стыдно, – сказал я.

– Бывает, – сказала она.

Я сказал:

– А Володе тринадцать, ты знаешь?

– Да ладно? – сказала она.

– Это правда, – сказал я.

Маргарита надула пузырь еще больше прежнего. Я вспомнил о своем кошмаре, и меня передернуло, когда Маргарита лопнула пузырь пальцем.

– Понятно, – сказала она.

Меня удивило, до чего же эта девочка царственна. Она жевала жвачку, говорила развязно, нагловато и очень подростково.

И в то же время подо всем: движениями, жестами, тоном я видел ее другую.

Я мог представить ее в багряном платке, расшитом золотом, наподобие римского пеплона, византийского мафория или русского покрова (название такой одежды, использовавшееся в червивые времена, мне неизвестно). Я мог представить ее в украшенной самоцветами диадеме с жемчужными катасистами.

Я мог представить ее в окружении подобострастных слуг, сильных воинов и знатных пленников.

Словом, я представлял ее такой, какой ее совершенно нельзя

представлять. И, клянусь, такая эстетика мне не близка.

Но в Маргарите проглядывало что-то именно царственное.

Я так и смотрел на нее, а Маргарита смотрела на меня.

Потом она сказала:

– Что?

Ее ресницы колыхнулись, она сморгнула песчинку, принесенную ветром.

Я сказал:

– Прошу прощения.

Механически, до боли в спине резко, я развернулся и отправился, куда шел (к Алеше и Ванечке, мы собирались искать дом для щенков Найды).

Мне стало так стыдно, что я почти забыл, как мне больно.

Сегодня не мой день.

Запись 89: Это капец

Сука ты ссученная, Арлен. Кто тебя просил рот-то свой раскрывать?

Теперь не создастся новая социалистическая ячейка общества, не создастся.

Из-за тебя все.

Как же болит башка. Нереально.

Запись 90: Странное дело

Сегодня с нами произошло нечто настолько странное, что мне сложно это описать.

Однако я чувствую своим долгом попытаться донести этот опыт до тех, кто его лишен.

Жорж предупреждал нас об особой связи, которую поддерживают без нашего ведома черви, живущие внутри наших голов, но я никак не мог осознать до конца, как это работает.

Мне представлялась некоторая радиосвязь, голоса в голове, неясные образы и картинки, волна, на которую можно настроиться.

Я не думал, что все происходит настолько физиологически, настолько телесно.

Началось все с того, что Андрюша порезал пятку об острую ракушку.

– Ой, – сказал он, схватился за пятку, упал в воду, и все засмеялись.

А я почувствовал боль от пореза, боль от соли и решил, что тоже порезался об ракушку. Мне это было совершенно очевидно.

Мы с Андрюшей вышли из моря, его пятка сильно закровоточила, когда я аккуратно вытащил из нее осколок ракушки.

А моя пятка была в полном порядке!

И я бы, конечно, подумал, что мне показалось или меня укусил краб, но я все еще чувствовал боль.

Эта боль пугала меня, потому что не имела никакого логичного источника. Я ощупал свою пятку, а потом понял, что чувствую не только боль, а еще и горячую кровь, ощущение текущей крови, крови, покидающей рану.

Но никакой раны не было.

Я сказал Андрюше:

– Кажется, я развил свою эмпатию.

– Это хорошо, Арлен, – сказал Андрюша. – Эмпатия очень помогает нам в жизни.

– Нет, – сказал я. – Ты не понимаешь. Я чувствую, как тебе больно.

– Ты совсем эмпатичный. Я не такой эмпатичный.

– Физически, – сказал я. – Как будто я тоже поранил пятку.

Тогда Андрюша потянулся к своей ране и сильно надавил на нее пальцем.

– Чувствуешь? – спросил он.

Я чувствовал. Андрюша засовывал ноготь в рану и царапал,

ощущение было невыносимое, мы оба сцепили зубы.

– Да.

– Да?

Наконец я сказал:

– Все, Андрюша, это лишнее.

Андрюша послушно убрал руку от пятки и принялся рассматривать красную каемку под ногтем, потом поднял ногу.

– Солнце ее обеззаразит.

Я сказал:

– У меня с собой зеленка.

И почувствовал солнечный жар на пятке, не жар горячего песка, а жар открытого солнца.

Я пошел к своей сумке, и чем дальше я отходил от Андрюши, тем слабее становилась боль. Словно натянутая между нами нить растягивалась, но все-таки не рвалась окончательно.

Эта нить была очень крепкая.

Когда я закончил обрабатывать ногу Андрюши (мы оба морщились от боли), то немедленно пошел к Максиму Сергеевичу, чтобы доложить о столь странном ощущении.

Максим Сергеевич сказал:

– Не разбираюсь в связи между симбионтами. Но звучит интересно, хотя и несколько неудобно.

Я сказал:

– Жорж и Эдуард Андреевич говорили нам, что такое может быть. Но что теперь делать? Так будет всегда? Я не понимаю.

– Все мы чего-то не понимаем и всю жизнь учимся, – сказал Максим Сергеевич. – Советую тебе обратиться к специалистам.

На обратном пути я хромал вместе с Андрюшей, а Володя и Боря над нами смеялись.

– Дрочер, ты теперь осторожнее со своим хобби!

– А то лишишь невинности бедняжку Арлена!

– Ему-то рука нужна только для того, чтобы пушку держать!

– Он страшно оскорбится!

– И такая большая, красивая и чистая дружба закончится!

Я сказал:

– Все, отстаньте!

– Или наоборот!

– Вдруг дружба от этого только укрепится!

– Станете ближе!

Тогда уже Фира сказала:

– Мальчики, ну что вы в самом деле к ним пристали? Не видите, им больно?

После обеда я подошел к Эдуарду Андреевичу со своей проблемой. Он сказал:

– Замечательный признак. Все идет хорошо. Это значит, что твой паразит настраивается на других паразитов, ищет их. Он активен, здоров и весел.

Потом Эдуард Андреевич помолчал, но в конечном итоге все-таки добавил:

– В отличие от тебя.

Я сказал:

– Я тоже активен, здоров и весел, насколько это возможно. Я теперь всегда буду чувствовать Андрюшу?

– Насколько я знаю, нет. Все пройдет через некоторое время, просто небольшая вспышка. Это не слишком-то удобно, но такое иногда происходит. Однако связь можно развивать и контролировать. Есть солдаты, специализирующиеся именно на этом.

Эдуард Андреевич сказал:

– Давай-ка, Жданов, подождем, пока еще чей-нибудь червь не изъявит желание пообщаться, и тогда устроим маленький эксперимент.

– Эксперимент? – переспросил я.

– Не пугайся, он безобидный. Просто игра в жмурки. Может быть, если мы обратим внимание на период построения вашей связи, она будет более продуктивной в дальнейшем.

Я согласился с тем, что потренироваться стоит.

– Ты можешь сейчас ощутить, что делает Андрюша?

Я задумался. Тут слишком легко было ошибиться, ведь я хорошо его знаю.

Я сказал:

– На самом деле, я мог бы угадать и убедить себя в том, что я почувствовал. Например, я знаю, что он сейчас с Дианой.

– А ты сосредоточься. Вы довольно далеко друг от друга, но через пару лет это расстояние ничего не будет для тебя значить. И даже куда большее расстояние ничего не будет для тебя значить.

Я закрыл глаза и постарался ощутить, что делает сейчас Андрюша, некоторое время все было темно и пусто, разве что приходили на ум обычные мысли: Андрюша лежит, Андрюша читает.

А потом я почувствовал холодную землю под руками, почувствовал совершенно ясно, будто это я прикасался к ней. Земля, не нагретая солнцем, мягкая, рыхлая.

Я сказал:

– Он копает.

– Да?

Я посмотрел на свои руки, ожидая, что они окажутся

грязными. Руки были чистые.

– Да, – сказал я. – Наверное, они с Дианой ищут личинок.

– Удивительный молодой человек. Ты уверен, что ты почувствовал, а не угадал?

– Да, – сказал я. – Почувствовал.

Эдуард Андреевич похвалил меня и дал мне гематоген. А это, между прочим, не только единственная сладость, которую нам разрешают есть, но также и моя любимая сладость.

После ужина я вдруг ощутил некую пустоту, отсутствие связи и уже, как ни старался, не мог почувствовать то, что ощущает Андрюша.

Наверное, это к лучшему. Такое положение дел показалось мне несколько некомфортным. С другой стороны, конечно, я всегда стремился быть частью коллектива, а такое умение может быть очень полезным, поэтому, конечно, его надо развивать.

Просто это немного непривычно.

Запись 91: Жмурки

Через три дня Володя и Боря тоже ощутили нечто подобное, но я узнал об этом случайно.

Боря выглядел очень и очень подавленным.

Не знаю, что произошло, однако, со слов Вали, они с братом поругались из-за Космоса, и Володя сказал, что считает ужасным то, что Боря отправится в Космос вместе с ним.

Боря страшно разозлился, хотя Володя, так отметила Валя, говорил очень мягко и явно волновался.

Боря сказал, если верить Вале:

– Считаешь меня слабаком, да?

После этого Боря довольно сильно порезал себе руку ножом. Он хотел, по-видимому, продемонстрировать, что боль его не волнует, однако эффект вышел неожиданный, вскрикнул Володя.

Казалось бы, ничего страшного не произошло, Володина рука была в порядке, однако на Борю эта реакция произвела неизгладимое впечатление.

Ему стало очень стыдно, и он долго извинялся, чувствовал себя плохо, не мог найти себе места.

Узнав об этом от Вали, я доложил Эдуарду Андреевичу, что схожую реакцию продемонстрировали Володя и Боря.

И Эдуард Андреевич объявил жмурки.

Для чистоты эксперимента пригласили и наших друзей, чей паразит был пассивен.

Все мы воспринимали предстоящее как веселую игру.

– Вот такие процедуры мне нравятся, – сказал Володя.

В то же время, я чувствовал некоторое особое волнение. Впервые я должен был продемонстрировать некий сверхчеловеческий навык. От меня, конечно, не ждали умения обращаться со связью, но я в то же время не должен был показать и полную некомпетентность.

Да, я очень сильно волновался, хотя это волнение причудливо мешалось с весельем.

Сначала мы просто играли и здорово было всем. Ничего сверхъестественного никто не демонстрировал.

Мы смеялись, натыкались друг на друга, бегали и падали, по очереди водили, дразнились, словом, развлекались.

Эдуард Андреевич спросил, размялись ли мы достаточно.

Если честно, мне хотелось продолжать, но я сказал:

– Да!

Тогда Эдуард Андреевич сказал:

– Дело в том, что человек и сам по себе довольно

совершенное существо. Даже когда мы лишены зрения, мы ощущаем запахи, чувствуем движение воздуха, слышим дыхание. Не стоит недооценивать возможности человеческого тела в его неискаженном виде. Так что, чтобы проверить вашего червя, нам придется отключить некоторые из ваших человеческих чувств. Чтобы усложнить вам задачу.

Он вытянул руку с браслетом.

– Зрение, – сказал он. – Полностью, чтобы вы не чувствовали движения света, а еще слух, обоняние. Установим определенный диапазон осязания. Не волнуйтесь, как только я сниму браслет, все вернется сразу же. Это абсолютно безопасная технология.

Мы молчали. Никому из нас не хотелось терять чувства, пусть даже и временно. Это казалось более страшным, чем боль и кошмары.

Валя спросила:

– А так нельзя сойти с ума?

– Не за такое короткое время.

В конце концов вызвались мы с Борей. Я хотел казаться дисциплинированным и послушным, а Боря хотел всем показать, какой он смелый.

– Начнем, пожалуй, со Жданова. Но не расслабляйтесь, попробовать придется всем.

А я вдруг впервые подумал: даже если Эдуарду Андреевичу это все непросто, он все-таки делает с нами то, что предписывает программа, и улыбается своей обаятельной улыбкой.

Он – большой молодец.

Я протянул руку.

– Это не больно, – сказал Эдуард Андреевич.

Последнее, что я увидел: Мила, Алеша, Ванечка и Диана, которые играли вместе с нами, вдруг перестали быть веселыми. Они отошли от меня на пару шагов, лица у них были задумчивые, даже растерянные.

А потом я совсем перестал что-либо видеть. Но не наступила и темнота, которую мы часто ассоциируем с потерей зрения.

Не было ничего, ни черного, ни белого, ни света, ни тени.

Если закрыть один глаз, а другим продолжать смотреть на мир, то закрытый глаз не видит никакой темноты.

Он не видит ничего вообще.

Потеря слуха испугала меня куда меньше, хотя испугала тоже – не было пульсации крови, звука собственного дыхания – тишина, которой я прежде не слышал.

Я перестал чувствовать и запахи. Это тоже удивительно, ведь обычно нам кажется, что мы и не чувствуем никаких запахов, пока не унюхаем нечто, что привлечет наше внимание, приятное

или неприятное.

Но, оказывается, мир полон разных запахов, и когда они пропадают, на их месте остается пустота, которую нельзя ощутить, безвкусное пространство.

Исчез даже запах самого воздуха, и только тогда я осознал, каким приятным и сладковатым он был.

Я оказался в жутком, странном мире, где не было ничего, кроме меня. В этом мире мне стало страшно и одиноко. Я сделал шаг, но мне казалось, будто я иду в пустоту, я не ожидал, что почувствую под собой землю, настолько все перестало существовать.

Человеку очень сложно оставаться наедине с собой.

Ходить стало трудно, каждое движение давалось мне с трудом. Когда мои глаза были завязаны, я ощущал движение света, скрип камушков под ногами, дуновение ветра. Все это помогало мне двигаться, хотя и сложно объяснить как.

И я все-таки всегда понимал, что кто-то есть рядом.

Сейчас же я не ощущал ничего и никого. Исчезло все вокруг.

Мне стало очень страшно, но я знал, что должен оставаться сосредоточенным, что ситуация под контролем и мне нельзя показать свой ужас перед потерей чувств.

Ощущение времени тоже исчезло, до странности резко и быстро прервался внутренний ритм, сбились часы, которые внутри меня отсчитывали секунды. До чего же все в мире связано!

Я не понимал, сколько вот так бестолково маюсь, делаю шаг, снова шаг, отступаю, не понимаю, что происходит, ничего не чувствую.

Я старался сохранять присутствие духа, однако какая-то часть меня будто бы отчаянно звала на помощь, желая ощутить хоть что-то.

Я падал, но не чувствовал самого падения, а когда меня поднимали, я не чувствовал прикосновений, только изменение положения тела в пространстве. И тогда эта маленькая, беззащитная часть меня начинала паниковать еще сильнее.

Я почти мог услышать ее голос, потому что я не слышал ничего другого.

А потом в моем мире что-то появилось. Нечто живое и знакомое так долго.

Я не знаю, как это объяснить, человеческий язык, как мне кажется, пока недостаточно приспособлен для описания подобных вещей. Наверное, в червивые времена были свои, особенные слова или выражения, но их я не знаю.

Я не видел его. Не слышал. Не чувствовал. Не ощущал запах.

Но он был рядом со мной, был, и это мне стало понятно,

однако не на рациональном уровне: я ничем не мог подкрепить свои подозрения.

И на то, что называют интуицией, это тоже не было похоже – интуиция зарождается внутри, а его присутствие я воспринимал как бы извне.

Я знал, что он крутится вокруг меня, то там, то здесь, знал, что ему смешно.

Я знал о нем все.

Наверное, я не смогу объяснить правильно, и мои попытки обречены на провал. Но я скажу так: он словно сам был чувством, и у этого чувства было имя – Боря.

Я не угадал, нет, я знал. Я знал, как знает о приближении самолета радар.

У радара нет никаких чувств, присущих живому существу.

Но у него есть чувствительность, и у меня была эта чувствительность.

В конце концов я поймал его. Я не ощущал прикосновений, собственной хватки, но я ощутил его: секундное беспокойство, потом ему снова стало весело, потом короткое торжество – его очередь, он всем покажет.

Я сказал:

– Боря!

Но не услышал собственного голоса и не почувствовал движения воздуха во рту.

И все равно я уже знал, что в пустоте не один.

Когда с меня сняли браслет, солнце показалось мне таким слепящим.

– Я справился?

– Да, Жданов, – сказал мне Эдуард Андреевич.

Так мы играли до позднего вечера.

Диана сказала нам:

– Теперь я стала вас больше уважать. Вы проходите через такие вещи.

Мила сказала:

– Это очень интересно.

Ванечка сказал:

– Они все страшно перепугались.

А Алеша сказал:

– Давайте не будем об этом.

Я был согласен с Алешей.

Самый лучший результат показала Фира, она смогла почувствовать нас всех. Андрюша совсем никого не почувствовал, но Эдуард Андреевич велел ему не отчаиваться.

Впрочем, по-моему, Андрюша особенно и не отчаялся.

Вечером мы сидели на балконе, и Андрюша свесил ноги вниз.

– Это опасно, – сказал я.

– Тут перегородка, – сказал он.

Я сказал:

– Все равно опасно.

– Я хочу найти Борин пистолет, – сказал Андрюша.

– В комнате его нет. Я проверял. Наверняка зарыл где-то на территории. Такое вопиющее нарушение правил. Это ведь оружие. Между прочим, я еще в начале лета жаловался Максиму Сергеевичу, и он не предпринял никаких мер.

– Хочу его найти.

– Поиск затруднен тем, что мы не способны подвергнуть Борю допросу.

– Свиньи и коровы не всегда умирают. Иногда их парализует. А потом мясник обескровливает их.

– Сначала – подвешивает. Порядок должен соблюдаться во всем.

– А человек бы от такого, наверное, умер. Мне кажется, череп свиньи толще, чем череп человека.

Мы помолчали, а потом Андрюша сказал:

– Знаешь, как бы я себя нарисовал?

– Нет, – ответил я.

Он взял острый камушек, белый камушек и нарисовал на бетонном полу балкона крошечного, сантиметра в два, человечка.

Человечек висел вниз головой.

Я сказал:

– А почему именно так?

– Я такая пустота, как была сегодня с браслетом, – сказал Андрюша. И мне показалось, что он доверяет мне сейчас как никогда. Я положил руку ему на плечо и сказал:

– Никакая ты не пустота.

– Никакая я не пустота, – легко согласился он.

– У тебя еще болит нога? – спросил я.

– Нет, – сказал Андрюша. – Она уже совсем прошла.

Он отлепил пластырь, и я увидел, что ранка стала уже розовой.

Запись 92: Объявление

Послезавтра у нас будет пионербол! Ура-ура-ура!

Это настоящее соревнование!

Чтобы число людей в командах было равным, Володя обещал позвать Маргариту, а Диана – своего друга Кирилла (надеюсь, у них не возникнет конфликт с Андрюшей, ведь все очень серьезно).

Тогда игроков в командах будет по шесть, а это минимально необходимое количество, согласно правилам.

Ура!

Запись 93: Красивая кормушка готова

Сегодня мы с Ванечкой доделали нашу красивую кормушку.

Мы долго старались, без специальных инструментов выжечь рисунок оказалось очень тяжело, тем более что эскиз у Ванечки вышел очень подробным.

Но тем ценнее законченная работа!

Кормушка вышла просто замечательная, сколько мы корпели над ней, и я так боялся ее испортить.

Ванечка теперь тоже научился и делать кормушки, и рисунки выжигать.

Он говорил:

– Ой, так нравится, нравится!

Это, вероятно, значило, что я подарил ему новое хобби.

Кормушка, как я уже упоминал, получилась просто замечательная – ладная, аккуратная. А какой чудесный вышел рисунок! Раскрывшие крылья птицы и большеглазые белки.

Красивые перья, пушистые хвосты! Такие чудные вышли у нас существа!

Веселые, радостные.

– Они тебя любят, – сказал Ванечка. – И меня любят. Они всех любят. Это тебе не злые волки.

Мы любовались на нашу кормушку, я держал ее на коленях, а Ванечка водил пальцем по черному рисунку.

– Красивая-красивая, – сказал он.

– Это потому, что ты очень талантливый, – сказал я. – Твой рисунок – талантливый.

– Хочешь меня хвалить. Нравлюсь.

– Да, – сказал я. – Ты очень хороший.

– А ты – нет. Но ты хочешь, чтобы было так.

Ванечка иногда говорил что-нибудь очень обидное как бы между делом. Я вздохнул.

На дураков, конечно, не обижаются.

Я сказал:

– А зачем тебе кормушка?

– Чтобы для птиц, – сказал он.

– Либо «для птиц», либо «чтобы птиц кормить».

– Ну да. Я так и хотел сказать.

Он засмеялся, посмотрел на солнце и широко раскрыл глаза. Казалось, солнце вовсе его не слепит.

Мне очень хочется, чтобы Ванечка всегда был в порядке. Но

для этого его надо увезти куда-нибудь очень далеко, туда, где никто его не обидит просто за то, что он дурак.

– Птицы, – сказал он. – Птицы, птички. Птичечки.

Потом резко развернулся, показал большие зубы.

– Вот это семья птиц.

– Семья птиц?

– Да, на рисунке.

– А кто есть кто?

– Никто, никто. Ну просто семья птиц.

Он облизнул губы и вздохнул.

– Хочешь, чтобы я был счастливым. Но ты и сам не будешь счастливым.

Я сказал:

– Все-то ты знаешь.

– Я видел такой сон.

– Да, конечно, ты видел.

– Давай вместе посмотрим мой сон, – сказал он.

– Так не бывает, – сказал я. – Сон нельзя разделить, можно только рассказать.

– Ну, – сказал Ванечка, – не хочешь – как хочешь.

– А куда повесим кормушку?

– Никуда, – сказал он, взял кормушку и обнял, как игрушку. – Я буду с ней ходить.

Разумеется, я пытался его отговорить, да только ничего у меня не вышло. Так и ходит Ванечка теперь со своей кормушкой.

Завтра все выйдет, завтра уговорю.

Запись 94: Пионербол

Коротко расскажу про пионербол, чтобы отвлечься.

Вообще-то соревнование вышло замечательным, и мы, конечно, победили.

Но наши противники держались храбро. Кроме того, они тоже очень умелые и спортивные.

Уважение к сопернику есть основа социалистического соревнования.

Однако, несмотря на то, что я вполне горжусь нашей командой, скажу также, что нашу победу можно в определенном смысле считать не совсем честной.

Хотя мне не хотелось бы так думать, но да – мы использовали нашу связь.

Это вышло совершенно незапланированно, но очень здорово.

В пионерболе часто бывает так, что несколько соратников реагируют на мяч одновременно, из-за чего его и упускают. Мы же действовали как очень слаженная команда.

Неестественно слаженная команда.

Я всегда знал, когда подача отправляется мне и кто еще хотел бы ее перехватить. Мы даже спорили каким-то странным образом, не словами, не мыслями, а как бы невидимыми волнами.

Это тоже очень сложно объяснить. Но благодаря этой связи я вдруг почувствовал себя почти сверхчеловеком.

Кроме спортивного азарта, вполне ожидаемого в такой ситуации, я чувствовал нечто еще, какое-то странное превосходство, усиливаемое ощущением общности.

Я знал что-то такое, чего еще не знали мои соперники. Чувствовал что-то такое, чего они еще не чувствовали.

Мы стали чем-то цельным, неразделимым, связанным, а вот на противоположной стороне играли люди, которые умели договариваться между собой только словами.

Им нужно было много слов, много криков и команд.

Все это вызывало у меня своего рода эйфорию, странную, не совсем человеческую. Во всяком случае прежде я такого не испытывал. Мы все были взвинчены и били по мячу ужасно сильно, за что мне теперь стыдно.

Попытавшийся поймать мяч, брошенный Валей, Алеша упал на спину и больно ударился.

Счет: 7:3.

А когда мы сделали перерыв, я вдруг увидел, как все предметы засветились, словно бы у них появились видимые разноцветные контуры. Это было очень красиво, но потом я

потерял сознание.

Пришел в себя уже в процедурной. Оказалось, у меня случился припадок, с судорогами и всем таким, однако я совсем ничего не помню.

Эдуард Андреевич сказал, что это не страшно, однако вид у него был обеспокоенный, и я понял, что это страшно.

Надеюсь, такого больше не повторится.

Запись 95: Станислав Константинович и смерть

К сожалению, у меня случилось еще два припадка. Ночью и утром. Эдуард Андреевич сказал, что это не очень хорошо, и мое тело выдает слишком сильные реакции. Хотя теперь я стал выносливее обычного человека, все-таки я могу таким образом погибнуть, если мне очень не повезет.

Я спросил:

– Могу ли я стать бесполезным из-за припадков?

– Скорее всего, твой мозг будет восстанавливаться довольно быстро. Вряд ли эти припадки приведут к значительной деградации.

– Нет, – сказал я. – Прошу прощения, я спросил не так. Я имел в виду именно бесполезным. Когда у товарища Шиманова, папы Бори и Володи, начались такие припадки, его отправили обратно на Аврору. Это ведь неудобно в бою.

Эдуард Андреевич помолчал с полминуты, а потом сказал:

– Уверен, для тебя смогут найти дело.

Я сказал:

– Но я собираюсь быть героем.

– Лучше бы ты беспокоился о своем здоровье.

– Здоровье меня совсем не беспокоит!

Я чуть не плакал, мне стало так невероятно обидно. Эдуард Андреевич прописал мне противосудорожные препараты и сказал, что припадки вполне могут быть временным явлением, а редкие припадки, не чаще одного раза в полугодие, встречаются у десяти процентов солдат.

Я сказал:

– Но у меня уже было три припадка.

– Все происходящее для твоего организма – шок, Жданов. Твой мозг изначально был склонен выдавать судорожную активность.

Масла в огонь подлил Боря, он все смеялся и говорил:

– Вот! Вот! А какой ты психопат, а? Эпилептоидный! Это все изначально было понятно! Доктор Шиманов никогда не ошибается.

И я вдруг сильно схватил его за запястье, так, что от неожиданности Боря даже вскрикнул. Нас разнял Володя.

– Оставь человека в покое, Борька, – сказал Володя. – Не видишь, болеет человек.

– Я не болею, – сказал я.

Володя сказал:

– А даже если и не болеет, все равно ты Арлена задолбал.

Боря сказал:

– На правду не обижаются.

– Правда глаз не колет, – сказал Андрюша.

– Это-то ты к чему вообще? – взвился я.

И так я на всех почему-то обиделся (хотя дело, скорее, было во мне, в моем состоянии), что попросил у Максима Сергеевича разрешения погулять в городе, и он неожиданно мне разрешил.

Я спросил:

– Вы уверены, что хотите мне разрешать? Вдруг я попаду под машину или утону?

Максим Сергеевич сказал:

– Возможно, ради этого все и затевалось.

И хотя он сказал все в своем обычном стиле, я снова испытал обиду и ушел. Я даже хотел перейти дорогу на красный свет, но не смог.

Мне было так плохо, и я чувствовал, что совершенно никто не может мне помочь.

Тогда, в надежде справиться со своими чувствами, я отправился на почту, чтобы позвонить маме.

Я хотел рассказать ей все, но уже на середине дороги передумал. Мне просто хотелось услышать ее голос.

Я зашел в красивую, обшитую ярким налаченным деревом телефонную кабинку, опустил монетку в автомат, жадно ее сглотнувший, и стал набирать номер.

Монеток у меня имелось не так уж и много, они блестели на ладони и ярко, кисло пахли.

Мама взяла трубку быстро – через два гудка.

Я сказал:

– Привет.

Она сказала:

– Арлен!

Я испугался, мне показалось, ей плохо.

И я не знал, как утаить от нее, что я волнуюсь и боюсь. В письмах это получалось легче.

– Как ты? – выдохнула она.

– У меня не так много монеток, мама, – сказал я.

Шума не было, в кабинке стало душно. Я молчал и водил пальцем по металлическому корпусу телефона.

Мамин голос, чистый и так бесконечно мною любимый, звучал в телефонной трубке ясно и красиво.

Она спросила:

– Почему ты молчишь?

Я сказал:

– Просто хочу послушать твой голос. Я соскучился.

На самом деле я не мог ничего ей сказать. Не потому, что это какая-нибудь военная тайна, а потому, что я не должен причинять ей боль. Потому что я мог причинить ей боль так легко.

– Тебе плохо? – спросила она. – Тебе больно?

Я сказал:

– Нет, все хорошо, просто я решил позвонить. Просто подумал, что ты будешь рада меня услышать.

Еще одна монетка исчезла в автомате.

– Я тебя люблю, – сказала мама.

Я сказал:

– Я хочу собаку. О ком-то заботиться. Но теперь уже поздно, наверное?

– Ты будешь надолго уезжать.

– Да. А ты не хочешь собаку? Ты будешь ее любить?

Мама засмеялась, сказала:

– Какой ты у меня хороший. Конечно, конечно.

– Собака Найда, если не ошибаюсь, я тебе об этом писал, родила щенков. Я хочу взять одного щенка. Я привезу его домой.

– Это замечательно. Это будет твой мне подарок.

– Да, мама, – сказал я. Еще одна монетка исчезла в автомате.

– Тебе больно? – повторила мама.

Я сказал:

– Нет, совсем не больно. Все идет хорошо.

Мне вовсе не нравилось врать, но иначе я совсем расстроил бы свою маму.

Она сказала:

– У тебя такой красивый голос, Арлен.

Я сказал:

– И я тоже очень соскучился, тоже так рад тебя слышать.

– Но, мне кажется, ты грустный.

– Совсем нет. Просто тоскую по дому.

– Здесь все так пусто без тебя.

– Я много о тебе думаю. Ты мне снишься.

– Конечно, Арлен.

Я вдруг понял, что в любой другой момент обсудил бы с ней соседей или империалистическую бойню, которая бесконечно длится на других планетах, социалистическую доктрину как достояние всех народов Вселенной, да и вообще много есть тем для разговора, которые мама охотно поддерживает.

А тут вдруг я говорил вещи очень простые и очень странные.

Мама это тоже заметила.

Она сказала:

– Соседи ведут себя более или менее прилично. Странностей ни за кем не замечено.

– Хорошо, – сказал я. – Ты должна поддерживать порядок. И в случае чего-либо подозрительного, доложи куда следует.

– Конечно!

– Не забывай, что на каждом из нас лежит ответственность.

– Не забываю.

– Всем станут доступны все блага, созданные человечеством, только тогда, когда все прогрессивное сообщество возьмет на себя ответственность прекратить империалистическую бойню и займется конструктивным созданием нового порядка под руководством партии.

– Конечно, милый.

Я сказал:

– Ты меня учила.

Она сказала:

– Я хорошо тебя научила.

Еще одна монетка, снова мамин голос. Так бесконечно любимый.

Я сказал:

– Теперь времени у меня мало. Нельзя занимать телефон надолго. Нужно всегда думать о других. За мной девушка стоит, ей позвонить надо.

– Я люблю тебя.

Я хотел спросить, не стало ли все в мире хуже из-за моего рождения.

Но все-таки я не стал спрашивать.

Я сказал:

– Я тебе должен написать письмо, но пока не могу собраться.

Она сказала:

– Не спеши, я же знаю, что ты в порядке, я же тебя слышу.

– Пока, – сказал я.

– До свиданья, Арлен!

Я положил трубку, открыл дверь кабинки, впустил девушку, которая тут же скормила автомату монетку и принялась набирать номер, на лице у нее сияла улыбка.

Всегда в первую очередь надо думать о других, иначе мы навсегда останемся отсталым обществом с высоким уровнем социального неравенства.

Я вышел на улицу, аккуратно перешел дорогу и пошел на набережную. Хотелось посмотреть на море. Меня переполняли невеселые мысли.

До моря я не дошел, вскоре сел на скамейке и смотрел на людей, гулявших, покупавших мороженое и разные сувениры. Это

о них я должен был думать в первую очередь, но все равно меня волновал я, мои горести, заботы и печали.

Люди на море обычно очень счастливые, и это радует. Редко кто идет грустный, многие улыбаются и смеются.

Я тоже постарался улыбнуться, где-то я читал, что, если улыбнуться – настроение улучшится. И улыбка – первый шаг в борьбе с грустью.

С другой стороны, один на скамейке, с этой улыбкой я бы смотрелся глупо. Да она и не вышла.

Вид у меня, догадываюсь, был такой потерянный и жалкий, что я даже привлек внимание Станислава Константиновича.

– Жданов? – сказал он. – Ты что это здесь один делаешь?

– Здравствуйте, Станислав Константинович, – сказал я. – Я здесь…

Я задумался. Никакого особенного дела у меня действительно не было.

– Сижу, – сказал я.

– Ну сиди, – сказал Станислав Константинович. Он пошел было дальше, но потом развернулся, подошел ко мне и сел рядом.

– Что за проблема? – сказал он. – Ребята обижают?

Я оскорбился.

– Мне совершенно все равно, выходки Бори меня мало волнуют. Я серьезный человек, такие мелочи мне даже неинтересны.

– Ладно, – сказал Станислав Константинович. – А все-таки?

Я сказал:

– Просто сижу. А вы здесь что делаете?

Станислав Константинович сказал:

– Жене подарок выбираю.

Я спросил:

– О, а что вы хотите ей купить?

А потом вспомнил, что Станислав Константинович – вдовец.

– Ой, – сказал я.

– Ну ой, – хмыкнул он. – Не знаю пока, что подарю. Ей, думаю, особенно ничего не интересно. Но это традиция. Я всегда ей что-нибудь привожу.

– На кладбище? – спросил я.

– Да. А куда же еще?

Станислав Константинович говорил об этом без стеснения, которое обычно охватывает людей, когда они рассказывают о смерти, не абстрактной, а близкой и настоящей.

Я сказал:

– Вы очень верный муж. Я имею в виду, вы думаете о ней как о живой.

– Пока я так о ней думаю, она действительно жива.

Мне стало чуточку легче. Утешать других всегда лучше, чем жалеть себя.

Мы сидели рядом, а мимо нас шли люди, счастливые, красивые. Я чувствовал себя как бы выключенным из этой толпы. А как же чувствуют себя солдаты в Космосе? Ведь там они всем чужие и у всех вызывают отвращение, как больные животные.

Я хотел об этом спросить, но вдруг Станислав Константинович сказал:

– Смерть – самая обычная вещь на свете. Я умираю.

Он посмотрел на свои трясущиеся руки.

– Может быть, мне остался год, может быть, полтора. Но это все равно обычное дело. Почему бы и нет? Некоторые умирают, даже не родившись. Такая уж это штука – жизнь.

Я сказал:

– Однажды мы найдем способ, чтобы вообще не нужно было умирать.

Станислав Константинович вдруг усмехнулся, даже почти засмеялся.

– Была, была такая очень старая песня.

Станислав Константинович закурил, и я заметил, как ему неудобно из-за его трясущихся рук. Я знал, это неприятно, но и не догадывался, как нелегко ему делать простейшие вещи.

– И ты тоже умрешь, Жданов. Теперь ты заражен смертельной болезнью, которая убьет тебя в течение десяти-пятнадцати лет. И ты почти точно знаешь, от чего умрешь. Многие этого знания лишены. Но назад повернуть уже нельзя.

Я сказал:

– Вы говорите, как в кино.

Станислав Константинович сказал:

– Да, эту речь я давно подготовил, все думал, кому бы ее сказать. Не надеюсь, что это тебе как-то поможет, но мне просто очень хотелось поделиться.

Я сказал:

– Если честно, я не боюсь смерти. Я боюсь не быть полезным.

– Эти вопросы не ко мне. Я мрачный дядька, вечно думающий о смерти.

– Так вас и характеризует Мила.

– Я знаю.

Мы помолчали, но Станислав Константинович не уходил, и мне становилось легче. В этот момент я так хорошо понял, как люди нуждаются в других людях. Не только в любимых нами, а в людях вообще.

Мне стало грустно, что червь в моей голове навсегда отделил

меня от большинства людей, населяющих Вселенную. Я ведь не выбирал. Но и жаловаться на судьбу никогда не надо.

Я так и сказал:

– Жаловаться на судьбу никогда не надо.

– Это ты правильно отметил. Ты боишься, что принес большую жертву, а она окажется никому не нужна?

– Да, – сказал я. – Помните, у меня был припадок после пионербола, вы тогда болели за Милу, вы же там были?

– Да, – сказал Станислав Константинович. – И если так пойдет и дальше, героем тебе не стать, так?

– Так.

– Мальчишки.

– Вдруг все зря?

– Вдруг, – сказал Станислав Константинович. – Знаешь, что я подумал, когда меня просканировали и назвали мне срок жизни, который у меня предположительно остался?

– Что?

– Что все было зря. Мы всегда найдем о чем пожалеть. В конце жизни жалеют все. Родили ли детей или не родили, состоялись или не состоялись, или состоялись не там. Бороздили ли Космос или сидели дома.

Я сказал:

– Но моя мечта!

– Жалеют о том, что мечты не исполнились, и о том, что мечты исполнились. Лучшее, что ты можешь сделать, – смириться. Смирись с тем, что не все в жизни сложится по-твоему, а однажды ты умрешь.

– Это звучит ужасно.

– Но насколько же тебе станет легче.

Я сказал:

– Вы действительно байронический герой.

Станислав Константинович пожал плечами. Я закрыл глаза и попытался смириться: теперь я заражен страшной болезнью, она меня убьет, но мои мечты могут не сбыться, несмотря на то, что я принес все эти жертвы.

Я открыл глаза и сказал:

– В мире не бывает ничего напрасного.

– Это тоже так.

– Все мы приносим пользу.

– Многие.

– И все вместе влияем на ход исторического процесса.

– Уж не знаю.

– Даже если я не смогу сделать ничего значимого, я все-таки не совсем бесследно пропаду? Вы ведь покупаете жене подарки.

Вы ее любите.

Мне вдруг показалось, что Станислав Константинович понял, о чем я думаю. Он понял, что я думаю о маме. Мне стало так стыдно оттого, что вместо планирования иной созидательной деятельности, я думаю о том, будет ли мама любить меня и таким.

Я сказал:

– Спасибо вам, но мне пора. Максим Сергеевич будет волноваться.

– Вряд ли.

Я сказал:

– Купите своей жене что-то такое, что будет очень долговечным.

– А вот это хорошая идея.

Сначала я думал, что слова Станислава Константиновича мне совсем не помогли, а даже расстроили еще больше. Я шел обратно в санаторий, и на сердце у меня было тяжело.

А потом я вдруг ощутил посреди всей этой тяжести какой-то момент, какую-то секунду, когда она показалась мне подъемной.

Я уцепился за эту секунду, и оказалось, что именно тогда я испытал смирение.

Даже если все будет зря, необходимо приложить все силы, потому что ничего, кроме этих попыток, у нас нет.

И делая что должно, как выразился великий классик, мы найдем успокоение.

Запись 96: Ночной припадок

Оказывается, можно даже не заметить приступа, потому что ты спишь.

Жорж, кстати, сказал, что истинную эпилепсию от истерической отличают в том числе и так, по ночным приступам.

Мне было очень сложно проснуться, голова болела, мысли текли густо и как-то неправильно, словно бы сам их поток отяжелел, будто река зимой. А ведь мышление у меня и без того довольно вязкое.

Тут же оно и вовсе превратилось в мед.

– Жданов! Жданов! – так мне шептали.

Я с трудом открыл глаза, взгляд сфокусировать было сложно.

– Боря? – спросил я.

– Тише, все спят.

Он сидел на коленях перед моей кроватью. Я огляделся: и правда, все спали. Лунный свет лился в комнату, но в остальном ночь была еще глубокой и темной.

– Зачем ты меня разбудил?

– Испугался. Ты опять дергался.

– Да?

– Так точно.

Из-за лунного света волосы Бори казались светлее, чем были на самом деле, и весь он стал каким-то незнакомым.

– Зачем ты меня разбудил? – спросил я снова.

– Ты что, уже потек? Ты это уже спрашивал.

– Да? Не помню. Боря, а почему ты меня все время достаешь?

– Потому, что ты «мудак».

Он помолчал, потом сказал:

– И потому, что такой вот я человек, а ты слабак.

– Нехорошо обижать слабых, – сказал я. Мысли плыли странно, и мне казалось, что Боря меня жалеет.

– Доволен теперь? – спросил я. – Ты лучше меня.

Боря сказал:

– Нет, не доволен я «ни хуя».

Он так и сидел у моей кровати. Я сказал:

– Тебе холодно.

– «Ни хуя», – повторил он.

– Не ругайся, пожалуйста.

Боря сказал:

– Такая лажа конченная это все.

Я протянул руку и прикоснулся к его лбу.

– Ты простудился.

– Да нет же. Я уже не простужусь никогда, наверное.

– Не знаю, – сказал я.

Мы оба замолчали. Я не вполне ясно понимал, что происходит, и в чем, собственно, заключается проблема. А Боря не вполне ясно давал мне это понять. Я сказал:

– Я тревожусь.

Боря сказал:

– Ну, ясен «хуй».

– Но не понимаю, почему.

– Потому, что крыша у тебя подтекает, вот почему. Надо быть мужиком. Встречать удары судьбы, и всякая такая херня. Для мужика это обязательно – удары судьбы, всех похоронить, смерть, смерть, смерть. Мужики любят смерть.

– Мне кажется, нет.

– Но это правда. И червивые люди любят смерть. Мы любим смерть и ее не боимся. Так мой батя говорит.

– Все думают, я боюсь смерти, – сказал я. – Но смерти я не боюсь.

– Ну и правильно. Хоть в чем-то ты мужик. А чего боишься?

– Не быть полезным, – сказал я.

– Мужик ничего не должен бояться.

– Тогда зачем ты спросил?

– Просто так. На самом деле мне неинтересно.

– Понятно, – сказал я. – Я буду спать дальше.

Я закрыл глаза, но Боря щелкнул меня по носу.

– Что?

– Ты какой-то странный. Пиши в свою книжечку.

Он толкнул меня к стене, лег рядом, достал из тумбочки мою красную тетрадь, ручку и фонарик.

– На.

– Я не хочу ничего писать.

– Пиши, я сказал. Я не уйду, пока ты не напишешь.

Он помолчал, а потом сказал:

– Все будет хорошо, больше не будет у тебя сегодня приступов.

Я почему-то ему поверил.

Теперь я думаю, что написать о ночном припадке действительно было полезно. Мысли от того, что мне пришлось писать, хорошо разогнались, и я больше не чувствую себя потерянным.

Запись 97: Вокзальный кошмар

Ладно, ладно, крошка политрук, тоже напишу что-нибудь такое личное-личное в твою идиотскую тетрадочку. Может, это тебя, калечного, развлечет, что ты думаешь об этом?

Помнишь процедуры с кошмарами, всю вот эту бесконечную хуйню со снами и прочим всем? Да помнишь ты точно, лох педальный. Насмотрелся небось ужасов на всю оставшуюся жизнь.

Что у тебя там было? Мамочка отобрала томик Маркса? Ты встретился с Мальчишом-Плохишом, но не смог вздернуть его, су́ку, на суку́?

Ладно, по серьезу, на хуй твой глубокий внутренний мир, мне это малоинтересно.

Поговорим про меня.

Я люблю всякое кино, софиты, камеры и прочее. Когда тебя снимают на камеру, ты сразу супербожество. И в то же время твое лицо никогда уже не будет выглядеть лучше, чем в кино, завидуют они, актеры, наверное, себе сами.

Девчонки тоже любят камеру, для них камера – это как вибратор, они от нее заводятся. Ты знаешь, что это такое, вибратор? Ничего не знаешь, сто пудов. Объяснять не буду, спроси у девчонок.

В общем, кошмары мне понравились, потому что это кино, которое снимают про меня самого. Без видака и зеркала, без всего этого, смотришь на чувака, которым ты и являешься. Просто заебись, меня совсем не ранит.

Но так как ты сегодня бедная, страдающая девочка, я тебе что-нибудь все-таки расскажу.

Знаешь, какой кошмар у меня был про вокзал? Прикольный.

Ты, наверное, не знаешь, но пару раз мы с Володькой сбегали на вокзал. Там жили пару дней или типа того – обстоятельства.

Ладно, какие на хуй обстоятельства, сам понимаешь, просто так на вокзал не сбегают.

Но мы сбегали как-то, да. Там весело и все бухие: бомжи, менты, дети, торгаши с пирожками и кроссвордами, кошки, собаки, крысы. Я тебе гарантирую, нет приличных социалистических лиц.

Зато это настоящее приключение. Вот так вкратце было. А в кошмаре я видел вот что, ну просто кино!

Значит так, я потерялся на том вокзале. Вернее, я потерял Володьку, и я его искал. Там все были чужие, и я не знал никого. Потом забрался в какой-то подвал, к бомжу. Он разделывал себя на мясо и суп варил.

Сказал мне:

– Супу хочешь, Борис?

Я ему сказал:

– Ну а как же?

Мне, конечно, было отвратительно, но я съел – мужику все должно быть однохуйственно, я считаю так.

Потом я опять бродил, все вокруг спешили, а я искал Володьку, и встретил чувака одного, я его лица не видел, он был с камерой.

Он меня спросил:

– Хочешь в кино сняться?

– А то, – сказал я. Я очень хотел в кино сняться, потому что я лучший мальчик, это всем понятно. Я шел как бы спиной назад, сквозь толпу, а он меня снимал.

Я спросил:

– А кино про что?

Он мне сказал:

– Про тебя. Я убил твоего брата, а теперь убью тебя.

Вот такое вышло кино. Потом я очнулся в каком-то подвальном помещении под вокзалом, там надо мной ходили поезда, я это чувствовал, слышал. Я сам висел на крюке вниз головой, и кровь текла. Ну, знаешь, как мясная туша. Так свиней обескровливают. Мой дед был забойщиком, он полный спец.

Передо мной стояло зеркало, и я себя видел. Все еще лучший мальчик, конечно, но бледноват.

Я как бы был мертвый и мог смотреть на себя мертвого, но ни на что не мог повлиять. В общем, разделали меня, и под конец голову мне раскололи. Тогда я как-то, как бы со стороны уже, увидел того червя, который во мне живет. Толстый такой, белый, пульсирующий. Замечательный червь.

Знаешь, что сказал один буржуазный, съехавший на непристойностях писака, причем сказал он это очень-очень давно?

Анатомия, дружок, – это судьба.

Вот какое я смотрел кино. Ничего себе душевный эксгибиоционизм!

Запись 98: Пробежка

Сегодня утром пошел на пробежку с Володей.

Володя меня все спрашивал, не случится ли со мной приступ. Я его убеждал, что нет, хотя на самом деле я не знал. И он не верил.

Он все повторял:

– А у тебя припадка не случится?

Я не хотел, чтобы за меня боялись.

Я сказал:

– Ты долго бегаешь.

– Спортик, все такое. Надо быть в форме.

– Да, – сказал я. – И нельзя позволять себе лениться.

– Ну вперед, – сказал мне Володя. Он разминался, его белые кроссовки казались почти сияющими. Он сказал:

– Нравятся кроссы, а?

– Очень красивые, – сказал я. – Но я против мещанства.

– А то я не знаю, против чего ты, – сказал Володя и засмеялся.

Потом он рванул вперед, и я постарался догнать его. Но Володю никогда и никому не догнать, он очень быстрый. Во всяком случае, я мог бежать долго, хоть и позади него.

Не знаю, сколько кругов мы сделали, но когда Володя перешел на шаг, я почувствовал, как горячо во рту, даже как будто ощутил привкус крови.

Я сказал:

– Раньше, до температуры, я был выносливее.

– Ну да, – сказал Володя. – Это временно, попривыкнешь.

Я догнал его.

Володя сказал:

– Кроссы потом всякий раз такие пыльные. Эх, Арленчик, нет в мире ничего идеального.

Я с ним не согласился.

– Идеальные в мире – идеи.

– Ну да. Платон и все такое.

Я сказал:

– Вот ты же умный юноша.

– Еще какой.

– Тогда почему это от тебя так неожиданно, когда ты так говоришь?

– Про Платона-то? Ну не знаю, из-за того, что речь у меня расхлябанная. Так-то я самый-самый умный.

– У вас в семье все так себя любят.

– Без этого каши не сваришь.

И вот я его спросил, почему Боря такой жестокий. Володя прислонился к дереву, глубоко вздохнул и сказал:

– Ну вот такие вот нервы у него. Он в батю.

Вдруг Володя посмотрел на меня (взгляд у него был ясный, хотя обычно после физической нагрузки у людей он мутный) и сказал мне:

– Я иногда думаю: до чего он на батю нашего похож. Он батю так ненавидит, а как похож – движения эти, тон. Странная штука – семья, да?

Так-то Володя всегда себе на уме, а тут, как мне показалось, говорил он именно то, что его волнует.

Он хотел, чтобы его брат прожил какую-то другую жизнь. Его желание было для меня вполне ясным, хотя я не совсем понимал, как можно видеть Борю таким беззащитным, каким его видит Володя (а я почувствовал в тот момент, что Володя видит его именно так).

Я сказал:

– Мне всегда хотелось, чтобы у меня тоже был младший брат. Я бы его оберегал и заботился.

– Нормально, – сказал Володя. Щеки его раскраснелись, глаза блестели, весь вид стал какой-то лихорадочный, и до чего он походил на Борю.

– Только можно крупно «наебаться», – сказал Володя. – Ведь тебе-то будет казаться, что ты его от всего можешь спасти.

Володя не так часто ругается, как Боря. Я очень удивился.

Запись 99: Ну и ладно

Пусть знает, пусть знает, какой у него брат шикарный.
И не дневничок у тебя, а проходной двор.

Запись 100: Скотомогильник

Арлен попросил написать что-нибудь в красной тетради, чтобы какая-то его запись стала менее заметной.

Я что-нибудь сейчас напишу. Хотя на самом деле я уже придумал что.

Сейчас расскажу Арлену секрет. Только пусть Арлен не показывает свою красную тетрадь взрослым.

Пока все спали в тихий час, я ходил с Дианой в город, даже за город, и мы гуляли.

Она умеет ходить совершенно бесшумно там, где все шумят. Я у нее этому учился.

Диана спрашивала меня о моих увлечениях, и я ей разное говорил. Мы стали очень близкими друг другу людьми, и она мне показала скотомогильник, что за городом, около леса.

Вообще-то детям туда нельзя ходить, и папа ей запрещает.

Это большой карьер, пусть Арлен знает, и там много костей, они белые и такие ажурные.

Кроме костей, есть еще размякшее мясо. Трупы все смешались, и уже непонятно, где заканчивается один и начинается второй. Мясо зеленоватое, еще свалявшаяся шерсть.

Пахнет все это, конечно, плохо.

Около скотомогильника в землю вбит столб, на нем жестяной прямоугольник, а на жестяном прямоугольнике написано: запрещается. Зато я знаю номер скотомогильника: 27. Как палата у девочек: 327. Только минус триста.

Но что запрещается, это уже стерлось.

Вокруг очень буйно растет трава, и огорожен скотомогильник только двумя деревянными балочками. Они почти совсем сгнили.

Мы с Дианой постояли и посмотрели. Она сказала, ее это место пугает и что тут живут черти. Я рассказал ей историю, которая здорово ее напугала. Там мы обнимались.

А может, я это все и придумал, конечно.

Запись 101: Дружеский совет (копия)

Документ был выдан Андрюше на руки, однако я счел необходимым сделать копию ради блага и удобства архивистов будущего, а также в целях повышения выживаемости отдельно взятого документа в суровых условиях нынешнего бытия.

Я бы на твоем месте, Андрюша, мало того, что не уходил больше самовольно с территории санатория, так еще и не забирался во всякие сомнительные места.

Прислушайся! Скотомогильник – место повышенного санитарного контроля, оно представляет собой биологическую угрозу.

Я нашел для тебя санитарные правила. На территории скотомогильника запрещается:

1. Пасти скот;
2. Брать землю;
3. Косить траву.

Кроме того, я подозреваю, что этот скотомогильник появился там незаконно. Нужно разобраться с этой проблемой и обратиться в санитарно-эпидемиологическую службу.

Согласно правилам размещения скотомогильника:

1. Яма должна размещаться на возвышенности. (А не в карьере! Это грубое нарушение! Он заражает во́ды! Кроме того, я не уверен, что ты правильно употребил слово «карьер», однако, как я понял, речь идет об очень глубоком месте.)

2. Его нельзя размещать вблизи лесопарковой или городской зоны. (Двойное нарушение!)

3. Обязательно скотомогильник должен быть огорожен глухим забором с въездными воротами. (А не двумя гнилыми балками!)

4. Стены ямы должны быть выложены камнем или кирпичом! (Этого, как я понимаю, нет.)

5. У ямы должна быть крышка. (А тут все гниет под открытым небом.)

Иными словами, мы здесь имеем дело с нелегальной организацией скотомогильника. Обязательно надо разобраться.

Запись 102: Не забывай, Арлен

Надо разобраться со скотомогильником, если только я не придумал эту историю, чтобы нас развлечь.

Запись сделана для повышения выживаемости моих слов в условиях нынешнего бытия.

Запись 103: Конкурс талантов

Короче, чувак, Макся – мощь. Он мне тут недавно сказал, что хочет для нас организовать конкурс талантов.

А у тебя, малышка, представляешь, никакого таланта нет.

И что ж мы будем делать?

Запись 104: Что?

Если уж ты решил сделать запись в моем дневнике, пожалуйста, приведи разговор с Максимом Сергеевичем, на который ты ссылаешься.

Запись 105: Так, стоп

А нет, подожди, водится за тобой один талант: доебаться на пустом месте.

Запись 106: Официально объявили

Конкурс талантов все-таки будет. Я могу сказать, что полностью доверяю нашему руководству. Если они считают подобное мероприятие оправданным, то я, безусловно, их поддержу.

Однако сама концепция «таланта» кажется мне все же немного сомнительной, потому как в первую очередь человек должен вкладывать в свою деятельность труд и трудом создавать шедевры. «Талант» же, по-моему, превозносит людей праздных и удачливых, вместо того чтобы прославлять честных тружеников.

Таково мое мнение.

Запись 107: Комары

Сегодня вечером нас атаковали комары. Мы сидели на лавочках и разговаривали обо всяком, а комары буквально облепили нас.

Особенно увлеченно мы обсуждали разрушение миров.

– Я думаю, – сказал Андрюша и убил комара, – это возможно. Я слышал, сейчас существует оружие такой страшной мощности, чтобы в момент уничтожить всю планету.

– Ну еще бы, – сказал Володя и убил комара. – Мы-то в таком участвовать не будем.

– Кто знает, куда нас распределят, – сказала Валя и убила комара.

– Таким не занимается, – сказал я и убил комара, – наша великая Родина. Мы спасаем человечество, а не подводим его к краю гибели.

– Если «доебаться», – сказал Боря и убил комара, – то это уже не «подводить к краю гибели», а реально увести за край.

– А я не верю, что так делают, – сказала Фира и убила комара.

– А я слышала, что так можем сделать даже мы, – сказала Валя. – Комары еще эти гребаные!

– Да, – сказала Фира. – Они достали. В смысле «даже мы»?

Володя сказал:

– Ну, говорят, что можно до такой степени свою силу развить, что тупо там все уничтожить. Не знаю, щупальца ядовитые протянуть. Или сожрать тупо всю планету. Я, если честно, не представляю, как это происходит. Ну-у-у так типа: я смерть, разрушитель миров!

– А это откуда?

– То ли из индийской религиозной книжки, то ли ученый какой-то сказал, – ответил Володя.

– Из индийской книжки, – сказал я. – Ученый просто повторил.

– Правильно, Жданов, это знать надо.

– Да комары заели уже, – сказала Валя.

Андрюша специально давал комарам попить своей крови и только потом их убивал.

– Зачем ты так делаешь? – спросил я.

– Потому что иногда они лопаются от крови. Я такое слышал. Хочу увидеть.

– Зачем тогда потом убиваешь? – спросила Фира.

– Это месть, – сказал Андрюша.

– Приколитесь, – сказал Боря. – Будет когда-нибудь такое потом, когда убивать людей будет так же просто. Круто.

– Ничего хорошего в этом нет, – сказал я. – Это должно быть тяжелой работой.

– Но ты ж готов.

– Я готов выполнять любую работу на благо моей Родины.

– Тогда давай ты будешь полы мыть, а я – людей убивать. Не пойдет так, нет?

– Нет, – сказал я.

– Вот-вот, маленький убийца. Батя говорит, что убивать для нас естественно. Что мы вот такие от природы. Убийцы.

Фира сказала:

– А я за собой не замечала.

– Комаров тебе убивать нравится?

– Ну нет, наверное. Просто они меня кусают.

– Такой бесчеловечный подход, – сказал Андрюша. – Представляешь, если испытывать то же самое к людям?

– Не могу себе представить, – сказал Володя. – Люди есть люди.

– Это здесь люди есть люди, – сказал Боря. – А на других планетах? Да там с тобой на остановке рядом никто не сядет. Если там остановки есть, конечно.

– Остановки космических кораблей, – засмеялась Валя.

– Ну да. Межгалактические остановки, – сказал Боря. – С межгалактическими такси и межгалактическими автобусами. В общем, ты там всем будешь противен.

– Я? – спросил Володя. – Да ладно, я замечательный человек, все сразу поймут, как они неправы, как только меня увидят.

Боря и Володя засмеялись, а я сказал:

– Надо просто хорошо выполнять свою работу. Тогда вас будут за это ценить.

Но все-таки я задумался: вот сегодняшним темным южным вечером мы убиваем комаров, потому что они мешают нам болтать, и это так мало нас трогает (как и почти всех людей, в принципе). Но может ли случиться так, что убивать человека станет настолько же просто, скучно, нудно, раздражающе?

Я не хотел бы стать таким типом убийцы. Цинизм разрушает личность.

Мы сидели на скамейках под красивой, яркой луной, убивали комаров и говорили о разрушении миров. Это было очень просто – говорить об этом.

А ночью я весь обчесался.

Запись 108: О самочувствии

У меня уже несколько дней совсем не было приступов.
Это очень хорошая новость!

Запись 109: Проблема

Все-таки я совершенно не понимаю, что мне представить на конкурсе талантов. Что же мне делать, если я совершенно лишен всяких талантов? Не могу сказать, что я умею что-либо особенное.

Хотелось бы сделать нечто значительное, что было бы оценено коллективом по достоинству, но что?

Я в совершеннейшем тупике.

Запись 110: Кормушка для птиц наконец-то находит свое место

Я спросил Ванечку, что представит он.

Ванечка сказал:

– Я покажу своих дрессированных птиц.

– Не знал, что у тебя есть дрессированные птицы.

– И дрессированные собаки есть.

Все это звучало весьма подозрительно. Я сказал:

– Может, лучше покажешь свои рисунки?

– Со сцены их не увидят, – сказал Ванечка. – А подходить никто не будет. А если подойдут, то им не понравится. Никому не нравятся мои рисунки. Кроме тебя и Жоржа. Ты говоришь – у них душа. А Жорж говорит, что это арабрут.

– Ар-брют, – сказал я.

– Ну и ладно, – сказал Ванечка. – У меня будут дрессированные животные.

Он сидел с нашей кормушкой для птиц и поглаживал изображенных на ней белок.

– Красивая, – говорил Ванечка. – Красивая.

Я сказал:

– Но что же делать мне? Я ничего не умею. Фира будет читать стихи, Валя покажет какие-нибудь спортивные штуки, она такая хорошая фигуристка, и гимнастикой занималась, у Володи вообще полно талантов, а Боря может разыграть любую сценку, Андрюша очень меткий, Мила играет на скрипке, Диана хорошо танцует, Алеша умный, у тебя есть дрессированные животные. А я?

– А ты – Арлен, – сказал Ванечка.

– Но в этом нет ничего впечатляющего.

– Был бы я бы тобой, я бы показывал свою красную тетрадь. Красивая.

– Ты так думаешь?

– Думаю так.

Мы помолчали. Я не стал ближе к разгадке, все-таки мне было совершенно неясно, какой у меня есть талант.

Я сказал:

– Тебе надо повесить кормушку. Кормушка должна исполнять свою основную функцию. Она ведь нужна не просто так.

– Да, – сказал Ванечка. – Туда надо повесить еду для птиц.

– Положить.

– Положить еду для птиц. Но я буду скучать тогда по ней.

Я сказал:

– Ты ведь не расстанешься со своей кормушкой. Ты сможешь видеть ее каждый день. Но при этом тебе будет приносить удовлетворение осознание того, что ты сделал доброе дело.

– Так ты думаешь?

– Да.

Вечером Ванечка позвал меня к себе в номер. Там царил ужасный бардак или, как выразилась Антонина Алексеевна, творческий беспорядок.

Кормушка висела у окна.

– Теперь смотри-ка, – сказал Ванечка. – Я ее так повесил, чтобы они утром прилетали, мои птицы.

Антонина Алексеевна сказала:

– Но это же к смерти. Если они залетят в окно – это к смерти.

– Будет и смерть, – сказал Ванечка и почесал нос.

Антонина Алексеевна засмеялась и сказала ему, что он полный дурак.

Я сказал:

– Подобные суеверия – это чушь. Но вместе с тем необходимо учитывать, что дикие птицы в комнате – это антисанитария. Птицы часто переносят заболевания.

– Ну, например, – сказала Антонина Алексеевна. – Ленечка, ты уж убеди его, пожалуйста, снять эту фигню. Я снимаю, так он орет.

Я сказал, что попробую, но у меня ничего не вышло.

И, кстати, я не Ленечка.

Ванечка сказал, что снимать ничего не будет и ему все нравится. Объяснять ему что-либо оказалось бесполезным.

– Баран он и есть баран, – сказал я, чрезвычайно разозлившись.

Ванечка сказал:

– Я не баран, я волк.

И мне стало стыдно, хотя я его не обидел. Я обнял его и сказал:

– Это твоя кормушка.

– Это теперь моя кормушка.

А на следующее утро Ванечка снова позвал меня к себе в номер. В кормушке резвились птицы.

И они пели.

Это было так красиво.

Запись 111: Монолог Клавдия

В поисках решения своей проблемы, я часто спрашиваю у ребят, кто что представит на конкурсе талантов.

Сегодня Боря и Володя о чем-то громко спорили, но замолкли, когда увидели меня.

Я думаю, речь шла о процедурах, во всяком случае, я слышал такое слово.

Я спросил:

– Ребята, а вы уже придумали, что будете делать на конкурсе талантов?

– Я – ничего, – сказал Володя. – Я слишком взрослый и крутой для конкурса талантов.

– А я, – сказал Боря, – буду читать монолог Клавдия.

Он вдруг посмотрел на свои руки, и на лице его появилось выражение неподдельного ужаса и боли.

– Когда бы кровью брата был весь покрыт я, разве и тогда – омыть не в силах небо эти руки? Что делала бы благость без злодейств? Зачем бы нужно было милосердье?

Володя сказал:

– Пошел ты на хер.

– Мы молимся, чтоб Бог нам не дал пасть иль вызволил из глубины паденья. Отчаиваться рано. Выше взор! Я пал, чтоб встать. Какими же словами молиться тут? «Прости убийство мне»? Нет, так нельзя. Я не вернул добычи. При мне все то, зачем я убивал: моя корона, край и королева. За что прощать того, кто тверд в грехе?

Боря, по-моему, за всю жизнь, во всяком случае, добровольно от корки до корки прочитал только одну книгу, и это был «Гамлет». Зато «Гамлета» он знал наизусть.

А читал он в самом деле замечательно, очень чувственно, хотя ситуация к этому совершенно не располагала. Боря, однако, провалился в историю, как будто в жизни, как на сцене, существует потайной проход, где можно исчезнуть.

Совсем не верилось в то, что он никогда не убивал своих братьев.

– Великий писатель Шекспир, – сказал я.

– Ну во.

А сам я так ничего и не придумал. У меня еще и с фантазией плохо, так Володя сказал.

Запись 112: Питомцы

Я хочу, чтобы Арлен знал, кто-то сказал: все, что люди могут сделать с животными, может быть сделано и с людьми.

Представь себе, если мы все-таки найдем инопланетян, у них могут быть люди-помощники, как собаки-поводыри.

Например, инопланетянин состоит из слизи. Человек может открывать для него дверь или включать для него свет. Или подавать ему вещи. Это будет человек-помощник.

Но его, конечно, обязательно надо будет кастрировать. Потому что люди иногда влюбляются и убегают.

Зато ему можно делать стрижку для людей и кормить его едой для людей. А когда он будет болеть, его можно будет сажать в перевозку и возить к человеческому доктору.

Еще люди очень общительные (многие) и социальные. Они обязательно привяжутся к своему хозяину и будут его любить.

Запись 113: НИЧЕГО СЕБЕ

Господь Всемогущий, дрочер, ну ты даешь.
А давай ты это и представишь на конкурсе талантов?
НУ ПОЖАЛУЙСТА.
ПОЖАЛУЙСТА, БЛИН, ПРЕПОЖАЛУЙСТА.

Запись 114: Придумал

Есть у меня небольшая идея, но сюда ее писать не буду, потому что все читают мой дневник.

Запись 115: Интригует

Ой, у кого-то появились взрослые тайны. А разговоров-то было, типа хорошему человеку скрывать нечего, и прочая вся эта хуйня.

Есть чего.

Запись 116: Безобразия на конкурсе талантов

Коротко: конкурс талантов прошел отвратительно.

Однако неплохие моменты все же были. Опишу все по порядку. В актовом зале с красивым красным занавесом и большой деревянной сценой Эдуард Андреевич взял на себя труд произнести речь.

Он сжимал в руке микрофон и прохаживался по сцене. Эдуард Андреевич, казалось, совершенно не чувствовал никакой неловкости. Вот в чем был еще один его талант.

– Дорогие товарищи, – сказал он. – Сегодня мы собрались здесь, чтобы посмотреть на наше молодое поколение во всем его, так сказать, блеске. Многим будет отрадно увидеть на сцене своих детей. Есть здесь и наши подопечные, и гости нашего санатория, и даже наши добрые соседи.

(Поясню: Диана привела своих родителей.)

– Я очень рад, что этим летом в нашем санатории между гостями и нашими местными ребятами сложилась такая крепкая дружба. Гостеприимство старожилов, а также дружелюбие вновь прибывших помогли зародиться настоящей, основанной на поддержке и взаимопомощи, дружбе, которая, как я надеюсь, продлится еще долгие годы.

Мне стало очень приятно, я ощутил гордость.

– Дружба – это основа основ. Дружба и сотрудничество между людьми – непреходящие ценности, которые были актуальны на Земле, актуальны сейчас на Авроре и остаются актуальны в Космосе. Наша задача как взрослых – учить детей дружить, учить их помогать друг другу. Но дружба никогда не исключает и дружеского соревнования. В пику индивидуализму и неразумному соперничеству, существует также здоровое общественное соревнование, в котором каждый умеет и побеждать, и проигрывать. Призываю вас, впрочем, несмотря на соревновательный элемент нашей программы, по достоинству оценить старания нашей молодежи. Молодежи как будущему нашей планеты предстоит жить и строить жизнь вокруг себя на Авроре и вне ее. Так поддержим же нашу молодежь!

Мне опять стало очень приятно, но в то же время грустно – ведь моей мамы не было рядом, и она не могла увидеть то, что я приготовил.

Впрочем, я не знал, как все пройдет. Может быть, провести конкурс не такая уж плохая идея, подумал я, и перестал

расстраиваться.

Перейдем к самому конкурсу талантов.

1. Мила выступала первой, и ее выступление было, на мой вкус, безукоризненным.

Во-первых, у Милы действительно был самый настоящий талант – она играла на музыкальном инструменте. Во-вторых, мелодия была подобрана замечательно: «Прощание с Родиной» Огинского. В контексте моей жизни и нынешней ситуации, меня эта мелодия очень тронула.

Исполнение также оказалось безупречным. У меня довольно чувствительный слух и, хотя я не музыкант, оценить хорошую игру могу.

Скрипка – самый душещипательный инструмент. Вроде что за название такое: скрипка? Кажется, что скрип – крайне неприятный звук. Однако отчего-то музыка, исполняемая на этом музыкальном инструменте, очень сильно меня трогает. Она пронзительная, входит в мозг, будто спица, болезненная, верткая, легкая. Чудесная музыка.

А кроме того, «Прощание с Родиной» еще и очень трогательная мелодия. В ней печаль и тоска по тому, что уже не возвратится.

И сама Мила была просто замечательно красивая в своем черно-белом платье. Она нежно прижимала скрипку к подбородку. Выражение ее лица казалось сосредоточенным, но в то же время немного забавным, один уголок губ все стремился вверх, это придавало ей неожиданное сходство с Ванечкой, с его дефектом. Глаза Мила смешно скашивала на струны. А еще она забавно покачивалась. Но при всем при том была такой красивой, а с развитием мелодии становилась все красивее и будто бы сияла изнутри. Ее пальцы быстро прижимали струны и отпускали их, такие ловкие и белые пальцы, извлекающие из маленькой скрипки чудесную музыку.

Я бы очень хотел научиться играть на музыкальном инструменте. Говорят, это очень полезно для мышления, кроме того, развивает математические способности. Очень было бы интересно проверить.

Однозначно, я считаю, что победа должна была достаться Миле.

2. Фира читала стихи. К сожалению, стихи были не о войне, а о природе. Я люблю природу, но больше люблю войну, поэтому особенно я не заинтересовался. Но Фира, конечно, читает хорошо, и память у нее преотличная.

3. Володя нехотя, будто бы из-под палки, сделал пару подчеркнуто достойных трюков с мячом, которые были встречены

на ура. И несмотря на то, что Володя демонстрировал незаинтересованность в конечном результате, все прошло у него без единой запинки.

У меня создается впечатление, что на самом-то деле ему хотелось всех поразить. И особенно Маргариту. Она вместе со своей мамой и Жоржем (который их и пригласил) сидела в зрительном зале со скучающим видом. Я это знаю, потому что то и дело на нее оборачивался. Маргарита жевала жвачку, но, к счастью, пузырей не надувала.

4. Алеша долго исполнял наизусть «Илиаду». Эдуард Андреевич остановил его прямо перед началом бесконечного перечисления кораблей во второй Песни.

– Спасибо, – сказал он. – Алексей, большое вам спасибо!

Я изрядно устал слушать Алешу, но такое упорство, с другой стороны, мне представляется весьма похвальным, как, впрочем, и широкая эрудиция.

5. Дальше выступал я. Я решил прочитать всем свой манифест к людям будущего из моей красной тетради. Однако, этот манифест был короткий, да никто его и не оценил (в чем я обвиняю, скорее, свое недостаточное красноречие, чем политическую пассивность слушателей). Я очень волновался, выпустил из рук тетрадь, она упала и раскрылась на странице, где я рассказывал о катере.

И я решил прочитать о нем, а потом добавил еще несколько историй о море. Кажется, эти мои записи возымели некоторый положительный эффект, хотя, конечно, фурора я не произвел.

А Жорж, между прочим, сказал мне потом, что у меня есть дар слова.

Впрочем, он, конечно, добавил, что я не такой остроумный и не так легок в письме, как сам Жорж.

6. После меня выступали Валя и Диана, они подготовили совместный номер. Диана танцевала, а Валя совершала вокруг нее разные гимнастические трюки. В конце, когда уже закончилась музыка, Валя решила продемонстрировать свою выносливость и долго стояла на руках. На Вале был совершенно чудесный блестящий купальник, и выглядела она очень празднично. Что касается Дианы, она танцевала не так уж ловко, зато с полной самоотдачей и безо всякого стеснения.

7. Затем Андрюша продемонстрировал меткость стрельбы из самодельного лука. Он попал точно в цель четыре из пяти раз. Настоящий молодец!

8. Выступление Ванечки я ждал с большим волнением. Я хотел, чтобы его оценили по достоинству, но номер, который он обещал, показался мне небезопасным. Пока Ванечка шел к сцене,

из-за пазухи у него доносился активный и встревоженный птичий клекот, а рубашка была перевязана на поясе.

Ванечка вывел за собой и щенков, но они отказались выполнять его команды, кроме белого – тот был большой умница и крутился на месте за угощение. Ванечка разозлился, топнул ногой, а щенки подумали, что он с ними играет и затявкали на него. Поднялся шум, все смеялись, но номер явно не удавался таким, каким Ванечка его задумал.

Тогда он вытащил из-за пазухи двух черных птичек.

– Теперь, – сказал он. – Мои дрессированные птицы.

Птицы оказались не дрессированные, а самые обыкновенные, они взлетели к потолку и бились там, очень испугались, кричали, потом успокоились и уселись на балке, державшей занавес.

Я классифицировал происходящее, как жестокое обращение с животными, а сам Ванечка не пострадал только чудом, я думал, что живот его будет страшно исцарапан птичьими коготками, однако ему чрезвычайно повезло не получить ранений.

Все принялись пытаться поймать или выгнать птиц, воцарился хаос. Наконец Боря сказал:

– Эй! Им и там неплохо! А я еще не выступил!

Ему уступили, хотя всех явно больше занимали птицы. До определенного, по крайней мере, момента.

9. Я думал, что Боря, как он и обещал, прочитает монолог из «Гамлета», однако он схватил микрофон и сказал отвратительнейшую речь. Не стану ее здесь приводить самостоятельно. Вот пусть он сам и расскажет, что случилось.

Запись 117: Та самая речь (легендарная)

И я сказал:

– Товарищи, добрый вечер! Прошу без лишних оваций, они меня только смущают. Вот так, хорошо! Полная тишина! Это прям замечательно у вас выходит. Значит так, есть у меня братишка или даже брат, он же старший, серьезный человек. Ой, да вы его видели, он тут в футбик на сцене гонял. Отлично у него все получается. Золото, короче, а не брат. На, брат, тебе привет со сцены. В общем, мой брат, он на год меня старше, но ответственности у него – во! Все равно родители на нас забили, им типа не до нас, а когда до нас, так лучше б было не до нас. Так вот, так как они хер на нас положили, то росли мы как сорняки. Брат мне за папу, маму, тетю, дядю и собаку. Ну, так вышло, знаете ли. И так как он мне за мамочку, он как бы волнуется за меня очень сильно. Он говорит: а тебе это надо? Будут тебе там, в Космосе, руки-ноги отстреливать всякими приблудами иномирными. Надо оно тебе? Он переживает, что мне будет больно. Ну вы представляете? А как вы считаете, мне когда-нибудь бывает не больно? Я имею в виду, результат налицо – посмотрите, я весь горю! Несите огнетушитель и все такое прочее. Я имею в виду, верим ли мы в то, что дети способны не только на дружбу и всякое там, а еще на разумный выбор? По-моему, они не способны. Я еще в своей жизни ни разу разумный выбор не сделал. Даже вот когда мы бываем в кафе, все время я заказываю только херню всякую. Хоть бы раз что приличное взял. И это при том, что мы можем теперь только пить! Все равно! Короче, жизнь – это череда сделанных тобой выборов. Мои все выборы – отстой. А вы меня – в Космос. Да что я там буду делать? Нет, правда, а что я там буду делать? Почему никто не говорит? Убивать, убивать, убивать, убивать, убивать! Между прочим, мой папаша летом катается по свежей траве и кричит: убивать! Как это там называется? Какой это синдром? Ну все же помнят! Все же помнят! Короче, что делать-то будем? Отправлять в Космос детишек и дальше? А что? Это – мощь! Дети юркие и тупые, а еще на них всем плевать! Есть у меня товарищ, хотя никакой он мне не товарищ, конечно, так он все время говорит, что экономика – это базис. Очень нас вышло дорого обучать или не очень? Я просто не знаю, потому что мы живем на самой справедливой планете в мире. Лично я умру молодым, но мне такое нравится. Не хотелось бы дожить до вашего возраста, сердца у вас черствые,

члены не стоят и спины у всех больные. Ладно, тут я уже пережал. Но вы меня простите, я ведь скоро умру. Только не переживайте за меня, мне совсем не больно, вернее, я обожаю боль! Жалко очень брата, и девочку жалко, которая мне нравится, киса, кстати, привет, ну и вообще. Ладно, что там еще? Война! Война! Обожаю войну! Меня так научили, и я люблю войну! Я, мать его, Ахилл! «Яростный гнев охватил» или как там было, Леха, как там было? Надеюсь, конечно, я не буду брать одну эту несчастную Трою десять лет – уж как-то это много, а? Леха, Леха, еще созрел вопрос: почему она вообще называется Илиадой? Чего он там пищит? Повторю для всех, чтоб все были умными. Илион – второе название Трои! Вот так вот. Будем знать. Ну да ладно. Война, говорю, война! А мы ведь самый мирный народ во Вселенной! А вы что думаете, а? Что, Жданов? Что я обещал? Монолог Клавдия? Не то Там, наверху. Там в подлинности голой, лежат деянья наши без прикрас. И мы должны на очной ставке с прошлым держать ответ. Так что же? Как мне быть? Покаяться? Раскаянье всесильно. Но что, когда и каяться нельзя! Мучение! О грудь, чернее смерти! О лужа, где, барахтаясь, душа все глубже вязнет! Ангелы, на помощь! Скорей, колени, гнитесь! Сердца сталь, стань, как хрящи новорожденных, мягкой! Все поправимо.

(Тут я поклонился в пояс дорогим моим зрителям, микрофон отбросил, как букет цветов.)

Бедные чувствительные женщинки и мужчинки. Жаль, никто не лишился чувств. Микрофон пронзительно так взосвистел (а есть слово-то такое?), и Станислав Константинович засмеялся в полной тишине. Смеялся он на моей памяти впервые.

– Я считаю, – сказал он, – это определенно первое место.

Так все и было, прям по-чесноку.

Все решили, по ходу, что я подманиакаливаю, и меня пожалели. А я думал, что мы обсудим.

Один только Ванюшка-дурачок сказал мне, между прочим, что на Авроре только я последний в курсах, что это такое – грех. Поместил в своей памяти эти слова. Искать: рубрика «Удивительно удачные комплименты и пожелания, высказанные олигофренами».

Макся меня теперь, конечно, наказал, и на набережную я гулять не пойду.

Ну и на хуй набережную.

А кроме того, я считаю, что Карфаген должен быть разрушен.

Рушить! Рушить! Рушить! Ломать не строить.

Скукота.

Запись 118: Ночные мысли

Речь Бори ужасная и совершенно непозволительная. Помимо всего прочего, было просто невежливо испортить всем праздник таким образом. А еще хуже, что он считает теперь себя победителем, потому что Станислав Константинович высказался про его номер в том духе, что нужно дать Боре первое место.

И хотя это явно был такой сарказм или ирония (не очень вижу разницу), все равно в результате никого не судили, праздник Боря сорвал, и потом мы только птиц пытались выгнать.

Надеюсь, ничего Боре серьезного за такое не будет. Эдуард Андреевич говорит, что в связи с процедурами, которые мы проходим, и ксеноэнцефалитом, которым мы страдаем, такие проявления очень даже возможны, и стоит простить Боре некоторую экспрессивность.

Речь была, повторюсь, ужасна, но я задумался о себе. Я уже говорил: физически я сильный, но не очень ловкий. Я часто причиняю боль случайно, часто что-то ломаю весьма неумышленно. В детстве, когда я в первый раз поехал в деревню к бабушке, я так сильно обнял там цыпленка (цыплят я прежде видел только на картинках), что задушил его (это ужасно и до сих пор меня мучает).

И вот после Бориной речи, гуляя по набережной, я так сильно ощутил одну вещь, и сейчас ее ощущаю.

Я нечто такое, что создано причинять боль.

Запись 119: Раненый еж

Сегодня вечером нашли ежа. Он повредил себе лапку и плохо бегал, его окружили щенки Найды и лаяли на него.

Володя спросил у работников столовой строительные перчатки. В столовой их не нашлось, но нашлись в подсобке.

Я, конечно, всех предупредил, что еж может быть бешеный, но никто не поверил.

– У меня и так уже есть энцефалит, – сказала Валя. – Одним энцефалитом больше, одним меньше. Может, я их коллекционирую.

Я восхитился ее смелой позицией, а потом и сам забыл о бешенстве. Мы очень сильно выхаживали ежа. Перевязали ему лапку и шину наложили, напоили водой и дали кусочек мяса.

Ежам нельзя давать молоко! От молока им становится плохо. Это важное правило, помните его, если имеете дело с ежами.

Судьба ежа очень беспокоит меня.

Это замечательный еж. Есть на Авроре ежи, привезенные когда-то с Земли (наш вот такой), а есть и свои. Аврорианские ежи живут в реках и ужасно ядовиты. Чем-то они похожи на земных утконосов, только колючих. Думаю, лучше сравнивать местную фауну с земными животными, потому что люди на других планетах, скорее всего, знают о земных животных многое.

Наш еж был совершенно обычный: черно-серый, с глазками-бусинками и чудесными иголками.

Мы долго ссорились по поводу того, как назвать ежа, в конце концов Валя сказала:

– Это Николай.

– Да почему? – спросил Володя.

– Ну сразу же видно, что это Николай.

Так еж и был назван.

Боря сказал:

– Но я все равно буду звать его Убийца.

– Николай Убийца.

– Звучит круто, – сказал Володя.

В общем, Николай Убийца – замечательный еж, хотя с выбором имени я не совсем согласен. Мы возились с ним до самого отбоя.

А сейчас я проснулся среди ночи и увидел, что Николай Убийца спит у Бори на подушке.

Это невероятно опасно – спать с ежом на подушке. Можно травмировать голову.

Боря хмурился во сне, выражение на его лице было

ожесточенным и одновременно детским.

Какой же ты злой мальчишка, подумал я, взял из Володиной тумбочки строительные перчатки, снял ежа с Бориной подушки и положил в коробку, где Николаю Убийце все было выстелено тряпками для тепла и мягкости.

Замечательный теперь есть у нас еж.

Спокойной ночи.

Запись 120: Как чувствует себя Николай Убийца

Николай Убийца чувствует себя очень хорошо. Он активно кушает, но грызет свою повязку. Максим Сергеевич обещал сводить Николая Убийцу к ветеринару.

Все мы отправимся с Максимом Сергеевичем, кроме Бори, ведь Боря все еще наказан, но завтра, если он будет хорошо себя вести, сможет пойти с нами на море.

В остальном никаких новостей нет.

Запись 121: —

Сегодня утонул Володя.

Запись 122: Кошмар

Даже не знаю, как обо всем и написать, но, наверное, надо. Да, обязательно надо.

Сегодня приехали товарищ Шиманов с тетей Леной, но тело не забрали. Об этом позже расскажу.

Все еще не могу поверить, и думать об этом страшно, и три дня уже жду его, когда он вернется. Не могу осознать, что так вот случилось. Совсем я не ожидал, что у нас может произойти такая беда.

Когда у тебя есть великая цель, кажется, что только ей все и подчинено, а несчастные случаи всегда происходят с кем-то другим.

Но ведь это неправда, я теперь знаю. Очень мне больно, сложно формулировать, подбирать слова. Раньше мне казалось, что я могу написать о чем угодно, а здесь вдруг все не то, не нравится, пугает или неприятно.

Как будто я трогаю что-то хрупкое грязными руками.

Но, если не напишу, наверное, ни с чем не справлюсь, а надо быть сейчас очень спокойным и сильным, есть люди, которым гораздо хуже, чем мне.

Вечером мы пошли на море. Погода испортилась, но мы упрашивали Максима Сергеевича и он согласился. Зачем только мы его упрашивали? И я ведь тоже упрашивал.

Море было штормовое, бурное, и небо над ним казалось почти таким же темным, как вода.

– Никто купаться не полезет, – сказал Максим Сергеевич.

С этим я был абсолютно согласен, потому что купание в волнах может быть очень опасным. Волны незаметно утаскивают человека от берега, сбивают ритм его дыхания, а также из-за них можно удариться о камень.

Словом, штормовое море даже у самого берега таит в себе множество опасностей. Оно недоброе.

Однако все остальные начали умолять Максима Сергеевича разрешить немного поиграться с волнами. Это желание было нехорошим, но ожидаемым – мы еще никогда не видели штормового моря, кроме как на репродукциях картин Айвазовского в музеях.

Оно в самом деле было очень красивым. Я видел много красивых вещей, но штормовое море – один из самых прекрасных природных феноменов на свете.

Жаль, теперь я больше не смогу им любоваться.

Купаться я отказался. Ситуация показалась мне небезопасной.

Несмотря на то что я оценил штормовое море как источник беспокойства, я и представить себе не мог, чем все закончится.

Я сидел на берегу, перебирал тусклый песок и смотрел, как девочки пытаются оседлать волну. Они прыгали и подныривали, верещали, кружились на месте. У берега волны были большими, но не пугали так сильно. Андрюша всякий раз вставал на колени и ждал, пока волна не ударит его в грудь, не опрокинет, меня это смешило – до чего нелепо.

На пляже, кроме нас, почти никого не было, а все купальщики рассредоточились около берега.

Максим Сергеевич вытащил из-под волны Фиру, наклонился к ней, что-то спросил, она засмеялась, и я услышал ее далекое, звонкое:

– Все нормально!

Песок был влажным и неприятным, я пытался что-нибудь нарисовать или слепить, словом, заняться какой-нибудь созидательной деятельностью, но у меня ничего не получалось и, если честно, я скучал.

Скорее бы, думал я, все вышли из моря.

Еще я подумал, что ребята быстро высохнут из-за лихорадки. Я зевнул, посмотрел на темное небо и поймал носом первую, несмелую каплю дождя.

А потом, совершенно неожиданно, я ощутил невозможность вдохнуть. Вода затекала в рот и в нос, я чувствовал панику, ногу свело судорогой, голова кружилась, я хватался за кого-то и старался вскарабкаться наверх, мои ногти впивались в чью-то кожу, невольно я делал кому-то больно.

Я тонул. Как страшно. Волны были такими сильными, и я не мог с ними справиться, всякий раз волна накрывала меня с головой. Но я мог выбраться наверх, держась за него, и я больше ни о чем не думал.

Секунда, крошечный вдох, и опять волна. Грудь разрывалась от боли, мне очень хотелось дышать.

И в то же время я оставался самим собой, сидел на берегу, в песке. С трудом сориентировавшись, я крикнул:

– Максим Сергеевич!

Волны шумели, он обернулся, махнул мне рукой. Я побежал к нему, в первую очередь думая об Андрюше.

– Андрюша! – кричал я. – Андрюша!

Тут Андрюша мне ответил:

– Что такое, Арлен?

Я осекся, упал в воду, не почувствовав ее, потому что в бескрайней и страшной воде я оказался еще прежде.

– Кто-то тонет! – крикнул я. Разбираться у меня не было

времени, горло перехватил спазм, я не мог вдохнуть.

Максим Сергеевич поднял меня и тут же крикнул Андрюше:

– Быстро из воды, позови спасателя с поста!

Потом Максим Сергеевич поднял Фиру и Валю из воды:

– На берег, сейчас же! Жданов, где тонут?

Я покачал головой. Я не видел ни Володю, ни Борю. Бурное темное море не позволяло их разглядеть.

Утопающие крайне редко зовут на помощь, я об этом читал. Им не хватает воздуха, чтобы позвать.

Грудь разрывалась от боли, я и сам задыхался, Максим Сергеевич держал меня за шкирку, чтобы я не упал, волны били меня по ногам.

В той ситуации мне сразу захотелось броситься в море, но это самое глупое, что можно сделать. Я их не видел. Все вокруг стало серым, дождь усилился, вода была теперь сверху и снизу.

А потом вдруг я разглядел светлую Борину голову вдалеке от берега (впрочем, не так далеко, как я боялся).

– Там! – крикнул я, и горло тут же снова перехватило. Максим Сергеевич уже бросился в воду, а дяденька-спасатель, которого я даже не заметил, для начала вытолкнул меня на берег.

Я лежал на песке, и все у меня внутри сжималось от спазмов. Небо заволокли еще больше темнеющие облака, сверху на меня лилась вода, и я боялся ею захлебнуться.

Я не мог вдохнуть, вода затекала в нос. В груди словно все разворошили, болело горло.

Как же тяжело дышать, подумал я, так похоже на приступ астмы, как его описывал Алеша.

Потом все стало цветным, и я потерял сознание. Но очнулся, по-видимому, очень скоро. Я увидел, как Максим Сергеевич и дяденька-спасатель тащат их на берег. Боря в руках у Максима Сергеевича непрестанно кашлял, а Володя был без сознания.

Я сразу испытал облегчение. Мне показалось, что если Володю вытащили сразу, то он точно не утонул, совершенно точно еще можно будет оказать ему помощь.

Дяденька-спасатель, как мне показалось, грубо швырнул Володю на песок.

Вы видели когда-нибудь, как проводятся реанимационные мероприятия? Наверное, вы видели это в кино. На самом деле все немного не так.

Во-первых, реанимационные мероприятия должны проводиться долго, вплоть до приезда скорой. А в скорой еще в течение сорока минут.

Во-вторых, совершенно необязательно дыхание рот в рот, самое главное – это качать сердце.

В-третьих, качать сердце очень тяжело. Лучше, если это будут делать два человека попеременно.

В-четвертых, когда звоните в скорую, обязательно называете:

1. Адрес (точный).

2. Состояние человека: нет сознания/нет дыхания. Потому что если нет дыхания, приедет реанимационная бригада.

3. Обязательно необходимо сказать: приступаю к реанимационным мероприятиям. Потому что иначе правда жизни такова: скорая может поставить этот вызов ниже по приоритету, ведь без реанимационных мероприятий человек погибнет до приезда скорой. Если же кто-то качает его сердце, появляется шанс.

А еще очень важно правильно определить точку, где надо качать. И сама техника довольно сложная. Словом, много тонкостей.

Я знал все это в теории: нас учили оказывать первую помощь. Однако я не знал, что в реальности все окажется так страшно.

Я не знал, что на грудь Володе будут давить так, что хрустнут ребра.

Я не знал, что из его рта будет вырываться столько воды – и как только в нем поместилось?

Я не знал, что его глаза откроются, темные, знакомые глаза и окажется, что зрачки в них неподвижны.

Я никак не мог поверить, что с Володей случилась беда. Это мой друг, мой товарищ – как я мог подумать о том, что он больше никогда не заговорит, не будет дышать, не будет двигаться. Мы шли на море и смеялись, а теперь он был так страшно неподвижен и это совсем не укладывалось в голове.

Возникло словно бы две параллельные картинки: на одной Володя обычный, живой, смешной мальчишка, на другой – бледный до синевы с открытыми и неподвижными глазами.

Эти Володи в моей голове никак не смыкались, словно отталкивались друг от друга два магнита. Я не понимал, что это его новое состояние может быть теперь навсегда. Такой мысли я даже не допускал.

Я вообще не понимал, что это тот же самый Володя. Мне все казалось, что настоящий, не синюшный, не обмякший Володя с нормальными глазами, в которых сужаются и расширяются зрачки, подойдет ко мне со спины и скажет что-нибудь вроде:

– Во прикол, да?

– Да, – скажу я и, может быть, заплачу.

Но Володя был только один. Он дергался, когда дяденька-спасатель со всей силы наваливался на него, и это казалось мне признаком жизни, однако было только реакцией неживого тела на

движение, на воздействие извне.

Из его рта лилась вода, и это тоже казалось мне признаком жизни, однако же вода выливалась из-за того, что ее с силой выталкивали из его груди руки дяденьки-спасателя.

Наши девочки, обнявшись, плакали. Мы с Андрюшей стояли рядом с Борей. Боря продолжал кашлять, я вытирал его полотенцем и смотрел на Володю.

Володя был покрыт синяками и царапинами, как яркими мазками краски покрыт бледный, загрунтованный холст.

Я все думал: с какой же силой надо цепляться, чтобы оставить такие царапины короткими, ухоженными Бориныминогтями.

Боря все кашлял, из его рта текла вода, его стошнило желчью.

– Может, его постучать по спине? – спросил Андрюша.

– Не знаю. Не знаю, – сказал я рассеянно, продолжая его вытирать.

На самом деле, вытирать Борю ни для чего не было нужно, но я хотел закрыть ему угол обзора, хотел, чтобы он не видел, что там дяденька-спасатель делает с Володей.

Боря ничего не говорил, он вообще не мог говорить. Я не знал, нужно ли приводить его в чувство, и склонялся к тому, что не нужно.

Я только боялся, что он все осознает, хотя, наверное, зря – его глаза были затуманенными, бессмысленными и совсем светлыми.

Я не мог как следует испугаться. Мне все-таки казалось, что все кончится хорошо. Особенно когда приехала скорая.

Я все еще чувствовал, как у Бори горит в груди, мне и самому хотелось кашлять, но теперь я мог сдержаться. Дождь прошел, небо просветлело и стало почти белым, из-за этого белого неба море казалось теперь черным. Ветер носил всюду песок, тусклый, странный свет лился прямо на меня, и от него глаза щипало, как от взрослого шампуня.

Дяденька-спасатель и Максим Сергеевич все это время попеременно качали сердце Володи, и, когда врачи отогнали их, я увидел, как Максим Сергеевич разминает себе запястье.

Я впервые видел переносной дефибриллятор. Однако я знаю одно правило. После установки дефибриллятора необходимо, перед тем как нажать кнопку, предупредить всех присутствующих: граждане, отойдите, высокое напряжение, смертельно опасно!

Прикоснувшемуся к человеку (телу) будет причинен большой ущерб, в некоторых случаях смертельный. Это очень опасно.

Врачи не предупредили никого, впрочем, зеваки держались подальше. А вот Боря вдруг рванулся вперед.

– Володя!

Я не знал, почему. Может, он подумал, что его брату причинят вред или сделают больно. Боря все-таки был не в себе.

Я едва успел перехватить его, но Боря рвался из моих рук, и мне пришлось его немного придушить, отчего он ослабел довольно быстро. Мы оба упали на колени на песок, и Боря издал странный сухой всхлип.

Я говорил:

– Все будет хорошо, все будет хорошо.

Я правда в это верил.

От тока тело Володи страшно дернулось, но я этому обрадовался – это движение опять вернуло в тело подобие жизни.

Я смотрел за этим снова и снова, смотрел и не мог насмотреться.

Однако настоящей жизни, того, что заставляло Володю улыбаться, умничать, бегать по утрам, целоваться с Маргаритой и волноваться за брата, уже не было. Этого больше не существовало в мире.

И какой бы Вселенная ни была огромной, в тот момент, когда дефибриллятор выключили, она показалась мне невероятно пустой.

Я впервые осознал, что где-то в мире, большом и прекрасном, есть дыра, прореха, куда все утекает в конце концов и исчезает бесследно.

Запись 123: Попробуй сюда что-нибудь написать

Я! Я! Я! Это я виноват, что он утонул! Это я должен был тонуть! Я его утопил! Я случайно его утопил!

Это все я! Я сказал: ты что, боишься? Я, блядь, сказал, что сам ничего не боюсь. Мне было совсем нестрашно!

А Володя говорил: пойдем на берег, Макся будет орать. Макся будет орать, и все такое.

Я смеялся и наглотался воды, тупой идиот, ненавижу, блядь, ненавижу.

Это меня он хотел спасти.

Это я должен был так глупо умереть.

Я должен быть мертвым! Мертвым! Мертвым!

Я должен был там умереть, а он должен жить, потому что он во всем лучше меня.

Я его больше никогда не увижу!

Я его не увижу, потому что я его утопил!

Но я не хотел! Я не хочу! Не хочу, чтобы он умер! Это же мой брат! И на самом деле так быть не может.

Не мог же я его утопить в самом деле.

Но я его утопил.

Я утопил своего брата, и он умер.

Я не увижу его больше никогда.

Мне больно! Больно! Больно! Больно!

Запись 124: Товарищ Шиманов и тетя Лена

Я уже говорил, сегодня родители Бори и Володи приехали.

Товарищ Шиманов сначала ударил Борю по лицу.

– Подождите! – крикнул я.

– Идиот, – сказал товарищ Шиманов и ударил Борю еще раз.

Боря стоял и облизывал кровь из разбитой губы. А потом товарищ Шиманов прижал его к себе и крепко обнял.

Я не знал, что и думать. Люди часто ведут себя странно, когда у них случается горе.

Тетя Лена стояла чуть поодаль, она была очень красивой: в ярком платье, накрашенная, но при этом ее лицо вообще ничего не выражало, словно на самом деле она спала.

– Так, – сказала она. – Мы с Сашей подумали.

– Да, – сказал товарищ Шиманов, он резко оттолкнул Борю, невероятно быстро схватил Максима Сергеевича за воротник, притянул к себе так, что ткань треснула.

– В общем так, – сказал товарищ Шиманов. – Пусть еще в морге полежит. Может, оживет?

Какая беспомощная фраза в обычной жизни. Но здесь, сейчас – она имела смысл. Метаморфозы Володи уже начались, кто знает, как далеко они могли зайти.

– Но врачи констатировали…

– Да мне «поебать», что они там констатировали, – сказал товарищ Шиманов. – Пусть полежит еще.

А Эдуард Андреевич с ним неожиданно согласился.

– Да, – сказал он. – Случай неоднозначный. Нужно быть уверенными до конца. Пусть полежит еще.

– Его не вскрывали? – спросил товарищ Шиманов.

– Пока нет.

– Пусть не вскрывают, – сказала тетя Лена. – А то вдруг они его так убьют.

Боря весь дрожал, Андрюша гладил его по плечу.

– Что тут ошиваетесь? – сказал товарищ Шиманов. – Вон пошли!

Я сразу понял, что товарищ Шиманов будет говорить с Максимом Сергеевичем. Я знал, что у него как у нашего куратора будут большие проблемы. Они ждут его в Космосе. Здесь, на нашей планете, Максим Сергеевич экспат и никто на Авроре не имеет права его судить.

Я осуждаю Максима Сергеевича за халатность, несомненно

преступную, но, кроме того, мне его жаль.

Жалость эта до некоторой степени иррациональна, ведь по сути его бездействие можно назвать саботажем. Я уверен, что там, наверху, разберутся. Но я не хочу, чтобы разбирались.

Зато после того, как товарищ Шиманов сказал, что не будет забирать Володю, мне стало легче.

Разве не может он ожить?

Ведь может.

Это теоретически возможно.

Вот что значит: до последнего не терять надежду!

Запись 125: Невыносимо

Очень хочется увидеть Володю. Его кровать заправлена. Это он сам ее заправлял, с тех пор никто не трогал.

Володина кровать заправлена им самим, а он сам лежит в морге.

Как, должно быть, будет ему холодно и страшно на этой жесткой металлической полке, когда он проснется.

Запись 126: В морге

Сегодня ночью мы ходили к Володе, так получилось.

Я бы никогда не совершил незаконное проникновение в морг, однако оставлять товарища в беде – тоже не в моих правилах.

Пришлось выбирать.

Я проснулся посреди ночи от шума, Боря куда-то собирался.

Я спросил:

– Куда ты?

Боря сказал:

– К Володе.

– А, – сказал я, перевернулся на другой бок и приготовился спать, а потом вдруг вспомнил все, мне стало больно, я мгновенно проснулся.

– Куда?

– А где он, по-твоему? Не помнишь?

Голос Бори ничего не выражал, казался пустым, незнакомым.

Я сказал:

– Ты что, идешь в морг?

– Ну.

– Подожди!

– Нет.

– Я с тобой!

– Ладно.

Я разбудил Андрюшу.

– Боря идет к Володе.

– В морг? – спросил Андрюша. Он вовсе не выглядел так, будто спал.

– Да.

– Нельзя его туда одного отпускать.

– Я тоже так думаю.

Вот почему мы отправились втроем.

Выйти из корпуса оказалось очень легко: Максима Сергеевича вызвал к себе Эдуард Андреевич для связи с Космосом.

Я спросил у Бори:

– А ты знаешь, где…

– Через дорогу. Здание тоже принадлежит санаторию. Но оно через дорогу.

Мне показалось, что он заплачет. Я уже плакал из-за Володи.

Ночной город был освещен хорошо, ночью вовсе и не страшно одним. Правда, когда мы переходили через дорогу, Боря даже не смотрел по сторонам. Он просто шел навстречу машине, я успел отдернуть его в последний момент, и красный «москвич» с ревом

пронесся мимо нас. Боря даже не вздрогнул.

Мы увидели небольшое серое здание. Под апельсиновым светом фонарей оно выглядело почти игрушечным.

– Там, наверное, есть охрана, – сказал я.

– Не внутри, – сказал Андрюша.

– А ты откуда знаешь? – спросил я.

– Я спрашивал. Но, может быть, какой-то доктор еще работает. Надо только понять, куда нам. Повезло, что его не отвезли в судебный морг или в детский. Он же солдат. Был. Мог быть.

Боря ничего не сказал, он пошел вперед так, словно ему все было известно заранее.

– Может, он чувствует? – спросил Андрюша.

Мы пошли за Борей, он совершенно не обращал на нас внимания. Я вдруг подумал: может, Володя зовет его?

Но и это, как мне кажется, было неправдой.

И все-таки, я думаю, Боря знал, где тело. Он обошел здание вполне уверенным шагом, подошел к окну, до которого не доставал, встал на цыпочки, посмотрел, обернулся к нам, махнул рукой.

Мы подошли.

– Подсади меня, Жданов, – сказал Боря.

– Хорошо.

Боря вскарабкался на меня, вцепился в подоконник, ловко подтянулся, толкнул окно, оно оказалось незапертым.

Когда Боря забрался внутрь, он едва не отошел от окна, но я сказал:

– Помоги мне.

Боря обернулся.

– А, – сказал он. Я забрался на Андрюшу, и Боря схватил меня за руки.

– Ты осознаешь? – сказал я. – Что все это незаконно?

Боря быстро и странно показал свои белые острые зубы, тихонько засмеялся, выпустил мои руки, и я едва не упал вместе с Андрюшей, но в последний момент Боря снова меня схватил.

Хоть что-то в нем осталось прежним.

– Лох педальный, – сказал он.

Когда я залез, Андрюша спросил:

– А я?

– Можешь подождать тут?

– Но я не хочу оставаться тут один. Мне страшно.

– Ты просто хочешь в морг, дрочер, – сказал Боря. – А? А?

Он странно, сдавленно засмеялся.

– Ты самый высокий! – сказал я. – Подпрыгни, а я тебя схвачу.

Только тихо!

Пока я с трудом затаскивал внутрь Андрюшу (не с первой попытки), Борю я совсем не слышал, а потом вдруг осторожно скрипнула выдвинутая полка.

Андрюша сказал:

– Фух. Это было тяжело.

Я боялся обернуться, но я должен был это сделать.

– Там, – сказал Андрюша.

Мы подошли к Боре. В зале было темно, и я старался ни на что не смотреть. Камер оказалось не так уж и много. Морг этот принадлежал санаторию, здесь хранились только трупы солдат, а значит, у работников морга было не так уж много работы ввиду столь ограниченного контингента.

Андрюша сказал мне:

– Наверное, вот дверь в прозекторскую.

Я молчал.

– А может, здесь тоже вскрывают, – сказал Андрюша. – Еще это называется секционная.

Боря стоял у камеры. Было темно, но лунно и звездно, а оттого я видел Володю очень хорошо – таким белым он стал.

Андрюша сказал:

– Не стоит, наверное, его трогать.

Но я пошел к Боре.

И к Володе. Да, к Володе я тоже пошел. Вокруг все было такое начищенное и хромированное – камеры, столы у камер, каталки. Холодный металл везде, куда падает взгляд, и тошнотворный запах хлорки и холода.

У этих двух ярких, резких запахов был слабый подтон, до отвращения физиологический, будто мясной магазин соседствует с общественной уборной.

И все-таки физиологические запахи чувствовались тускло, наверное, доносились из прозекторской. Все забивала хлорка – чудовищная, бесчеловечная хлорка.

Никогда прежде этот своеобразный, но чистый запах не казался мне таким отвратительным.

Я посмотрел на Володю. У меня была надежда, что царапины и синяки зажили, но они только стали темнее и ярче.

Боря гладил его лицо, и я вдруг по-новому, как никогда прежде ясно, увидел, до чего они похожи.

Боря и Володя были одного роста, Боря чуть опережал в физическом развитии, выглядел постарше, и их с Володей часто принимали за двойняшек.

Раньше я совершенно легко мог сказать, чем Боря и Володя отличаются при всем их потрясающем внешнем сходстве. У

Володи волосы были намного темнее и глаза тоже были темные. У Володи был мягче овал лица – менее острый подбородок, но и менее круглые щеки. У Володи меньше шелушился нос (хотя в остальном их носы были совершенно одинаковы), его губы были чуть тоньше, а разрез глаз – чуть более вытянутым.

Теперь это все совершенно отступило, детали ушли на второй план, и я не мог отличить братьев, особенно в этой темноте. Боря стоял у камеры или лежал на ее полке? А Володя?

Я не мог поверить, до чего же они схожи. Но в то же время до чего они стали разными. Разными не в своих прижизненных чертах, нет – эту разницу проложила смерть.

Лицо Володи совсем осунулось, кожа туго натянулась, приобрела странный, искусственный вид. Его нельзя было перепутать с живым мальчиком, так на него похожим, стоявшим у камеры, нет.

Нельзя было, но и можно – до чего странно.

– Как живой, – прошептал Боря.

Но он обманывался. В Володе не было ничего живого. Я прижал руку ко рту, а Боря наклонился к брату.

– Можно сделать так, чтобы его не вскрывали? Не хочу, чтобы кто-то в нем копался своими идиотскими железными приблудами.

Андрюша ходил вокруг, осторожно открывал камеры, заглядывал внутрь, а мы с Борей все стояли над Володей. Боря гладил его волосы, лицо, самыми кончиками пальцев, будто хотел все запомнить в деталях.

И я понял, для чего.

Очень скоро, если все пойдет правильно, Боря сможет увидеть это лицо в зеркале, когда захочет. Но для этого необходимо помнить.

Это будет легко, изменить нужно совсем немного деталей.

Мысль показалась мне очень жуткой.

Боря покачивался.

– Тебе было больно? – спрашивал он тихонько незнакомым, нежным тоном. – Больно?

И отвечал сам себе:

– Тебе было больно. Сейчас тебе не больно.

Борю так сильно трясло, словно бы он уже плакал. Но он не мог.

Я сказал:

– Поплачь. Тебе станет легче.

Боря показал мне зубы, оскалился.

– Мужчина должен не плакать, – сказал он.

Мне хотелось дотронуться до Володи (я знал, что это –

последний раз, больше никаких пробежек и разговоров, и я никогда не дотронусь), но я не мог. Мне было страшно и противно.

Я еще помнил, как звучит Володин голос. Голоса ведь почти неповторимы (бывают похожие голоса). А ведь это просто звук, который получается при проходе воздуха из легких через гортань.

Ничего сложного.

И все-таки я этого голоса больше не услышу. Борин похож, но не идентичен. Вряд ли Боря сумеет разобраться, как так изменить свой голосовой аппарат.

Я не услышу.

Боря, его всего сотрясали сухие спазмы, наклонился к Володе и шепотом запел (не знаю, можно ли запеть шепотом, но Боря запел так) песню из мультфильма про медвежонка Умку.

Песню про корабли, льдины и созвездия.

Наверное, ее будут знать все и всегда: там твои соседи, звездные медведи, светят дальним кораблям.

Это очень старая песенка, как и мультик. И красивая.

Я знал, почему именно эта песня. Володя всегда говорил, что в детстве помнил только ее, ее и пел, по делу и без, для Бори, маленького и глупого.

Я отвернулся, сцена показалась мне слишком личной, я не мог с ней справиться.

Я думал: сейчас он заплачет, но Боря не заплакал. Сухие спазмы продолжались, и я подумал о тех, других, что охватывали и его и меня в тот день, когда умер Володя.

Я так и не сказал Боре, что я чувствовал, как он тонет (и как он вцепляется, карабкается, и как с этим нельзя бороться).

– Боря?

Я позвал его, он не ответил. Когда я обернулся, то увидел, что у Бори из носа течет темная-темная, странная кровь.

Я испугался, бросился к нему. Боря подставил руки под черную кровь.

Мы вместе опустились на холодный кафельный пол, над нами было дно камеры. Я не знал, что с ним происходит, тоже бестолково подставлял руки и ловил кровь, мы все в ней перемазались.

А потом вдруг у меня возникла странная, сумасшедшая мысль, которую я счел абсолютно верной, до сих пор и не знаю почему.

Я понял, что Боря так плачет.

– Тихо, тихо, – сказал я. – Бедный ты мой товарищ.

Я снова подставил руки под его горячую кровь.

– Не надо, – сказал я. – Нужно плакать, как человек.

Обязательно нужно плакать, это совершенно необходимо. В этом случае ничего постыдного нет. Нет ничего стыдного в том, чтобы сейчас заплакать, как человек.

– Я так сильно кровоточу? – спросил он. – Страшно тебе?

Я крепко обнял его, как самого лучшего друга, как обнимал бы Андрюшу, случись у него такая беда.

– Не страшно, – сказал я, посмотрел вверх, на дно камеры. Над нами лежал Володя, и мне предстояло попрощаться с ним сейчас. Дальше откладывать было нельзя – тело увезут в Москву. Я не увижу.

И я расплакался по-настоящему, чистыми, обычными, стандартными слезами. Я расплакался, потому что скучал, потому что дружил, потому что расставался.

Я прижимал к себе Борю и сквозь слезы ему говорил:

– Ты тоже должен плакать.

Не знаю, сколько раз я это сказал и помогли ли мои слова, но Боря заплакал. Он больше не кровоточил. Мы сидели, обнявшись, перемазанные странной черной кровью, и беззвучно плакали.

Я очень крепко обнимал Борю, может быть, ему было больно. Но я хотел, чтобы он знал, что я его не оставлю вот так.

Говорят, слезы очищают душу. Это не просто метафора – со слезами выходит гормон стресса, кортизол.

Мне стало чуточку, но легче. Будто я тащил большой и тяжелый рюкзак, а теперь из него убрали, например, эмалированную чашку.

Все остальное осталось и было тяжелым.

Но чашку я уже не должен нести.

Не знаю, сколько мы просидели вот так. В конце концов Андрюша, очень грустный, но с сухими глазами, подошел к нам и сказал, что нужно идти.

За окном стало уже совсем светло.

Обычно на вещи легче глядеть в утреннем свете, но не на все.

Мы с Борей и даже Андрюша, который взял нас за руки, все перемазались кровью, а Володя был такой чистый-чистый и белый.

А если бы раньше у Бори пошла носом кровь, Володя первый бы бросился к нему на помощь.

Это равнодушие тела в камере, его неподвижность, отсутствие всякого порыва утешить брата, окончательно убедили меня в том, что Володя мертв.

Мертвый не поможет живому.

Не встанет, чтобы его утешить, не приласкает.

В мертвом нет любви к тому, кого он любил при жизни.

Он пустой.

Я не знал, как мне забрать Борю от Володи, но, кажется, он тоже что-то понял (может быть, что-то совсем другое). Он взглянул на брата еще раз, а потом пошел к окну.

– Нормально, – сказал он, взглянув вниз. – Прыгать можно.

Боря забрался на подоконник, легко и ловко побалансировал на нем, а потом спрыгнул вниз. На белом подоконнике остались красные следы.

Андрюша сказал:

– Вот это работники испугаются. Выглядит очень жутко.

– Камера, – сказал я. – Надо ее закрыть.

Я знал, что это должны сделать мы с Андрюшей, не Боря. Еще я знал, что он не ждет нас и нам придется возвращаться одним и если что все шишки достанутся нам.

Но я был готов.

Мы с Андрюшей еще раз взглянули на Володю, но теперь я будто бы совсем не ассоциировал это тело с моим дорогим товарищем.

Я помнил его живым и не хотел помнить мертвым.

Мы закрыли камеру, и я почувствовал, словно где-то погас свет. Будто бы в моем мозгу существовали маленькие комнатки и одну из них только что покинули навсегда, не забыв перед отъездом выключить электричество.

Что-то во мне погасло. Я сказал:

– Давай я первый, вдруг все-таки опасно прыгать, я посмотрю.

– Хорошо, – сказал Андрюша.

Оказалось, Боря нас все-таки ждал. Он курил у старой липы, сигарета вся была в розовых пятнах.

Я сказал:

– Надо идти домой.

Боря молча развернулся и пошел вперед.

Вся кровь, конечно, смылась водой, но мне и сейчас кажется, что руки, лицо и шея ею стянуты.

Надеюсь, это пройдет.

Запись 127: Переселение

Коробка Николая Убийцы стоит теперь на Володиной кровати. Очень сложно было видеть его кровать пустой.

Эдуард Андреевич спросил, хотим ли мы переехать, но мы сказали, что не хотим.

Потому что если переедем, значит, вселимся в комнату уже совсем без Володи.

В палату, где его даже не было.

А в этой палате очень важно, что Володя тут был.

Так что на его кровати теперь живет Николай Убийца.

Запись 128: Сборы

На следующий день после того как мы побывали в морге, мне показалось, что Боре стало немного легче.

Когда мы разбирали Володины вещи, я спросил, не стоит ли нам с Андрюшей сделать это самостоятельно.

Я искренне хотел позаботиться о Боре, но такие вопросы у тех, кто переживает утрату, могут вызвать самые непредсказуемые реакции.

Боря посмотрел на меня, выражение его лица было надменным, скучающим, в общем и целом обычным. В руках он вертел Володин кожаный ремень, которым тот всегда очень гордился.

– Думаешь, я ненормальный? – спросил он, хотя я ничего такого в виду и не имел.

– Нет, – сказал я осторожно.

– Я в порядке, – сказал мне Боря и вправду спокойным голосом – до странности спокойным. Я посмотрел на его руки, увидел, что он стягивает из ремня петлю, но сообразил зачем, только когда Боря накинул ремень мне на шею.

Он рванул ремень так, что я упал на четвереньки, и заставил меня следовать за ним. Я видел только легкие Борины шаги, одну ногу за вторую, как в танце, и блеск его ботинок.

– Видишь! – сказал он. – Такой же, как всегда!

У меня потемнело в глазах, не столько от нехватки воздуха, сколько от боли, мне казалось, у меня сейчас голова оторвется.

– Боря! – крикнул Андрюша. – Не надо!

– Я такой же, – повторил Боря с нажимом. Он снова дернул ремень, протащил меня так, что я совсем рухнул на пол и разбил нос.

Сила, с которой он это делал, показалась мне уже нечеловеческой. Борин ботинок оказался у меня перед носом, носком ботинка он размазал кровь.

Я не хотел сопротивляться, мне казалось, что человек, который переживает такую утрату, имеет право делать все что угодно (хотя это чувство глупое и неоправданное).

Я лежал на полу и думал, что Андрюша плохо вымел песок, принесенный с пляжа. Но мы ведь уже давно не ходили на море.

А Боря вдруг сказал впервые в жизни:

– Прости меня.

Я посмотрел на него, и Боря повторил:

– Прости меня.

Глаза его совсем округлились, он кусал губы.

Я прохрипел что-то невнятное (не помню, что мне хотелось сказать).

– А, – сказал Боря. – Да.

Он отпустил ремень. Я так и лежал на полу – страшно болела шея.

Боря сел рядом со мной и сказал:

– Я не хотел!

Но ты хотел, подумал я.

И Боря, будто прочитав мои мысли, поправился:

– То есть хотел, но…

Он не договорил, снова резко вскочил на ноги, переступил через меня.

– Ты прав! – сказал он мне уже у двери. – «Пиздец» просто, как ты прав.

Так что Володины вещи мы собрали сами.

Теперь стоит вот большой чемодан с вещами, которые ему не нужны.

А мне все кажется, что он за ними вернется, ведь многое из этого Володя любил.

Запись 129: Андрюшины размышления

До чего же хрупкая вещь – жизнь. Арлен должен это знать, как и каждый. Мы почему-то все время думаем, что быть мертвым как-то чрезвычайно сложно, и страшно боимся, когда это оказывается не совсем так.

Был человек живой, стал человек мертвый. Это происходит очень-очень быстро.

Что касается тела, то я думаю так: представь, что из коробки высыпали все-все-все вещи.

Коробка осталась коробкой. Но теперь она пустая.

В коробке были: белые кроссовки, маленький брат, первая любовь, умные книжки, занятия спортом, забавные шутки, дружелюбный характер, брелок с белым самолетом, пьющий папа, холодная мама, любовь к сладкому, аллергия на клубнику, хороший голос, здоровые привычки.

Теперь в коробке пусто.

Запись 130: Поджог

Я почему-то думал, что самые кризисные моменты уже позади, но не знаю, почему я так думал.

В любом случае, когда сегодня мы с Андрюшей вернулись в палату после процедур (Борю от них освободили), то застали вокруг полный разгром.

На полу валялись осколки зеркала, обрывки каких-то вещей, в комнате было сильно накурено. Он даже крокодильчика нашего распотрошил, того самого, которого мы выиграли в тире на набережной давным-давно.

– Боря?

Он стоял у своей кровати, в зубах у Бори дымилась сигарета, в руке он держал бутылку водки и поливал ею простыни.

– Ты что делаешь?!

– А ты как думаешь? – спросил он на удивление спокойно.

Я спросил:

– Боря, где ты это взял?

– У отца, – ответил Боря. – Я, конечно, очень повзрослел после смерти брата, но алкашку мне все еще не продают.

Ужасно циничная шутка, подумал я, но ничего не сказал.

Я сделал пару шагов к нему, под ботинками захрустели осколки. Все, что можно было сломать, Боря сломал. Все-все-все вещи, даже зубную щетку разломил пополам и вылил шампунь, из-за которого весь пол стал скользким и липким.

Мне стало очень страшно от творящегося бардака. Беспорядок и грязь очень меня пугают.

Я сказал:

– Боря, а зачем ты так сделал? Это же твои вещи. Как ты без своих вещей?

Он сказал:

– Как-нибудь. Или никак.

Я засунул руку в карман, нащупал холодный браслет. Эдуард Андреевич дал его мне (он мне очень доверяет) как раз на такой случай. Сказал, что он уже запрограммирован, и нужно только защелкнуть его на Боре, если вдруг тот будет вести себя неадекватно.

Я об этом в своей тетради не писал, потому что я боялся, что прочитает Боря. А браслет всегда носил с собой.

Я сказал:

– Боря, тебе сейчас очень больно, но глупости делать не надо, ладно?

– Какие глупости?

– Поджог.

Я обернулся к Андрюше, но тот и без моей команды взял коробку с Николаем Убийцей, которого надо было защитить в первую очередь.

Боря сказал:

– Какой поджог?

– Ты облил кровать водкой.

– Просто хотел, чтобы пахла, как дома.

Я сказал:

– Боря, пожалуйста, сейчас тебе нужно успокоиться.

Бутылка водки опустела, Боря швырнул ее в стену, и она с отчаянным и хлестким звуком разлетелась на осколки.

– А! – сказал Боря. – Вот еще.

Он схватил с моей тумбочки гвоздичный одеколон и принялся лить на кровать и его. К запаху водки, сигарет и шампуня добавился едкий запах гвоздики. Андрюша закашлялся.

Я сказал:

– Но зачем, Боря? Это правда ни для чего не нужно. Теперь нам придется переехать из этой палаты.

– И ладно! – сказал он. – И пусть!

А потом он запрокинул голову и закричал:

– Ненавижу все живое! Ненавижу! Ненавижу! Ненавижу! Ненавижу все живое!

И я сказал:

– Но, Боря, это ведь все неживые вещи. Твоя фраза совершенно бессмысленна.

Не знаю, зачем я такое сказал. Наверное, не стоило.

Боря щелчком отправил недокуренную сигарету на балкон, обернулся ко мне, засмеялся, а потом резко выбросил вперед руку, и я увидел острые костяные когти. Я отскочил назад, и когти мазнули в сантиметре от моего живота, а потом исчезли с такой быстротой, какую я никак не мог осмыслить.

Боря сказал:

– Я совершенен.

Он сказал:

– Я, «блядь», совершенен.

И тут же он добавил:

– А ты думаешь, Максю из-за меня убьют? Тупой Макся, «проебал» детей. Но виноват-то я. Только вот я – товар. И мой брат – товар. Межгалактическая редкость. Вкуснятина. А Макся – просто Макся.

Я снова обернулся. Андрюши и Николая Убийцы уже не было, я слышал голоса девочек, они побежали, по-видимому, за Эдуардом Андреевичем (Максим Сергеевич больше не имел права

за нами присматривать, а смену обещали прислать в конце недели).

Я думал: сейчас он все тут подожжет, вдруг его сочтут опасным, а ведь с ним все уже случилось. Он и вправду совершенен. Вдруг Боря не справится?

Я думал, что пожар, поджог, сделают его положение еще хуже. Это будет непоправимо. Бардак и поломки – все не так уж страшно, если вдуматься.

А поджог – настоящее антисоциальное поведение.

Поэтому, когда Боря достал спички, я вынужден был на него кинуться.

Боря куда более ловкий, чем я, а еще эта новая сила – я был совершенно уверен, что не справлюсь, но мне удалось сбить его с ног.

– «Сука»!

– Не ухудшай свое положение! – сказал я. Однако, это плохая идея – говорить длинные предложения во время драки.

Все было усеяно осколками: зеркало, чашка, люстра, лампочка, бутылка. Следовало действовать очень аккуратно.

Может, Боря израсходовал всю свою силу на эти жуткие когти, может, не умел еще управлять собой в полной мере, но больше ничего сверхчеловеческого он не делал.

Однако оставался ловким и умелым. Впрочем, на моей стороне играло упрямство, а это тоже крайне важное качество.

Я не давал ему вырваться, подобраться к упавшим спичкам. Мы возились на полу среди осколков, оба изранились, было больно, но я совершенно точно не мог сдаться.

Сдаваться и вообще плохо, а тем более – бросать в беде товарища.

Когда Боря снова рванулся за спичками, мне удалось навалиться на него сверху и заломить ему руку. Он больно пнул меня, но я даже не дернулся.

Мне все-таки удалось защелкнуть на нем браслет. Весь напряженный, он вдруг обмяк, я перевернул его. Борины глаза были открыты. Он сказал, на этот раз по-настоящему спокойно:

– Класс. Ты все-таки не полный отстой.

Потом Боря зевнул и закрыл глаза. Картинка показалась, мягко говоря, абсурдной – он весь был исцарапан осколками, изранено было его лицо.

Я осторожно вытащил маленькую острую звездочку из его щеки и увидел, как ранка затягивается почти мгновенно.

В этот момент и прибежали Эдуард Андреевич и Станислав Константинович, за ними следовали девочки и Андрюша.

– Молодец, Жданов, – сказал Эдуард Андреевич. – Настоящий

боец.

– Что теперь с ним будет?

– Будем ждать, – сказал Эдуард Андреевич. – И смотреть.

Мне эти слова не внушили оптимизма.

А когда Станислав Константинович взял Борю на руки, я увидел, до чего же Боря еще ребенок, до чего он маленький.

Запись 131: Уборка

Эдуард Андреевич пинцетом вынимал из меня осколки, их оказалось довольно много. Когда он закончил с моими руками и добрался до лица, я сказал:

– Нет. Дайте посмотреть.

Эдуард Андреевич кивнул, достал из ящика стола небольшое круглое зеркало для бритья.

Мое лицо было изранено довольно сильно. Я почему-то не испугался. Самый крупный осколок торчал совсем недалеко от глаза, снизу, там, где образуются синяки, если долго не спать.

Там и щипало больше всего.

Боря лежал на кушетке под привычным безжалостным светом. Мой нос наполнял сладковатый карболовый запах, а я думал о запахе хлорки в морге.

Боря лежал неподвижно, как и Володя.

– Он дышит? – спросил я.

– Да. Можешь подойти и посмотреть.

Я встал, подошел к кушетке.

Да, я увидел, как он дышит, и это меня немного успокоило.

– Его мозг перегружен переживаниями. Ему нужно отдохнуть. Знаешь, что такое милуокский протокол?

– Нет.

– Бешенство – смертельно практически в ста процентах случаев, но нескольким людям удалось выжить. Их вводили в искусственную кому и ждали, пока организм сам справится с болезнью. Не панацея, конечно, но лучше, чем, как пишут, «лечение симптоматическое».

Я сказал:

– А если нет? Вы его отдадите? Он будет не нужен, и его отдадут…

Я не хотел этого говорить, дурацкие Ванечкины страшилки, дурацкие Ванечкины скотобойни. Но Эдуард Андреевич, кажется, меня понял.

– Все будет хорошо. Просто его мозгу нужен отдых. Он несколько истощен.

Эдуард Андреевич хлопнул ладонью по кушетке рядом с собой, и я вернулся. Он вытащил осколок из-под моего глаза, цокнул языком.

– Впрочем, шрамов, наверное не останется, – сказал Эдуард Андреевич. – Твои ткани регенерируют все быстрее.

Тогда я вдохнул побольше воздуха и спросил:

– А вы не думаете, что он не взбесился? Просто он мальчик,

который случайно утопил своего брата. Это ведь так тяжело пережить.

Эдуард Андреевич долго молчал. Я устыдился своего замечания, сделанного взрослому человеку и не по делу.

А потом Эдуард Андреевич сказал:

– Нас так приучили себя бояться, что нам сложно отделять человеческую природу от влияния паразита. Я на самом деле не думаю, что с Борей что-либо не в порядке. Но я обязан действовать именно так, по протоколу.

Такая аргументация была мне понятна, но я все равно долго не мог уйти оттуда и оставить Борю.

Когда я вернулся, в палату набились все наши друзья, весть разнеслась быстро. В комнате стало абсолютно чисто. Я и не понимал, как так может быть, перед моим внутренним взором все еще стоял пол, усеянный осколками, обрывками, обломками.

Теперь ничего этого не было, о разгроме напоминало разве что отсутствие люстры. Даже Борину постель перестелили.

Все-таки товарищество и взаимопомощь – это огромная сила, подумал я.

Могла бы выйти замечательная сцена, чудесная и добрая, но девочки плакали и горше всех – Фира. Она держала на коленях коробку с Николаем Убийцей, и слезы падали прямо на него. Николай Убийца недовольно перемещался по коробке, наверное, ему казалось, что идет дождь.

Мила спросила:

– Он жив?

Ванечка сказал:

– Живой.

Фира зарыдала еще сильнее, я впервые видел ее такой. Мне казалось, что Фира просто не может так страшно плакать, что ничто в мире не в силах заставить ее так плакать.

– Вдруг они его тоже заберут!

Люди, которые пребывают в стрессе, часто говорят странные вещи.

Кто «они»? Володя ведь погиб случайно. И никто, я надеялся, никуда не заберет Борю. Я боялся, что он будет признан неудачным экспериментом, но ведь Эдуард Андреевич сказал, что с ним все в порядке! Раз сам Эдуард Андреевич так думает!

Я сказал Фире:

– Он спит. Он будет спать еще некоторое время. Так положено по протоколу.

– «Пиздец», – сказала Валя. И хотя она была девочкой грубой, ругательства я от нее все-таки не ожидал.

Валя, Фира и Андрюша сидели на одной стороне (и я сел к

ним), а Ванечка, Алеша, Диана и Мила – на другой.

Дети в форме и дети в свободной одежде. Композиционно это было верно, но мне отчего-то стало неприятно.

Некоторые мои друзья никогда не смогут понять некоторых вещей.

Единственная хорошая новость: к вечеру все мои порезы зажили. Я долго смотрел на свою чистую, белую кожу и не мог поверить.

Ни единого следа, честное слово!

Запись 132: До свиданья, Максим Сергеевич

Сегодня мы прощались с Максимом Сергеевичем.

На самом деле, он должен был уехать еще вчера ночью, но поезд отменили из-за какой-то аварии.

Мы прощались с Максимом Сергеевичем без Бори, Боря все еще спал. Но я подумал, что Максиму Сергеевичу так будет даже легче.

В конце концов, ему было бы тяжело смотреть на Борю по нескольким причинам.

1. Он потерял его с братом в море.

2. Боря очень похож на Володю.

Все это, конечно, была целиком и полностью ответственность Максима Сергеевича. А я ведь предупреждал его о необходимости дисциплины.

Но как бы я ни осуждал Максима Сергеевича, все-таки я был к нему привязан и любил его.

И хотя я с самого начала считал, что отправлять его с нами – большая ошибка, все-таки, наверное, лето (каким оно было до смерти Володи) не стало бы таким счастливым без него.

С другой стороны, я бы все отдал, и свое счастливое лето тоже, чтобы вернуть Володю.

Наверное, отношение к человеку в такой ситуации и не может быть простым.

Мне кажется, Максим Сергеевич удивился, когда мы вышли его проводить. Он уезжал очень рано, только начало рассветать, и деревья над нами были еще темными. Мы стояли у ворот, Максим Сергеевич поставил свой кожаный чемодан на асфальт.

Я сказал:

– И вас никто не сопроводит?

– А куда я убегу?

Я сказал:

– Но я говорю не о побеге. Я уверен в вашей честности.

– Ты думаешь, мне будет одиноко?

Фира сказала:

– Вы будете думать ужасные вещи.

Валя сказала:

– И мы вас больше не увидим?

– Ну почему же? Не в качестве вашего куратора, конечно. Может быть, в качестве заключенного.

Он стоял очень прямо. Обычно Максим Сергеевич казался

мне растерянным и расхлябанным, а тут вдруг напомнил мне настоящего солдата.

Валя вдруг спросила:

– А зачем вы все-таки сюда приехали?

Максим Сергеевич закурил, пнул чемодан, потом сказал неожиданно бесстрастным голосом:

– Сын умер. Я переживал, маялся, потом решил отправиться в этот проклятый исторический парк. Я подумал, такое меня здорово взбодрит, я ведь так любил все это…

Он замолчал, огляделся и закончил:

– В университете.

– А как умер ваш сын? – спросил Андрюша.

– На войне, – сказал Максим Сергеевич, и я враз понял, что он жалел нас вовсе не только потому, что мы должны были через многое пройти ради достижения цели.

Он жалел о войне, на которую нас бросят. Что, на мой взгляд, совершенно непозволительно.

И в то же время понятно.

Да, мне все было понятно.

Улица казалась совсем еще пустынной, машины ходили редко, а оттого пугали своими резкими звуками. Мы ждали такси.

Максим Сергеевич вздохнул:

– Да уж. Достанется мне теперь из-за Шимановых.

Меня поразил цинизм это фразы, я хотел все высказать и увидел, что Валя уже тоже открыла рот, но вдруг Максим Сергеевич горько заплакал.

Никогда я еще не видел, чтобы взрослый мужчина плакал.

А плакал Максим Сергеевич очень горько, и слезы катились по его лицу, но не капали вниз – мочили бороду.

– Из-за меня умер мальчик, – сказал он.

И я мог бы подтвердить: из-за вас.

Но я помнил, как Максим Сергеевич ринулся к Боре и Володе в бурное море. Я много помнил такого, что не позволяло мне просто сказать: из-за вас.

Валя тоже молчала.

Фира сказала:

– Вам так больно, потому что вы хороший и добрый.

Ей, кажется, тоже нелегко дались эти слова. Сложно было говорить и плохое и хорошее.

– Они сами непослушные мальчишки, – добавила Фира.

Максим Сергеевич махнул рукой.

– Спасибо, Кац. Мальчишки, вот именно. Дети. И человек я плохой, бестолковый. И все мне доверенное «проебал».

– Максим Сергеевич!

– Что? Я больше не ваш куратор.

Он с тоской и отвращением посмотрел на сигарету и выкинул ее.

– Как же глупо все вышло.

Небо становилось все светлее, деревья над нами зеленели. Будто кто-то в ускоренном ритме показывал, как сменяются сезоны.

Максим Сергеевич подошел к нам и сел перед нами на корточки. Так разговаривают с совсем маленькими детьми.

– Там, наверху, – сказал он. – Вас боятся и ненавидят. Но вы им нужны. Они очень хотят, чтобы у них получилось, но и боятся этого тоже очень. Чего только не говорят о симбионтах в Космосе. Но я провел среди вас столько времени, и мне вовсе не кажется, что вы – чудовища. Но они хотят сделать из вас чудовищ.

Мы молчали. Я не был согласен с Максимом Сергеевичем, а вот Фира обняла его.

Она сказала:

– Зато, может быть, мы встретимся в Космосе.

– Может быть, – сказал Максим Сергеевич. – Просто я не хочу, чтобы вас там обижали.

Это было сказано так наивно, так по-детски, что я тоже обнял Максима Сергеевича, хотя и вовсе не соглашался таким образом с его словами.

Странное дело, мне совсем не хотелось докладывать об этом Эдуарду Андреевичу.

Чуть погодя Максима Сергеевича обняли Валя и Андрюша. Не знаю, сколько мы простояли, но вдруг услышали гудок – машина приехала. В мягком утреннем свете она была нестерпимо яркой, нестерпимо желтой, будто пятно гуаши на акварельном рисунке.

Максим Сергеевич сказал:

– Так, надо идти.

Но он не поднялся, замер. А потом сказал:

– Ну, положим, в тюрьме я буду писать книгу.

– Какую? – спросил Андрюша.

– Замечательную книгу. Она о хороших детях и бездарном учителе. Нет, дети были не совсем хорошие. Они были разные. Учитель все время совершал глупости, а дети от этого страдали. Но самая большая глупость, которую совершил учитель, – он взялся их учить. Дети и без него все знали, а он не знал ничего. И вышло так, что это глупый учитель научился у детей, а не наоборот.

– А какая концовка? – спросил Андрюша.

Еще один гудок нарушил утреннюю тишину.

– Плохая, – сказал Максим Сергеевич. – Он все выучил, но

было слишком поздно. Все вокруг поняли, что учитель слишком глупый, чтобы работать учителем. И он пошел работать продавцом в универсам. Тоже почетная, между прочим, работа. Отпускал товары в молочном отделе.

– А дети? – спросил Фира.

– Дети выросли, Кац, и перестали быть детьми. И, может быть, они забыли многие вещи, которым когда-то научили глупого учителя. Лучше бы, чтобы они не забыли.

Третий гудок. Я должен был сказать: вам пора.

Но не мог этого сказать. Меня вдруг охватила страшная тоска, мне хотелось сказать совсем другое: не уезжайте, пожалуйста, и не оставляйте нас, вы ведь один из немногих взрослых, которые нас жалеют.

Такое поведение было бы недостойным. Тем более что в мире много хороших взрослых, которые знают лучше. И куда более компетентных притом.

Но я, в самом деле, не хотел, чтобы он уезжал, я словно бы расставался с кем-то родным и боялся, что внутри меня снова погаснет свет в какой-то дальней комнатке, и погаснет он навсегда.

Максим Сергеевич поднялся. Небо уже совсем просветлело, и все стало таким красивым.

– Вот так, – сказал он. – Бесполезный, глупый, бездарный человек, которому очень жаль.

Мы снова попытались его обнять, на удивление синхронно, словно так и было задумано, как в кино. В то же время, такие слаженные движения часто присущи насекомым, я вспомнил про ульи наших предков.

Максим Сергеевич выставил вперед руку, покачал головой.

– Все, хватит, иначе я никогда не уеду. Не люблю детей.

Он подхватил свой чемодан, ушел от нас, сел в такси, а мы еще долго стояли и будто бы ждали, что Максим Сергеевич вернется, ведь он не попрощался, не сказал то самое волшебное слово, которое все оканчивает.

И почему мир не может всегда быть простым и правильным?

Запись 133: Навсегда не прощаемся

Борю все не будят, и я боюсь, что он еще не проснется, когда Володю увезут.

Не могут ведь товарищ Шиманов и тетя Лена вечно ждать, что Володя очнется. Его же нужно похоронить. Не может он лежать в той холодной ужасной камере так долго. Обязательно нужно похоронить.

А на похороны, как я понял со слов Эдуарда Андреевича, Борю все равно не отпустят.

Да и нужно ли ему туда? Я не знаю, как будет правильно, и теряюсь всякий раз, когда хочу об этом подумать.

Наверное, взрослые все равно знают лучше.

Сегодня после процедуры и сканирования Эдуард Андреевич сказал мне:

– Замечательный результат, Жданов. Впрочем, как всегда. Приступы тебя больше не беспокоят?

– Последний был на пляже, – сказал я. – Когда…

Но Эдуард Андреевич не вынуждал меня договаривать, он кивнул, и я понял, что могу замолчать.

– Посиди-ка еще минут пять, – сказал он, и я тут же спросил:

– Как Боря?

– Никакой негативной динамики, Жданов, я тебя уверяю.

– Хорошо.

Эдуард Андреевич вдруг поднял палец, словно что-то забыл, и сказал:

– Борис!

Я вздрогнул, глянул на кушетку. Боря лежал спокойно, не шелохнулся даже.

– Уверен, ты меня слышишь. Надеюсь, я тебе не сильно надоедаю, но мне не хотелось бы, чтобы ты чувствовал себя одиноко. Твои друзья очень беспокоятся. Все про тебя спрашивают.

Боря не отвечал, не шевелился, но все-таки я ощущал, что он жив, что он реагирует. Или, наверное, лучше сказать, реагировал червь, сидевший внутри его головы.

Я его чувствовал, и чувство это было ясным – жизнь.

– Я все забывал тебе сказать, Борис, – говорил Эдуард Андреевич как бы между делом. – О том, во что верили наши с тобой предки.

Меня удивило, что Эдуард Андреевич называет Борю полным именем. Очень почетно, подумал я, а потом вспомнил, какой ценой Боря получил это обращение.

– Наши предки имели полное основание верить в то, что мы не умираем насовсем. Они умели как-то общаться со своими мертвыми, сообщения об этом были часты и подробны. Мы, конечно, не можем утверждать, что эти сообщения правдивы, но можем предположить, что, раз все черви объединены в общую сеть, передающую мысли, ощущения и образы, возможно, и носители червей могут быть до определенной степени скопированы в эту сеть. Во всяком случае, такова моя теория. Не уверен, что посмертие существует для обычных людей, но мы и в самом деле можем оставлять после себя что-то в этой загадочной сети. Ты знаешь, Борис, в древнем, очень древнем Египте концепция души включала в себя, если я правильно помню, девять проявлений. Одно из них называлось Ка. Это нечто вроде «двойник», хотя в целом переводить такое трудно. Ка представляет собой как бы слепок человека, его мысли, чувства, характер, судьбу. Ка остается на земле, когда душа человека уходит. Остается некая его резервная копия, информация о нем. Как же сложно такое объяснять! Так или иначе, черви непрестанно обмениваются информацией о прошлом, а император, по слухам, умел предсказывать и будущее. Могущество этого коллективного разума еще только предстоит изучить с научной точки зрения. Но разве не звучит это логично: вся информация, передаваемая червями, существует, пока существует хоть один живой червь. А значит, существуют и копии личностей всех когда-либо существовавших носителей. Ведь мы – это прежде всего информация. Жизнь по сути и сводится к передаче и обмену информацией: знания, воспоминания, наши чувства, даже нервные сигналы, инициирующие наши движения – все это информация. И черви способны ее сохранить. Клянусь тебе, Борис, мой хороший друг Стас утверждает, что способен общаться с умершей своей женой, во всяком случае, иногда. Впрочем, если ты успокоишься, сможешь спросить у него сам. Не могу сказать, что слышал много таких историй, но ведь мы совсем разучились пользоваться силой, которую дает нам червь. Ты сможешь увидеть брата, потому что у нашего народа есть дар – мы не прощаемся навсегда. Но для этого тебе нужно быть живым и разумным. Только так ты сможешь встретить брата.

Я подумал, что Эдуард Андреевич хотел, чтобы и я это услышал. Его слова меня взволновали. С одной стороны, слишком уж много он говорил о том, какой мы исключительный народ (это весьма опасные слова), но с другой стороны, он говорил о том, что коробка не пуста.

Та коробка, о которой говорил Андрюша.

Нет, это неверное сравнение. Лучше так: эти вещи, которые

были в коробке, лежат где-то в другом месте.

Но они все равно существуют.

Эдуард Андреевич вздохнул.

– Ладно, Борис, должно быть, я тебя утомил, отдыхай. Здесь Жданов, он очень переживает.

– Боря! Ты меня слышишь, Боря?

– Наверняка, он слышит, Жданов. У нас есть все основания так думать.

Тогда я сказал:

– До свиданья, Боря. Мы тебя очень ждем. Поправляйся скорее.

Все, что я услышал, передал и остальным, избегая, впрочем, националистических формулировок или того, что можно за таковые принять.

Запись 134: Поезд и гроб

Сегодня мы проводили Володю. Боря еще не проснулся, но товарищ Шиманов и тетя Лена решили, что больше ждать нельзя. Уже скоро приедет новый куратор, а пока Станислав Константинович согласился за нами присмотреть.

Он не очень строгий, но очень внимательный. Мы попросили его отвезти нас на вокзал, чтобы проводить Володю.

Станислав Константинович был среди нас единственным взрослым, а детей набралось изрядно, проводить Володю пришел даже Кирилл, который только играл с нами однажды в пионербол.

– Такая жесть, – сказал он.

А главное – пришла Маргарита. Она была во всем черном, несмотря на жаркий день, белел только платок в ее руках. Маргарита рыдала совсем как взрослая женщина. Впрочем, ей ведь четырнадцать. Она действительно очень взрослая.

Выдался красивый, солнечный день. Станислав Константинович был явно недоволен тем, что ему пришлось сопровождать такое количество детей. Все казалось ему небезопасным: дороги, трамвайные пути, люки. Что было тому виной – трагическая история или собственный характер Станислава Константиновича, я не знаю, но подозреваю, что и то и другое.

Гроб мы не видели, его уже погрузили в почтовое отделение. Но мы видели в руках у тети Лены справки: свидетельство о смерти, об отсутствии инфекции и о качестве опайки гроба.

Я вдруг подумал: а если Володя очнется сейчас? Как же ему будет плохо и страшно, а вдруг он задохнется, а вдруг ему никто не поможет?

От этой мысли мне стало дурно.

Чтобы успокоиться, я вспомнил о древнем, древнем Египте и о том, что коробка, может быть, не пуста.

С другой стороны, конечно, вряд ли это имеет значение для самого Володи. Но в те сложные минуты, под ярким, жарким солнцем, я об этом совсем не подумал.

Мы стояли и смотрели на товарища Шиманова и тетю Лену. Никто не знал, что сказать. Мне очень хотелось попросить их не увозить Володю, но как же это было бы глупо.

Я немного злился на них за то, что они не дождались пробуждения Бори, и немного, наоборот, радовался этому. Солнце, жгучее и яркое, грозило солнечным ударом, тяжело было стоять под ним вот так. Но уйти – значило навсегда попрощаться.

А товарищ Шиманов и тетя Лена, они тоже медлили. Потому что они готовились отправиться из города, где их сын в последний раз был живым, в Москву, где его похоронят.

Никто из них не плакал, и выглядели они оба спокойными, товарищ Шиманов опирался на свою трость. Я увидел гранатово-красные браслеты там, где заканчивались его перчатки, раньше обнаженная плоть дотуда не доходила.

И вот мы молчали, а потом товарищ Шиманов вдруг громко засмеялся, голос его разнесся над путями и устремился вверх, в небо.

Он сказал:

– Чего приуныли, «пиздюки»? Все когда-нибудь ласты откинем. Радоваться надо, жизнь она такая – собачья. А как помрет человек, так хоть отдохнет.

Товарищ Шиманов поднял свою трость, стукнул меня по плечу.

– Веселее надо на жизнь смотреть, Жданов.

Он развернулся, помахал тростью проводнику.

– А туфли, – спросила тетя Лена. – Я не забыла?

– Они на тебе, дура.

– Да нет, Саня, те, вторые.

– А я почем знаю?

Они пошли к вагону, и я еще долго слышал, как стучат каблуки тети Лены, очень пронзительный оказался звук.

Станислав Константинович некоторое время смотрел вслед товарищу Шиманову, потом сказал:

– Вот «мудак».

Но сказал он это, как мне показалось, с одобрением. Я стоял под жарким солнцем и потирал ушибленное плечо. А потом совершенно внезапно Маргарита меня обняла. Она крепко-крепко меня обняла, честное слово. Наверное, я просто стоял рядом с ней, вот и все. Ее горячие слезы лились мне на макушку, но она совершенно ничего не говорила.

Маргарита замечательно выглядела и пахла, и ей было целых четырнадцать лет. Она обняла меня, о чем я тайно мечтал множество раз, но радости я не почувствовал.

Я бы все на свете отдал, чтобы мы сегодня не провожали Володю, и не хотел бы объятий самой красивой девочки на свете такой ценой.

Поезд издал отчаянный гудок и тронулся.

Я вспомнил ту ночь, когда Володя успокаивал нас и рассказывал о Космосе и обо всех путешествиях, что нас ждут. Мне стало мучительно грустно, но я знал, что исправить тут ничего не смогу.

И никто ничего не исправит, даже наше руководство не может защитить человека от таких вещей.

Поэтому в самом деле поезд умчался вдаль.

Все эти путешествия будут у нас без тебя, Володя.

Запись 135: Подарок

Сегодня Борю, наконец, разбудили.

Мы его окружили, стояли, едва дыша, боялись, что Эдуард Андреевич, просканировав его, передумает.

Боря спокойно спал. Его милое лицо казалось совсем детским.

Фира спросила:

– Он сейчас проснется?

– Да, – сказал Эдуард Андреевич.

И в самом деле, после этого его слова, будто оно было волшебным, Боря глубоко, шумно вздохнул, открыл глаза, моргнул. Я испугался: вдруг он не будет прежним.

Боря нахмурился, потом сказал:

– Чего уставились?

Он был прежним.

Резко поднявшись с кровати, он вытянул руки.

– Даже не затекли, – сказал Боря. – «Пиздато».

– Я еще тут, молодой человек.

– Ой, извините.

Борин взгляд блуждал по нам, он все искал кого-то, кого точно не найдет.

Потом Боря слез с кушетки и сказал:

– Я первый. Первый.

И он стал первым в самом деле, первым из нас, чей червь совершил все положенные ему метаморфозы. Ему больше нечего было бояться. Во всяком случае, в ближайшие десять-пятнадцать лет.

– Тебе что-нибудь снилось?

– Как ты себя чувствуешь?

– Ты можешь что-нибудь показать?

– А у тебя будут еще процедуры?

Мы забрасывали его вопросами, отчасти потому что все, происходившее с ним, было для нас еще тайной, отчасти, потому что не хотели, чтобы он оставался наедине с собой. Боря сказал:

– Все вопросы потом, девочки и мальчики. Я хочу в свои покои, причешусь, приведу себя в порядок и, может быть, выйду на интервью.

Мы пошли за ним.

Валя сказала:

– Характер такой же дурной.

Фира сказала:

– Слава Богу!

Я сказал:

– Бога нет.

– Ты не видел, кстати, Бога, Боря? – спросил Андрюша.

– Нет, – сказал я. – Он не видел, потому что Бога нет.

– Вот ты заладил, – сказал Боря. – Может, и есть.

– Нет.

– Да!

– Нет!

Вдруг Боря резко обернулся, и снова я увидел когти на его руке. На этот раз я бы не успел отпрыгнуть, но когти прошли в миллиметре от моей рубашки.

– Нет, не говори так, – сказал Боря размеренно и ласково. – А то получишь.

Мне этот его тон был отлично знаком. Вот мы еще совсем маленькие, и Боря отнимает у меня тетрадь, чтобы списать работу, я упираюсь, а он говорит этим же ласковым тоном: нет, не брыкайся, а то я тебя ударю. А вот мы постарше, и я говорю, что у него ничего не выйдет, и солдатом он никогда не станет, поскольку пустой и эгоистичный, а Боря говорит тем же ласковым тоном: нет, не шути так, а то хуже будет.

Нет, не шути так, нет, не брыкайся, нет, не шевелись, нет, не говори этого, нет, не делай так.

Нет, не.

Боря очень разозлился, оттого и тон этот притворно ласковый. У него, по-видимому, появились какие-то фантазии о Боге (или развились прежние). Я не продолжил спор вовсе не потому, что испугался, я просто посчитал нужным не поднимать далее эту тему, если Боре легче пережить все это так – пусть.

Он засмеялся, запрокинул голову, поднял руку, когти его блеснули на солнце, белые-белые, жуткие, настоящие и в то же время похожие на картинку, на то, что может представить ребенок.

– Эй, не стойте слишком близко, я тигренок, а не киска! – сказал он сквозь смех, потом пошевелил пальцами, словно наигрывал что-то на фортепиано, и когти быстро исчезли, я не успел рассмотреть, как именно это произошло.

– Класс! – сказала Валя.

– А еще что-нибудь покажи!

– Я только это умею, – сказал Боря. – А больше пока ничего в голову не приходит. Это сложно.

– А на что похоже? – спросил я.

– Как будто рисуешь собственной кровью, – сказал Боря.

– Слишком метафорично, – сказал Андрюша.

– И то правда. Но по-настоящему объяснить сложно.

– Попробуй, – сказала Валя.

– Это такое чувство, оно физическое, но при этом его нельзя по-нормальному описать. Это как будто ты можешь продолжать себя. Как будто ты еще не завершен полностью, и можешь продолжаться.

– Как будто состоишь из стволовых клеток? – спросил Андрюша.

– Фу, – сказал Боря. – Не знаю. Как будто ты просто можешь изменять и продолжать в себе все. Хорошее чувство.

– Не понимаю, – сказал я.

– Ну, – сказал Боря, – это надо испытать. Может, однажды ты поймешь. А может, и нет.

Мы пришли в палату, и я испугался, что Боре станет очень плохо от того, что Володина кровать пуста. Он и вправду остановился на ней взглядом, побледнел. На кровати в своей коробке возился Николай Убийца.

– Привет, дружок, – сказал Боря.

У него почти не осталось вещей, все было новым: зубная щетка, одежда, расческа, Фира даже попросила Станислава Константиновича купить Боре новый лак для волос. Станислав Константинович, впрочем, то ли по невнимательности, то ли из вредности купил лак с блестками.

Боря глянул на бутылек, взял его в руки, вскинул брови.

– Это что за «хуета»?

Он кинул бутылку мне.

– Дарю, принцесса.

Я кинул бутылку Андрюше.

– Боря, – сказал я. – Ты сейчас в порядке?

Он сел на свою постель, глянул в окно, почесал шелушащийся нос. Я сразу вспомнил, не мог не вспомнить, что у Володи нос шелушился тоже.

А теперь – нет.

Теперь это не важно, не важно и не общее.

Боря сказал:

– Нет, я не в порядке.

Слова эти он бы раньше никогда не произнес, я в них даже не поверил. И мне показалось весьма героическим его признание, хотя оно не соответствовало ни моим, ни его представлениям о героическом. Это сложно объяснить, но в тот момент я подумал, что он поступил смело и по-взрослому, признав, что все не так.

И теперь никогда не будет, как прежде.

Я сказал:

– Мы с Андрюшей, и с Фирой, и с Валей всегда будем стараться тебе помочь.

– «Нахуй» надо, – сказал он.

– Но все-таки мы всегда рядом, – сказал я.

– Такой ты терпила.

– Какой уж есть.

Потом мы пошли на процедуры, а Боря остался. Когда я вернулся, небо уже стало мучительно красным из-за заката, и очень блестящим. Боря крутил что-то в руках, присмотревшись, я увидел пистолет для забоя скота.

Я испугался, но Боря сказал:

– Не кипи. Подойди сюда.

Я подошел.

– Это тебе, – сказал он. – Подарок.

– Что?

– Это подарок, – повторил Боря. Серебристый пистолет ярко и чисто блестел под закатным солнцем. Красивейшая игрушка и очень опасная вещь.

Он вложил пистолет мне в руку, сжал мои пальцы, потому что я не хотел его брать.

– На, – сказал он. – Я бы тебе подарил что-нибудь другое, но у меня больше ничего нет.

– Где ты его прятал?

– Секрет.

– Ты прячешь там сигареты?

– Да. Целый блок. Хочешь блок сигарет?

– Нет.

– Тогда бери пистолет.

Боря поднял мою руку, приставил дуло к своей голове.

– Бери, – сказал он. – Бери, Жданов, не тупи. Это вещь!

Дуло пистолета тесно прижималось к его лбу, Боря удерживал мою руку, смотрел на меня и ждал. Чего? Я понял, когда он попытался просунуть мой палец к курку.

– Ты что, обалдел?!

Я быстро отдернул руку, и пистолет снова оказался у Бори.

Я сказал:

– Кошмар.

– Он теперь твой. Делай с ним что хочешь. Я же говорю, у меня больше ничего нет.

Он щелкнул карабиновой застежкой, прицепил пистолет к моей шлевке для ремня.

– Забойщики носят их вот так.

Тут дверь скрипнула, зашел Андрюша, и Боря сказал:

– Нет, ты бери, а то хуже будет.

Пистолет, конечно, замечательный, но стержень и заряд я оттуда вытащил.

Теперь, когда пистолет совершенно безопасный, я всегда буду носить его на поясе. Он выглядит так красиво и здорово, похож на невероятное космическое оружие.

Конечно, он мне нравится!

Замечательный пистолет!

Запись 136: Новый куратор

Наконец приехал наш куратор. Он никогда не заменит нам Максима Сергеевича, но мне наш новый куратор все равно нравится. Его зовут Дени Исмаилович, он тоже экспат, только прилетел оттуда, из Космоса. Дени Исмаилович нас никогда не учит, и он совсем еще молодой человек.

Мы ему не отвратительны, как мне показалось, или он это хорошо скрывает. Дени Исмаилович, по-видимому, очень нервничает, но старается.

Теперь мы снова ходим строем и все делаем по расписанию. Я рад возвращению дисциплины, это кажется мне правильным.

Конечно, теперь мы вряд ли будем гулять по набережной до поздней ночи, и у нас станет меньше свободного времени, но это и хорошо.

Человек всегда должен быть занят чем-то полезным. Дени Исмаилович того же мнения.

Хотя эта работа, как мне кажется, для него нежеланна, он выполняет ее хорошо.

Я спросил его недавно:

– Как там, в Космосе?

Он улыбнулся мне и сказал:

– Нервно.

И это короткое слово очень хорошо характеризует Дени Исмаиловича.

Запись 137: Хороший сон

После долгих уговоров Дени Исмаилович разрешил Ванечке с нами переночевать. Ванечка очень просился, и мы за него просили. Тем более что наша палата все равно рассчитана на четверых.

Дени Исмаилович сначала отказывался, но потом сказал:

– Хорошо. Наверное, ничего дурного из этого не выйдет.

Я же говорю, он совсем еще молодой парень, ему, наверное, понятно, что ночью мы не спим, а разговариваем обо всяком.

Правда, Дени Исмаилович все равно заставил нас выключить свет.

– И ни звука, – сказал он. – Всем спокойной ночи.

Когда он ушел, Боря сказал:

– Наверное, тоскливо тут чуваку. Это тебе не Космос с межгалактическими…

– Тише, – сказал я.

– Ты что, спать будешь?

– Нет, – сказал я. – Просто потише.

Ванечка перевернулся на живот, он лежал на кровати Володи, и почему-то от этого я чувствовал одновременно и ревность, и облегчение.

Коробка с Николаем Убийцей стояла прямо перед Ванечкой.

– Замечательный у вас еж, – сказал он.

– Он ночью очень шумит, – сказал Андрюша.

– Могу забрать!

– Нет уж!

Боря помолчал, а потом вдруг спросил:

– Слушай, Ванька, а кем ты стать-то хочешь?

– А кем? – спросил Ванечка.

– Не знаю, я ж тебя спросил. Ну давай, какие там у тебя варики есть?

– Тогда хочу быть Господем.

– Господом, – сказал я. – И его нет.

– Тогда не хочу.

– Что ты к нему пристал? – спросил Боря.

– Ладно. Лучше пусть Андрюша расскажет историю.

Ванечка сказал:

– Все Андрюшины истории страшные.

– А то! – сказал Боря. – Лучше уж со мной поговорить.

– Не лучше, – сказал я.

– Лучше, – сказал Андрюша.

Ванечка засмеялся, заглянул в коробку с Николаем Убийцей.

– Такой еж хороший, – сказал он задумчиво. – Но я здесь вообще-то хотел быть не чтобы меня пугал Андрюша.

– Как всегда, – с грустью сказал Андрюша. – Все так говорят.

– Все так говорят, – повторил Ванечка.

Я сказал:

– Можно в слова поиграть.

– Да ну «на хуй». Может, покурим, Ванька? А?

– А не забычкованную сигарету дашь? – спросил Ванечка осторожно.

– Не.

– Ладно.

– Стойте! – сказал я. – Дени Исмаилович узнает и всех вас накажет.

– Да как он узнает?

– Запах!

– Да ночь-полно́чь, он спит давно.

– Он только ушел! Он следит!

– Ты перегибаешь палку. Он же не ты.

В конечном итоге Боря и Ванечка решили навесить на балкон полотенца и покурить сидя. В комнате неприятно запахло табачным дымом.

Я видел их обоих – красные огоньки сигарет и темные тени. Ванечка вдруг подался вперед, к Боре, сказал что-то ему на ухо.

– Правда? – спросил Боря.

Ванечка кивнул.

– По-серьезу?

Боря быстро затушил сигарету, выглянул наверх, выбросил ее.

– Прямо так и сейчас?

Ванечка пожал плечами.

– Ну делай, – сказал Боря.

Ванечка снова кивнул. Он был тихий, как мышка, неожиданно, непривычно, и в комнату вернулся на цыпочках, лег в постель.

Ванечка сказал:

– Я вспомнил, что я пришел. Я не пришел, чтобы Андрюшины истории слушать. Не хочу ни одной знать.

– А что ж ты хочешь? – спросил я. Я посмотрел на Борю, но он молча сидел на кровати.

– Я хотел, чтобы вы увиделись с Володей, – сказал Ванечка.

Андрюша вздохнул.

– Ванечка, – сказал он. – Это очень сложная тема.

– Чтобы он вам приснился, – сказал Ванечка. – Пусть он вам приснится.

Боря молчал. Я ожидал взрыва, но его не последовало.

Ванечка сказал:

– Так что все, давайте спать, а не лясы точить.

Смешное, заимствованное им у кого-то из взрослых выражение ему совсем не шло, а оттого запомнилось мне так хорошо вместе с этой старательно скопированной взрослой интонацией.

– И правда, – сказал вдруг Боря, – давайте-ка спать.

– Но мы так просили, – сказал Андрюша.

– Спать, дрочер, – сказал Боря. – Не спорь со мной.

– Хорошо, Боря.

Ванечка засмеялся, потом поставил коробку с Николаем Убийцей на пол и накрылся одеялом.

– Не наступи на него завтра, – сказал я.

– Обещаю, – сказал Ванечка. – Всё, спи.

Я все-таки озаботился тем, чтобы переставить коробку с шуршащим Николаем Убийцей в другое место. А ведь когда у него заживет лапка, он научится выбираться из этой коробки и будет бродить, где вздумается.

Тогда мы его, наверное, и отпустим.

Так вот, я взял коробку, поставил ее у двери, а потом меня вдруг охватило такое желание спать, что я едва добрался до кровати, не перевернул подушку, не накрылся одеялом и даже не запомнил, как заснул.

И, да, я встретился с Володей. Мы встретились.

Мы с Борей и Андрюшей стояли во дворе. Я никогда не видел этого места, но оно было мне знакомо. Словно бы кто-то склеил этот двор из многих дворов, которые мне встречались прежде.

Были там и детская площадка, и турник, и симпатичные клумбы, и яркие плакаты. Двор замыкался как бы колодцем, и снаружи, за арками, ничего не было, все как-то мерцало неясно и только.

Володя подтягивался на турнике. На нем был новенький спортивный костюм и его старые любимые белые кроссовки – абсолютно чистые.

– Володя! – крикнул я.

Мы с Андрюшей побежали к нему, а Боря все стоял на месте.

Володя спрыгнул вниз ловко, как кот, сказал:

– О, пацаны. Привет. Чего, как там живете без меня? Кисло небось?

– Да, – сказал Андрюша. – Очень кисло.

– Эх, дрочер, кто ж там тебя теперь социализирует?

– Никто.

– Вот именно.

Он выглядел как живой, только на шее и руках – синяки да царапины.

– Ты знаешь, что ты умер? – спросил Андрюша.

– Ну догадываюсь.

Володя не смотрел на нас, он смотрел только на Борю, хотя говорил с нами. Смотрел с любовью и волнением.

Я запрокинул голову и увидел Ванечку. Ванечка сидел на березе и болтал ногами, когда я заметил его, он помахал мне рукой.

– А где ты живешь?

– Где захочу, – сказал Володя. – Хочу туда пойду, хочу сюда. Ну, это все ограничено только тем, что может представить Боря, или наши предки, или вы.

– И я? – спросил Андрюша.

Володя засмеялся, толкнул его в плечо, и Андрюша округлил глаза – видимо, он почувствовал.

– Нет, – сказал Володя. – Только не ты. Ну тебя на фиг.

Я обнял его, и Володя сказал:

– Давай только без телячьих нежностей, Арленчик. Но мне приятно.

Он ощущался в точности как живой.

– В общем, пацаны, – сказал Володя. – Всеките, рай и ад реально существуют, без бэ.

– Да ладно? – спросил Андрюша.

– Не верю, – сказал я.

– Ну, это я условно так называю. Просто, если тебя любят, вернее, те, кто тебя сильно любят, они питают это все как бы. Не знаю, могу вот мороженое купить. А еще тут пиво продают. Я за здоровый образ жизни, конечно, но пиво продают. А по выходным концерты, военно-патриотические. И демонстрации красивые, с флагами. Это все ты, Арленчик, все ты!

– И пиво?

– Нет, пиво – это Боря. И дом – как я его вижу. Его воспоминания обо мне, я этим живу. Тут все этим питается. А вот если тебя сильно ненавидели, и мир вокруг тебя будет страшным. Эй, Арленчик, пива хочешь?

– Нет.

– А мороженого?

– Если можно.

Я не успел ничего понять, в руке у меня оказалось эскимо уже распакованное. Я попробовал его, и оно было в точности как настоящее. Или в точности такое, каким я его помню.

И я спросил:

– А это ты сам, Володя? Или память о тебе?

Володя пожал плечами, сел на смутно знакомую мне желтую скамейку, вытянул ноги.

– А какая разница-то, Арленчик? Знаешь, что сказал по этому поводу один умный чел? Приведу цитату: нужно начать терять память, пусть частично и постепенно, чтобы осознать, что из нее состоит наше бытие. Жизнь вне памяти – вообще не жизнь.

– Каждый раз этому удивляюсь, – сказал Андрюша.

– Тому, какой я умник?

– Был, – сказал Андрюша.

– Жестоко, Андрей Романович. Короче, не важно. Я – то, что я помню о себе. Это не то чтобы полностью я, до фига же всяких штук, которые мы не хотим о себе помнить. До фига такого, что не можем. Или просто случайно оно не запомнилось. Но это так, песочек. Я такой, каким я вижу сам себя. Это не совсем я. Но и не совсем то, что помните вы. Короче, философская такая идея получается, что есть я? Что есть вы? Что есть память? Да ну на фиг.

– Память у тебя хорошая, – сказал Андрюша.

– Была.

Я ел вкусное мороженое и смотрел на своего мертвого товарища. Я был счастлив и напуган. И еще эти отметины смерти на нем – царапины и синяки, свидетельства Бориного желания жить.

Я обернулся к Боре. Он смотрел на нас.

Володя сказал:

– Не надо его торопить.

Я с этим согласился.

– Здесь одиноко? – спросил Андрюша.

– Ну, это как раз отстойная часть.

Я сказал:

– Мы так скучаем.

– Я догадываюсь.

– Тебе было больно? – спросил Андрюша.

– Я не помню сам момент. Я потерял сознание, и все. Стало очень спокойно и как-то все равно, а потом случился обморок. Далеко не так страшно, как все представляется. Это сначала очень боишься, а в конце так устаешь.

Я выбросил мороженое в урну (хотя обычно не поступаю так с едой) и снова обнял его.

– Все, прекрати! Я тебя понял!

– Ванечка, – сказал я. – Спускайся.

– Нет-нет-нет, – быстро сказал Володя, он покачал головой и, как мне показалось, испугался. – Не надо пока что. Подождите еще.

– Почему?

– Пусть занимается своим делом.

– Каким?

– Он огромная часть всего этого.

– Ты меня совсем запутал.

– Я и сам не то чтобы очень в курсе. Но кое о чем я догадываюсь.

– Ты все еще умеешь думать? – спросил Андрюша.

– Такой ты дебильный, не могу.

Мы все-таки сели на скамейку рядом с Володей. Андрюша спросил:

– Жалеешь?

– Что умер? Ясен красен я, блин, жалею, шиза ты тупая.

– Да не о том, – сказал Андрюша.

– А, – сказал Володя. – Ну можно было и лучше время потратить. Если б знал. Но как оно там говорят? Знал бы где упасть, соломку бы подстелил. Жалеть так-то ни о чем нельзя. Подождите, я еще пословицу знаю, эта – моя любимая.

– Какая?

Я вдруг понял, что никогда не знал, даже не задумывался, какую пословицу Володя любит больше всего. Зачем было об этом задумываться?

– Жизнь прожить – не поле перейти.

– Это поговорка, – сказал я.

– Твою же мать.

– У пословицы всегда есть мораль, смысл. А поговорка – просто устойчивое выражение.

– Тут есть мораль, смысл и вообще очень глубокая философия.

– Но нет урока.

– Мне кажется, ты усложняешь.

– Я тоже думаю, что ты не прав, Арлен.

– Вы упрощаете фольклор, – сказал я.

Мы втроем засмеялись. Я, мой лучший друг Андрюша и мой мертвый друг Володя.

Володя снова посмотрел на Борю.

– Все лучшее, что здесь есть, создал для меня он, – сказал Володя. – Это все так, прихожая. А вообще-то я могу осуществить любую свою мечту, если захочу.

Он облизнул губы, а потом сказал:

– Но не увидеться с ним.

– Эдуард Андреевич сообщил нам, что это принципиально возможно, – сказал я. – Из-за сети, связывающей воедино наших паразитов.

Володя улыбнулся мне, чуть вскинул брови, быстро моргнул. Он не верил, но хотел верить. Я сказал:

– Если это возможно, то вы обязательно встретитесь.

А потом к нам подошел Боря. Он молчал. Володя сказал:

– Привет.

Выглядело так, словно это Боря на него злится. А потом Боря рухнул перед ним на колени.

Володя сказал:

– Но ты не виноват.

– Но я виноват, – сказал Боря, подался к нему и схватил за руки. – Прости меня, прости меня, прости. Я так хочу увидеть тебя, я так хочу тебя увидеть только еще раз.

– Но ты видишь. Смотри. Всё норм.

– Я тебя так люблю. Я так сильно тебя люблю. Я так ужасно тебя люблю.

– Ну. А я тебя. Это ж никуда не денется. Даже если мы сейчас не вместе.

Володя погладил Борю по голове своей исцарапанной рукой, и, хотя они выглядели такими похожими, вдруг все-таки стало заметно, что Боря на год младше.

– Ты извини, что я тебе говорю, что я тебя люблю.

– Да норм. Батя же не слышит.

– Ну просто мы ж мужики.

– Ну не, я же умер, значит, как бы можно.

Они оба засмеялись, совершенно одинаково: Боря менее безумно, чем обычно, а Володя – более безумно, чем обычно.

Мы долго сидели вот так, и я думал: а может ли Володя, который есть его собственные воспоминания, простить Борю, живого Борю, стоящего перед ним на коленях?

Я хочу верить, что это возможно.

Они долго-долго были вместе, а мы с Андрюшей качались на качелях. Чудная стояла погода – май, любимый Володин месяц, свежо и радостно пахло проснувшимся после зимы чистым городом: зеленью, бензином. Небо было синее, и взмывать в него оказалось невероятно здорово.

А потом мы проснулись. Уже рассвело, я открыл глаза и увидел, что Андрюша и Боря тоже не спят.

Боря откинул одеяло и посмотрел на свои коленки. Они были разбиты, как и во сне, из-за того, что он со всей силы упал на асфальт.

– Ты можешь их залечить, – сказал Андрюша шепотом.

– Нет, – сказал Боря. – Я, наоборот, хочу, чтобы они не заживали никогда.

Больше мы это не обсуждали, и, я думаю, что так правильно.

Только Ванечка проснулся поздно, когда Дени Исмаилович уже пришел поднимать нас на зарядку.

– Останешься на упражнения, Иван? – спросил он. Ванечка сказал:

– Хитрый вы. Нет-нет-нет, на зарядку я не останусь. Я зарядки совсем не люблю.

Он покачался, стоя в дверях, наблюдая за тем, как мы собираемся, а потом сказал:

– Боречка, только ты не забудь про меня никогда.

А потом Ванечка снова, как давным-давно, после истории с Пиковой Дамой, прижал указательный палец к носу и изобразил свиной пятачок.

Дени Исмаилович покачал головой.

– Иди к маме, Иван.

Ванечка засмеялся, сказал:

– К маме, к маме, к маме! – И убежал.

Я не знал, что и думать. Я не верил в то, что Ванечка может быть ответственен за эту встречу, мы ведь могли просто видеть одинаковые сны из-за связи, почему нет? Борины коленки? Просто способность к изменению плоти, проявившаяся именно так. Но тогда не стоило и верить в то, что мы видели Володю, или, во всяком случае, то, что от него осталось. Мы с Андрюшей тогда переглянулись, будто пообещали друг другу обсудить ситуацию, но, я думаю, мы ее так и не обсудим.

Почему-то мне кажется, что вслух говорить о таких снах не стоит.

Запись 138: Неприятная процедура

Сегодня Эдуард Андреевич сказал, что девочки и мальчики будут проходить процедуру отдельно. Мы этому очень удивились. Иногда мы ходили в процедурную по очереди, иногда лежали там все вместе, но нам было не совсем понятно, зачем делить нас по половому признаку.

Андрюша сказал:

– Наверное, мы будем голые.

Я сказал:

– Не знаю, а зачем?

Валя сказала:

– Может, это такая процедура, где важен пол.

– Да, – сказала Фира. – Например, мальчикам будут давать задания более тяжелые, и Эдуард Андреевич не хочет, чтобы они расстраивались.

– Или, – сказал Боря, – он вам объяснит, что вы будете шпионскими межгалактическими проститутками.

– Фу, – сказала Фира. – Ты ужасен. Может, он вам объяснит, что в Космосе падение нравов и это вы будете шпионскими межгалактическими проститутками.

– Есть вечные ценности, – сказал Боря. – Девки, алкашка, война. Наверняка в Космосе все то же самое.

Он развернулся к Вале и, удивительно точно скопировав интонации Эдуарда Андреевича, сказал:

– Толмачева, без радости вам сообщу, что ваша работа в Космосе не будет ограничена кровавой резней без разбора. Многие вещи, которые вам придется выполнять, сейчас покажутся вам неприемлемыми, но…

Боря осторожно взял ее за талию, и Валя со всей силы стукнула его по руке.

– Идиот!

– Вот увидите!

– Фу, какой ты пошлый, Боренька, – сказала Фира. – Ничего тебе теперь не расскажу.

Я сказал:

– Уверен, разделение носит не социальный, а чисто медицинский характер.

Правда, что я под этим подразумевал, было мне не очень-то понятно, зато фраза вышла максимально нейтральной.

Боря все дурачился. Я этому радовался, но знал, что как бы весело и бесшабашно Боря ни вел себя днем, ночью он частенько задыхался.

Он тонул.

Сначала я думал, что ему только кажется. Психика человеческая – вещь хрупкая и не до конца изученная. Мы с Андрюшей сидели с Борей, ждали, пока он прекратит задыхаться, и чем дольше я смотрел на него, тем яснее понимал – он в самом деле всякий раз оказывается в море, не то в собственной, не то в Володиной памяти.

А еще чуть погодя я понял, что Боря делает это специально, чтобы себя помучить. Я понял, что он так себя наказывает. Как-то раз я проснулся и услышал, как Боря скрипит зубами, шепчет:

– Твою же мать.

Я хотел спросить, что происходит, но секунду спустя увидел, как блеснули в торжествующей улыбке его зубы. Еще секунда, и он весь задергался, пытаясь вдохнуть.

Потом, когда все успокоилось, я попытался поговорить с ним, но Боря сказал:

– Нет, не надо про это «пиздеть», а то получишь.

– Но тебе так легче? – спросил я.

В темноте Борины глаза странно и нездорово блестели. Потом он сказал:

– Кажется, так.

Я не знал, как найти нужные слова, как объяснить Боре, что ему не нужно топить себя ночью, чтобы иметь право смеяться днем.

Наверное, я вообще не тот человек, который мог бы в этом случае помочь, я сам наказываю себя, когда недостаточно успеваю в учебе или в чем-нибудь виноват. Но одно дело – причинять боль себе самому, а другое – смотреть, как мучает себя товарищ.

Я очень переживаю за Борю.

Тем не менее я собирался написать о процедуре. К ней и перейдем. Процедура в самом деле нам предстояла неприятная.

Я сказал девочкам:

– Потом мы вам все обязательно расскажем.

Однако я зря так сказал. Несмотря на то что я дал честное слово, говорить обо всем, что происходило в процедурной, мне совершенно не хочется.

Я думаю, и не надо.

Когда мы зашли, Андрюша спросил:

– Раздеваться нужно?

Эдуард Андреевич рассмеялся самым приятным, ненавязчивым образом, так, что от этого смеха никто не почувствовал себя глупым.

– Да, Арефьев, на этот раз надо раздеваться.

Андрюша вздохнул.

– А зачем? – сказал он.

– Просто вот твой звездный час, Арефьев. Так, ребята, раздевайтесь до трусов. Сегодня процедура будет связана с нарушением цельности тела.

Я вздрогнул. Прозвучало ужасно, хотя Эдуард Андреевич постарался выразиться максимально корректно. Может, поэтому ужасно и прозвучало.

– Чего? – спросил Боря. – Я не понял.

– Для тебя, Борис, это все вообще не будет трудно. Ты уже завершил свои метаморфозы, и мы просто проверяем твои возможности. Твоим товарищам же эта процедура нужна для стимуляции дальнейших изменений. Для того чтобы получить ответ, всегда нужно направить вызов.

Все эти пространные формулировки привели меня в еще большую тревогу.

– Никакой боли, – сказал Эдуард Андреевич. – Самого факта нарушения целостности для запуска процессов регенерации должно быть достаточно.

– Должно быть? – спросил Андрюша.

– Да-да. Так что ваши тела будут обезболены. Вы будете погружены в сон и ничего не почувствуете. Однако спустя какое-то время, я вас разбужу. Ваша реакция и должна быть катализатором изменений.

Эдуард Андреевич вздохнул:

– Я пытаюсь объяснить, как можно лучше, но, по-моему, я все только запутал.

Мы так и стояли, не раздеваясь, глядели на него. Андрюша спросил:

– А можно перенести? Я плохо себя чувствую.

– Чем интенсивнее ваша эмоциональная реакция сейчас, чем более яркий ответ выдаст ваш червь, – сказал Эдуард Андреевич. – Уже к вечеру, я думаю, это станет просто историей, какой ни с кем другим не бывало. Давайте не продлевать наши с вами страдания.

– Наши с вами? – спросил Боря.

Он был очень бледным, даже губы побелели, хотя лицо и сохраняло непроницаемое выражение. Боря, как бы он ни хвастался своей смелостью, боится уродств. Я всегда замечал, что на инвалидов он старается не смотреть, а еще он говорил однажды, мол, конечно, мы и умрем молодыми, но зато если покалечимся, то сможем все вернуть назад.

Думаю, уродства он боится больше всего на свете.

– Тебе, Борис, волноваться не о чем. Ты впереди всех.

– Спасибо, конечно, но…

– Твой организм легко с этим справится.

Обычно мы не спорили с Эдуардом Андреевичем: надо, значит надо. Лично я не спорил и в этот раз. Но раздеваться не спешил, мне тоже было очень страшно.

С другой стороны, если от нас этого требует Родина, то сомневаться нельзя. Я собрался с духом и принялся расстегивать рубашку. Сложнее всего оказалось расстаться с пистолетом для забоя скота. Он теперь все время болтался у меня на поясе, и я с ним сроднился. Должно быть, именно так девочки любят свои украшения: цепочки, колечки, кулончики. Пистолет не был заряжен, а значит, его боевая ценность равнялась нулю. Однако с ним я почему-то ощущал себя в безопасности. Отцепив пистолет, я тут же почувствовал, что ничего не смогу поделать с тем, что будет происходить. Странно и глупо так думать и так цепляться за вещь, которая не способна в данный момент выполнить свою функцию. Не люблю чувства, которые не имеют под собой рациональной основы.

Когда я лег на кушетку, Эдуард Андреевич надел на меня не браслет, а ошейник. Еще я не люблю, когда что-либо меняется. А ошейник к тому же ощутимо жал.

– Смотри на экран, Жданов, – сказал Эдуард Андреевич. – Ты знаешь правила.

Правила я знаю, думал я, правила я знаю, и это все, что я на самом деле знаю.

Ребята еще стояли, не шелохнувшись, они смотрели на меня, а я чувствовал себя таким смелым. Потом я в самом деле перевел взгляд на экран, увидел свое метро, и серый забор, и красные маки.

Проваливаясь в темноту, я старался не держаться ни за одну мысль, чтобы не остаться случайно в сознании, как в самый первый раз.

Очнулся я легко, ощутил себя выспавшимся и отдохнувшим. Мне кажется, я чувствовал себя даже лучше, чем утром. Ошейник, обхватывавший мое горло, стал вполне комфортным, я привык.

Потом я зевнул, мне захотелось прикрыть рот рукой, и я не смог этого сделать.

Я посмотрел вправо и увидел пустое пространство там, где должна была быть моя рука.

Я посмотрел влево, и там тоже оказалось пусто.

У меня не было рук, они были ампутированы по самый плечевой сустав. Оттуда, где открывалась обнаженная плоть, шли причудливые металлические трубки, они утыкались в мой ошейник. Я не кровоточил, по-видимому, эта конструкция останавливала кровь или возвращала ее в мое тело, точно я не

понимал.

То, что я испытал, сложно было назвать ужасом.

Мне кажется, лучше всего называть такое состояние черным отчаянием. Сердце забилось болезненно и часто, меня теперь била крупная дрожь, из-за которой эти хрупкие металлические трубочки тоже подрагивали. Получался звук, похожий на тот, что бывает, когда водишь пальцем по краям стеклянного стакана.

Признаюсь честно, я расплакался.

Я лежал, глотал слезы и думал: что же в этом такого? Все поправимо. Заживают ведь мои ранки и заживают быстро.

Каждому из нас важно быть значимым. Я всегда так хотел быть значимым, и вот я лежу в белой комнате, пропахшей карболкой, под слепящим светом, и у меня нет рук. Меня привело в ужас то, что моя история – такова.

Я дышал быстро, как загнанный зверек, из-за слез у меня заложило нос и дышать приходилось через рот, отчего быстро закружилась голова.

Почему мне было так страшно? Теперь, когда я могу подумать об этом, я бы выделил несколько факторов:

1. Ощущение беспомощности. Я не мог совершить почти никакого действия из тех, к которым я привык, да даже встать с кушетки, привычно опираясь на руки. Я не понимал, как мне делать самые простые вещи. Не понимал и не был способен. Так я ощутил себя почти что вещью.

2. Ощущение нарушения целостности тела. Мы все рождаемся и растем с определенным представлением о себе, образом самого себя. Быть здоровым человеком с руками и ногами – это базовый опыт практически для каждого. Я не соответствовал образу себя. Я был какой-то частью того, что я знал прежде, неполным, разломанным.

3. Ощущение вмешательства. Мои руки были ампутированы, из моей плоти торчали металлические трубки, они были во мне, но я их не чувствовал, однако нечто инородное внутри вызывало чувство тошноты.

Итак, образ моего тела был разрушен, я лежал беззащитный, неспособный к привычным действиям, изуродованный и плакал.

Долгое время я чувствовал себя, кроме того, очень одиноко. Я забыл о существовании всех других людей: моих бедных друзей, Эдуарда Андреевича, который это со мной сделал. Я плакал не потому, что хотел, чтобы кто-нибудь пришел и помог мне. Плакал я без какой-то особенной цели, мне не становилось легче, и я не искал помощи. Эти слезы лились как бы сами по себе: слезы отвращения, слезы слабости.

– Да не ной ты, – сказал Боря. – Смотреть противно.

Я выдохнул.

– Боря? Боря?

– Да тут я.

Я хотел повернуть голову на голос, но Боря сказал:

– Нет!

Я замер.

– Андрюша? – спросил я. – Ты еще спишь?

– Нет, – сказал Андрюша. Его голос был даже более тусклым, чем обычно, в нем не было ни слез, ни паники, ни злости.

Я посмотрел на Андрюшу. Его руки были на месте, но у него не было ног. В красное мясо, оставшееся на срезе, тоже проникали металлические трубки, крепившиеся к ошейнику. Эти трубки были длиннее, чем те, что соединили с ошейником мои раны, а потому образовывали над Андрюшей странную, почти архитектурную конструкцию.

– Больно? – спросил я Андрюшу.

– Нет, – сказал он тем же бесцветным голосом. – А тебе?

– И мне не больно, – сказал я. – Совсем ничего не чувствую.

Мне стало стыдно, захотелось утереть слезы, но я не мог.

Боря сказал:

– Да закройте свои хлебальники уже! Дайте почилить.

Он засмеялся, я все-таки обернулся к нему и увидел, что у Бори нет ни руки, ни ног. К нему не шли никакие трубки, его кушетка была мокрой от крови, а вот пол под ней – совершенно чистым. Кровь, попадавшая на него, исчезала в холодном блеске.

Боря сказал:

– Не смотри на меня!

Я тут же отвернулся, но все-таки я успел запомнить (наверное, навсегда) окровавленные обрубки вместо его рук и ног, его бледное, искаженное страхом лицо, быстро вздымающуюся грудь.

Я запрокинул голову и принялся смотреть в белый потолок.

Теперь я отчетливо ощущал пустоту там, где раньше у меня были руки. Хотя не скажу, что прежде часто осознавал части своего тела, часто понимал, что даже в состоянии покоя они доставляют определенные ощущения.

– Боря? – сказал я. – Тебе не больно?

– Нет!

– Я спросил из-за крови.

– «Отъебись»!

Андрюша сказал:

– Жутко думать, что будет, если мы еще не готовы. В этом смысле тебе, Боря, хорошо.

– Мне «заебись», – сказал Боря.

– Это замечательно, – сказал Андрюша.

А мне любой диалог в этой ситуации казался безумным.

Андрюша сказал:

– Арлен, я ничего не вижу, а шевелиться боюсь, посмотри на мои ноги. Там что-то происходит?

– Я не могу так перевернуться, чтобы увидеть близко.

– Понятно. Боря, – сказал Андрюша. – А почему у тебя трубок нет?

– Потому что я крутой. Могу и кровью истечь.

– У тебя что-нибудь происходит?

– Да.

– Арлен, посмотри!

Я снова повернул голову к нему, но Боря снова сказал:

– Нет, не смотри на меня! Отвернись!

Однако мне показалось, что обрубки Бориных рук и ног стали длиннее, чем были в первый раз, когда я их увидел.

Я сказал:

– А я обещал девочкам все рассказать.

– Не сто́ит, – сказал Боря.

– А мне кажется, надо рассказать, – сказал Андрюша. – Лучше уж пусть они знают. Так они подготовятся к этой мысли.

Я снова задрожал, вспомнив о том, что у меня нет рук. Надо же, такое странное знание, я почти каждую секунду о нем забывал, и каждую секунду оно било меня заново, так же больно и кроваво.

– Как думаете, сколько времени это займет? – спросил Андрюша.

– Да черт его знает, – сказал Боря. – Ну терпи, дрочер.

Он громко засмеялся, его смех в этом озаренном безжалостным светом помещении казался жутким, страшно неуместным, тревожным, крайне абсурдным.

Отсмеявшись, он сказал:

– На самом деле, дрочер, тебе и терпеть-то не надо. Вот отхватили бы тебе руки, как Жданову…

И снова Боря засмеялся, а потом замолчал.

Мы молчали так долго, что я смог слышать наше дыхание: быстрое, шипящее – Борино, быстрое, прерывистое – Андрюшино, быстрое, со слезным присвистом – мое.

Какое же долгое молчание и какое невыносимое, но я не мог его нарушить, сам не знаю почему. Когда меня охватила совсем уж глупая и недостойная паника, Андрюша вдруг сказал:

– А вы помните страшную историю?

– Только этого сейчас не хватало, – сказал Боря.

– Самую глупую, – сказал Андрюша. – Ту, которая никому не

нравилась.

– Они у тебя все такие, – сказал Боря.

– Арлен, а ты помнишь?

– А? – спросил я, сознание ускользало и возвращалось, словно море набегало на берег волной.

– Не помнишь, – сказал Андрюша. – Я расскажу. Но это не моя история. Я ее просто слышал.

Боря сказал:

– Вот это пытка. Огонь просто. Огонь и каленое железо.

Но Андрюша не обратил на него никакого внимания. Он стал рассказывать своим монотонным печальным голосом:

– Идут как-то два путешественника. Они шли очень долго, а потом увидели заброшенный дом. Они зашли в этот дом и стали рассматривать вещи. Один видит, там что-то за портьерой спрятано, сдернул портьеру и умер сразу. Другой подошел, посмотрел и тоже умер. Потому что там были космические глаза.

Сначала повисло странное, нервное, натянутое, как струна, молчание, а потом мы все втроем (даже Андрюша) засмеялись.

Я уже упоминал, что я смеюсь редко и сам процесс мне не совсем ясен. Но тут я смеялся до слез и остановиться не мог. Страшилка про космические глаза показалась мне просто уморительной.

Я даже забыл о том, что у меня нет рук, – снова забыл.

Потом зашел Эдуард Андреевич. Он сказал:

– Прошу прощения, срочная операция. Что это вы тут смеетесь, товарищи?

И Андрюша рассказал страшилку про космические глаза и ему. Мы опять начали смеяться, а Эдуард Андреевич посмотрел на нас странно.

Он сказал:

– Теперь вам лучше еще отдохнуть.

Я не хотел, чтобы он меня усыплял. Во-первых, мне было так смешно, а во-вторых, казалось, тогда я совсем потеряю контроль над своим телом, сознанием, я очнусь, а у меня не будет ног, я стану, как Боря, – почти что куклой.

Засыпать было страшно, но я все равно уснул, как только Эдуард Андреевич дал команду через свой браслет.

Когда я очнулся, Боря сидел на краю моей кушетки. Он был в штанах и рубашке, но без красного галстука, рассматривал свою руку.

Я подумал: может, мне приснилось?

Борина рука была точно такая же, как утром, – обычная его рука.

– Я все, Жданов, – сказал он притворно весело.

– Тогда почему ты еще здесь?

– С тобой сижу. Ты же со мной сидел, когда я спал. Приходил ко мне.

Боря чуть склонил голову, наблюдая за движением своих пальцев.

– «Пиздатая» рука?

– Обычная, – сказал я.

– Во.

– Андрюша?

– Он спит еще. Ну и хорошо. У него не так все идет, как у тебя.

– У меня?

– Глянь.

Боря повернул мою голову. Наверное, надо написать, что руки у меня уже отросли до локтей, но я все равно воспринимал их отсутствие, а не присутствие. Для меня это было так: теперь у меня нет рук до локтей. Вернее, правой руки. Я смотрел на свою правую руку. Но с левой, видимо, происходило то же самое.

Моя искалеченная рука вызвала у меня приступ тошноты, но, подавив его, я заставил себя взглянуть на нее еще раз. В мою руку больше не вонзались металлические трубки, однако она не кровоточила. Процессы, происходившие во мне, я заметил не сразу, но когда все-таки увидел их, то меня немедленно охватило странное чувство – я действительно больше не являлся человеком.

Ткани моей израненной руки разрастались очень медленно для глаза, но невероятно быстро по меркам организма. Я видел, как нарастает красная плоть, белая кость, синие вены. Словно художник-пуантилист наносил на картину точку за точкой, но это была не краска, а скопление клеток.

– Растет, – сказал я.

– Ага. Я думал, там будет сначала кость нарастать, потом плоть, потом кожа. А это какой-то первобытный бульон.

– Хаос.

– Ага.

К ужину меня выпустили, мне оставалось восстановить только кончики пальцев. Андрюша все еще спал, и Эдуард Андреевич сказал:

– У него проблемы с регенерацией.

После ужина (никогда я не чувствовал себя таким голодным) мы с Борей вернулись к Андрюше. Девочки просились с нами, но мы их не взяли. Их процедуру перенесли на завтра, и я старательно избегал встречи с девочками, потому что не хотел ничего объяснять.

Андрюша уже не спал. Его ноги восстанавливались медленно, но лицо его не выражало прежней печали, он с интересом рассматривал свои ноги.

Дени Исмаилович долгое время не выгонял нас, но в конце концов сказал, что спать мы должны в своей палате, а Андрюше будет спокойнее, если мы не будем его отвлекать.

Андрюша сказал:

– Все нормально, идите.

У меня сердце разрывалось, и я не хотел его там оставлять.

Когда мы шли к своему корпусу, Дени Исмаилович сказал:

– Ему нужен покой. Завтра он уже выйдет, будьте уверены.

Может быть, Дени Исмаилович и прав, а может быть, просто волнуется за нас.

Засыпать без Андрюши оказалось еще тяжелее, чем без Володи (собственно, поэтому я и пишу эти строки глубокой ночью). Боря опять сидел на балконе и курил, а я рассматривал свои руки.

Пришел Дени Исмаилович (он увидел дым сигареты со своего балкона), забрал Борю для разговора.

А я все смотрел на свои руки.

Я думал: это ведь не те руки, с которыми я родился.

Так странно.

Запись 139: Рука Фиры

Андрюшины ноги в конечном итоге отросли к вечеру следующего дня. А вот у Фиры одна рука не отросла до сих пор, хотя прошла почти неделя с ее процедуры.

Ужас.

Она, конечно, растет, но медленно.

Мне всякий раз так ужасно, когда я вижу пустой рукав Фириной рубашки. Но Фира – очень спокойная девочка. Она только говорит:

– Так неудобно.

Все мы испытываем такой ужас, а Фира говорит:

– Самое ужасное – это кушать и одеваться. Наверное, еще плавать было бы тоже ужасно.

Но теперь никто из нас на море не хочет. Дени Исмаилович все предлагает – все-таки море оздоравливает, но мы отказываемся.

Никому не хочется на море. Вместо моря у нас теперь спортивные занятия, которые проводит Дени Исмаилович. От них Фиру освободили, и она, кажется, этому рада.

Боря ходит за Фирой и все за нее делает, даже чашку держит. Этим она, кажется, тоже наслаждается.

Я все не понимал, почему Фира не испытывает такого ужаса, как мы.

А сейчас вдруг понял: она ведь хочет отдать папе легкие.

Так что Фира долго готовилась к тому, что кто-то будет отнимать части ее тела. Наверное, с самого начала она себя на это и настраивала.

Очень смелая она девочка, мой бледный товарищ.

Я ею сильно горжусь.

Но все равно смотреть на ее пустой рукав мне бывает очень страшно.

Еще из новостей: Андрюша снова увлекся рисованием. Но теперь рисунки у него крайне абстрактные и странные, я с трудом могу предположить, что на них изображено. Как уже упоминал, не понимаю абстракционизм.

Запись 140: Галечка написала

ЗДРАВСТВУЙ БРАТИК МОЙ.

Я ПОЛУЧИЛА ОТ ТЕБЯ ПОСЫЛКУ.

КАМУШЕК ОЧЕНЬ ПРЕОТЛИЧНЫЙ. МНЕ СИЛЬНО ПОНРАВИЛСЯ КАМУШЕК. Я ЗАГАДАЛА В НЕГО ЖЕЛАНИЕ СКАЗАТЬ НЕ МОГУ А ТО НЕ СБУДЕТСЯ ОНО.

НО ЖЕЛАНИЕ ЭТО ПРО ТЕБЯ.

ЭТО ЖЕЛАНИЕ ЧТОБЫ ТЫ СКОРЕЕ

ЧУТЬ НЕ НАПИСАЛА. НЕ ДОПИШУ ТОГДА И СБУДЕТСЯ ВСЕ РАВНО.

МАМА МЕНЯ НАРУГАЛА ЗА ТО ЧТО ШТОРУ СОРВАЛА НО Я ЗАПУТАЛАСЬ ПРОСТО. НАПИШИ МОЕЙ МАМЕ ПИСЬМО ЧТО Я ХОРОШАЯ.

ПОКА ПОКА ПОКА

Запись 141: Для тети Иры

Уважаемая тетя Ира!

Как твои дела? Как твое здоровье? Очень хочу с тобой увидеться. Спасибо, что помогаешь Галечке писать письма, новое письмо совсем без ошибок, сразу видно, что ты контролировала. Кроме того, думаю, для нее опыт обращения с почтой очень полезный и развивающий.

У меня все хорошо.

Галечка попросила меня написать тебе, как ты и сама знаешь. Ее очень задело то, что ты наругала ее за шторы. Тетя Ира, Галечка ведь совсем еще ребенок, а дети очень быстро растут. Я понимаю, что с ней бывает тяжело, она большая непоседа, но будь с ней, пожалуйста, поласковее.

Она будет стараться для тебя в тысячу раз больше, если будешь хвалить, а не ругать.

Прости, если лезу не в свое дело, может быть, советовать мне не стоит, просто переживаю, когда она грустит.

Обязательно напиши мне про здоровье и все остальное.

Твой племянник

Арлен

Запись 142: Для Галечки

ДОРОГАЯ МОЯ СЕСТРИЧКА, ЗДРАВСТВУЙ!

ОЧЕНЬ РАД ТВОЕМУ ПИСЬМУ! СПАСИБО ТЕБЕ, ЧТО РАССКАЗАЛА О КАМУШКЕ! ЗАМЕЧАТЕЛЬНО, ЧТО ОН ТЕБЕ ТАК ПОНРАВИЛСЯ.

ЧТО КАСАЕТСЯ ЖЕЛАНИЯ, Я УВЕРЕН, ЧТО ОНО ВСЕ РАВНО СБУДЕТСЯ.

ТЫ МНЕ НЕ НАПИСАЛА НИЧЕГО ПРО ПОДГОТОВКУ К ШКОЛЕ. ТЫ ЖЕ ЧИТАЕШЬ? ПИШЕШЬ? ТЕБЕ ОБЯЗАТЕЛЬНО НАДО ХОРОШО УЧИТЬСЯ, ПОТОМУ ЧТО ТЫ БОЛЬШАЯ УМНИЦА.

Я НАПИСАЛ ТЕТЕ ИРЕ ПРО ТЕБЯ И ШТОРЫ. НЕ ЗНАЮ, ЧТО ТАМ РЕШИТ ТЕТЯ ИРА, НО Я ВСЕГДА БУДУ НА ТВОЕЙ СТОРОНЕ.

ВОТ ЭТО ТЫ ДОЛЖНА КРЕПКО ЗНАТЬ, ДОРОГАЯ МОЯ СЕСТРИЧКА, ПОЭТОМУ Я ПОВТОРЮ: ВСЕГДА БУДУ НА ТВОЕЙ СТОРОНЕ.

ПИШИ МНЕ ЕЩЕ, И ПОБОЛЬШЕ. РАССКАЖИ, ЧЕМ СЕЙЧАС УВЛЕКАЕШЬСЯ, ЧЕМУ РАДУЕШЬСЯ? Я ЗНАЮ, ПИСАТЬ СЛОЖНО, И ТЕТЯ ИРА ОЧЕНЬ СТРОГАЯ, НО ТОЛЬКО ТАК ТЫ МОЖЕШЬ МНЕ СЕЙЧАС ВСЕ РАССКАЗАТЬ.

ТВОЙ ЛЮБЯЩИЙ БРАТ

АРЛЕН

Запись 143: Вопрос Андрюши

Что ты ответишь, если прохожий подойдет к тебе и скажет: привет, ты сейчас находишься в чемодане, сколько костей тебе сломали, чтобы ты поместился в чемодан, и почему ты там оказался?

Запись 144: Братоубийца

Я скажу: дрочер, отъебись-ка ты слегка от меня.
Все еще ненавижу себя, если кому интересно, конечно.
Какой же угар.
Адок.

Запись 145: Безобразие

Хватит самовольно тут переписываться.
Совсем уже обалдели.

Запись 146: Фира!

Рука отросла! Фира молодец! Дени Исмаилович обещал сводить нас все-таки на набережную, чтобы купить для новой Фириной руки колечко.

Запись 147: Мое колечко

Так и быть, и я оставлю тут свою записочку, Арлен. Пишу замечательной своей новой рукой.

Колечко я купила тоже замечательное (знаю, ты это слово любишь). Очень оно красивое, хотя стоило совсем не дорого. Оно посеребренное, и в центре линия как бы из опала, но на самом деле этот материал искусственный. Синяя полоса с зелеными проблесками.

Я не хочу думать, что она как море, море я сейчас не люблю.

Она как небо в северном сиянии. У нас его не бывает, но я видела картинки. Вот такое небо.

Думала, может, взять кольцо с сердечком (Боря мне предлагал), но решила, что это выставит меня слишком уж легкомысленной.

Пусть будет небо.

Теперь бы больше руку не терять, а то вдруг кольцо снять забуду.

Запись 148: На подумать

Сегодня пили чай с Эдуардом Андреевичем. Он раздал нам гематогенки и сильно хвалил за успехи.

Однако написать хочу о некоторых его мыслях, которые показались мне интересными и над которыми хочу в дальнейшем поразмыслить.

В беседе Эдуард Андреевич высказал следующие тезисы:

1. Человек – не более чем животное.

(С этим я, в принципе, согласен. Ведь с научной точки зрения это верно. Однако звучит так, словно между мной и Николаем Убийцей разница минимальна. А ведь человек – это звучит гордо! С другой стороны, необходимо с уважением и любовью относиться к братьям нашим меньшим, заботиться о них и осознавать, что их страдания так же реальны, как наши. Сложные чувства. Дело в том, что люди одни такие в Космосе – разумные. А было бы много разумных, то мы и с животными бы нашли способ поладить, понять их, даже самых простых животных. Потому что тогда у нас не было бы представления о нашей исключительности, которая нас ото всех отделяет. Путано написал, однако эта тема меня волнует.)

2. Человек не самое дружелюбное животное, но и не самое агрессивное.

(Здесь Эдуард Андреевич говорил о том, что наш вид способен к кооперации, социален, однако приматы далеко не самые мирные звери и внутригрупповой агрессии у них больше, чем, например, у волков.)

3. Человечество, как это ни банально, в самых своих высоких проявлениях зависит от биологии млекопитающих.

(Эдуард Андреевич привел в пример религию. Он сказал, что каждый из нас в детстве либо получает заботу от кого-то большого и сильного, либо погибает. Детеныши человека не выживают самостоятельно, им требуется родительская фигура, тот, кто заботится о них, спасает от холода и голода, защищает. Так, по мнению Эдуарда Андреевича, формируется идея Бога. Кто-то большой и могущественный, кто может спасти тебя или наказать. Тот, от кого все в мире зависит. А вот если бы мы появлялись на свет развитыми, сразу приспособленными к жизни, то мы не смогли бы себе помыслить никакого Бога, так считает Эдуард Андреевич.)

4. Совершенно все, что делает человек, может быть редуцировано к биологии.

(Развитие предыдущего пункта. Мне очень понравилось, что

Эдуард Андреевич назвал Борю агрессивной обезьяной. Также Эдуард Андреевич сказал, что даже расселение в Космосе, полеты и все самое великое, чем мы привыкли гордиться, – все равно сводится к простой биологии. Жизнь экспансивна, приматы любопытны, и этим определяется все. Или, к примеру, животное желание следовать за сильным лидером определяет иррациональную жестокость фашистских режимов.)

5. А самопожертвование и любовь?

(Об этом спросила Валя, и Эдуард Андреевич без запинки сказал, что люди – социальный вид, кооперация и дружба помогают выживать большему количеству особей, любовь самки обеспечивает самца гарантиями продления собственных генов, а самку – гарантиями помощи самца. Дружба и любовь – адаптивные стратегии, у животных есть нечто похожее. Что касается самопожертвования, то Эдуард Андреевич говорил о самом благородном примере. Он сказал: представьте человека, жертвующего собой ради чужого ребенка, кажется, это вершина человечности. То, чего нет у животных. Но суслики, к примеру, при опасности не спешат бежать, а предупреждают своих сородичей. Иногда они жертвуют собой, чтобы успели спастись детеныши. Люди остаются животными, даже когда совершают величайшие вещи на свете. И сколько бы имплантов люди ни поместили внутрь своих тел, они навсегда останутся животными.

На мой взгляд, этот подход очень циничен. Гораздо приятнее признать, что в мире есть беспричинная доброта. Кстати, Эдуард Андреевич рассказал, что среди муравьев тоже есть настоящие герои. Они совершают самоубийство, чтобы уничтожить как можно больше врагов с помощью липкого и едкого секрета, который выливается из них.)

Запись 149: Понял!

Эдуард Андреевич имел в виду, что мы, зараженные паразитами приматы, ничуть не бóльшие животные, чем здоровые приматы.

Просто обычные животные.

Другое дело, что Эдуард Андреевич не отрицал того, что мы опасны, не отрицал, что мы хуже себя контролируем. Он, по-видимому, имел в виду, что нет никакого абстрактного добра и зла, нет никакого континуума, на одной стороне которого животные, на другой люди, а в середине – мы с нашими червями в голове.

Такого континуума нет, а есть просто множество очень разных вариантов жизни.

Не знаю, как к этому относиться, но подумать о таком очень интересно.

Ванечка мне сегодня сказал, что большинство из тех, у кого червь в голове, никогда не окажутся в такой ситуации, где станут страшнее обычных людей.

Вернее, он сказал не так. Я попрошу его записать все дословно, потому что я не хочу забыть эту мысль.

Запись 150: ТАК

ТАКИЕ МЫ ВСЕ КАК ДРУГИЕ ВСЕ ЛЮДИ НИ АТЛИЧАЕМСЯ ПРОСТА ТАК.

А ЕСЛИ ЗАБАЛЕЕМ ТАГДА СИЛЬНА АТЛИЧАЕМСЯ.

ЕЩЕ ЧАСТА БЫВАЕТ ХАРАКТЕР ДУРНОЙ У МНОГИХ НО ЗА ХАРАКТЕР НИЛЬЗЯ СУДИТЬ.

Запись 151: Небольшой комментарий

Это уж слишком резкое высказывание. Совершенно ясно, что не все мы плохие, однако не стоит думать, что дефектная относительно здоровых людей нервная система совершенно не влияет на социальное поведение.

Я в своей жизни встречал в основном исключительно хороших людей (если не считать мужчину с ксеноэнцефалитом, который напал на людей с ножом в молочном магазине), но все-таки статистика говорит о том, что мы совершаем преступления чаще.

Да и посмотри на Борю.

Запись 152: Ха-ха

Да, посмотрите все на меня! Единственный и неповторимый, садист даже по меркам расы потенциальных преступников. Надо же, всего добился, бля.

Запись 153: Напиши что-нибудь еще

Хоть что-нибудь, например, что делаешь?

Запись 154: Отвали

Я в порядке, отъебись, делать мне нечего, как писать в твой детский дневничок.

Запись 155: Бананы

У нас на Авроре бананы не растут и совсем не приживаются. Есть у нас и довольно жаркие места, но, видимо, не настолько.

Я никогда не пробовал банан, а вот моя мама – пробовала. Целый ящик замороженных бананов ей подарил папа.

Мама говорит, что на вкус бананы похожи немного на мороженое, но с едва заметной кислинкой и не такие сладкие.

Дени Исмаилович недавно вернулся из Космоса, и он тоже привез с собой бананы. В поезде они разморозились (в Космосе морозят вещи так, что они остаются мороженными несколько суток, даже если вокруг жара), но Дени Исмаилович не хотел есть бананы. Тогда он попросил тетушек из столовой снова эти бананы заморозить, а потом сказал, что наши технологии заморозки ужасно несовершенны, и все бананы стали невкусными.

В общем, он хотел их выбросить.

Когда мы об этом узнали, то стали его отговаривать – это ведь такая редкость. Дени Исмаилович очень расстроился, что мы никогда не пробовали бананы и выдал нам по одному.

Так бы мы и попробовали сегодня бананы, но в это время в столовую вошел Эдуард Андреевич, он увидел у нас бананы и сказал:

– Этим маленьким обезьянкам ничего, кроме мяса, пока нельзя.

– Даже мне? – спросил Боря.

– Пока что, до экзамена, даже тебе.

– А почему нельзя? – спросил Дени Исмаилович.

– Их просто стошнит, и всё. Сейчас они абсолютно плотоядные. Через пару месяцев все придет в норму, и они попробуют бананы где угодно в другом месте, не убивайтесь так, Дени Исмаилович.

В тот момент я почувствовал, что Дени Исмаилович очень расстроился из-за нас, а еще ему стало немного отвратительно оттого, что мы едим только сырое мясо. Он это, конечно, видел в столовой, но тут вдруг задумался, и стало ему очень неприятно.

Эта неприязнь его самого расстроила.

Я сказал:

– Но подождите! Бананы можно все равно не выбрасывать! У нас есть всеядные друзья.

Дени Исмаилович засмеялся:

– Рад буду с ними поделиться.

Мне не хочется, чтобы ему было с нами неприятно. Он вроде бы хороший человек и товарищ наверняка надежный.

Только вот тяжело ему тут и неловко.

Мы собрали наших друзей, оказалось, что Мила бананы пробовала – ей привозил их из Космоса папа, а вот Алеше и Ванечке папа бананы не привозил. Диана сказала:

– Ничего себе! Это так вкусно! Я бы ими только целый день и питалась.

– Как обезьяна, – сказал Боря.

– Не завидуй.

– В последнее время Боре нравится говорить об обезьянах, – сказала Фира. – Может, вырастет биологом.

Мы засмеялись. Боря тоже смеялся. Странное дело, всякий раз, когда я смотрел на него, то думал, как ему больно. Эту боль было видно в движениях, мимике и голосе, буквально во всем, она пропитывала его, как кровь пропитывает ткань одежды.

Но Боря все-таки продолжал смеяться, когда что-то казалось ему смешным. Удивительная способность. Сейчас я еще слишком маленький, чтобы понять, общечеловеческое ли это – смеяться, когда хочется плакать, или все-таки особая Борина идея насчет того, как жить эту жизнь.

Ванечке бананы особенно понравились. Он аккуратно очищал желтые шкурки, а потом снимал эти странные ниточки с мякоти.

– Банановые лианы, – говорил он. – Смотрите.

Банановые лианы выглядели немного отвратительно да и ничем на лианы похожи не были.

– Вкусно, наверное, – сказала Валя.

– А то, – сказал Ванечка.

Мила от бананов отказалась, чтобы нас не дразнить.

– А почему ваш папа не привозил вам бананов? – спросила Фира у Ванечки.

– Не знаю, – сказал он. – Наверное, он про них забыл. Он забывчивый. Вкусные. Или не хотел делиться. Хотя это странно. Папа же хороший.

– А ваш…

Тут Фира замолчала. Боря вздрогнул. Теперь его отец принадлежал только ему.

– А, – сказал Боря. – Он не закусывает.

Все засмеялись, но быстро замолкли. Только Ванечка продолжал есть.

– Вот. Еще одна банановая лиана.

Пока мы так сидели, нас навестил Жорж.

– А вы любите бананы? – спросил Ванечка.

– О, я бывал на планетах, где растут только бананы, – сказал Жорж.

– Что?

– Монокультурные колонии. Все в мире повторяется, как ни крути.

Я совсем ничего не понял, но решил, что Жорж, как всегда, фантазирует. У меня не было настроения обличать его во лжи, я просто решил про себя, что бананы – большая редкость, вот Жоржу и захотелось придумать планету, где есть только они.

Алеша спросил нас:

– А что вы измените в своей внешности, когда сможете это делать?

Фира сказала:

– Я сделаю свои волосы гладкими.

Валя сказала:

– Мой нос будет прямой.

Боря сказал:

– Ничего, посмотрите на меня, я просто совершенен. Портить такую красоту? Нет уж.

Мне в это охотно верилось. Боря слишком себя любил, чтобы что-то менять. Разве что иногда становиться похожим на брата? Если это возможно, наверное, это приносит или большое облегчение или жгучую боль.

Андрюша сказал:

– Я бы вообще не хотел выглядеть, как я.

Я сказал:

– Внешность в человеке глубоко вторична. Я бы ничего не менял.

Жорж засмеялся.

– Вы так говорите, словно любой солдат может изменить себе внешность. Это на самом деле тонкая работа. При том нужно постоянно держать в голове, что ты изменил свою внешность, а то все вернется на круги своя. У ваших тел есть стабильное состояние, ваш естественный вид, и они стремятся быть в покое, то есть вернуться в это стабильное состояние. Стоит устать, потерять много энергии или просто стать менее сосредоточенным, и все пропадет. Останетесь только вы.

– Так вы всегда такой сосредоточенный? – спросил Ванечка.

Жорж сказал:

– Я всегда держу в голове, что я должен идеально выглядеть. Если б хоть на минуту забыл об этом, то вы бы увидели…

Он замолчал, прижал руку к сердцу.

– Только чуть более простецкую версию меня.

Боря сказал:

– Ну как-то не знаю. Значит, вы что, недостаточно красивый изначально, что ли? Я вот – аж через край.

Жорж сказал:

– И это мне говорит юноша, который залачивает волосы в двенадцать лет. Как пали современные нравы!

Ванечка съел последний банан и теперь перебирал «банановые лианы». А потом он вдруг сказал:

– Это очень особое лето для всех.

Мы почему-то замолчали. Каждому было что сказать, а Боря мог даже обидеться. Но мы молчали, не знаю почему. Ванечка облизнулся и сказал:

– Надо еще пристроить белого щенка. Он самый умный. Жорж, возьмите белого щенка.

Диана сказала:

– Возьмите-возьмите, я уже одного взяла, мне больше не разрешат.

– Я об этом подумаю.

– Он совершенно белый, – сказал я. – Очень красивый. Хотите посмотреть?

Жорж все упирался, говорил:

– Не могу же я взять его с собой в Космос.

Но мы привели его к белому щенку (а щенка я недавно вымыл), и Жорж растаял.

– Боже ты мой! – говорил он. – Кто это такой сладкий пирожочек? Кто такой замечательный зефирчик?

Боря сказал:

– Какое паскудство, я сейчас блевану.

– Нет-нет-нет, не слушай этого дурного мальчишку, мой пирожочек.

Жорж взял щенка на руки, и щенок долго вылизывал его совершенное лицо.

Так последний из Найдиных детей обрел дом, а Ванюша попробовал и полюбил удивительные космические фрукты.

Запись 156: Странности

Давно сюда не писал, потому что процедуры на этой неделе стали частыми и утомляющими. На следующей, Эдуард Андреевич обещает, будет полегче.

Приступов у меня давно не было, но мысли сейчас все равно какие-то вязкие и странные, не знаю почему.

Случаются теперь и совсем странные дни. В такие дни Дени Исмаилович вообще нас не трогает, и мы лежим в комнате, и только-то. Балкон открыт, в комнату задувает ветер, приносит запах моря, колышет занавески, и это наш единственный гость.

В такие дни я чувствую себя радиоприемником.

О странных днях я буду рассказывать в настоящем времени, потому что это не дни сами по себе, это ощущение дней. Стилистически, я думаю, лучше всего будет передать это ощущение именно так. Все очень настоящее и происходит сейчас, даже если случилось в далеком прошлом.

Мы почти не разговариваем, даже Боря. Лежим и смотрим, как движется по небу солнце.

Я не скажу, что мне такое чрезвычайно интересно, но слов и мыслей нет, остается только смотреть.

А иногда я закрываю глаза и вижу то, чего не должен видеть. Я могу рассказать об этом так легко.

Есть ощущение, что я закрою глаза и вернусь туда.

Вот представьте себе, я лежу на кровати, солнце уже заходит, я не бодрый и не сонный, а сознание как бы уплывает от меня.

Я могу протянуть руку к Андрюше, коснусь его волос и окажусь вдруг совсем в ином месте.

За городом, в деревенском доме, где пахнет молоком и сыростью, я Андрюша, и я сижу за высоким столом, накрытым липкой скатертью в розовых астрах.

Передо мной в перевернутом стеклянном стакане бьются осы.

Я знаю, что они задохнутся.

Я вообще все знаю. Я делаю так не в первый раз.

Мимо меня проходит мама, гладит меня по голове и говорит, что в баллоне кончается газ.

Я ничего не говорю, потому что в моем стакане бьются осы. Им страшно, и они очень-очень злые.

Мне не нравятся мои руки, когда я вырасту, я стану солдатом, потому что у меня есть справочник по анатомии и мне интересно, как все устроено.

Когда я стану солдатом, то возьму большой нож и посмотрю, что у меня такое внутри, похоже ли это на картинки из учебника

анатомии.

Я каждый день прошу маму, чтобы она отдала меня учиться. Я буду первым. Но первым мне быть не важно. Я бы просто хотел, чтобы мои руки изменились. А иногда я думаю, что руки ни к чему.

Я наклоняюсь к стакану и чуть приподнимаю его, осы стремятся выбраться, стремятся к воздуху.

Я знаю, как дышат насекомые. Насекомое пронизывают трахеи, поэтому воздух идет по всему телу. Воздух проникает в них, как ветер проникает в дом.

Воздух проникает в моих ос. Из-за этого мои осы проживут еще немного.

Я снова ставлю стакан правильно. Лапка одной из ос зажата, она дергается.

Мама говорит:

– Андрюша, они тебя покусают! И правильно сделают, между прочим.

– Я хочу стать солдатом, мама.

– Стань лучше врачом. Станешь солдатом – заболеешь и умрешь молодым. Лучше будь хирургом или офтальмологом. Лучше, конечно, офтальмологом, а то у тети Веры катаракта.

– Она уже ослепнет, пока я вырасту, – говорю я.

– Ой, не надо так. Компот будешь?

– Нет, – говорю я. Мне очень противны размокшие фрукты. Я люблю только твердые фрукты. И не все.

– Ну хорошо, занимайся. Но помни, тебя укусят.

Я помню. Меня укусят.

Я где-то читал, что осы хорошо распознают человеческие лица. Наверное, я кажусь моим осам пугающим. Я пугающий для насекомых.

За окном дождь, он стучит, а окна мокрые. В дом напротив приехал хозяин. Он стучит кулаком в дверь, и его впускают.

Мой отец на крыльце, он в инвалидной коляске. Мама всегда проверяет, не намок ли он. Но если отец намокнет, он будет кричать.

Все за окном такое зеленое, и такие яркие мамины цветы, о которых она заботится. Тетя Вера скоро ослепнет, я знаю. Я читал про катаракту и другие заболевания глаз.

Я не боюсь ослепнуть, ведь память у меня замечательная.

Я боюсь никогда не стать солдатом. Я все хочу знать о том, как может измениться тело, а если не буду солдатом – я ничего не узнаю.

Мама говорит:

– Ох, Ромка-то вымок весь небось.

Но папа не кричит, не зовет, значит, он не вымок.

– Где ты вообще нашел этих ос?

– Я их поймал в огороде. До дождя. Они стали сонные.

– Хорошо, – говорит мама и смеется. – Дурашка.

Когда она уходит, я медленно двигаю стакан по скатерти. Мои осы сходят с ума. Насекомые не знают, что такое смерть, но они способны бояться опасности.

Безвоздушное, замкнутое пространство их пугает.

Осы в стакане такие яркие, стекло искажает их пропорции. Я веду стакан по скатерти, осы бьются о его стенки, взлетают и падают. Мой стакан замирает у края стола. Мамы рядом нет, она с папой на крыльце. Я резко тяну стакан и закрываю его ладонью. Осы кусают меня, и я так же резко возвращаю стакан на место.

Я хочу знать, сколько у них яда и когда они ослабеют. Когда они больше не смогут меня кусать? Это интересно. Опасные осы станут безопасными осами, сонными и беспомощными.

На моей ладони два бледных бугорка, на каждом красное пятнышко, такое маленькое и яркое. Сердце укуса.

У меня нет аллергии на ос, а вот если оса укусит Свету из дома напротив, Света умрет. Так сказала ее мама. Поэтому когда Света с нами играет, рядом всегда сидит ее мама, у нее в сумке большой шприц.

Я бы умер, если бы меня укусило тридцать ос. Наверное.

Но меня укусили только две осы. И я буду давать им кусать меня дальше, пока они не устанут от этого.

Потом они устанут и уснут, и я положу их в ящик стола под дедушкиными часами.

Часы с маятником дедушка сделал сам. Маятник нужно качнуть один раз, и он не остановится очень долго. Как он это делает, маятник?

Этого я не знаю.

Я смотрю на свою руку, ладонь распухла. На моей ладони больше не видно линию жизни.

Руку жжет, я закрываю глаза.

Мама спрашивает:

– Хочешь компот?

– Да, – говорю я. Но я не хочу его пить. Компот холодный, значит стекло станет холодным тоже. Я утешу этим свою руку.

А потом я открываю глаза, и я снова Арлен Жданов. Я никогда не держал в стакане ос, и осы редко меня кусали, ведь осы обычно нападают, только если их спровоцировать.

Я люблю компот, и у меня нет парализованного папы, у меня вовсе никакого папы нет.

Я часто моргаю и не сразу понимаю, почему я – Арлен

Жданов. У меня другое имя, другая манера думать и привычки другие. Я по-другому прожил свою короткую жизнь, и абсолютно точно я не Андрюша с его книжками и осами.

Но я хорошо его понимаю. Я побывал в его сердце. Я побывал в деревне, где водится множество ос, ловил их в стакан, и осы оставляли на моих руках укусы.

Я узнал соседскую девочку Свету, я увидел мелкую речку, я узнал всех собак, и кошек, и моего отца, он целыми днями сидел на крыльце, иногда пел песни, иногда плакал, иногда рассказывал истории, которые казались мне интересными или скучными.

Очень сложно описать ощущение, которым сопровождается это знание. Словно бы погружаешься в холодную воду, и она наполняет тебя, ты тонешь, забиты водой горло и нос, грудь жжет.

А потом приходит спокойствие, и ты видишь чью-то другую жизнь, будто во сне, который пришел не вовремя, но ощущается до странности хорошо.

Падать в такие видения страшно, но выбираться из них даже грустно. Такой близости не испытаешь иначе.

Я лежу и смотрю в окно, небо становится красным. Я кручу в голове эту метафору про утопление, она становится для меня все более ясной, а потом я понимаю: последнее, что видел Володя, – свет солнца через воду и веточки водорослей.

Свет солнца достиг его даже тогда, когда море было штормовым и темным.

Это был очень слабый, но все-таки свет.

Свет солнца и веточки водорослей.

А потом я сижу на санках, мороз кусает меня за щеки. Скоро Новый год, я знаю это точно, я знаю уже очень многое.

В руках у меня пачка крабовых палочек. Это тоже на Новый год, и это все, что Володя успел взять из дому.

Я не знаю, сколько времени, но мне кажется, что пора спать. Фонари такие яркие, и вдалеке, внизу, под горкой, магазины украшены разноцветными блестящими камушками, как самоцветами.

Я этого названия еще не знаю. Я спрашиваю, и Володя говорит:

– Гирлянды.

Голос у него странный, прерывистый. То ли ему тяжело тащить санки, то ли он сейчас заплачет. Тогда я падаю с санок в мягкий снег, совсем не больно, я смотрю на ночное небо, там звезды, но не такие красивые, как гирлянды.

Володя сначала идет дальше, потом замечает, какие санки легкие. Я смеюсь.

Володя разворачивается ко мне и говорит:

– Ничего смешного, Боря. Хватит баловаться.

Я лежу, раскинув руки, снежинки падают мне на лицо, они острые. Наверное, щеки у меня уже очень красные.

– А куда это мы идем? – спрашиваю я.

– Не знаю, – говорит Володя. – В магазин к тете Тамаре.

– А она нам конфет даст?

– Может быть.

– А почему мы идем так поздно? Нас наругают тогда.

– Не наругают, – говорит Володя. – Мы не вернемся.

– А почему? – спрашиваю я.

Мне хочется не вернуться домой, это будет большое приключение. Куда же мы отправимся?

– Потому, Борька, что, если мы вернемся, отец нас сдаст в такую школу ужасную.

– А мы в один класс пойдем?

– Через два года, – говорит Володя. – Тебе будет тогда семь. Но мы в один класс пойдем. Там нет других классов.

– Тогда я не против, – говорю я.

– Это школа, где нас сделают, как батя, – говорит Володя. – Мы умрем с тобой тогда быстро.

– А когда?

– Лет в двадцать пять, наверное, не знаю.

Я говорю:

– Ну это целая жизнь. Какая разница?

– Я не хочу, чтобы ты там оказался. И сам я там оказаться не хочу. Будешь алкашом, уродом, как батя, а потом помрешь. Не хочешь так? Тогда быстро садись на санки. Тете Тамаре мы скажем, что мама послала нас за конфетами к Новому году, а деньги она завтра занесет. Возьмем конфет.

Я смотрю на упаковку крабовых палочек.

– Значит, мы будем питаться палочками и конфетами? Ура!

– Садись в санки, я тебе говорю.

Но я лежу. Тогда Володя подходит, тянет меня за собой.

– Глупыш, я же ради тебя стараюсь.

Он поднимает меня на ноги, подводит к санкам, я сажусь, и Володя тоже садится, прижимает красные ладони к лицу и вдруг плачет:

– Ты почему плачешь? – спрашиваю я. – Мужчины не плачут.

– Перчатки забыл.

– А-а-а-а, – говорю я и хватаю его за руки, растираю, пытаюсь согреть, но горячее всего все равно Володины слезы.

Потом он говорит:

– Всё, Боря, хватит. Пошли. Надо успеть до восьми, в восемь закроется тетя Тамара.

Мы спешим вниз, мне даже удается спуститься с горки, огни гирлянд летят мне навстречу.

У тети Тамары тепло и хорошо, она много смеется и дает нам конфет. Я тут же разворачиваю любимую свою конфету, она называется «Маска». Красивую обертку, черную с золотом, я сую в карман.

– А еще можно? – спрашиваю я.

Володя говорит:

– Не попрошайничай. Извините. Мама завтра вам занесет. Я просто деньги забыл, а сейчас так холодно.

Тетя Тамара смеется. У нее большой нос и черные кудри. Мы берем пакет с конфетами и выходим из магазина, снова в холод и темноту. Мне тут же хочется обратно, там ведь тепло и светло, и шоколадом пахнет.

Не успеваю я сказать об этом Володе, как меня хватает отец, легко поднимает на руки. Конфеты рассыпаются по снегу, я свешиваюсь вниз, пытаюсь их собрать, отец держит меня вниз головой, как маленькую обезьянку, потом перехватывает поудобнее.

От отца пахнет водкой, и он оглушительно смеется, когда перехватывает меня и поднимает, смеется прямо мне в ухо.

– Ничего не забыл, Вовчик?

Тут Володя врезается в отца, чуть не сбивает его с ног, хватает меня, они тянут меня в разные стороны, мне больно, я громко об этом сообщаю, но никто не обращает внимания.

– Отдай! Отдай! Отдай!

– А ты отбери!

Володя первый понимает, что мне больно, падает на снег, плюет в сторону.

– Оборзел совсем, – говорит отец, я снова пытаюсь сойти с его рук, чтобы собрать конфеты, но он не дает.

– Я не хочу, чтобы ты и его забрал! – говорит Володя. – Тебе меня мало?

– Что-то я не наблюдаю у твоего братика косичек и бантиков? Такой же мужик, как ты, как я. Мужик должен воевать. Это суть. Это твоя суть, его суть, моя суть.

Я сказал:

– А баба тогда?

– Баба должна рожать. Дело бабы – ноги раздвигать, а ты – солдат. Возьмешь пушку и пойдешь воевать. Это природа. Ты что ль умней природы, Вовчик? Это она для тебя определила. Ты с этим червем в башке родился. Ты только на это годен. И брат твой только на это годен. Чего ты орешь? Чего ты орешь, как баба?

Отец разворачивается и по заснеженной дороге идет к дому.

Володя собирает конфеты – не для себя, а для меня. Отец держит меня на руках.

– Брат твой удумал, – говорит отец доверительно. – И никаких истерик. Жизнь есть жизнь.

Все в огнях и такое красивое, теплые папины руки прижимают меня к себе, от отца пахнет водкой, брат собирает конфеты, и я смотрю на брата, он все отдаляется и отдаляется, и я зову его. Мне становится страшно, что отец унесет меня куда-то, где не будет Володи.

Я моргаю, и вот я уже куда старше.

Я сижу на вокзале, вытянув ноги, и курю. Зябко, и скамейка холодная, но покурить можно только снаружи, где пути. Володька покупает чай, а я чувствую, как у меня начинается насморк.

Ко мне подсаживается мужик.

– Такой маленький и куришь уже.

– А? – говорю я.

– Это кто тебя так?

Я дотрагиваюсь до фонаря под глазом – болит, щиплет, прямо ой.

– А, – говорю я. – Батя.

– Понятно, малец. А едешь куда?

Я смотрю на поезд, теплые огоньки, темные силуэты. Скоро Новый год, все разъезжаются по домам.

– Да никуда. Просто хочу, чтоб люди вокруг. Мне атмосфера нравится. Поезда туда-сюда, люди вот, ну по типу вас. Люблю, что здесь людно.

Мне очень даже хочется, чтобы чувак оказался торговцем органами, грабителем, маньяком, шпионом, блядь, с иной планеты.

Но это по ходу дела обычный мужик, как все другие мужики.

– Скучный вы, – говорю. – Хоть бы нож достали.

– А зачем? – спрашивает он.

– Ну скучно. Скучно живем.

– А, – сказал мужик. – Ну и хорошо, что скучно живем. Нет ничего лучше, чем на свете скучно жить.

– Это как посмотреть.

Все же решаю поглядеть на мужика. Высокий, тощий, глазастый. Похож на взъерошенную птицу.

Шиза, думаю я.

– Значит, папа твой тебя бьет?

– Он бы и вас побил, – говорю.

– Солдат?

– Ага.

– Ну, не худший отец.

– Мог бы и бритвочкой, конечно, – говорю.

– Я хуже. Я своего сына в лесу оставил. Много лет назад.

– А, – говорю я. – Понятно.

Шиза, конечно.

– Так было нужно.

– Кому?

– Всем людям. Он для всех людей.

Я резко протягиваю к нему руку, трогаю его лоб – не горячий. Нет уж, думаю я, понятия не имею, что там с тобой, больной ублюдок, и разбираться не хочу.

– Идите-ка вы, дяденька, – говорю. – Только сигарету дайте.

– Да я бросил.

– Тогда просто идите.

Он поднимается, его шатает. Я спрашиваю:

– Не пьяный?

– Нет.

– А то замерзнете.

– Не пьяный, – говорит он и смеется, а потом наклоняется ко мне близко-близко, так что я могу каждое пятнышко в его глазах различить, и говорит:

– У тебя доброе сердце, Боренька.

– Чего?

Но он не отвечает, отстраняется и, пошатываясь, идет к зданию вокзала. Я выбрасываю сигарету, хочу бежать за ним, но меня окликает Володя.

– Боря! Стоять!

– А? Там мужик сумасшедший!

– Ну и пусть себе плывет, железяка хуева.

Володя протягивает мне горячий чай в стакане.

– На, только не разбей, еле договорился, чтоб здесь попить разрешили. Внутри все битком, не протолкнуться.

Стакан чертовски горячий.

– И конфетку на, заешь.

– Это чего, «Снежок» беспонтовый?

Любимые конфеты беспонтового Арлена, между прочим.

– Зашкварные конфеты, – добавляю я. – Где шоколадные?

– Обалдел совсем, – говорит Володя. – Пей чай, а то точно заболеешь.

Как людно, ярко и холодно.

Я открываю глаза, и я снова Арлен, но руки, кажется, еще болят – стакан горячий, щиплется синяк под глазом. Ванечка заглядывает к нам.

– Спите? – спрашивает он шепотом.

Мы не отвечаем. Но мы и не спим.

Ванечка на цыпочках заходит в палату, заглядывает в коробку с Николаем Убийцей, подходит к кровати Андрюши, внимательно смотрит, потом садится рядом со мной. Он очень часто так делает и соблюдает в эти странные моменты именно такой порядок действий.

Мне нравится, что он соблюдает порядок.

Ванечка садится на край моей кровати и говорит:

– Ну вот, я разбудил тебя, ты меня прости, извини. Не хотел я.

Я закрываю глаза и вижу осенний лес, он пахнет сыро и тяжело, но приятно.

Я люблю запах земли. У земли хороший запах и соленый вкус.

Я лежу в овраге, и сверху на меня валятся листья. Меня никто не найдет никогда. Я это знаю.

Нет, никто меня не найдет. Зато сам я могу найти кого угодно. Я замечательный искатель. Я всех найду.

Но пока еще никто не играет со мной в прятки.

Со мной поиграют!

У кого-то солдатики, или лошадки, или машинки красивые, а у меня целый лес. Лес весь мой, я играю здесь везде.

Я здесь везде играю.

Небо-то какое, но я дождя не боюсь! Стану мокрый весь до нитки и тогда не испугаюсь. Что мне дождь? У-у-у-у.

Я из ямы выбираюсь и сразу – на дерево. Отважный! По мокрой ветке ходить не страшно, нога вперед ноги, и я как циркач. Я в цирке бывал, там все смеются, и пахнет кукурузой, и пахнет лимонадом, и еще пахнет всякими лошадиными делами. Хорошее место – цирк.

Никто меня не понимает. Но я не огорчусь от этого сегодня. Не стану я огорчаться. Мама не слышит, Леша не верит, а папа молчит.

Есть только я, как большая собака или маленький волк. Я хожу и мокну, хожу и не боюсь дождя, хотя он пошел уже.

Я знаю, здесь раньше было красиво, и золото, и дворец, шипел огонь, смеялись и пахли друг другом люди. Я могу услышать их, если я захочу. Они все красивые и блестят.

Теперь все заросло, стали деревья.

Я знаю все деревья и животных знаю тоже всех. Я только не знаю, зачем я такой. Почему другие не такие?

Я хожу по ветке, ногу ставлю перед ногой, но я не разобьюсь.

Никто мне не отвечает, потому что вопросами я всех задолбал – это мама говорит. Все-то тебе объясни, все-то тебе

расскажи.

Но мне бы объяснили, мне бы рассказали. Алеша знает, планета вращается. А я не знал. Я его спрашиваю: как это вышло, что мы не попáдали?

А он говорит: планета очень быстро вращается.

Вжу-у-у-ух, вжу-у-у-ух она вращается. Так быстро, что мы даже все не попадали.

Но я ее остановлю. Зачем, чтобы она так быстро вращалась?

Я ее остановлю.

А еще метеорит упасть может. Это вообще очень страшно. Метеорит упадет, и все.

Совсем все.

Так бывает, когда метеориты падают.

Знаю, идет через лес девочка. Она к бабушке идет, у нее в сумочке тряпочной лекарства. Девочки вот хорошо пахнут, замечательно. Я за ней следую, чтобы не потерялась, а она не знает даже, такой я быстрый и так хорошо слежу.

У нее шапка желтая с помпоном. Ее хорошо видно.

А я шапку красную вчера потерял. Нет у меня больше шапки красной, и как потерял не помню.

А девочка хорошая. У нее в голове такой маленький червячок. Иногда он двигается, ему снятся сны. Девочке одиннадцать, как и мне, но в маленьком червячке у нее много чего хранится.

Он пока что спит. Она носит его в себе, он ее дитеночек, и она его дитеночек.

Если девочка вырастет, он передаст своего червячка дальше. Как любовь.

Если она вырастет и даже у нее будет любовничек без червя, глупый такой, то это все равно – червячка она передаст.

Если я вырасту и она будет не моя, а будет у меня любовница без червячка – я передам.

Как любовь.

Со своей любовью я его передам.

Если я буду любить и она будет любить, мы населим мир червячками, и никто больше никогда не умрет.

Скорее бы она выросла, и я бы вырос.

А пока она не выросла, я ее просто охраняю от злых волков, которых в лесу много.

Вот она выходит на тропинку к деревне, поскальзывается на мокрой грязи – не падает. Это я не хочу, чтобы она упала.

А я возвращаюсь в лес, чтобы меня никто не нашел. Там моя яма, и мои деревья, там все мое, и можно все время думать, как я остановлю планету.

Я открываю глаза. Ванечка лежит рядом со мной,

свернувшись калачиком, и сопит.

Я больше не Ванечка, я это я. За окном синие сумерки, и Ванечка в них похож на волчонка, который в самом деле пришел из леса.

Он всегда так приходит в странные дни.

Я знаю, Боря и Андрюша тоже побывали мной. И хоть это странно, мне совсем не стыдно.

Вот что со мной иногда бывает, какие странные случаются дни.

Но не сегодня. Сегодня все более или менее по-прежнему.

Запись 157: Не получается!

Эдуард Андреевич все время говорит, что я показываю хороший результат, но, честно говоря, я все еще не могу ничего из себя создать.

Андрюша тоже пока не может, и с регенерацией у него намного хуже. Однако равняться следует на тех, кто показывает лучшие результаты.

Фира, к примеру, себе волосы отрастила. Она смогла!

Может, это из-за того, что у нее долго не заживала рука? Был стресс.

Не знаю.

Я пока ничего не могу, как ни стараюсь. Даже не понимаю что делать.

Эдуард Андреевич меня утешает, но он всегда говорит только хорошее.

Вдруг совсем ничего не выйдет? Скорее бы уже чему-нибудь научиться по-настоящему.

Обязательно надо работать дальше. Без труда не вытащишь и рыбку из пруда, а жизнь прожить – не поле перейти.

Великие мудрости трудового народа.

Надеюсь, они мне помогут.

Запись 158: В горы!

Дени Исмаилович сказал, что раз мы не хотим на море ходить, то он нас вывезет в горы, только надо организовать экскурсию!

Это здорово и должно нас отвлечь, но я все равно думаю о том, что Володи с нами не будет.

Но в общем и целом я очень хочу увидеть горы. Дени Исмаилович говорил, что там должно быть очень красиво, и вообще он для нас старается, хоть и нервничает.

Запись 159: Андрюша и горы

Пусть Арлен подумает над тем, что горы совершенно противоположны морю, потому что они высоко и очень твердые.

Но зато созвучны со словом «горе».

Запись 160: Опять письмо маме

Дорогая моя мама, здравствуй!

Пишет тебе твой сын Арлен.

Я очень по тебе скучаю, жду писем, думаю о тебе, переживаю. Писал тете Ире и Галечке, конечно же. Дошло ли до них мое письмо? Как твое здоровье? В порядке ли все у тебя? Что случилось нового? Расскажи о нашей комнате, я так по ней скучаю. Погуляй за меня по Красной площади, посмотри на Кремль. Я страшно тоскую по дому. Дом мне часто снится. Снюсь я маленький, снится, что все еще такое большое, просто огромное.

Погуляй, прошу тебя, за меня по центру. Хочу, чтобы тебе было хорошо, чтобы тебе эта прогулка доставила радость. Хочу, чтобы ты купила себе мороженое, послушала музыку, чтобы ты постояла на мосту и посмотрела на нашу черную красивую реку.

Как же люблю я наш город!

Как люблю наш дом!

Попробуй посмотреть на все это моими глазами. Глазами человека, который расстался с домом и не знает, когда увидит его снова. Вот бы перед космодромом остаться дома надолго. Я теперь все ценю, что было у нас. Я и не замечал, как люблю скамейку под ивой и синий почтовый ящик, и как темнеет небо над городом перед дождем, и высокие шпили главных московских зданий.

Люби это, как я люблю. И вышли мне, пожалуйста, фотокарточки. Новые или старые, это не важно. Вышли мне, как выглядит моя Москва. И ты, моя мама. И моя сестра Галечка.

Я должен был взять фотокарточки, как же мне их теперь не хватает. Я не взял, потому что подумал: какая сентиментальность, это лишнее. Теперь же меня обуяла ностальгия в своем истинном значении – тоска по Родине. По малой Родине, я имею в виду.

Пожалуйста, погуляй по Москве, фотографируй красивое, высылай фотокарточки, если есть сейчас у тебя такая возможность.

Поговори с Галечкой, объясни ей, как я хочу ее увидеть. Пусть не злится на меня и не обижается, если я совсем ненадолго приеду.

Прости меня, милая. Кажется, должно быть, что я только о себе и думаю. Но ты так мало пишешь мне о том, как дела обстоят в Москве, у тебя, у родственников. Пиши больше. Я прямо не знаю, что спросить, а ведь мне все интересно. Что с тобой происходят за мелочи, какое у тебя настроение?

Выглядит все это так, будто я грустный, но на самом деле – нет.

О трагедии ты знаешь, писать о ней ничего не буду. Это ты мне напиши, как товарищ Шиманов и тетя Лена? Где они его похоронили? Ты была на похоронах? Все мне расскажи подробнее, потому что простились мы с ним бестолково.

Скажи номер участка, опиши, какой памятник, написали ли что-нибудь на нем, какие положили цветы? Я проявляю не пустой интерес к этим мрачным делам, а в самом деле очень волнуюсь, что нас там не было.

Оказывай посильную помощь семье Шимановых. Им сейчас очень нелегко. Не стесняйся предлагать свою помощь и не обижайся на грубость, если таковая будет.

Сходи к нему на могилу еще – за меня. Положи цветы, красные гвоздики, как солдату, которым он не успел стать.

Среди нас он был лучшим, так что это будет справедливо. Посмотри сама, настоящие будут цветы или искусственные. Настоящие, конечно, хорошо, но искусственные смогут быть там долго, не засохнут и не сгниют.

Терять кого-то так больно, теперь всегда с ужасом думаю о смерти, хотя раньше казалось, что я сам умру раньше всех, кого люблю, и было не страшно. Очень боюсь за дедушку и бабушку, боюсь за тетю Иру и дядю Сережу, конечно, больше всего боюсь за тебя.

Если бы я только мог сделать так, чтобы вы жили вечно.

Снилось недавно, что вернулся домой, а никого из вас нет, так мне страшно стало. Поделиться мне этим особенно не с кем: Боре и без меня больно, а у Андрюши, как мне кажется, понимание смерти совсем другое, чем у меня. Я бы поговорил с девочками, но боюсь их побеспокоить, они теперь очень часто плачут. Наверное, это нормально, ведь девочкам можно плакать сколько угодно. Но иногда бывает, что они плачут прямо в столовой. Я совсем не знаю, что делать? Что в таких случаях говорить? Нервы у них совсем расшатались, и они так скучают по нему.

Немного понимает меня Ванечка. Он на самом деле очень глубокий человек. Ванечка говорит, что смерть – большое и страшное пятно на картинке. Кажется, что данное заявление совершенно абсурдно, метафорично, художественно, но мне оно хорошо понятно. Как будто была картинка, где нарисованы мы, или фотокарточка, а теперь на Володином месте большое, темное пятно.

Там не то чтобы больше ничего нет. А вот именно что чернота и отчаяние. Но, говорит Ванечка, потом, когда

поскребешь пятно, обнаружишь, что было нарисовано на картинке. Чернота отсохнет, отойдет и окажется, что картинка сохранилась даже лучше.

Я попробую объяснить его мысль, хотя не знаю, насколько в этом преуспею. Мы, скорее всего, вырастем, изменимся. Мне не всегда будет двенадцать. А вот Володе теперь всегда будет тринадцать. Он останется таким, и в этом смысле картинка под чернотой сохранится лучше. В этом смысле Володя вечен, незыблем и уже никогда не изменится. Утешает ли это меня? Я очень сильно привязан к моему товарищу, хотя иногда он и вредничал. И буду привязан к нему всегда. Теперь, когда его нет, я буду беречь память о нем. Но все-таки меня это не утешает.

Ванечка и не хочет меня утешать. От его слов я лучше понимаю себя самого, свои чувства, они непростые. И этого уже достаточно.

Вот, видишь, обещал не писать о трагедии, а в итоге только о ней и пишу. Я не знаю, когда станет легче. Становится ли легче вообще? В этом я тоже не уверен. Ванечка говорит, что, если нанести такую глубокую рану, она все равно не заживет до конца, но можно приучиться с ней жить. Это очень поэтичная мысль, но, в более приземленном смысле, научусь ли я когда-нибудь об этом забывать?

Сейчас всегда краем глаза я его замечаю. Он здесь, со мной, как призрак. Теперь я знаю, откуда берутся эти легенды. То, что я ощущаю, вполне можно так назвать. Он всегда с нами, где бы мы ни были, там найдется место и для него.

Прости меня за эти долгие рассуждения, просто я хочу понять. Я не думал, что бывает такая боль. А теперь не знаю, что с ней делать, как успокоить. И ведь вокруг есть люди, которым гораздо хуже, чем мне: Боря, конечно. Или Маргарита (подруга Володи). Она теперь всегда ходит в черном. Мне это кажется немного претенциозным, но я ее очень жалею. Ей целых четырнадцать лет, она с нами не общается, но бывает иногда в санатории. Ее мама поет в ресторане и дружит с Жоржем, о котором я тебе уже говорил. Я бы хотел заговорить с Маргаритой, но вовсе не потому, что она такая яркая и чудесная девочка, а потому, что она переживает очень сильно и все время плачет.

Сначала я думал: разве возможно, чтобы у них была такая любовь? А потом я вспомнил, что Джульетте было только тринадцать лет. Наверное, в этом возрасте столь глубокие чувства очень даже возможны.

Я нахожу большое утешение в том, чтобы помогать другим, но можно ли кому-то по-настоящему помочь в такой ситуации, я не знаю. Если ты знаешь как, то расскажи мне.

Что касается всего остального, то дела идут с переменным успехом. Многие вещи получаются у меня хорошо, однако некоторые и очень важные – не очень. Это заставляет меня немного волноваться.

Однако Эдуард Андреевич меня очень хвалит. Но он, в принципе, склонен скорее хвалить людей, чем ругать.

За что себя критиковать, однако, я знаю и сам. Хотелось бы теперь употребить эту самокритику на дальнейшее развитие. Впрочем, тебе это вряд ли будет интересно без контекста. Самочувствие мое в норме. Учеба идет.

Думаю, что я все-таки добьюсь своего, я упорный и очень стараюсь. Сложности с занятиями состоят в том, что нельзя тренировать то, что ты не можешь пока в себе ощутить. Однако я пытаюсь слушать свое тело и хотя бы почувствовать происходящие в нем изменения.

Вот, наверное, и все, что я хотел тебе рассказать.

Хотя нет! Мы ведь скоро едем на экскурсию в горы. Это для нас сделал новый куратор – Дени Исмаилович. Ты его не видела, он экспат, совсем еще недавно прилетел из Космоса, немногое тут знает, о многом переживает, но человек он очень хороший. С нами нелегко, особенно сейчас, и я стараюсь по мере сил ему помогать и всех организовывать.

И без того некоторые из нас страдают недостатком дисциплины, а теперь – так вообще, но это объяснимо физическим и душевным состоянием, в котором мы пребываем. Дени Исмаилович тоже это понимает. Поэтому, наверное, он и решил порадовать нас поездкой.

Однако Дени Исмаилович боится, что что-то пойдет не так. С нами едут наши друзья из санатория, и Дени Исмаилович настоял, чтобы их сопровождали родители, а также, чтобы каждый из родителей написал расписку, что ответственность за своего ребенка он несет сам.

Вот насколько он нервничает. И я его понимаю, это очень правильно.

Просто я думаю иногда, что все это: нервничать, переживать – мало помогает. Нас сейчас сложно контролировать, я сам себя не всегда понимаю. Боюсь, что мы как-то Дени Исмаиловича подведем.

Но в то же время очень мне хочется в горы! Это замечательное приключение, ведь гор я никогда прежде не видел. Говорят, это красиво до невозможности. Мы не будем сами туда подниматься, а поедем на автобусе. В горах взрослые сделают шашлык, а еще мы проведем ночь в палатках. Настоящий поход, представляешь? Не то что занятия по ориентированию, тут

настоящая ночевка! Очень это хорошо.

Жаль, что с нами нет Максима Сергеевича. Я, конечно, его осуждаю, но в то же время и переживаю за него, и скучаю по нему.

Может, ты о нем что-то знаешь? В Космосе ли он уже? Может быть, выясняли товарищ Шиманов или тетя Лена? Ты спроси, если зайдет разговор.

Боря совсем на Максима Сергеевича не злится. Он говорит, что виноват только сам. Но у Бори мир всегда вокруг него вращается – он везде только сам, во всем хорошем и во всем плохом.

Вот теперь уж точно нужно мне письмо заканчивать. Прости, если оно получилось грустное. Я изо всех сил старался, чтобы вышло не так, но, кажется, все-таки читать его будет грустно.

Не расстраивайся за меня, я в полном в порядке и очень скучаю.

Помни про Галечку, товарища Шиманова и тетю Лену, про Максима Сергеевича и про фотокарточки для меня.

Пиши побольше, я хочу знать, чем ты там живешь.

Твой любящий, очень любящий сын,

Арлен!

Запись 161: Список вещей для гор

1. Мешок спальный.
2. Кружка эмалированная.
3. Свитер теплый.
4. Пластырь для мозолей.
5. Нож.
6. Спички в непромокаемом пакете.
7. Мыло хозяйственное.
8. Щетка зубная.
9. Паста зубная.
10. Полотенце для лица.
11. Фонарик.
12. Препараты противосудорожные.
13. Компас.
14. Дополнительная бутылка воды.
15. Йод.
16. Бинт.
17. Свисток.
18. Ручка шариковая.
19. Тетрадь красная.

Запись 162: 5 утра!

Проснулись рано, собираемся, внизу ждет автобус, белый, старенький, наверное, он пахнет бензином.

Дорога, говорят, будет длинная и жаркая, еще и по серпантину. Валя боится, что ее стошнит, потому что Валю вообще часто укачивает.

Диана взяла с собой газировку, но лучше не пить сладкое, а то точно стошнит.

Теперь уже пора выходить, но день, мне кажется, выйдет замечательный.

Запись 163: В автобусе

Конечно, очень трясет и дорога такая узкая-узкая. Кажется, что автобус непременно свалится вниз и лететь будет долго-долго, кажется, что город внизу маленький, совсем игрушечный.

Я еще не летал на самолете, но, наверное, из иллюминатора мир, пока его не затянет облаками, выглядит именно так.

А из иллюминатора космического корабля я увижу такой крошечной и незначительной всю мою Аврору.

Очень красиво, а дорога такая извилистая, на поворотах просто дух перехватывает.

Знаю, что автобус не перевернется просто так, но все равно страшно.

Если долго писать, начинает тошнить и голова кружится.

Однако, пока все в одном месте и делать нечего, кроме как песни петь, пущу тетрадь по рукам, пусть все распишутся – на память.

Запись 164: Андрюша

Как думаешь, если автобус все-таки перевернется, мы сможем выжить? Я уже умею отращивать себе руки и ноги, но не уверен, что сумею отрастить себе голову, если мне ее оторвет. Это так сложно.

Наверное, мы все равно умрем, если автобус перевернется.

Счастливой поездки!

Запись 165: Боря

Ути боже мой! Ладно, бедная детка, раз просишь написать что-нибудь, то я напишу.

Где твоя ебаная анкета для друзей, девчушка?

Выражаю недовольство.

Тьфу!

Запись 166: Ванечка

ОЧИНЬ МНЕ НРАВИЦА ЗАПИСАТЬ СЮДА ШТО НИБУДЬ. КРАСИВА ОЧЕНЬ ЗА АКНОМ МНЕ ТАМ НРАВИЦА. НЕБО СИНИЕ А ВНИЗУ МОРЕ СИНИЕ. ТАМ МАЛИНЬКИЕ ТОЧКИ БЕЛЫЕ. ЭТА БАРАШКИ. КАГДА БЫ Я БЫ ОТРАСТИЛ БЫ СЕБЕ КРЫЛЬЯ БАЛЬШИЕ СТАЛ БЫ ТАК ВЫСОКО ЛЕТАТЬ.

ТОГДА БЫ ЕСЛИ БЫ Я БЫ ЛЕТАЛ ТО НЕ КРУТИЛОСЬ БЫ ВСЕ ТАК В ГАЛАВЕ И ЖИВАТЕ.

А ТАК ЕЗДИТЬ МНЕ НЕ СИЛЬНА НРАВИТСЯ.

АКНО АТКРОЙТЕ.

Запись 167: Фира

Привет, Арлен! Я так думаю, тебя все неправильно поняли. Ты хотел, чтобы мы написали что-то на память.

Вот мы едем в горы, день выдался солнечный, жарко немного. Мне двенадцать, и тебе двенадцать. Лето. Дени Исмаилович просит не петь так громко песни. Пройдет какое-то время, и все это позабудется, но заглянешь в свою тетрадь любимую и вспомнишь.

Я тебе желаю душевного спокойствия, дорогой мой друг. Пусть у тебя в жизни все получается, что ты захочешь, и не теряй присутствия духа.

Еще желаю быть чуть менее занудным, но не всегда. Иногда это хорошо, что ты такой занудный.

(Спасибо, мой бледный товарищ, ты единственная поняла задание правильно.)

Запись 168: Валя

Меня сейчас стошнит. Бе!

Запись 169: Мила

С днем рожденья, Арлен! Поздравляю тебя, расти большим!

(До Милы дошла неправильная информация, сегодня у меня не день рожденья.)

Запись 170: Алеша

Мантханете о филой!

Это переводится так: учитесь, о друзья.

Императив настоящего времени, множественное число, звательный падеж. Артикль О пишется через омегу, внизу йота субскриптум, то есть подписная.

Написал русскими буквами, чтобы ты смог прочитать.

(Спасибо. Ты очень умный!)

Запись 171: Диана

Кто тут хотел анкету для друзей? Ща! Не очень будет большая, а то Валя сблюет.

Имя: Кутлиева Диана
Дата рождения: 03.04.139.
Любимое животное: кошка
Любимое время года: лето
Любимая еда: мясо с картошкой
Любимый праздник: день рожденья
Домашнее животное: кошка Дина
Кем будешь, когда вырастешь: спортсменкой
Лучший друг: Кирюха
Лучшая подруга: Валя
Симпатия: Андрюша

Запись 172: Анкета Алеши

Имя: Басманов Алексей
Дата рождения: 17.10.152.
Любимое животное: карп
Любимое время года: весна
Любимая еда: сахарная вата
Любимый праздник: Новый год
Домашнее животное: пес Вольт
Кем будешь, когда вырастешь: ученым
Лучший друг: мой брат Ваня
Лучшая подруга: Мила
Симпатия: никто

Запись 173: Анкета Милы

Имя: Санникова Людмила
Дата рождения: 9 марта 149 г.
Любимое животное: волк
Любимое время года: зима
Любимая еда: бутерброды с икрой
Любимый праздник: Восьмое марта
Домашнее животное: нет
Кем будешь, когда вырастешь: музыкантом
Лучший друг: Иван, Слава
Лучшая подруга: Фира, Юля
Симпатия: не скажу

Запись 174: Анкета Вали

Имя: Толмачева Валентина
Дата рождения: 12.05.149
Любимое животное: лев
Любимое время года: лето
Любимая еда: фу
Любимый праздник: день ВДВ
Домашнее животное: нет, но хочу кошку
Кем будешь, когда вырастешь: космическим солдатом
Лучший друг: никто
Лучшая подруга: Фира
Симпатия: никто

Запись 175: Анкета Фиры

Имя: Эсфирь Семеновна Кац
Дата рождения: 01.01.149.
Любимое животное: мышь
Любимое время года: осень
Любимая еда: крабовый салат
Любимый праздник: все люблю
Домашнее животное: кошка Брыська
Кем будешь, когда вырастешь: космическим солдатом
Лучший друг: Боря
Лучшая подруга: Валя
Симпатия: секрет

Запись 176: Анкета Ванечки

Имя: ИВАН БАСМАНОВ
Дата рождения: 15 АПРЕЛЯ 12 ЛЕТ
Любимое животное: ВОЛК
Любимое время года: ВСЕ
Любимая еда: МАЛАКО
Любимый праздник: НОВЫЙ ГОД
Домашнее животное: УЛИЧНЫХ ЛЮБЛЮ
Кем будешь, когда вырастешь: КЕМ ЗАХАЧУ
Лучший друг: ЛЕША, АРЛЕН, БОРЯ
Лучшая подруга: МИЛА
Симпатия: НИ ЗНАЮ

Запись 177: Анкета Бори

Имя: Шиманов Борис
Дата рождения: 13.11.149
Любимое животное: дикий кабан
Любимое время года: по хуй
Любимая еда: шашлык
Любимый праздник: ВСЕ ВОЕННЫЕ!!!
Домашнее животное: овчарка Марс
Кем будешь, когда вырастешь: солдатом, ясен хуй
Лучший друг: герой должен быть один
Лучшая подруга: Фира
Симпатия: А это уже не твое, Дианочка, дело

Запись 178: Анкета Андрюши

Имя: Арефьев Андрей
Дата рождения: 02.06.149.
Любимое животное: обезьяна
Любимое время года: зима
Любимая еда: нет такой
Любимый праздник: нет такого
Домашнее животное: нет
Кем будешь, когда вырастешь: солдатом в Космосе
Лучший друг: Арлен Жданов
Лучшая подруга: все девочки мои подруги
Симпатия: Диана

Запись 179: Анкета Арлена

Во-первых, сделали из моей тетради черт-те что! Анкеты – это для девочек, всем это понятно, я не хотел, чтобы у меня тут была анкета. Но раз все написали, придется тогда и мне написать.

Ну спасибо тебе большое, Диана. И вопросы мещанские, где вопросы про страну или хотя бы про литературу?

Имя: Жданов Арлен Георгиевич.

Дата рождения: 19.04.149.

Любимое животное: медведь.

Любимое время года: лето.

Любимая еда: молоко, творог зерненый, карамель.

Любимый праздник: день Революции, день Весны и Труда.

Домашнее животное: нет, к сожалению.

Кем будешь, когда вырастешь: солдатом, чтобы защищать народы всей Вселенной.

Лучший друг: Андрюша, Ванечка.

Лучшая подруга: Фира и Валя.

Симпатия: это всё глупости.

Запись 180: Какие они, горы

День у нас проходит просто замечательно. Тут такая красота, действительно неописуемая!

Я сейчас сижу и вижу под собой и город, и море. Понимаю, что совершаю вещь достаточно опасную, но сижу на краю, даже ноги свесил.

Никогда умышленно не делал ничего такого безответственного, но красота такая, что удержаться сложно.

Мы, конечно, сфотографировались много раз, но фотография все-таки не передает величие этого пейзажа.

Дени Исмаилович долго не понимал, как работают наши фотоаппараты, мы убедили его, что снимки получатся замечательные.

Пока мы поднимались к месту для ночлега, видели также водопад. Это, конечно, был совсем небольшой водопад, но с пушистой белой пеной, шумный и во всех отношениях удивительный. Боря под водопадом даже постоял, в принципе, можно было не бояться простыть, теперь я жалею, что и я не постоял.

Боря говорит, что вода бьет по спине со всей силы и оглушает. Девочки прыгали по мокрым камням, Диана немного подвернула ногу, но Андрюша оказал ей первую помощь и хорошо перетянул ногу моим бинтом.

Настоящий водопад я прежде не видел никогда, только искусственный в зоопарке, но это совсем не то. Вода в нем очень холодная и очень чистая. Дени Исмаилович сказал, что ее можно пить, но потом поправился и признался, что не знает.

Вообще-то, конечно, в горах вода самая чистая, но лучше не рисковать.

Под водопадом крошечная речушка продолжалась, но она не покрывала даже больших гладких камней и была прозрачная. Я увидел, как по маленьким черным, белым и бежевым камушкам ползают небольшие водяные пауки. Они совершенно не ядовиты, их можно взять в руки, но Дени Исмаилович почему-то очень пауков испугался.

– А, – сказал Боря, – это еще что. Вот укол речного ежа смертелен чаще всего.

– Речного ежа?! – спросил Дени Исмаилович. – А они здесь водятся?

Он тут же взял Фиру, переставил ее из речушки на берег.

– Нет, – сказал я. – Речные ежи водятся в глубоких реках. В такой ему делать нечего. Обычно стоят предупреждения:

осторожно, речные ежи. Тогда нельзя купаться.

– Ну хорошо, – сказал Дени Исмаилович. – Есть что-то еще, о чем мне лучше бы знать?

Боря хотел было начать придумывать жутких животных, я буквально почувствовал это его желание, поэтому быстро сказал:

– Нет, речные ежи действительно опасны, но они водятся ниже по течению, я думаю, а все остальное – вполне безобидно.

– Что не было безобидно, – сказала Антонина Алексеевна, – давным-давно уже истребили в основном.

– Такие вот, как мой папа, – сказала Диана, но ее отец сказал:

– Я бы на месте наших предков не стал изводить под корень опасных животных. На Земле ведь тоже были кобры и крокодилы.

– Я бы хотела увидеть кобру, – сказала Мила. – Они очень красивые.

– Я тебе привезу откуда-нибудь, – сказал Станислав Константинович. – Вроде бы вывели абсолютно неядовитых.

– Надо было, – задумчиво сказала Мила, – змею добавить в любимые животные.

– Где?

– А в анкете, папа.

Я снова вспомнил об анкете в красной тетради. Мне стало немного стыдно, все-таки анкеты – это прямо совсем для девочек. Но это мое расстройство быстро прошло, потому что играть у водопада, плескаться, прыгать по камням – все это было очень здорово.

Сильно не хватало Володи. Теперь я уже знаю, что так будет всегда. Что бы ни происходило в моей жизни, хорошее или плохое, я буду думать о том, как бы все это было, останься Володя жив.

Веселые вещи были бы еще веселее.

Грустные были бы чуть менее грустными.

Я буду думать, что бы сказал Володя, что бы он сделал, как бы он поступил. Буду думать, каким бы он вырос, когда вырасту сам. Когда я буду видеть что-то чудесное, я буду думать, что он этого не видит.

Но иногда я буду об этом забывать. Я забуду подумать о нем раз, другой, и это еще хуже.

А ведь мои чувства и эмоции куда менее интенсивны, чем эмоции Бори. Вот он не будет забывать никогда.

В любом случае я все-таки начинаю понимать, что такое смерть. Смерть – это вот такой вопрос: а что было бы, будь Володя с нами сегодня? Что бы он написал в анкете? Смеялся бы надо мной? (Наверняка.) Как вел бы себя у водопада? Бесились бы они с Борей вместе, или Володя одергивал бы брата? Как бы он

увещевал Милу и Диану идти дальше, когда они устали? Ловил бы он ящериц?

Он нашел бы себе здесь тысячу дел, и был бы счастлив, как я.

Если бы он был жив.

Вот что такое смерть: посчитать приборы за столом и найти лишний, посмотреть на фотографию и подумать, кого на ней не хватает.

Но сколько бы я ни писал о смерти, ни пытался ее понять, все равно легче не становится. Наверное, и писать бессмысленно.

Лучше напишу о том, что днем, под зноем, мы шашлык делать не стали, несмотря на долгий переход, из-за жары есть никому не хотелось, но Дени Исмаилович заставил нас все-таки поесть немного говяжьего сердца. Оно было ледяное – из сумки-холодильника. Как мороженое.

– Я мог бы предложить вам и шашлык, – сказал Дени Исмаилович. – Но его мы будем есть вечером.

Нам, правда, нельзя было есть приготовленный шашлык, но Дени Исмаилович обещал как-то по-особенному замариновать мясо, чтобы и нам было очень вкусно.

Вершина горы оказалась не такой, какой я себе ее представлял, она была широкой, гладкой, поросшей травой, и здесь начинался темный, красивый, разросшийся до невозможности лес, куда нам, конечно, сразу же запретили ходить без сопровождения взрослых.

Я и не собирался, впрочем, в лес – леса это зона повышенной опасности.

Андрюша попросился в лес вместе с Дианой и ее отцом, они хотели собрать хворост для костра. Так как отец Дианы – бывалый охотник и хорошо знает эти места, Дени Исмаилович согласился.

А мы возились с палатками. Это было весело и одновременно раздражающе.

В настоящем походе я еще никогда не был, но у нас часто проводились занятия по ориентированию, в чем-то они были похожи на поход, но менее веселые и расслабленные, а еще без ночевок, и красивых гор, и без водопадов.

День пролетел как-то незаметно, и вот уже наступают сумерки, я вижу, каким мутным становится небо перед наступлением вечера.

Внизу так красиво. Я знаю, что когда мы спустимся, город станем обычным, я увижу его таким же, как и всегда. Но с высоты кажется, будто все там особенное: чудные маленькие домики, ни капли пыли и грязи, только выбеленный солнцем камень, и счастливые маленькие люди, и синее море без конца и края.

В горах и пахнет по-особенному, воздух такой свежий, ярко

чувствуется запах травы и цветов, куда-то деваются привычные городские запахи: бензиновые, острые, и остается только чистота.

Когда я только сел сюда, ко мне подошел Дени Исмаилович.

Я сказал:

– Спасибо, что вывезли нас. Я еще никогда не был так высоко.

– И на самолете не летал?

Слово «самолет» он произнес несколько неуверенно, будто бы не был до конца уверен, что они вообще существуют.

Я покачал головой.

– Не приходилось.

Дени Исмаилович сел рядом со мной. Он сказал:

– Я рад с вами познакомиться, правда.

– С нами сейчас сложно, – сказал я. – Это из-за ксеноэнцефалита.

– Или из-за того, что вы переживаете утрату. Или из-за того, что на вас слишком много чего свалилось вот так сразу. Или из-за того, что вы скоро станете подростками. Этот короткий период между детством и ранней юностью в самом деле бывает очень тяжелым.

Дени Исмалович говорил очень хорошо, как учитель русского и литературы, и очень приветливо, хотя я чувствовал, что он нервничает.

Так я и сказал ему:

– Вы замечательно говорите.

– Спасибо.

Чуть помолчав, Дени Исмаилович добавил:

– Невероятное зрелище. Я живу на планете, где природы в привычном тебе понимании вообще нет. Абсолютно искусственная среда. А ведь когда-то, много поколений назад, мои предки жили в прекрасных и свободных местах вроде этого. Если я захочу, то зайду в цифровой архив, узнаю их имена, увижу информацию о них, вплоть до медицинских карт и личных фото. Все так хорошо известно. Я знал, как все здесь будет выглядеть. И все-таки я удивлен.

– Удивлены?

– Да. Здесь все по-другому, даже дышишь иначе.

– Чувствуете зов предков?

– Можно сказать и так. Некоторое вдохновение. Но и страшно здесь тоже. Все выглядит довольно диким, хаотичным. А для тебя это естественно, ты на этой планете родился и вырос, ты даже не замечаешь, насколько ты свободен.

Я хотел сказать, что заперт на этой планете, но не стал. Такие вещи не стоит говорить. Они звучат неуважительно по отношению к нашему мудрому руководству.

Дени Исмаилович посидел со мной еще, и я решился спросить у него кое-что. Вопрос тоже был не самый простой, наверное, и не самый общественно одобряемый. Но я не мог его не задать.

– А мы вам противны?

– Нет! Конечно, нет! – сказал Дени Исмаилович.

А я смотрел на него внимательно, и вдруг понял, что он борется с собой.

Не поймите меня неправильно, люди будущего, я это совсем не осуждаю. Зараженные опасной болезнью, искажающие свою плоть, психически нестабильные, мы не являемся лучшими из людей.

Может, лучше бы нас и вовсе не было на свете, потому что разрушительная сила червя весьма велика.

Но все-таки мы остаемся, как говорил Эдуард Андреевич, хоть и зараженными, но все-таки обезьянками.

Мне хочется, очень хочется быть частью прогрессивного человечества. И я совсем не хочу отличаться.

Мне не за что обижаться на Дени Исмаиловича: он очень старается заботиться о нас и делать свою работу правильно, старается быть вежливым, старается, чтобы я не увидел, что ему некомфортно рядом со мной.

Нет ничего, в чем он неправ. А почему мне стало обидно от этой его реакции (чуть передернул плечами, улыбка вышла не та, сжались пальцы), я и сам не знаю.

Дени Исмаилович это заметил, но честно мы поговорить не могли. Сидели рядом и молчали.

А потом вдруг Дени Исмаилович сказал:

– «Несовершенство людей, совершенство насекомых».

– Что?

– Это была статья, которую я читал на корабле по пути сюда. О вас. Уникальнейшие создания во Вселенной. Но это пугает. До чего странные вещи может сотворить этот червь с телом и разумом.

А я подумал: нет, мы схожи с вами в самом главном. Но я не хотел, чтобы Дени Исмаилович принимал участие в некомфортном для него разговоре. Я молчал.

– Еще одна статья: «Бесконечное живое». Я ее не дочитал. Несмотря на поэтичное название, там было много чисто научной информации, а у меня болела голова, да я и не специалист. Зато там была цитата из Дарвина. Знаешь главную книгу девятнадцатого века?

– «Происхождение видов»? Знаю! Я даже цитировал Ванечке: бесконечность прекрасных форм. Очень красиво про природу.

– Точно. Бесконечность прекрасных форм.

Сердце мое забилось чаще.

– Но нет! – сказал я. – Все на самом деле не так устроено!

Я вдруг подумал, что он говорит об этом: калейдоскоп фокусов плоти.

– Нет! – повторил я. – У нас есть конечная форма. Мы – люди. Вот я, это я. Может, мне можно отрезать ноги, или я смогу вырастить себе крылья, или сделать свой нос прямым, но все равно, когда я устану концентрироваться или просто устану, то стану самим собой, вот таким, какого вы сейчас видите. Я совсем как человек.

И сам я не заметил, что употребил «совсем как».

Зато тут же поправился, ведь мои слова могли быть поняты превратно, в них могло Дени Исмаиловичу показаться то, чего я вовсе не имел в виду.

– Не подумайте, я не хочу иметь ничего общего со своими злобными и дикими предками. Я хочу быть частью прогрессивного человечества, исполнять свой долг, служить своей Родине, помогать тем, кто нуждается в помощи, быть честным и смелым. Я использую для этого все, что у меня есть, и буду действовать без жалости к себе. Но я все-таки не насекомое и не удивительное скопление клеток, а человек.

Дени Исмаилович молчал, я сорвал травинку и принялся завязывать ее в узелок.

– Большинство людей здесь вообще никогда не пройдут метаморфозы.

Дени Исмаилович сказал:

– А ты знаешь, как звучала эта цитата в исходном виде?

– Нет, – сказал я.

Дени Исмаилович закрыл глаза, веки его едва заметно подрагивали, и я понял, что он читает. Может быть, в его мозге тоже есть нечто такое, чего там быть не должно.

Когда он открыл глаза, я спросил его:

– И вы прочитали книгу?

– Нашел в ней нужное место.

Дени Исмаилович улыбнулся и неторопливо (а это для него нехарактерно) проговорил:

– Есть величие в этом воззрении, по которому жизнь с ее различными проявлениями Творец первоначально вдохнул в одну или ограниченное число форм; и между тем как наша планета продолжает вращаться согласно неизменным законам тяготения, из такого простого начала возникло и продолжает возникать бесконечное число самых прекрасных и самых изумительных форм.

И все вдруг обрело совершенно противоположный смысл.

Дени Исмаилович, может быть, опасался нас и понимал не слишком-то хорошо, но он старался. А это так много! И это трогает меня до глубины души!

Если так подумать, я лично знаю только двоих экспатов, и оба они – хорошие люди. И оба стараются нас понять.

Может быть, в Космосе вовсе не так негостеприимно и страшно, как нам всегда говорят?

Ответа у меня пока что нет, но скоро я его найду.

А сейчас я смотрю на город внизу, на бескрайнее и удивительное небо, затянутое мутной, слепой поволокой, наступившей после заката. Теперь небо не красное, оно успокоилось и гаснет. Черными и фиолетовыми кажутся травы, все быстрее и быстрее темнеют камни, но свет еще не ушел окончательно.

Вот кто-то мелькнул вдали! Может, это мышка или ежик! Наверное, мышка.

Я думаю, как там Николай Убийца. Хотя мы, конечно, оставили ему достаточно еды и попросили Эдуарда Андреевича за ним приглядеть, что-то мне подсказывает, что у Эдуарда Андреевича полно более важной работы, чем наш бедный еж.

А вообще я пишу все это потому, что природа оказала на меня благотворное влияние. Я ощущаю некую связь со всем что вижу. Наверняка об этом писали поэты, философы и даже ученые.

Но мне двенадцать, и я открываю это чувство впервые.

На мой взгляд, оно очень человечное. Созерцание делает нас частью мира, в котором мы живем, а быть частью целого – это то, о чем я всегда мечтал.

Надеюсь, когда-нибудь все люди, которые только существуют во Вселенной, смогут почувствовать то, что сейчас чувствую я. Для того чтобы все в мире могли это ощутить хотя бы в один единственный момент, нигде и никому не должно быть больно, голодно или страшно.

Может быть, это невозможно, но теперь я еще больше хочу ради этого постараться.

Запись 181: Идиот

Как только я мог не заметить! Как мог не догадаться! Как мог не подумать об этом ни единого раза!

Как я мог быть настолько наивным? Почему ничего не сделал? А сейчас уже поздно!

Я кое-что узнал, но теперь не могу сказать всего, ведь я еще не принял решение. Оно довольно важное, поэтому ничего говорить прямо нельзя.

Конечно, это мое решение может быть не совсем правильным. Как поступить? Разве меня не учили, что лучше проявлять доброту и снисхождение к хорошим людям, которые никому не навредят.

Или я неправ? Я не знаю. Я должен поступить самым правильным образом и сделать выбор. Может, если я напишу обо всем с самого начала (обозначать нечто конкретное я не стану, кое-что не должно быть названо), верное решение придет ко мне само. Я слышал, что так часто случается у ученых.

Мне нужно озарение.

Я хочу сделать все для моей Родины, обеспечить ее безопасность, но в то же время люди, которые меня окружают, хорошие люди – это и есть те, кого я должен защищать.

Нет, прямо не напишу.

Как я мог не заметить? Как мог быть таким наивным! И что мне теперь делать? Где взять смелость решить все самому?

Хорошо, надо собраться и рассказать то, что я могу рассказать. Все началось с того, как все в тех же синих сумерках мы с Ванечкой сидели у кастрюли с замаринованным шашлыком. На нас легла почетная обязанность насадить куски мяса на шампуры. Я чувствовал большую ответственность перед всеми присутствовавшими, но в то же время и большую гордость.

Ванечка, как мне кажется, серьезности нашей миссии не понимал и по большей части развлекался.

– А ты хочешь съесть это мясо? – спросил меня Ванечка.

– Да, – сказал я. – Я уже голодный.

– Прямо сырым?

– Это теперь кажется довольно привычным.

– А почему вам нельзя приготовленное мясо?

– Не знаю точно, что-то, связанное со структурой белков.

– А от приготовленной еды тебя стошнит?

– Не порть мне аппетит.

– Это мне просто все интересно. А мой папа ест еду.

– Да, – сказал я. – Боря тоже скоро сможет есть нормальную

еду.

Ванечка вздохнул:

– Ой, ты бедненький Арлен. Ты ведь все переживаешь, что не умеешь ничего.

– Я не переживаю.

– А вот ты и переживаешь, я знаю. Я все вижу.

Я согласился с ним, главным образом потому, что Ванечка очень упрямый. А он вдруг сказал:

– Очень я стал к тебе привязан и к другим. Я ко всем привязался. Как ручной.

– А ты не ручной? – спросил я.

– Я дикий. У-у-у-у.

– Я знаю. Я видел нечто вроде сна о тебе.

– А ты не спрашивал никогда, почему я так с Володей смог.

Что же я мог сказать ему? Что не уверен, будто это сделал Ванечка? Что у Ванечки неоткуда взяться таким странным умениями, с его-то холодным лбом и глупой головой?

Но я не хотел его обижать. Ванечка искренне верил в то, что он нам помог, в то, что хоть в малой степени излечил нашу рану. Я всегда за честность обеими руками, честность, я считаю, лучшая политика. Но в этом случае мне показалось, что промолчать будет вернее.

– Нет, – сказал Ванечка. – Не веришь.

Ситуацию Ванечка прокомментировал очень точно, как это с ним часто случалось.

Я сказал:

– Ты же знаешь, я скептик.

– А я не помню, кто скептик. Кто такой?

– Тот, кто вечно во всем сомневается. Вообще-то, чтобы объяснить, что такое скептик по-настоящему, следует начать с Декарта…

– Нет, – сказал Ванечка, и я замолчал.

– Ты прав, я вряд ли объясню хорошо.

– Алеша все время такое говорит, не хочу слушать. Ты не такой умный, как мой брат. Но в другом всяком ты все-таки хороший.

– Спасибо, Ванечка.

Он насаживал на шампур розовые куски мяса, действовал очень сосредоточенно, чуть прикусил кончик языка, часто моргал. Вид у Ванечки стал очень хищный, в сумерках его лицо казалось бледнее обычного, и абсолютно ясно становилось видно, каким красивым Ванечка был от природы. Я вдруг подумал о заколдованных принцах. Кто-то чудесный и одновременно чудовищный, или, например, рухнувший дворец, который прежде

представлял собой произведение архитектурного искусства.

Я подумал: наверное, Ванечка такой из-за родовой травмы. Может быть, его мозг повредился вот так, случайно и быстро, а должен он был быть совсем здоровым мальчиком, красивым и умным. Это, конечно, очень грустно, но в то же время я остро ощутил и другое: Ванечка очень даже на своем месте здесь, у кромки леса. А еще больше на своем месте он будет в темном лесу.

В Ванечке почудилось мне нечто такое, что я видел во сне (полусне) о нем, когда он ходил по скользкой ветке и высматривал девочку в желтой шапке.

Нечто такое первобытное, совсем звериное, глупое, но в то же время очень могущественное. Я ощутил тревогу, не страх, нет, а беспокойство, волнение. Картинка будто на секунду раздвоилась. С одной стороны, рядом был мой замечательный, добрый друг. Немного странный, конечно, но очень душевный. С другой стороны, мальчик с ловкими руками и острыми зубами легко нанизывал на острый шампур мясо, кусок за куском. В этом мальчике просвечивало нечто нездешнее. И глядя на него в тот момент, я подумал, что такой мальчик мог бы дать нам увидеться с Володей.

Мальчик из леса.

– Теперь веришь, – сказал Ванечка. – Все руки пахнут мясом.

– А почему тебя нашли в лесу?

– Это все понятно, – сказал Ванечка. – Потому что я там родился.

Я был готов воспринять его историю, но теперь Ванечка вовсе не желал ее рассказывать. Он добавил:

– Там я родился в лесу, поэтому я дикий. У-у-у-у.

– Я знаю. Ты очень дикий.

– Очень.

– Но мне хочется знать больше.

– Любопытной Варваре на базаре нос оторвали.

– Резонно.

Ванечка засмеялся, но я даже не был уверен, что он знает слово «резонно».

Ванечка сказал:

– Привязался ко мне. Да, ты привязался. Хочешь мне помочь очень?

– Я хочу.

– Но не можешь. Я глупый, умным меня не сделать.

– Зато ты талантливый, – сказал я. – Не всем быть академиками, но в мире много других прекрасных вещей.

– Да, – сказал Ванечка. – В мире их много. Нравятся рисунки

мои?

– Очень.

– И моя семья тебе нравится?

– Замечательная семья. А почему ты спрашиваешь?

– Так.

Он мне улыбнулся, быстро показал зубы, совершенно как ласковая собака, широко открыв рот. Потом вздохнул, резко дернул на себя кусок мяса, пронзив его лезвием шампура.

– Руки пахнут уксусом, – сказал Ванечка. – Целый день думаю: ой, что будет, что будет.

– А что будет?

– А я не знаю. Просто думаю: ой, что будет, что будет.

– Такое бывает, – сказал я. – Когда просто нервничаешь без причины. Может, погода испортится. Со мной такое случается перед переменой погоды.

– Так нравится, что ты говоришь, как радио.

Я смотрел на его бледные, мокрые от маринада руки, они двигались быстро и резво. Вдруг Ванечка сказал:

– Мы сейчас с тобой очень надолго попрощаемся.

Голос его в этот момент был грустным, почти нормальным. Я смотрел на него во все глаза. Мне вдруг стало страшно, что Ванечка умрет прямо сейчас. Я вспомнил все ужасные истории о дурачках, которые больны не только ментально, но и физически, об их слабых сердцах и ранних смертях.

– Почему? – спросил я. – С чего ты взял?

Ванечка сказал:

– Я не знаю. Просто я это сейчас понял.

Мир вокруг нас вдруг как бы замер. Взрослые разводили огонь, дети столпились вокруг него, словно впервые в жизни увидели такое чудо, а мы с Ванечкой сидели на поваленном дереве и возились с этим мясом, которое мне вдруг опротивело.

Сумерки стали совсем уж синие. Французы так их и называют – синий час.

Ванечка действовал все так же быстро, очень ловко и вдруг остановился.

Он порезался. Этого стоило ожидать, и в первый момент я подумал: как же я так позволил ему неаккуратно обращаться с острыми предметами? Да и вообще не стоило ему заниматься таким делом.

Рана была длинная и глубокая. Я испугался, что мясо заразит эту рану, вырвал у Ванечки шампур, кинул в кастрюлю окровавленный кусок мяса (как естественно, хотя кровь и плоть принадлежат разным существам).

– Сейчас я обработаю, подожди, у меня все с собой, как раз на

такой…

Но я не договорил. Я увидел, как стягиваются края раны.

Я посмотрел на Ванечку, глаза его сияли ярко, словно он сейчас заплачет.

– Я не…

Его дрессированные птицы. Они сидели у Ванечки за пазухой и должны были расцарапать ему весь живот. Однако этого не случилось – никакой крови, никаких царапин, абсолютно чистая кожа.

Я протянул руку и дотронулся до его лба. Лоб был холодный. Моя рука была в тысячу раз горячее.

– Грязными руками нельзя, – сказал Ванечка. – Сам говоришь.

Сны и словечки, не случившиеся ранки и затянувшаяся рана, его холодный лоб. Мысль, пришедшая мне в голову, требовала, конечно, дальнейших раздумий, но на это у меня времени не было.

В верности, правильности своей догадки я уверился еще больше, когда Ванечка вскочил на ноги и метнулся к лесу, такой быстрый, стремительный, совершенно в этом сказочный, как темная тень, которую видишь краем глаза.

Я кинулся за ним, и все стало до крайности серьезно.

Я услышал голос Антонины Алексеевны:

– Мальчики! Далеко с поляны не убегайте!

До чего странно: она думала, что мы играем, и вся трагичность ситуации ей была неясна. Так часто бывает между детьми и взрослыми. Некоторые вещи для взрослых совсем неочевидны.

Я знал, в чем заключается мой долг, поэтому я должен был догнать его.

Правда, я не понимал, что мне делать потом, когда я его догоню. Но времени совсем не было. Я не мог тратить его на то, чтобы кого-то позвать, объяснить произошедшее, то, что я понял, увидев, как срастаются края его раны.

Тайные знания и сны, раскрытые раны, которые исчезают, и холодный лоб, холодный, как собачий нос (сравнение глупое, но идеальное для Ванечки).

Руки, пахнущие мясом.

Девочка в желтой шапке.

Пакет с красными кониками, найденный в лесу.

Мужчина на вокзале из моего полусна, с ним говорил Боря, но теперь с ним говорил и я.

Мне нужно было догнать Ванечку. Я не могу напрямую написать о том, почему это представлялось мне настолько необходимым.

Но таков был мой долг перед Родиной, перед историей, перед всей Вселенной.

Теперь об этом очень стыдно думать, но еще я радовался, что стану героем или геройски погибну.

Я совсем не думал о том, что если это и есть точка, где сходятся все известные мне линии, то я – тоже линия.

Разве что он еще не умел!.. Но думал ли я об этом? Нет! Я думал о том, как важно его догнать. Я словно стал одержим и ничего, кроме него, не видел. На Ванечке была красная толстовка, яркая даже издалека – приметный. А не терять цель из виду – залог успеха. Пока не теряешь цель из виду – не можешь проиграть.

Я совсем не заметил, как мягкая ровная поляна сменилась лесом. И мне, что удивительно, не стало труднее бежать, я легко перескакивал через корни и даже поваленные деревья, не запинался, не останавливался.

У меня не самая быстрая реакция на свете, мне нелегко дается развивать большую скорость, но в главном я хорош – я могу бежать долго, очень.

А вот о том, что может Ванечка, я не знал почти ничего. В тот момент я очень пожалел, что чаще всего пропускал мимо ушей все эти легенды о червивых временах и улье.

Как только мы оказались в лесу, мгновенно стало темно, словно кто-то выключил свет. Ванечка, я услышал это отчетливо, засмеялся. Это был совершенно обычный смех – смех человека, чье дыхание нарушено из-за бега. Он вселил в меня уверенность.

Если ты хоть в чем-то еще человек, подумал я, то я тебя поймаю.

Почему я отреагировал именно так? Разве я такой?

Почему в темном лесу красная толстовка Ванечки так манила и злила меня, словно красная тряпка – быка?

Меня всю жизнь учили, что это такое огромное зло, что наши предки, чьи разумы были объединены, находились в плену у чудовищной воли, что, если это снова повторится, либо Аврора, либо вся Вселенная будут уничтожены навсегда.

А, может, я и вовсе ошибся в Ванечке, я ведь допускал эту мысль? Но почему тогда гнался за ним так безжалостно?

Какой же Ванечка оказался быстрый. Его перекошенный язык, чуть вздернутый уголок рта, странности, глупости, все это говорило о некоторой беспомощности.

Но на самом деле он был стремительным, точным, и все движения его были ясные.

А я допустил несколько тактических ошибок:

1. Никому ничего не сказал.

2. Позволил Ванечке попасть в лес, где он чувствовал себя, по-видимому, весьма уверенно. При этом я не имел при себе никакого оружия, если не считать мой незаряженный пистолет для забоя скота. А его не следовало бы считать, даже если бы он был заряжен, ведь для погони он все равно не подходил.

3. Позволил взять верх над собой чему-то темному и страшному из глубины меня.

4. Не попытался с ним поговорить.

Как видите, одни пункты противоречат другим. Я мог выбрать несколько разных стратегий, а вместо этого я совершил самую глупую на свете вещь.

Я о ней жалею. Я не исполнил свой долг. Но теперь, когда ничего не исправить, что мне делать?

В лесу все было проще. В наступающей темноте я гнался с Ванечкой и в точности был уверен, что он вредитель и враг, самый большой вредитель и самый большой враг в истории человечества. Нечто такое, чего не должно существовать.

Теперь я думаю: со стороны это все еще могло выглядеть, как детская игра.

А кроме того, было важно, что мы именно дети. Эта детская уверенность в том, что в лесу с тобой ничего не случится и тебя не найдут. Эта детская уверенность в том, что догнать и обезвредить врага нужно самому и молча, только так можно стать героем.

Меня очень испугала перемена, которая во мне произошла. Я очень привязан к Ванечке (не напишу в прошедшем времени), он мой друг и в то же время, заподозрив нечто ужасающее, я, ни секунды не думая, кинулся за ним, как древняя рептилия, среагировавшая на движение.

Мы очень быстро углубились в лес. Он оказался темнее и гуще, чем я думал. Но я не испугался, что потеряюсь. Не испугался, что травмируюсь, упав, хотя обычно я бдителен и тревожен во всем, что касается техники безопасности.

– Стой! – крикнул я. – Стой по-хорошему!

Такая детская фраза, разве нет?

Ванечка снова засмеялся, смех его разнесся по лесу, и мне показалось, что я слышу его со всех сторон.

Это могло быть так.

И я подумал: он может заставить меня остановиться.

Он может заставить меня потеряться.

Он вообще может свести меня с ума.

А я ведь ничего не умею, думалось мне, ничего не могу, что у меня есть такого, чтобы суметь его поймать, привести к Эдуарду Андреевичу и спасти мир?

Моего забавного и доброго друга Ванечку, с которым мы познакомились благодаря удивительной истории с собакой Найдой.

С ним мы делали кормушку для птиц.

Сидели на дереве.

Он дал нам попрощаться (теперь – никаких сомнений) с Володей.

Он был ко мне добр, хотя, может быть, он знал, что однажды я буду гнаться за ним вот так.

Вдалеке я слышал голоса взрослых, нас звали, но мы не откликались. Не знаю, как так вышло, что мы углубились в лес столь быстро и незаметно. Я бежал и не думал о том, что могу потеряться, это не было важным, не страшило меня.

Наверное, будет неверно сказать, что я не знал себя такого. Но я точно не знал, что могу быть таким в этой страшной степени.

Тогда мне не вспомнился разговор с Дени Исмаиловичем о том, что мы здесь, на Авроре, такие же люди, как все другие. А теперь вспоминается. И я не уверен, что сам с собой согласен.

Я почти услышал в голове голос Бори:

– Быстрее, чем когда-либо прежде!

Он часто говорил так о себе после забегов и даже если не был быстрее всех – тоже.

В конце концов Ванечка чуть замедлился, он бежал быстрее меня, но и устал быстрее. В темнеющем лесу его толстовка казалась не просто красной, а пропитавшейся кровью. Я схватил его за рукав, дернул к себе, вцепился уже в руку, он выкрикнул что-то, и мы повалились на влажную, усеянную палыми листьями землю.

Мы оказались в незнакомом месте, под по-ночному черными кронами деревьев, в сгущающейся темноте едва ли было видно хоть что-нибудь. Мне было тяжело дышать, в горле, в груди все жгло. Я подмял Ванечку под себя, крепко прижал его к черной земле.

– Кто ты такой?! – спросил я.

Ванечку все и забавляло и пугало.

Он сказал:

– Волчок-дурачок!

И засмеялся, запрокинув голову, и в самом деле из глубины его глотки, вместе со смехом, исходило какое-то звериное рычание. Если это и сказка, то очень-очень страшная.

– Нечего смеяться! – сказал я, и мне очень захотелось заткнуть ему рот рукой. И закрыть ему глаза – таким пронзительным стал его взгляд.

Вдруг я увидел, что один его зрачок больше другого. Это могло быть признаком инсульта, я где-то такое слышал, и первым делом я заволновался, а потом подумал: он не человек.

Я не человек.

Никто из нас.

– Ты лгал мне все это время!

– Но я не лгал!

И в этом Ванечка был прав – он мне никогда не лгал. А если бы лгал, то как легко бы я это понял. Ведь главная сила во всей Вселенной или во всяком случае в огромной ее части досталась идиоту.

– Я не лгал! Не лгал! Не лгал! – кричал он. В конце концов, его голос совсем перестал напоминать человеческий. Я подумал о том, что у меня в руках вовсе не мой хороший друг, а нечто совсем чужое, что сидит в нем, как в коробке, или одето в него, как в костюм.

Но он в то же время казался мне беззащитным.

Я старался не причинять ему боли, но держал крепко. Связать ему руки? Я мог, у меня был пояс. Ударить его так, чтобы он потерял сознание? Я мог, я обладал для этого необходимыми навыками.

Но разве Ванечка не мог остановить мои руки? Не мог заставить меня сидеть здесь, в лесу, пока он не выберется, или даже покончить с собой?

Я ничего об этом не знал, но теоретически это было возможно.

– Я должен доставить тебя обратно! Нужно вызвать КБП! Ты можешь представлять опасность!

А Ванечка вдруг, прекратив вырываться и дергаться, снова установился на меня своими яркими глазами, один зрачок – узкий, почти точка, а другой – совсем широкий.

– Почему ты меня не жалеешь? Так хочешь быть героем? Такая ты хорошая собака?

Ванечка показал мне зубы, они теперь были будто бы острее, чем полагалось.

– Я такой слабый, – сказал он. – Я ничего не умею. Почти ничего не понимаю. Отпусти меня, Арлен! Я же прошу! Я же прошу! Прошу! Прошу! Прошу!

Так же чувствовал себя и я. Мы оба ничего не умели и ничего не могли. Оба ничего не понимали. И оба так сильно друг друга испугали. Ванечка бился подо мной, как подранок, но в то же время в самих его завываниях я слышал нечто очень чужое и страшное. Мне вспомнились старые земные истории о чертях.

Он правда казался пугающим. А я, наверное, пугал его.

– Успокойся, – сказал я. – Ты просто должен быть под присмотром. Так просто будет правильно. Безопасно.

И вдруг я понял, что соврал. Впервые соврал в таком серьезном деле по-настоящему. Ванечка, если только я не ошибался, представлял крайнюю опасность. Все вокруг думали, что такой силы в мире больше нет, что ее нет уже больше сотни лет.

– Руки еще пахнут мясом, – сказал вдруг Ванечка и весь как-то обмяк.

Я попытался вздернуть его на ноги, и в этот момент Ванечка вцепился мне в горло.

Точно так же, как я когда-то, будучи еще совсем малышом, вцепился в горло Боре. Я закричал, больше от неожиданности, а Ванечка вылез из-под меня, ударил меня ногой в лицо, и все обожгло кровью.

– Нет! Не пойду! Никуда с тобой не пойду!

Все перед глазами стало светлее, как оно часто и бывает в такие моменты, замерло в адреналиновой вспышке. Я поймал его за ногу, с силой потянул на себя, и Ванечка проехался по земле, захрустели сухие веточки.

Ванечка завопил, и в этом вопле мне все было совсем незнакомо.

– Арлен! Арлен! Арлен!

Я же предпочел не тратить время и дыхание на разговоры. Если я ошибаюсь, ему ничего не будет, подумал я, и это неожиданно оказалась обычная, разумная и человечная мысль, не такая механическая, как все предыдущие.

Но все-таки в глубине души я знал, что не ошибаюсь. Я это чувствовал всем собой, я это видел, я это слышал.

Сейчас я осознаю, как чудовищно было хватать его за ногу, лежа на грязной земле, тянуть за собой, думать о том, как покрепче схватить, как обездвижить. Сейчас мне это и понятно, и больно. А тогда все было странным, неясным и в то же время совершенно простым.

Моя мама (да, наверное, так говорят многие мамы) всегда утверждала, что нет слова «хочу», есть слово «надо».

Я ни секунды не хотел этого: пугать, делать больно. Но я знал, что так нужно поступить ради цели большей, чем я, чем то, что я думаю, чувствую или хочу.

А поэтому все было легко. Словно передаешь управление собой автопилоту.

Ванечка резко развернулся, в руке у него был зажат камень. Он ударил меня по руке с такой силой, что мои пальцы онемели, и боли я почти не почувствовал, однако они разжались сами

собой, и я увидел лопнувшую кожу, неестественный их изгиб.

Заставь дурака Богу молиться, он и лоб расшибет – еще одна народная мудрость. Впрочем, я его совсем не осуждаю, и мне уж жаловаться не на что. Следующий удар камня пришелся мне в висок.

Мир стал темнее, а затем почти совсем погас, Ванечка вскочил на ноги.

Я попытался подняться хотя бы на четвереньки, но упал. Все, что я еще видел (темные тени, движение), кружилось и рушилось. Но не мог же я в самом деле сдаться. Сдаваться никак нельзя. Даже если кажется, что ничего не получится, пытаться все равно надо, потому что у нас ничего нет, кроме этих попыток.

Я поднялся на четвереньки, сделал пару шагов, зрение стало чуть яснее. Ванечка отчего-то прихрамывал (не мог же я так сильно его схватить?). Меня хватило только на то, чтобы сделать пару шагов вот так, на четвереньках, а потом я снова упал.

Ванечка сказал:

– Прости, Арлен! Ну очень уж ты дрессированный!

А я подумал: если сейчас упущу его, то все потеряно, я ничего потом не исправлю.

Для того чтобы прийти в себя, я попытался сжать израненные пальцы, причинить себе боль. Все просветлело, устаканилось, мир остановился и зафиксировался.

А потом я увидел, что под лопнувшей кожей на пальцах пузырится плоть. В самом деле, это чувство нельзя описать, Боря все правильно сказал. Но я ощутил, что я могу продолжить себя и это легко, как вытянуть руку, и это очень естественно.

Из ранок на пальцах резко вырвались ленты плоти. Они были не шире пластинки жвачки, удивительно ровные кусочки мяса. Я думал, что управлять ими будет сложно, а оказалось, что это легко. Тонкая, конечно, работа, но не тоньше, чем шнурки завязать.

Мир вокруг светлел – то, что было повреждено камнем, заживало. К счастью между мной и Ванечкой было мало естественных преград, хотя он убежал довольно далеко. Я не тратил время на то, чтобы встать, а сосредоточился на этих странных мясных лентах, таких ровных и покладистых. Они стремительно вытянулись, и я опомниться не успел, как ленты эти обвились вокруг Ванечкиной ноги.

Очень странное чувство: управлять ими так легко, но Ванечка ведь в темноте и так далеко, и видеть его сложно. Как будто закрыл глаза и пытаешься завязать узел.

Я со всей силы (теперь в полной мере мне ясной, нечеловеческой силы) потянул Ванечку на себя. Он упал,

проехался по земле и как-то обиженно, совсем по-детски заскулил. Я все тянул его к себе, а Ванечка вцеплялся пальцами в землю, пытался ухватиться за гибкие ветки кустарников, дергал ногой, извивался.

Я чувствовал боль, ведь это ленточки моей плоти натягивались, когда Ванечка пытался освободиться. Не знаю, как объяснить такое с анатомической точки зрения, но боль оказалась абсолютно реальной. Иногда я удлинял свои жуткие ленты, чтобы ослабить натяжение, а потом все сильнее опутывал Ванечкину ногу.

Радовался ли я тому, что метаморфозы мои окончились успешно? Тогда я совсем не радовался, и я не удивлялся, а просто тянул Ванечку за собой, думая только о том, что нельзя ослабеть и выпустить его. Один только раз я дотронулся пальцами свободной руки до этих мясных лент. Они оказались влажными и липкими, а пахли сырым мясом.

Надо было мне в тот момент, наверное, задуматься, как мы с Ванечкой оказались в этой ситуации. Но я не задумывался, а только тянул. А потом часть моего тела, которой не существовало еще десять минут назад, пронзила жгучая боль.

Ванечка зубами пытался перегрызть связывавшие его ногу путы, и я это чувствовал, ведь его зубы вгрызались в мою плоть. Они оказались очень острыми.

Я кинулся к нему, но потерял контроль над плотью, и Ванечка, грязный, со ртом, полным крови, весь в царапинах, бросился бежать.

А потом вдруг случилась очень странная вещь – он забрался на дерево. Так быстро, так ловко, с нечеловеческой силой отбивая слабые ветки, от которых отталкивался. Раздавался пронзительный хруст, и ветки летели вниз. Одна из них рухнула прямо на меня, я упал, ощущая сильнейшую боль в плече. Но я знал, что теперь эта боль временная, не важная, совсем уж глупая. Ванечка замер на последней ветви, способной выдержать его вес, почти у самой вершины.

– Но ты же сам говорил, что ты человек! – сказал он обиженно.

Я и в самом деле такое говорил. Ванечка не должен был этого слышать, но слышал.

Я стоял под искалеченным деревом, запрокинув голову, я не знал, что делать, как забраться к нему.

– Ты страшный! – сказал Ванечка. – У-у-у-у!

А потом он вдруг заплакал. Он расхаживал по длинной ветке со страшной, звериной ловкостью и плакал: до чего плохо совпадающие картинки.

– Ну почему так вышло? Ну почему? Ой, что теперь будет! Что будет!

Я сказал:

– Спускайся!

– Нет! Ты меня утащишь туда! А я туда не хочу! Я там умру!

Я боялся, что плакать он будет так сильно, что сверху на меня закапают слезы, будто теплый и странный дождь. Вероятность такого, конечно, была невелика, но мне стало жутко от одной этой мысли. Ванечка замер, балансируя каким-то чудом, руками он тер глаза по своей ужасной привычке (я всегда говорил ему, что так нельзя делать, есть риск занести инфекцию).

– Я тебя не отпущу! – сказал я. – Можешь убить меня, но я не отпущу!

– А я думал, что мы друзья! Погубишь меня! И маму с папой! И моего брата!

Сердце пропустило удар. Я сказал в отчаянии:

– Так останови меня!

Ванечка закричал в ответ, сквозь слезы, жалобно:

– Я не могу! Я не умею! Не могу!

Он ловко соскользнул вниз, но не упал, сел на ветку и заплакал еще горше.

– Ничего не знаю! Ничего не умею! Глупенький волчок-дурачок! Тупой червяк! Бесполезное насекомое!

Я сказал:

– Не упади!

– Не страшно! – сказал Ванечка, а потом вдруг убрал руки от лица.

Кровь размазалась, смешалась со слезами, стала розовой, грязь поблекла, подсмылась – так он плакал. Теперь отчетливо видны были ссадины на его щеках.

Что же я с ним сделал? Но этим вопросом я задаюсь только теперь.

– Я хочу, чтобы ты был свободный, Арлен! И мой братик! И Боря! И Мила! И даже Володя! Все свободные, живые – свободные, мертвые – свободные! Я так хочу! Но я ничего не умею! Я не знаю, как мне сделать так, чтобы тебя не забрали туда!

Он думал обо мне.

– Но ты никогда не поможешь! – в отчаянии крикнул Ванечка.

– Тебя не убьют!

– А я не боюсь, что я умру! Не боюсь умереть! Не боюсь!

Хотя, в отличие от нас, Ванечка мог жить долго-долго. До самой старости.

– Я боюсь, что я ничего не знаю! Ничего не могу!

Словно мой собственный голос: я боюсь не быть полезным.

– Нет! – сказал я. – Не говори так!

Потому что это причиняет мне боль.

А я должен быть спокойным, с холодной головой, с горячим сердцем.

Еще чистые руки, но руки у меня были уже совсем грязные, в крови и в земле. Я дернул плечом и понял, что кости встали на место.

Я обладал огромнейшей силой, и я чувствовал ее – она плескалась во мне, наполняла меня, она жила во мне.

Ванечка сказал:

– Ну только вот почему ты такой!

– Какой?

– Почему упрямый такой?

Словно бы ссора из-за какой-то мелочи, снова кольнуло сердце, но я не дал этой боли распространиться.

Борины когти, подумал я. Я их видел, могу вообразить. Стоит отрастить такие, и я заберусь на дерево. Я посмотрел на свои грязные руки: сорванная кожа на ладонях, траурная кайма под ногтями – совсем не те руки, которые я привык видеть. Но пальцы уже полностью зажили.

С когтями оказалось сложнее, чем с мясными лентами (все еще не знаю, как их точно стоит называть). Наверное, потому, что такие когти изначально принадлежали Боре, а мне они были не синтонны, их образ родился не во мне, я просто вызвал его в памяти.

Я должен был сосредоточиться, а Ванечка все продолжал плакать. Почему я не думал тогда о том, как ему страшно и непросто?

Наконец с болью, когти прорвались из моих пальцев. Я разместил их не очень удачно – они продрали подушечки, эти костяные, острые, крючковатые наросты. Мои руки кровоточили, и я боялся не справиться с новым инструментом.

Но все-таки таков был единственный способ добраться до Ванечки.

– Ну ты же не всегда таким был! – сказал Ванечка. – Ты был и маленьким! Маленьким совсем! Таким маленьким, чтобы так со мной не поступать!

Сейчас я думаю: до чего легко он мог бы заставить меня вонзить собственные новоприобретенные когти себе в глаза, если бы только знал, как это делается. Но если бы даже знал, разве сделал бы?

Я встал на кучу веток, оставшуюся на земле после восхождения Ванечки, подпрыгнул, вцепился когтями, пару раз съехал вниз, а потом приноровился, когти наконец стали такими

крепкими, как нужно.

Еще лучше было бы отрастить их и на ногах, да только я не мог хорошо этого представить, и ботинки стало жалко, мама бы очень расстроилась.

Я карабкался вверх, а Ванечка сидел и плакал. Он плакал обо мне.

– Бедный, бедный Арлен! Как же мне тебя исправить?

Но меня не нужно было исправлять. Я и был аккуратно заряженным ружьем, хорошо заточенным ножом, верно отлитой пулей. И не мог стать чем-то другим.

Ванечка весь трясся, но будто бы даже не от страха, а просто его переполняло множество болезненных чувств, они резонировали, ударялись в меня, как волна, которую нельзя увидеть, и я замирал, потому что должен был с ними справиться.

– Должен! Должен! Должен! Ты всегда должен! Тебе будет больно!

Я лез вверх, хотя это и было больно, но тем ценнее становилось мое восхождение.

– Глупый! – сказал Ванечка. – Думаешь, что с ними еще делать! Они же сумасшедшие! Можно вытаскивать из них легкие, и сердца, и почки, и все другое!

– Что?

– Ты думаешь так! Ты думаешь так, хотя знаешь, что я правду говорю! О скотобойнях! Обо всем! Великая честь – пойти на запчасти! Тебе не жалко! Не жалко никого!

Я уже почти добрался до ветки, на которой он сидел. Вдруг Ванечка перестал плакать. Он сказал:

– Мои мама и папа, и мой брат!

Я не понимал, о чем он говорит. Я понимаю только сейчас.

– Не надо, чтобы мои мама и папа, и мой брат! Никто-то ничего не знал! Не знал! Я только знал, потому что слышал отовсюду! Они не слышали!

Я глубже вонзил когти левой руки в древесину, надеясь, что мне хватит времени и сил стянуть его вниз.

Ванечка сказал:

– Так мало что умею, так мало! Но это я знаю – как! Прости, Арлен, только так!

Я схватил его за руку, когти процарапали кожу, вонзились в него, Ванечка раскрыл рот смешно и отчаянно, а потом сказал так ласково, как со мной никто еще не говорил, никогда:

– Друзья навсегда, Арлен!

Он наклонился и свободной рукой коснулся моего носа.

– Так, – сказал мне Ванечка, и мы упали вместе.

А потом мне приснился долгий сон. Сон этот крайне

странный, и писать я о нем не буду.

Запись 182: И опять

Ну как же быть? Как же мне быть? Ничего не могу решить. Тетрадь теперь не выпущу из рук никогда, во всяком случае, надо решить окончательно, а я не могу, и вокруг такая суматоха.

Очень тяжело об этом думать.

А не думать, отложить решение, это никак у меня не получается.

Запись 183: Все-таки сон о Космосе

Наверное, надо рассказать и сон. Все равно я уже много наболтал, почему бы и про сон не написать?

Сон, конечно, вышел очень странный, но начать следует не с него, а с того, как я уснул.

Во-первых, конечно, я не потерял сознание от удара о землю. Я заснул во время падения, в те секунды – это мне совершенно ясно.

Во-вторых, во снах мы не чувствуем вкусов и запахов, а многие детали недоступны для рассмотрения. Может быть, логичнее было бы назвать то, что со мной случилось, не сном, а видением? Но ведь и видение подразумевает, в первую очередь, получение визуальной информации.

Очень похожее состояние я переживал, когда ловил случайные воспоминания Андрюши, Бори или Ванечки.

Я бы назвал это погружением, но так как я не знаю, куда мы с Ванечкой погрузились, то и это выходит неточно. Придется все-таки остановиться на том, что это был сон. Сон – приемлемое, хотя и неточное название для состояния, когда человек не владеет своим телом, не осознает происходящего и видит нечто, чего нет в реальности или то, что в реальности иное.

И начался мой сон с того, что я был Ванечкой. Теперь я знаю: то, что Ванечка показал мне, он сам увидел много лет назад. Далее я буду говорить о нем в третьем лице, хотя я ощущал себя внутри, а не снаружи, однако, в данном случае мне кажется более оправданным рассказать все именно так, потому что скоро, очень скоро, речь пойдет обо мне.

Ванечке было семь, и он сидел в поле под ярким, жарким солнцем.

Он любил свою деревню, и маму, и папу, и совсем маленького еще братика. Мама послала его за хлебом, он долго шел по пыльной дороге, а в магазине ему дали мармеладку, потому что он – молодец.

Ванечка возвращался домой, по правую руку от него раскинулось широкое пшеничное поле, такое золотое, как будто это взошли не колоски, а лучи, сброшенные на землю Солнцем.

Ванечка, конечно, не удержался, хотя его ждали дома. Он свернул с дороги и погрузился в это поле, как погружаются в воду. Ванечка был еще совсем мал ростом, а оттого колосья доставали ему почти до самой макушки. Они хлестали его по щекам, больно впивались в кожу, но Ванечке вовсе не казалось, что они злые, эти колосья.

Под мышкой Ванечка держал батон хлеба. Он уже знал, что из пшеницы получается хлеб. Значит, и из этих колосков сделают много таких батонов, тогда Ванечка купит их в магазине и принесет домой.

Поле под солнцем было совсем безмятежным и золотым. Мама говорила Ванечке не гулять без панамки в такие жаркие дни, но панамку он потерял и ничуть о ней не пожалел. В поле все колоски стали горячие. Жужжали какие-то жуки, редко-редко на синем, безоблачном небе появлялись черные мазки – птицы. Когда птиц не было, Ванечка подбирал с земли камушки и кидал их в небо, чтобы разогнать эту яркую, режущую глаза синеву.

Иногда камушки падали прямо на него.

А иногда он вовсе не знал, куда они девались.

Ванечка разговаривал сам с собой. Он пел себе песенки и рассказывал стишки, все это ему ужасно нравилось.

Он говорил:

– Вот вырасту и стану делать такой хлеб из вас!

Он говорил:

– Вы тогда у меня посмотрите, как это – колоться так сильно!

Он говорил:

– А меня мама дома ждет обедать!

Он говорил:

– Приедет большая красная машина и всех вас уберет! И жуков очень много туда тоже попадет.

В общем, Ванечка много чего говорил. А когда легкий, ласковый ветерок все-таки проходился вокруг своей мягкой лапой, Ванечка смотрел, как пшеница волнуется, будто это такое желтое море с такими почти настоящими волнами.

В конце концов он устал, сел посередине поля, примяв колосья, откусил мягкого нагретого солнцем хлеба.

Голоса и голоски, которые он слушал, почти не донимали его. Тоненькие и густые, все они утихли. Никто, наконец, ни о чем не просил.

А то весь день: дай мне дожить до дня ее рожденья, дай немного денег, мне так нужно, пусть он умрет, ненавижу, хочу собаку, буду хорошим мальчиком, прости меня, накажи меня, пусть он меня полюбит, пусть она без меня не страдает, как же хочется новый комод, или диван, или телевизор, или полететь в Космос.

У кого такие голоски, Ванечка не знал, он к ним привык, но иногда ему становилось жаль тех, кто так с ним говорит, а его не видит. А то бы ничего не просили. У Ванечки все равно бывают только деньги на хлеб и сам хлеб.

Но есть голоски, которые просят и хлеба. Им бы он помочь

мог, да только Ванечка не знает, где они. Он везде искал, и дома, и на улице, особенно тщательно – под кроватью, потому что голоса и голоски часто приходят к нему, когда он засыпает.

Может, они в подушке? Он вытащил подушку из наволочки, а потом разрезал ее ножницами. Там оказались только перышки, легкие и белые, они летали по всей комнате, и ничем не были похожи на голоски.

Ванечка о голосках всем говорил, но никто ему не верил. Мама чувствовала себя расстроенной, когда Ванечка рассказывал, и он перестал.

Тогда мама стала говорить:

– Ну хоть голоса не слышит, уже умница.

Ванечка знал, что мама очень его любит. Однажды, конечно, Ванечка играл со спичками и случайно поджег сарай. Тогда мама не любила его, но всего лишь до ужина, а за ужином он подавился костью от селедки, долго кашлял, и мама снова его полюбила.

Сейчас Ванечке захотелось поджечь поле.

Так бы он спас все колоски. Красная машина тогда не приедет и не порубит их, и колоски будут все свободны, не станут хлебом, а останутся самими вот собой.

Такими, какими их создал Бог. Про Бога некоторые в деревне говорят. В деревне говорят, что у Бога холодный нос и он все знает. Почему так говорят, этого Ванечка не понимал.

Он спросил у папы, и папа ответил:

– А они уже и сами не помнят. Это все о червивых временах. Нечего и задумываться. Даже вредно.

Ванечка так и не понял, почему думать о Боге вредно.

А как бы поле горело – охваченное огнем, стало бы рыжим, а черный дым пролег бы между землей и небом. Красиво.

Ванечка ел хлеб и смотрел на небо. От жаркого солнца ему захотелось спать и одновременно с тем заболела голова.

Я думаю, он получил солнечный удар. С маленькими детьми это случается так легко.

Потом Ванечка понял, что съел половину батона, и теперь ему обязательно надо идти обратно, в кармане есть еще монетки, чтобы купить полбатона хлеба. Теперь все начнется заново, опять пыльная дорога, и магазин, и мармеладка.

Зато хлеба Ванечка принесет столько, сколько нужно, и совсем не меньше.

Он поднялся, и голова у него закружилась. Пришлось упасть обратно.

Ванечка лежал в поле, раскинув руки, и смотрел в синее небо. Колосья пшеницы кололись, будто кусались за то, что Ванечка их

примял. А те, что остались целыми вокруг него, склоняли к нему свои головки, словно врачи над пациентом, лежащим на операционном столе (видал Ванечка и такие сны).

Ванечка хотел что-то им сказать, но уже очень устал.

Он закрыл глаза и увидел меня.

За много лет до нашей встречи он увидел меня через много лет после нашей встречи! Так странно!

Сначала – будто со стороны. Ванечка меня еще не знал (но знал, что узнает).

Я сидел за пустым столом в странном месте, таком светящемся и разноцветном. Он видел меня всего пару секунд, чьими-то еще глазами, откуда-то сбоку, а потом стал мной.

Далее я буду вести повествование в настоящем времени, от самого себя из будущего, чтобы стало понятнее, как я все ощутил.

Вокруг меня шумно и странно, как всегда бывает после победы.

Я очень устал, но что-то держит меня в этом странно освещенном зале. Больше всего на свете мне хочется остаться одному, затянуть на горле ружейный ремень и попрощаться с этим днем по крайней мере до завтрашнего утра.

Я думаю: забавно, до чего же штампованным алкоголиком я мог бы стать. Но на столе передо мной стоит только стакан апельсинового сока.

И торт! Настоящий красивый торт с кремом. Нынешний я с радостью бы съел такой торт, пусть даже это очень вредно для зубов и надо во всем соблюдать меру, особенно в потреблении сладкого.

А вот во сне торт остается нетронутым. Даже шоколадные капельки на нем.

Взрослому мне совсем не хочется есть.

Я сижу в этом странно освещенном месте, разноцветном, ярком, и, в то же время, искалеченном. Сквозь дыру в крыше внутрь заглядывают звезды, впрочем, куда менее яркие, чем разнообразные источники света вокруг.

Я знаю, что мы здесь ненадолго, и знаю, что завтра мы улетим. Я устал, но работа сделана хорошо. Всюду в городе, куда ни глянь, следы разрушений, паника, но это временное состояние, пусть и печальное.

Мы улетим, останется армия для поддержания порядка, а следом начнется другая жизнь, потихоньку следы войны будут убраны, затянутся шрамы. Конечно, многое изменится, общество ломается сложно, как кость, но, если зафиксировать его правильно, все срастется.

Здесь мне почти хорошо, ведь сегодня я не делал вещей,

которые делать по-настоящему тяжело, за которые я так сильно себя ненавижу, и без которых в то же время не обойтись.

Нет, таких вещей я не делал. Хорошо, что я не делал их сегодня. Но завтра, может быть, мне придется.

Поэтому мне не хочется пить сок и есть торт.

На сцене я вижу Борю. Он в расстегнутой шинели, залитый разноцветным светом, играет на фортепиано. В голове у Бори дыра, череп пробит, влажно поблескивает мозг. С одной стороны его шинель залита черной кровью, и вязкие темные капли еще падают на плечи, когда Боря берет особенно резкие аккорды.

Он играет «Катюшу», песню, будто бы совершенно не подходящую для фортепианного исполнения. Боря играет быстро, задорно, его пальцы невероятно ловко скачут по клавишам. Иногда он наклоняется низко-низко, иногда, наоборот, весь выпрямляется, будто примерный ученик музыкальной школы, но руки его пляшут над клавишами все с той же горячностью и страстью.

И до чего у него выходит артистично!

На крышке фортепиано стоит бутылка водки с красной этикеткой и кусок торта на маленькой тарелочке. Иногда Боря поглядывает на бутылку и торт с предвкушением и делает это вычурно, по-клоунски гротескно и артистично.

Песня льется из-под его рук свободно и звонко, он явно наслаждается своей игрой. Мне тоже нравится, как у него получается. И все-таки я думаю: до чего это плохая идея.

Люди здесь перепуганы: это их планета, а мы – чудовища, привезенные сюда специально для того, чтобы разрушать.

Может, здесь раньше был танцевальный клуб, или театр, или бар, я не очень разбираюсь в местной культуре. Сегодня людям совсем не до праздника, хотя судьба у этой планеты куда более завидная, чем у многих других.

Среди молодых девочек и мальчиков, которым здесь самое место, есть и люди старшего возраста. Быть может, они оказались здесь случайно: прятались или забрели сюда в прострации, которая наступает, когда основная часть представления, как это называет Боря, окончена.

У многих есть ранения. За столиком рядом с моим сидит женщина, из чьей щеки торчит крупный осколок стекла. Она смотрит на сцену, как зачарованная. Шок не дает ей осознать ни боль, ни страх.

Я хочу ей помочь, но она отшатывается от меня, прикрывает осколок ладошкой, словно бы он ей нужен, дорог и необходим.

Если присмотреться, здесь вообще много крови. Я надеюсь, по крайней мере, что трупы уже вынесли.

Боря подбивает в песне последний аккорд, встает и по-клоунски раскланивается.

Его милое, отчаянно симпатичное лицо, залитое кровью, ухоженная прическа, испорченная дырой в черепе, испачканная шинель, блестящие ботинки – до чего кабарешно он выглядит, будто красивый актер после спектакля, в котором его персонаж трагически погибает.

Боря берет бутылку водки, с треском откручивает красную крышечку и делает долгий глоток. Все это, как Боря любит говорить, искренняя игра на экспорт, аврорианская экзотика, архаичная, с земляным привкусом, но в достаточной степени комедийная.

Я вздыхаю. Боря садится на край сцены, хватает торт, по-клоунски перемазавшись кремом, откусывает кусок. На белый крем капает красная кровь. Все это очень похоже на абсурдный сон.

– Товарищи! – говорит Боря, в три укуса закончив с тортом. – Благодарю за теплый прием.

Он вытаскивает из кармана сигарету, самую простую, аврорианскую сигарету, тоже очень архаичную, наклоняется к кому-то в первом ряду, всем телом, с сигаретой в зубах.

– Эй, красотуля, огоньку не найдется?

Ему подкуривают, и Боря, затянувшись, говорит:

– Никогда не привыкну к этим автоматическим переводчикам. Вдруг мои слова сейчас для вас звучат как-то неточно? Вдруг потеряется соль шутки? Не знаю, не знаю, легче, как в старые добрые времена, не понимать друг друга ни хрена.

Сигарету Боря тушит о рану в голове, прямо об обнаженный мозг, раздается шипение, красный окурок летит Боре за спину.

Он говорит:

– Есть у меня один знакомый, Эдик, любит всю эту байду про эволюцию. Эволюция – набор случайностей, выглядящий, как осмысленный процесс, и вся такая хуета подобная.

Я думаю о том, как крепко ремень обхватывает горло. Есть моменты, перед самым финалом (финалом чего?), когда кажется, что ты все-таки можешь умереть.

Эти моменты – мои любимые.

– Знаете, почему люди такие извращенцы? Потому что они – обезьяны. Обезьяны – ужасные извращенцы. А люди – разноцветные «ебливые» обезьянки. Вот произошли бы мы от котов или от енотов! Эти не такие извращенцы! Но не от летучих собак, ни в коем случае! Эти – самые извращенцы. Отсасывают сами у себя. Никогда не видел более самодостаточных личностей. Вообще, чем существо социальнее, тем оно «ебливее». А чем

территориальнее, тем агрессивнее. Люди – существа социальные и территориальные, поэтому все мы – озабоченные убийцы. История в целом такая. Не я это придумал. Наука, мать ее! Вообще, я обученный, дрессированный, я много чем могу вас развлечь. Я цирковой!

Боря надавливает пальцем на свой мозг, дергает уголком губ.

– Запрограммирован на это.

Он замолкает, какое-то время болтает ногами, и разноцветно блестят блики на его ботинках.

– А вот мой товарищ! У него сегодня день рожденья!

Мне кажется, что софиты сейчас ослепят меня, но некому их направить, хотя Боря, безусловно, оценил бы подобный ход.

– Да и не товарищ он мне, если честно, – говорит Боря со смехом. – И родиться бы он тоже не хотел.

С моим рождением все в мире стало хуже.

Я хочу сказать: не надо, замолчи. Но я не могу этого сказать, меня охватывает стыд, мне кажется, что Боря расскажет обо всем, что я сотворил в своей жизни, о неких чудовищных вещах, которые я даже не называю.

В этом ужасе куда больше ненависти к себе, чем объективной правды. Часть меня знает, что Боря только дразнится, а еще, что он – волнуется, пытается меня подбодрить.

– Бедняжка обладает таким чувствительным складом души, – говорит Боря. – Но он очень верный, он за все хорошее и против всего плохого.

Боря пьет еще водки, а я так же, как он, залпом, выпиваю свой апельсиновый сок.

– Страшно вам? Не слышу! Мы очень страшные. Совсем особенные! Экзотические машинки для размножения и уничтожения. Расскажу вам историю не то про размножение, не то про уничтожение. Некоторые люди, не будем показывать пальцем, должны заткнуть ушки, потому что…

В этот момент в мозг мне вонзается вой сирены оповещения.

Боря тут же вскакивает на ноги, лицо его выражает радость и предвкушение. А потом вдруг все экраны вокруг зажигаются, и я понимаю, как их на самом деле много. Некоторые разбиты, но теперь и они оказываются выхвачены ярким светом.

На многочисленных белых полотнах горят красные буквы: КАК ДИЛА, КОСМАС?

Бешено воет сирена, Боря улыбается, зло и азартно, красный свет ложится на его раскрашенную кровью голову и делает розовыми безупречно белые зубы.

Я быстро, нервно, бесполезно вытираю салфеткой стол и встаю.

– Пошли, Боря.

– Вот это день рожденья! Вот это день рожденья!

Всюду горят одни и те же слова: КАК ДИЛА, КОСМАС?

А потом свет, наоборот, гаснет и мы оказываемся в полной темноте.

Это всё. Конец сна.

Он обрывается так внезапно, но наиболее загадочно для меня собственное состояние, собственное ощущение.

Все в мире стало хуже из-за моего рождения.

Запись 184: Еще некоторые рассуждения по поводу взрослого меня

Сначала во сне о Космосе я видел себя чужими глазами. Что можно сказать?

1. Я вырос высоким, большим и сильным.
2. Старательно поддерживал аккуратный вид в одежде, однако был плохо выбрит.
3. Мне кажется, я вырос красивым, статным мужчиной, однако очень печальным.
4. Мои черты, черты уже человека взрослого, казались весьма благородными, но взгляд был тусклым, я лишился обычного своего энтузиазма.
5. Я выглядел старше своего возраста, как мне это показалось. Мой точный возраст, конечно, назвать нельзя. Но никакой энергии юности я не заметил. А я ведь должен был умереть молодым. Я не должен был дожить до того потухшего взгляда, который у себя увидел.
6. Так удивительно! Я стал совсем взрослым! Высоким, красивым, с большими аккуратными руками!
7. Я был несчастен и занимался чем-то явно саморазрушительным и неправильным.

Запись 185: Космос

Что касается Космоса:

1. Я видел другую планету, но планеты меня больше не удивляли.

2. Мы с Борей были в некоем заведении, но, кроме обилия цветного света, я не заметил ничего особенного. Я не был способен осмотреться, не был способен заинтересоваться тем, чем не интересуюсь взрослый я. Я не рассматривал в полутьме одежду на людях вокруг, не разглядывал приспособления и посуду. Я все это знал.

3. И в то же время все, что я смог заметить во сне сам, когда я анализировал его, было непривычным: яркий свет, обилие стекла и металла, автоматический перевод, о котором говорил Боря.

4. Заведение было повреждено, но не полностью разрушено. Той планете предстояли большие перемены.

5. Сообщение, которое все мы увидели, абсолютно точно принадлежало Ванечке и дело не в приметной манере ошибаться почти в каждом слове. Я, взрослый я, чувствовал его присутствие. Его присутствие почувствовал и Боря.

6. Я отправился в Космос и, кажется, не сделал его лучше.

Запись 186: После Ванечки

Меня нашли в лесу без сознания. Когтей на моих руках уже не было. Изменения в теле невозможно поддерживать во время сна или будучи без сознания, так что тело всегда возвращается к своему естественному состоянию.

Если бы все увидели мои когти, дело стало бы ясным, я думаю.

Но никто их не увидел. Я лежал, перепачканный землей и кровью, но совершенно неповрежденный. Я очнулся довольно далеко от места нашего с Ванечкой сражения. Он перетащил меня? Заставил идти самостоятельно, но я этого не помню? Зачем? Изуродованного дерева рядом не было, как и следов нашей борьбы. Я вообще не понимал, где нахожусь. Может, мне все приснилось? Хорошо бы.

Дени Исмаилович сунул мне под нос ватку, смоченную нашатырным спиртом. Я окончательно вынырнул из сна о будущем, где все стало хуже из-за моего рождения, на глазах у меня были слезы (но я думаю, это из-за нашатыря).

– Арлен! Арлен! – говорил Дени Исмаилович. – Арлен, ты в порядке?

Я пробормотал что-то. Боря вырвал у Дени Исмаиловича пузырек с нашатырем и сунул мне под нос, я отшатнулся.

– Давай, очнись! – Голос его звучал перепугано, и я подумал, что Боря вспоминает о Володе, о том, как Володя умер, и одна картинка чрезвычайно легко накладывается на другую.

В конце концов, он меня ударил.

Я сказал:

– Прекрати.

– Живой! Живой!

Антонина Алексеевна кинулась ко мне, упала рядом со мной на колени с легкостью маленькой девочки.

– Где он?!

И тогда я, еще не до конца очнувшись, совершил некий поступок, который уже можно назвать ложью.

– Не знаю, – сказал я.

Хотя в общем смысле, конечно, я не солгал. Ведь я в самом деле не знал, где Ванечка. Я не солгал, но и ничего не объяснил.

Я смотрел на красивое, нежное лицо Антонины Алексеевны и видел, как ее глаза наполняются слезами.

– Я не знаю, – повторил я.

– Что случилось?!

Дени Исмаилович сидел передо мной на коленях.

– Арлен, ты можешь рассказать?

– Подождите, – сказал Станислав Константинович. – Пусть в себя придет.

Боря был единственным ребенком здесь, а единственный взрослый, которого тут не хватало, – отец Дианы. Наверное, он остался с ребятами.

Но почему взяли Борю?

Я смотрел на них всех и не мог понять, что мне делать. Красивая Ванечкина мама, добрая, смешливая женщина, его маленький умный брат, больной отец, которого я ни разу не видел.

Разве мог я с ними так поступить?

Но разве не должен был?

Язык мой еле ворочался, но я сказал:

– Мы играли. Залезли на дерево, а потом упали. И больше я ничего не помню. Наверное, он испугался. Побежал за помощью и потерялся. Надо его искать.

Снова и ложь и правда. Нет, уже почти ложь. Небо уже просветлялось, сколько же я так пролежал?

– Зачем вы убежали? – спросила Антонина Алексеевна. Я думал, она будет на меня кричать. Такая взрывная и эмоциональная женщина. Но тут вдруг Антонина Алексеевна показалась мне совсем маленькой девочкой, отчаявшейся найти щенка. Она терла глаза, точно так же как Ванечка тогда, на дереве, ее колени испачкались.

Какая маленькая.

Теперь я знал, нельзя сказать одновременно ложь и правду, уже не получится причудливо смешать их или нарисовать две параллельные линии.

Сейчас, подумал я, либо скажу все, как есть, либо совру.

Но врать ужасно нехорошо, этого совсем нельзя делать, меня так учили.

Но мама Ванечки с глазами маленькой девочки. Но Алеша и его греческий.

Я сказал:

– Ванечка хотел играть в догонялки и побежал в лес. Я бежал за ним, чтобы остановить, потому что это опасно. А потом мы потерялись. Мы плутали и хотели забраться на дерево, чтобы увидеть, где наши палатки.

Антонина Алексеевна заплакала еще пуще.

– Это я виновата! Я! Я же видела, как вы бегаете рядом с лесом!

Я вспомнил Ванечку, который сидел на ветке и лил слезы. До чего они похожи. Но теперь я охотно верил в историю про лес.

Антонина Алексеевна плакала горько, но не знала, что правда куда ужаснее и что я всеми силами увожу ее от того, что станет по-настоящему страшно, что погубит ее и обоих ее сыновей.

Боря и Дени Исмаилович отвели меня к палаткам. Совсем скоро мы уехали, но днем я вернулся в лес, чтобы показать все милиционерам.

Мне не пришлось им врать (и хорошо, ведь врать милиционерам – хуже всего на свете, они же нас защищают), они интересовались лишь нашим маршрутом, а я действительно не смог найти того места, где мы так ожесточенно дрались, словно его и не было на свете.

Я ощущал опустошение, и мне очень хотелось, чтобы они нашли Ванечку и в то же время этого я боялся больше всего на свете.

Потому что тогда мне совершенно точно пришлось бы его сдать.

Алеша следующей ночью спал в нашей комнате, потому что его мама осталась вместе со Станиславом Константиновичем и милиционерами в лесу. Ванечку искали с собаками, еще вызвалось множество добровольцев.

Алеша ничего не говорил, только беззвучно плакал. Боря и Андрюша сидели у его кровати, как будто он был совсем уж малыш.

Лицо Андрюши выражало любопытство, а Боря только повторял все это время:

– Мужики не плачут, не плачут. Найдется твой брат.

Для него это была очень личная история.

Я же лежал на своей кровати и смотрел в потолок. Я не спал, как и все, но никто не требовал от меня слов.

Под утро Алеша сказал:

– Я так и знал, что этим все закончится.

И тогда я подумал, что Антонина Алексеевна ничего не понимала, а вот Алеша – умный не по годам, все время проводивший с Ванечкой, как раз мог обладать этой важнейшей для человечества информацией.

Он тоже будет молчать.

Перед тем как уснуть на пару часов, я подумал, нет, не так, мне пришло некоторое знание: меня нашли лежащим без сознания, как и Ванюшу тогда, в поле, много лет назад.

И я очнулся от того же сна.

Запись 187: Поиски

Ванюшу все еще ищут с собаками. Боря все время порывается помочь, а я так устал притворяться, будто я хочу, чтобы они нашли Ванечку.

Я знаю, что он жив.

И знаю, что он там.

И почти уверен, что никто его не найдет.

Во всяком случае до момента, когда на незнакомой мне еще планете, в странном месте, пострадавшем от войны, загорятся все экраны: КАК ДИЛА, КОСМАС?

Сколько же собирается добровольцев! Отовсюду, как говорят, только и слышно, что пропал дурачок из санатория, и всем его жаль.

Ванечка, наверное, очень рад. Он любит собак, а в лесу их сейчас так много. Красивых, статных собак с черными, холодными носами.

Запись 188: Сомнения

Плюсы:

1. Я остановлю существо, которое может натворить много бед.
2. Я докажу свою верность и сознательность.
3. Стану героем.
4. Покажу, как я квалифицирован и надежен для космической работы.
5. Обеспечу спокойствие Авроре и ее жителям, которые могут быть в опасности – не из-за Ванечки, но по причине его существования.

Минусы:

1. Погублю своего друга, его маму, папу и брата.
2. Стану предателем.
3. Заберу жизнь у существа столь же беззащитного, сколь и могущественного.
4. Защищать слабого – привилегия сильного. Я нарушу свой базовый принцип.

Почему это должно быть так сложно? Что бы я ни сделал, случится море бед, как бы ни решил, все равно причиню боль.

Но ведь Ванечка, и это совершенно точно, не вредитель. Он никому не сделал ничего плохого.

Он дурачок и почти ничего не умеет. Может быть, он проживет всю свою жизнь вот так, без точного понимания, как быть со своей силой.

Но: КАК ДИЛА, КОСМАС?

А может, это и неправда?

Кому он может навредить, дурачок?

Запись 189: Просто так

Сегодня я все-таки сходил на море и расплакался.

Запись 190: Фотокарточки

Теперь Ванечкины фотографии печатают в газетах, их развешивают на остановках.

Ванечка улыбается мне с фотографий, у него красивые, крупные клычки и огромные глаза, он замечательный мальчик, немножко видно, что дурак, но сам – красивый-красивый ребенок.

И все-таки в нем есть что-то волчье.

Вот он смотрит на меня, не то ребенок, не то волчонок, и будто ждет, что я решу.

Везде его фотокарточки, и все его ищут.

А я виноват в том, что мама его, бедная, сбилась с ног, все время плачет, забросила Алешу, не ходит к больному мужу, только ищет старшего сына.

Алеша сказал, что скоро она оденется в черное.

Запись 191: Всех избегаю

Я теперь стараюсь не прикасаться к своим товарищам. Я боюсь, вдруг они увидят.

Ведь никогда не знаешь, когда поймаешь чужую волну, и что там отыщешь – нельзя сказать точно.

Я не прикасаюсь.

Это, наверное, немножко заметно, Андрюша, по-моему, тревожится.

Но надо быть очень осторожным.

Запись 192: Свернулся калачиком

Сегодня утром, когда мы собирались на зарядку, Боря схватил меня за руку, сказал:

– Какого «хуя» ты так от людей шарахаешься?

Я раскрыл рот, но не знал, что ответить.

– «Пиздец», какой стресс, а?

Он смеялся надо мной, но и волновался. А я все боялся, что Боря увидит. Но вышло неожиданно и совсем по-другому – кое-что увидел я.

Я – Боря, и мне невероятно больно. Я лежу на кровати и смотрю в потолок, солнце бьет в окно, ветер колышет занавески, а я не могу ничего этого терпеть.

Такая хорошая погода, а Володи нет, он не узнает, не увидит.

Для него все кончилось, и не важно, солнечный ли теперь день. Он лежит в одной из холодных камер морга, ему теперь всегда темно.

Я хочу, чтобы мне тоже было всегда темно, поэтому закрываю глаза.

Ни Жданова, ни Арефьева, никого нет, они на процедурах, может, их там режут по живому, я не знаю, меня оставляют здесь, и я лежу, слушаю, как бьется мое сердце.

Ненавижу мое сердце.

Ненавижу все живое.

Мне кажется, я балансирую на самом краю, сейчас я упаду, но пока мне еще удается удерживаться, не знаю как, да и не хочу знать.

На самом деле удерживаться – не очень важно.

Я не засыпаю, такого праздника со мной теперь вообще почти не случается, но впадаю в какой-то тупой, бездарный ступор, когда он приходит.

Он всегда приходит на цыпочках, а еще – некоторое время мнется у двери. И всегда приходит, когда я один.

А я всегда спрашиваю одну и ту же дребедень:

– Тебе какого «хуя» здесь надо, маленький идиот?

– А, – говорит он. – Я к тебе пришел, Боренька.

И так же, крадучись, будто я сплю, он подходит к кровати и ложится на пол. Я открываю глаза, смотрю на него – лежит, свернувшись калачиком, как щенок или котенок, в этот момент – ну вообще ничего человеческого.

Я говорю:

– Полай.

Ванечка издает вполне реалистичный собачий лай, смеется.

– Тебе так лучше?

– А то! Сразу забыл скорбь свою вселенскую! Меж, «блядь», галактическую.

Ванечка понимает, что сморозил глупость, снова опускает голову на руки, кажется, сейчас прижмет ушки – до того забавный.

– Дебил, «бля», – говорю ему.

– Как больно, – говорит он.

– Ну уж прости! Задел твою нежную душу!

– Как тебе больно.

И я замолкаю. Он лежит, свернувшись калачиком, на полу, на человека он вовсе не похож.

Ванечка говорит:

– Ты веришь в Бога?

– А?

– В Господя.

– В Господа.

– Ага, вот в него.

Я молчу. Ванечка резко вскидывает руку, ходит двумя пальцами по краю кровати, ногти у него длинные, мамка еще не подстригла, почти когти.

– В то, что он всех любит и никто не умрет.

– Ну так. Приятная мысля.

Ванечкина рука расслабляется, ложится на простыню, расправляет ткань. Под ногтями у него черная кайма.

– Ну ты и чушка.

– Я помню твой голос. В детстве ты много просил. Мы вместе росли. Твой голос и мой.

– Хватит чушь нести.

Рука исчезла, это Ванечка снова сворачивается калачиком, но теперь еще меньше походит на ребенка.

– Я хочу, чтобы тебе не больно было. Как кошка на больное место. Хочу, чтобы ты поспал.

– Ну хорошо, что ты такой добрый, жаль, что ты такой тупой.

Ванечка вздыхает тяжело, совсем как собака:

– Злой какой Боренька.

– Я не злой, я справедливый.

– Сделай так, пожалуйста, ну это, если ты есть, чтоб я стал лучше всех на свете, чтоб батю в Космосе мусоровозом переехало, чтоб мамка прекратила смотреть по телику всякую муру и по телефону «пиздеть» без конца, а мы с Володей, да, мы с Володей пусть мы будем счастливы. Ты же можешь? Ты же все можешь? Володя говорит, что мы рано умрем, ну и ладно! Я умереть не против, если что. Но только дай побыть счастливым. Сделай меня

счастливым! Хочу быть счастливым!

Я едва с кровати не сваливаюсь.

– Чего? Ты откуда это знаешь?!

А знать ему неоткуда. Эти слова никогда не были произнесены.

– «Охуеть», – говорю.

Ванечка так и лежит, свернувшись калачиком. Мне сразу вспоминается поговорка о холодном носе, который у Бога. Бог – единственный бессимптомный больной.

Я в это очень охотно верю, смотрю на него и думаю: дословно ведь.

А я не произносил тех слов.

Да и вообще, много за ним странностей водится.

Это и понятно, он же дурак.

Ну и «поебать»! «Поебать»! Только бы он знал, как мне увидеть Володю.

– Я, может быть, смогу, – говорит Ванечка. – Я только не знаю, я не буду обещать. Но я, может быть, смогу. Чтоб ты его увидел. Чтоб ты поговорил. Я скажу, когда. Ты только жди. И молчи. Такой секрет. Ты секреты хранить умеешь, Боренька?

– Да без бэ!

– Если будешь молчать, ни слова не скажешь, ничего не выдашь, я все сделаю, чтоб ты увидел. Вдруг оно получится. Я так не делал, я так не умею, но вдруг я так научусь. Больно на тебя смотреть, Боренька. Поклянись не сказать?

– Клянусь!

Вдруг я его увижу? Я хочу подняться с постели, но Ванечка так и лежит на полу.

– Я спать буду, – говорит он. – И ты тоже спи. Как же ты давно не спал. Голова у тебя болит.

Я потом даже думаю, что это сон. Я думаю, что это сон, до того самого, блин, момента, когда мы с Ванечкой курим на балконе, и он говорит:

– Сейчас я готов.

В ту ночь я вижу брата.

Запись 193: Браво!

Отличная стилизация под прекрасного меня! Хоть на что-то ты сгодился, дурочка тупенькая, с тетрадкой своей красненькой.

Спасибо, что дал глянуть.

Запись 194: Разделенная тайна

Дальше все было так. Я пришел в себя, сказал:

– Голова кружится.

– Голова у мужика кружится только после полутора литров водки, – сказал Боря. – Что ты за баба-то такая, Жданов? Ну стыдно, право слово.

Он отпустил мою руку, развернулся, хотел уйти, но теперь я поймал его.

– Ты знал! Ты все это время знал и молчал!

Боря развернулся ко мне, глаза его стали совсем светлыми, он стоял лицом к окну, и на него лился все более крепнущий утренний свет.

– Ты о чем, болезный?

– Ванечка!

Боря испугался, пусть даже на секунду, подался ко мне, показал зубы. Я сделал шаг назад, а потом вдруг лицо его просветлело, он засмеялся.

– Так ты тоже знаешь, а? Очень тебе невыгодно об этом «пиздеть», раз сразу не сказал. А ты почему сразу не сказал? Ты ж доносы на соседей пишешь каждый понедельник, не?

Я сказал:

– Потому что он…

– Твой друг, – закончил Боря. – А при социализме человек человеку друг, товарищ и брат, если я правильно понимаю?

– Он же дурачок совсем.

– Да уж не тупее тебя будет.

– Он ничего плохого не сделает.

– За сто пятьдесят лет ничего плохого не произошло вроде бы? Я ничего не пропустил?

И правда. Кто-то ведь дал жизнь Ванечке, а вместе с жизнью и то, чем он владеет.

– Он жив, – сказал я.

– Не сомневаюсь, – ответил Боря. Я думаю, мы бы еще об этом поговорили, но в палату зашел Андрюша.

Он сказал:

– Зарядку отменили – там дождь.

И вправду за окном начался такой внезапный и сильный ливень, а я его даже не заметил.

Вспомнилось, как Володя бегал под дождем в своих белых кроссовках.

Наверное, всем нам вспомнилось, потому что мы втроем пошли на балкон.

Хотелось все рассказать Андрюше, но я боялся, что он будет мучиться так же, как я.

Что касается Бориных грубых слов, они мне помогли. Это странно, но и такое случается.

Запись 195: Решение

А вот как я принял свое решение. Однажды после тихого часа я вышел погулять, день был похожий. Так мы гуляли с Ванечкой в начале лета. Тогда мы еще познакомились с Жоржем.

Теперь Ванечки не было рядом, но я чувствовал, что где-то он есть. Где-то, просто не со мной.

Я знал, что мое решение так много для него значит, и что он не может мне ничего запретить. Надо было перестать его мучить своими сомнениями. Он просто маленький глупый мальчик, и он совсем один, прячется где-то. Даже если учесть, что ему не так-то просто умереть, все равно его могут поджидать всякие опасности.

Вот до чего лицемерно! Я волновался!

Думал рассказать о нем, погубить его семью, его самого, и одновременно с тем волновался, как он там – совсем один.

Меня обуревала тайная надежда, что Ванечка свяжется с Алешей или со своей мамой, они найдут его и уедут.

Я стоял под окнами первого корпуса и смотрел на кормушку для птиц, которую Ванечка повесил под своим окном. Маленькие черные тени вились у кормушки, и до меня доносились их песни.

Может, это была не такая уж глупая идея, кормить птиц летом.

Я тосковал. О Ванечке, которого так напугал, но не смог решиться довести дело до конца: и никому не помог, и друга предал, и мир не спас. Все какие-то полумеры, мне обычно несвойственные. Все какие-то сомнения, в которых я прежде тоже не был замечен.

Обидел ребенка (хотя мы ровесники, конечно, но так это воспринимается), да еще и беззащитного совсем.

Утаил важную информацию.

Выходило, что я зря из себя корчил все это время такого правильного мальчика? Отчего-то и соседей своих стало жаль, про которых я все подозрительное всегда сообщал. Разве не ко всем следует подходить с одной меркой?

А тут раз – и пожалел.

Моя бабушка говорит, что жизнь каждому приносит такой урок. Кичишься чем-то – обязательно это потеряешь. Или говоришь уверенно: я бы никогда этого не сделал. Раз, и ты уже в такой ситуации, когда другого выхода нет.

Я всегда говорил бабушке, что это дешевое суеверие и в жизни следует всегда поступать правильно. Идти до конца.

Но что дурного сделал Ванечка? Никого никогда не обидел.

И кормушка для птиц не пустует, Алеша или Антонина

Алексеевна наполняют ее зерном.

Они ждут его, любят его, они хотят его вернуть.

Вдруг я почувствовал себя в этом мире совсем чужим. Не знаю точно, почему. Меня учили, а я не справился. И до чего ж это все обидно! А как мне хотелось рассказать все Андрюше, своему лучшему на свете другу, но именно ему я ничего не мог рассказать. Я даже радовался, что он все свободное время проводит с Дианой, потому что иначе слишком тяжело мне было бы молчать о произошедшем. Они с Дианой разрабатывали какие-то стратегии поиска Ванечки, но я мало что понял из Андрюшиных объяснений.

Так я и стоял, небо темнело и светлело, по нему быстро бежали облака, раскачивалась от ветра кормушка для птиц. Потом вдруг я услышал девичий голос:

– Привет.

– Привет, Мила, – сказал я.

Все это время Мила не показывалась. Я как-то слышал, что Станислав Константинович говорит Эдуарду Андреевичу, будто Мила все время плачет и он совсем не знает, что делать.

Но сейчас глаза у Милы были совершенно сухие, красивые, она даже не казалась грустной.

Мила встала рядом со мной, тоже запрокинула голову и стала рассматривать кормушку для птиц.

До чего странная получилась картина: в ветреный день ко мне подошла девочка, замерла в той же позе, что и я, и ветер трепал ее темные короткие волосы.

Мальчик и девочка среди солнца и ветра.

– Странное это вышло лето, – сказала Мила.

– Да, – сказал я. – Но скоро лето закончится.

Мила кивнула.

– Я буду скучать, – сказала она. Под напором ветра она чуть щурилась, билась о колени ее темно-синяя юбка и она придерживала ее одной рукой.

– Я тоже.

– Хотя мы не то чтобы много общались.

– Ты много общаешься с нашими девочками, – сказал я. – Я не очень хорошо тебя узнал, и ты довольно скрытная. Но все равно я всегда рад, когда ты рядом.

Мила протянула руку и указала на вьющихся у кормушки птиц.

– Им сложно.

– Да, – сказал я. – Ветер.

Я не совсем понимал, чего хочет от меня Мила, но спросить не решался. Девочки – крайне загадочные существа.

Я сказал:

– Может быть, есть новости от Ванечкиной мамы?

– Ты знаешь, что нет, – сказала Мила. Ветер дул ей прямо в лицо, она закрыла глаза и улыбнулась, бледная, белозубая, черноволосая – девочка такой удивительной красоты.

– Арлен, – сказала она. – Ты хороший человек, я в тебя верю. Ой!

Юбка ее все-таки задралась, и я отвернулся, хотя это оказалось (вдруг!) чрезвычайно непросто.

– Фира и Валя хотят попросить волонтеров взять их с собой. Ты не хочешь?

– А ты не хочешь?

– Я…

Мила сказала:

– Я знаю, Арлен. Он со мной поговорил.

– Ты знаешь?

– Теперь знаю. Я расскажу все его маме. Они с Алешей его найдут, и они уедут.

Я молчал.

– Он хороший мальчик, Арлен. И совсем не выбирал, кем ему родиться.

Опять с большой болью я вспомнил, как Ванечка плакал там, в лесу, на дереве.

Я спросил:

– Зачем ты мне это рассказываешь?

– Потому что ты его друг, – сказала Мила. – И тебе нужно это знать.

– Он тебе рассказал, как я…

– Конечно.

Я не знал, что ответить. Мне стало очень стыдно, снова: и за то, что я сделал, и за то, чего не сделал.

Мила сказала:

– Он тебе почему-то очень доверяет.

– А ты думаешь, что я все расскажу?

Мила сказала:

– Нет. Я думаю, что буду с тобой честной, поэтому ты и не расскажешь. Раз еще не рассказал, значит жалеешь его.

Ее странная прямота меня поразила. Я бы сам никогда не решился сказать все так напрямик.

Мила сказала:

– Я совсем ничего не смогу сделать, если ты решишь по-другому. Но мне кажется, что ты его жалеешь.

– Это неправильно.

Мила пожала плечами и указала рукой на кормушку.

– У вас получилась красивая вещь. Я когда шла к тебе, то подумала: если кормушка упадет, то ты, наверное, скажешь. Глупо, конечно.

– Немного.

– Только реши сейчас. Я так боюсь, что все сорвется. Реши сейчас, чтобы я знала, что он в безопасности.

– И ты просто дашь мне решить?

– Нет, я попробую тебя убить.

Она коротко засмеялась, а потом засмеялся и я.

– И в самом деле.

– Вот именно.

Нужно было принимать решение сейчас. Я закрыл глаза и вдруг ощутил большую легкость. Теперь я мог сделать этот выбор раз и навсегда прямо здесь, прямо сейчас, под теплым, сильным ветром.

Мила взяла меня за руку, ее пальцы были холодными, но очень нежными. Я вдруг ощутил трепет, которого не ощущал прежде никогда. Это было не то, что с Валей, не то, что с Маргаритой, а как-то совсем по-другому, хотя Мила мне даже не нравилась.

Она сказала:

– Ты скажешь или нет, Арлен?

И хотя сама картина (мальчик и девочка смотрят на санаторий в ветреный день) получилась бы по-детски наивной, подтекст ее вдруг показался мне очень взрослым. Девочка, любившая моего друга, сжимала мою руку и просила меня не выдавать его. Как это было бы естественно, будь мы лет на двадцать старше и давно уже на войне.

Но я, скорее всего, никогда не буду на двадцать лет старше.

Большой палец Милы, холодный и нежный, прошелся по моим пальцам.

– Арлен, – сказала она. – Сейчас.

Не то слишком по-детски, не то совсем уж по-взрослому, я повернулся к ней, взял ее за плечи и выдохнул:

– Не скажу.

Мила улыбнулась и сказала:

– Я в тебя верила.

– Ты красиво играешь на скрипке.

– Спасибо, – сказала она. – Ну, мне пора.

Она со смехом вырвала руку.

– Ну всё, хватит!

Когда Мила убежала, я понял, что решение все-таки принято.

Вечером мы с Андрюшей и Дианой ходили искать личинок, но никого не нашли. Я остро почувствовал себя лишним и

оставил Андрюшу с Дианой ловить жуков.

Когда я вернулся в палату, то услышал, как Боря поет. Он сидел на балконе и выводил тоскливо и пронзительно красивую, нежную песню.

– Ты сейчас далеко-далеко, между нами снега и снега, до тебя мне дойти нелегко, а до смерти четыре шага!

Я не стал ему мешать. По-моему, эту песню может адекватно понять только человек взрослый, который знает уже и любовь, и войну. А Боря таковым не являлся. Но получалось у него все равно на диво пронимающе и искренне.

Что сегодня за день такой, подумал я, все ведут себя так, словно перестали быть детьми.

Когда Боря закончил петь (до чего странно, петь без зрителей, но он их себе, наверное, навоображал), я сказал:

– У тебя плохое настроение?

И тут же понял, что сказал такое зря. Не знаю, когда можно спрашивать о настроении у человека, который потерял близкого. Наверное, через год или даже через полтора года. Но Боря не разозлился. Он тоже до странного взрослым тоном ответил:

– Отчего же плохое? Я вон песни пою.

– Тебе не хватает гитары.

– Дома есть, но она Володькина.

Я вышел к нему на балкон и с прискорбием узнал, что наши полотенца ужасно пропахли сигаретами.

– С Ванечкой все хорошо. Он связался с Милой.

– Ого! А ты что?

– А я ничего не скажу.

Боря задумчиво кивнул, потом закрыл глаза, перебрал струны на невидимой гитаре, с оттягом повторил последние строчки:

– Мне в холодной землянке тепло от твоей негасимой любви.

Я сел рядом с ним.

– Как думаешь, Фирка оценит?

– Мне кажется что да.

– Интересно, есть ли в Космосе землянки?

– Где-то, наверное, есть. Там все есть.

– Буду ей петь, когда найду землянку.

– Но вы там вместе будете сидеть, скорее всего.

– Да, так менее киношно выходит, ты прав.

А потом я вдруг выпалил:

– Я не скажу ничего! Но все-таки какое это непростое решение! И что ни выберешь – ты оказываешься хуже, чем ожидал. Я думал, я чище, лучше!

Боря покачал головой, досадливо цокнул языком, словно бы я ему уже страшно надоел, а потом сказал с совершенно

неожиданной для меня теплотой:

– Кто здесь чище и лучше тебя, маленький доносчик?

Я не знал, что сказать, вроде бы ответ у меня был, был даже список, но мне не хотелось терять это короткое, секундное, ощущение покоя.

Мы еще долго сидели молча, потом я ушел с балкона, включил свет и стал писать эту запись.

А теперь я закончил.

Запись 196: Как на меня ругались

Сегодня Валя подошла ко мне и сказала, что видела, как я держусь за руку с Милой. Я попытался ей что-то объяснить, но Валя сказала:

– Ничего не хочу знать.

Я сказал:

– Но ты ведь сама мне велела ни на что не рассчитывать.

А она сказала, что я совсем идиот, и пнула меня (между прочим, больно) по колену, а потом убежала. Теперь Валя со мной не разговаривает, а я задаюсь вопросом, почему одни девочки нравятся нам так сильно, а другие – нет. Почему, когда я держался за руку с Милой, случилось нечто особенное, хотя мы и не близки?

Валя меня, наверное, возненавидит.

Женщины.

Запись 197: Взросление

Сегодня состоялся разговор с Эдуардом Андреевичем, который я тоже хочу записать.

Для финального сканирования я должен был быть в сознании, и Эдуард Андреевич всячески развлекал меня разговорами, хотя я и не знаю зачем, ведь сканирование вовсе не болезненная процедура.

Эдуард Андреевич говорил об эволюции.

– Эволюция, если хочешь знать, не имеет никакой разумной цели. Это набор великих случайностей, растянутых во времени до бесконечности. Кажется, будто целью природы должно быть создание наиболее совершенного организма, но это вовсе не так. Природа создает все на свете: море ужасных нелепостей, чудовищных ошибок и гениальных безумств. Затем все это обтесывается об естественную среду и долгое время то, что живо, кажется нам совершенным. А потом среда меняется и все умирают. Бедные совершенные, приспособленные, кажущиеся нам идеальными организмы не выдерживают перемен. И все начинается сначала. Бесконечный процесс, лишенный какого-либо разумного начала и ясного конца. Как удивительна и разнообразна природа и как безжалостна!

Я с удивлением понял, что о чем-то таком упоминал и Боря в том странном сне о будущем. Было странно вот так соотносить настоящее с тем, что еще только должно будет произойти.

– А вы Боре тоже про это рассказывали, когда он сканировался?

– Да, Жданов, конечно, у меня же одна тема для разговора.

Я замолчал.

– А что?

– Просто подумал, что ему это запомнится.

– Надеюсь, и тебе запомнится. Одна из самых больших человеческих ошибок – считать, что мы живем в разумном и логичном мире. Мир не устроен подобно нашему разуму. Очень трагический разрыв. Помни об этом, Жданов. Мир – это хаос, природа – это хаос. Ты появился на свет в результате миллиардов безумных случайностей. Когда-то твои предки вышли из воды, стали живородящими, слезли с деревьев, прошли весь период земной истории, были выбраны для колонизации другой планеты, адаптировались к мозговому паразиту и выжили после страшной болезни, пережили все чистки. Все это ради того, чтобы на свет появился ты? Напротив, встреться твои родители на день позже, у них появился бы уже не ты, а кто-то другой. Все так случайно и

так бессмысленно, но разве жизнь не удивительна в конце концов?

– Удивительна, – сказал я. – Но нужно внести больше порядка. Обязательно нужен порядок.

– Порядок? Какой, к черту, порядок, Жданов! Не думай об этом, чудо не в этом, не в порядке. Чудо в том, что ты – прямой потомок двух невероятностей Вселенной: жизни, возникшей на планете Земля, и жизни, возникшей на планете Аврора. Ты и твой червь – единое целое, доказательство того, что все в мире случайно, но так прекрасно, совсем не мудро, даже глупо, но невероятно красиво и мощно, будто взрыв.

Я сказал:

– Вам правда нравится биология.

– Мне нравится сама идея жизни.

Я вздохнул.

– Тогда почему так непросто жить эту жизнь? Я бы хотел, чтобы все было просто.

– Потому что жизнь слепая и яростная. Очень жаль, что не все мы умираем в старости.

– Но я не только об этом, – сказал я. – Все время приходится принимать сложные решения. И никто тебя не научит.

– Это взросление. Мы рождаемся с нулевым опытом, но с годами учимся решать все больше сложных задач. Историк Ранке говорил о невозможности всеобщего нравственного прогресса по той простой причине, что нравственность – дело сугубо индивидуальное, а всякий индивид умирает вместе со всем своим прогрессом. Но я думаю, что наш опыт не умирает вместе с нами, не до конца, он помогает другим стать лучше, умнее, обрести новые знания. Это тоже чудо. С другой стороны, мы можем передать вперед лишь крупицы, а основная, так сказать, горсть окажется на земле. Если, конечно, не учитывать возможности червя. Червь может изменить все.

Я сказал:

– Вы сегодня в игривом настроении.

– Да, сегодня я большой утопист.

– Одна девочка увидела, как я держусь за руку с другой девочкой. Теперь мы не разговариваем. А та, другая девочка, она любит другого. А я был в нее влюблен всего секунду.

– Скоро тебе стукнет тринадцать, и ты наконец официально станешь подростком. Узнаешь о себе много нового. Но вообще социальные игры маленьких приматов в этом смысле удивительно интересны. Какие происходят драмы! Какие интриги! И ко всему этому нас побуждают древнейшие инстинкты. Тоже чудо!

– У вас сегодня все чудо.

– Это потому, что так и есть. Приучайся смотреть так на мир, и твоя жизнь будет наполненной и интересной. Как по мне, так это самый особый период в жизни человека, эта тонкая перемычка между детством и ранней юностью. Она темная и странная, мутная перепонка между двумя формами.

Да, подумал я, все темное и странное, в самом деле, как подходят эти определения к тому, что со мной творится. Ощущение неясности и мерцания, близости чего-то удивительного, но загадочного и пугающего, какой-то внутренней темноты, которую я впервые в себе нахожу, а ведь раньше я думал, что состою только из сияющего света.

Нет, конечно, я понимал, что во мне живет червь и потому я могу быть опасен, но все-таки мне всегда казалось, что я нахожусь на солнечной стороне.

– Да, – сказал я. – Пожалуй.

– Все замечательно, Жданов. Покажи зубки.

Я с готовностью открыл рот и вырастил зубы так, что они изранили мне нижнюю губу.

– Хорошо, Жданов. Верни обратно.

Ранки на губах исчезли так же быстро, как вернулись в норму мои зубы.

Разговор этот хочу запомнить. Еще не понимаю почему, но он представляется мне таким важным.

Запись 198: Есть о чем волноваться

Скоро экзамен! Сегодня в столовой нам об этом объявил Эдуард Андреевич. К нам приедут люди из Космоса, чтобы посмотреть на нас и решить, готовы ли мы.

Меня одолевает сильное волнение!

Конечно, я, скорее всего, справлюсь. Я так думаю, что я справлюсь. Но все-таки этого никогда точно не знаешь.

Экзамены – ужасно ответственное дело. А вдруг я не подойду? Вдруг по какой-то причине окажусь обычной выбраковкой?

Еще переживаю за Андрюшу и Валю. Они единственные пока не показали трансформаций, а у Андрюши еще и темп регенерации неудовлетворительный.

Запись 199: Я тоже переживаю

Я не читал то, что Арлен мне сказал не читать, да это и сложно, ведь Арлен на меня смотрит.

Да, пусть Арлен знает, что я очень волнуюсь.

Наверное, чтобы завершить метаморфозы (или начать их, как посмотреть) нужно большое и сильное потрясение.

А у меня его нет.

Есть у меня одна идея, только вот я, наверное, не успею.

Запись 200: Ужас

А если Андрюша не сдаст? Что тогда делать? Волнуюсь за него, все время провожу с ним и пытаюсь объяснить, как нужно изменяться.

Но ничего не получается, потому что это в принципе необъяснимо.

Запись 201: Звонок маме

Сегодня Дени Исмаилович нас всех повел на почту, звонить родителям.

Боря отказался, на почте он долго стоял около телефонной кабинки, а Дени Исмаилович его уговаривал:

– Позвони, ну позвони им! Они же волнуются!

– Не, – сказал Боря. – Ну их в…

Дени Исмаилович покачал головой, Боря согласно кивнул.

– Да, короче. Ну вы поняли.

Андрюша поговорил с мамой быстро, оставшиеся монетки на открытой ладони протянул Дени Исмаиловичу.

Я спросил:

– Ну как?

– Она нормально.

– А ты?

– И я нормально.

Мы стояли рядом, и я так хотел ему помочь, так волновался и думал: разве не испытывает этих ужасных чувств сейчас Андрюшина мама?

Валя тоже поговорила быстро, но монетки оставила себе на мороженое.

– Что он там? – спросила Фира.

– Да пофиг ему, и этой его цаце тоже пофиг.

– Ну и ладно. Скоро улетишь от них далеко-далеко.

– Если.

– Точно-точно улетишь.

Фира говорила долго, к ней в кабинку постучалась Валя, отдала свои монетки. Вышла Фира взъерошенная, с красными щеками и влажными глазами.

– Одобрили, – сказала она. – Если сдам экзамен, то сначала операция, а потом уже я полечу.

Мы ее поздравили, и Фира сказала:

– Пока еще рано. Посмотрим, как оно все выйдет.

Но все-таки теперь мне казалось, что она больше не тревожится.

Последним с мамой говорил я. Она взяла трубку сразу.

– Здравствуй, мама!

– Здравствуй, Арлен!

Я все еще не мог ей ничего рассказать, а ведь я так не привык хранить секреты от мамы.

Я сказал:

– Получила мое письмо?

– И ответ написала. Может, он скоро дойдет. Как ты, скажи мне срочно!

– Всё хорошо. Завтра экзамен. Приедут важные люди.

– Ты готов?

– Да. Я почти не сомневаюсь в себе.

– Какая же ты у меня умница! Как я горжусь тобой!

Мне стало грустно от этих слов, хотя мама меня хвалила. Как ей рассказать, что было со мной? Какой это все взято ценой?

– Как тебе новый куратор?

– Хороший, – сказал я. – Но и по Максиму Сергеевичу скучаю.

– У тебя грустный голос.

– Просто устал.

– Когда ты вернешься, то будешь только отдыхать. Я все приготовлю, что ты так любишь.

– Может, я и вернусь-то всего на день.

– Так мало?

Я помолчал, сунул в автомат еще монетку. Мне было неудобно спрашивать, любит ли она меня. Ведь любит, ведь волнуется, просто я не могу этого еще оценить, я маленький, но стану взрослым, и все пойму.

Так всегда говорят.

Я сказал:

– Очень скучаю по тебе. Щенка, наверное, не заведем. Всех разобрали. Но я уже передумал.

– Знаю, – сказала она. – Знаю, что скучаешь. Я с ума схожу, как ты там. Почему передумал? Я люблю тебя, Арлен! Хочешь, я сама куплю щенка? Я съезжу на птичий рынок, куплю тебе щенка.

Все, однако, казалось мне фальшивым, ненастоящим, безвкусным. И мама, моя проницательная мама, вдруг сказала:

– Ты мне ничего не говоришь, жалеешь меня. Мы с тобой так совсем отдалимся. Я же не знаю, что там с тобой происходит.

Я сказал:

– Монетки кончаются! Люблю тебя! Все хорошо, правда!

Я испугался. Монетки остались у меня на ладони, они блестели. Я повесил трубку и вышел к ребятам.

Тут-то я понял, до чего мало нам могут помочь наши родители и как именно в этом смысле мы страшно одиноки.

Я проникся любовью и сочувствием к своим друзьям, и я сказал:

– Все будет хорошо. Мы с вами так отлично постарались этим летом. После такого все просто не может кончиться плохо.

Я бы хотел быть взрослым, чтобы они мне поверили.

Запись 202: Ночь перед экзаменом

Мы лежим без сна. Я пишу, не знаю еще, что напишу, но все-таки меня отвлекает сам процесс. Остро не хватает Володи, он всегда умел нас успокоить. Вот думаю: все предложения в настоящем времени, и только Володя – в прошедшем. «Умел», а не «умеет».

А ведь где-то хранится его часть. Она внутри Бори, и внутри меня, и внутри Андрюши.

И внутри Ванечки, где бы он ни был.

История о египетских Ка успокаивает меня, когда становится совсем невыносимо. Еще я думаю о своем черве. Все-таки подчинено ли ему мое сознание? Это он, червь, думает, любит, мечтает, или все-таки червь совсем примитивен, и он лишь физическая часть меня, помогающая мне изменяться?

Сложно сказать, но одно ясно – мы вместе с того момента, как я был лишь парой клеток, и будем вместе, пока я не умру.

Хотя увлекаться этими мыслями, конечно, не стоит, потому как люди должны быть по возможности одинаковыми.

Хорошо было бы, если бы все мы были похожи и так легко понимали друг друга.

Андрюша спрашивает меня, не хочу ли я включить свет, раз все равно никто не спит. Я говорю, что нет, конечно, вдруг они уснут.

Андрюша говорит:

– Эдуард Андреевич сказал, что если мы с Валей не сдадим экзамен, просто будем дальше проходить процедуры. Никто нас не утилизирует.

– Ну тогда и волноваться не стоит, – говорит Боря. – Просто ты – лох педальный. Интересно, чего там девицы? Спят ли? Дрочер, как думаешь?

– Не спят, – говорит Андрюша. – А ты кем в детстве хотел стать, Боря?

Вопрос странный и немного грустный.

Боря говорит:

– Летчиком! Вжу-у-у-ух! Или пилотом космического корабля, тоже ничего! Психиатром еще.

– А я думал, что клоуном, – говорю я.

– Это ты что, Жданов, пошутил что ли?

– Я попытался, но у меня не вышло.

– Похлопаю тебе мягко, чтобы не спугнуть. Ну пиши, писатель.

– А ты, Андрюша? – спрашиваю я.

– А что ты пишешь?

– Я все записываю, что мы говорим.

– Тогда я хотел стать хирургом.

– А как это связано с тем, что я пишу?

– Никак.

– А ты, Жданов? – спрашивает Боря.

А я не знаю. Пока пишу эту фразу, думаю, что ответить, но ответить мне нечего. Я всегда мечтал именно об этом.

– Я так и хотел, – говорю.

Мне почему-то сейчас очень хорошо, хотя ничего такого важного мы не говорим. От того, что так хорошо, еще острее не хватает Володи.

Завтра экзамен. Завтра, завтра решится, стану ли я солдатом.

И я думаю, что стану.

– Зато, – говорю я, – мы всегда будем вместе.

– Да, – говорит Боря. – Втроем. Тьфу ты, стукач и дрочер. Что за компания?

Андрюша говорит:

– Я все-таки рад, что вышло так.

– А чего это ты рад?

– Возможности, – говорит Андрюша. – Грустно так прожить жизнь и не узнать, что может червь.

– Может, ты ничего и не узнаешь, ты ж лох педальный, у тебя не выходит ничего!

– Не говори так! Он большая умница! Кто позже расцветает, Андрюша, тот ярче цветет!

– Я думал, это девчонкам говорят, у которых грудь не растет.

– Ну не знаю. Это всегда актуально.

– А ты, Боря, – говорит Андрюша, – был далеко не лучшим.

– Ну да. Но оказалось, что надо не хорошо учиться, а иметь глубокую личностную драму.

– У меня есть глубокая личностная драма, – говорит Андрюша.

– Это еще какая?

– Это я.

– Ну понятно. Для лохов отмаза, чего и следовало ожидать.

А я говорю:

– Ребята, вы – мои друзья.

– Я тебе не друг, пошел ты на «хуй».

– А я твой друг, – говорит Андрюша.

– Надо ценить дружбу, – говорю я. – Товарищество. Это очень важно.

– Ой, завали ты.

– Никто меня не понимает, – говорит Андрюша.

– Я ужасный человек, – говорю я.

– Я убил своего брата, – говорит Боря. – Так что завалите все со своими мелкими мещанскими драмами.

Теперь неловко что-нибудь говорить. Мы молчим. Но все-таки мне и страшно, и тепло. Почти что даже хорошо.

Пусть с мамой мы поговорили не очень, но сейчас я так отчетливо чувствую, что я не один.

И что мне много кого не хватает, вокруг столько боли, но все-таки нет, не один.

Боря говорит, сжалившись над нами:

– Ну ладно, всё. Спать пора. Утро вечера мудренее или типа того. Спокойной ночи, пацаны.

– Спокойной ночи, Боря.

– Спокойной ночи, ребята.

А я сейчас тоже допишу это, и буду спать. Какая ночная прохлада, и луна, и звезды, и занавески колышутся.

Идеальная ночь с точки зрения погодных условий, освещения и прочих таких деталей.

Ванечка хорошо бы ее нарисовал. Наляпал бы черным, налепил желтых звезд, но получилось бы именно то, что надо.

Однажды мы с ним встретимся, я это знаю, это вселяет в меня страх, но и надежду – тоже.

И почему мне сейчас так хорошо? Я почти уже засыпаю, так что надо заканчивать.

Спокойной ночи.

До завтра.

Запись 203: Сон про цирк

Короче, пока лошара и его друг ебантяй собираются, расскажу-ка я свой сон. А то хуй ведь знает, как оно повернется, вдруг всем пиздец. Тогда моя запись будет великим финалом этой тупой истории.

Ну и просто так мне, в общем, захотелось написать.

Значит, мой сон.

Нет, какой мой сон? Сначала скажу честно: кроме «Гамлета» я читал от корки до корки и без пинка еще одну книжку, совсем еще в детстве.

Была там такая фраза, она мне запомнилась. «Люблю циркачей и военных». Ну или как-то так, да, или как-то вот так.

Словом, запомнилась мне она, потому что я тоже пиздец как люблю и циркачей, и военных. Это про меня.

Снился мне заебатый сон про цирк. Значит, я стоял на коняшке, как джигит такой, ну, на спине ее, обеими ногами. Не было у меня ни шашки, ни бурки (тоже воспоминание о той книге, там у мальчика одного был костюм такой на карнавале).

Я стоял и знал, что скоро упаду. Это было мне все совершенно очевидно и ясно. И в то же время – все равно.

Люди хлопали мне, все были в блестящих костюмах, и софиты, софиты, туда-сюда, глаза слепило.

Непередаваемо, короче, я себя чувствовал. Так было ярко и жарко, что просто жесть. Ну, думаю, упаду и ладно, пусть даже затопчет меня этот конь дебильный. А он еще белый такой, в красном покрывале, суперконь, лучший из лучших, на таком может ездить только какой-нибудь там Тюдор седьмой, или восьмой Генрих, или вот лично я.

Сказочный суперконь, ну да.

Упасть я с него упал все-таки и, видать, я умер, потому что проснулся.

А проснулся – прохладно, пасмурно, куда что делось, где софиты и все дела?

Тут я вспомнил эту книгу, которую в детстве читал. Там мальчик, он потерял на войне отца, вспоминал их последний Новый год. Отец его сидел у елки. А под следующий Новый год он погиб. Вкратце так.

Что касается меня, до чего в детстве за душу взяло – не поверите.

К кому этот ебанько, кстати, все время обращается?

Ну я, допустим, к моим поклонникам.

В общем, товарищи, граждане, гражданки, может даже леди и

джентльмены, что я хочу сказать-то?

В тусклом, тяжелом утреннем свете, я вспомнил эту книжку и какого-то такого мелкого, наивного себя, который не понимал ее смысла да и вообще мало что понимал.

Вспомнил и Новый год, последний в Володькиной жизни.

Хороший был Новый год, я сейчас расскажу. Батя забухал, как скотина, мать примеряла украшения из охуительно белого космического металла, а мы с Володей сидели у елки. Я себе в сок добавил водки (все так), а Володя сидел с соком пустым, ибо спортик и все такое.

Отец на кухне что-то там затянул такое тоскливое, песню, блин. По-моему, «Ой, то не вечер», в общем, не новогоднее.

Володька засмеялся, сказал:

– Елочка, елка, лесной аромат, очень ей нужен красивый наряд! Пусть эта елочка в праздничный час каждой иголочкой радует нас.

Володька пел шепотом, и мы смеялись.

– Подожди-ка, это что, бухло?

– Не, – сказал я.

– Да это бухло!

Он понюхал мой стакан, мы поменялись.

– А ты бухать будешь?

– Не, – сказал Володька. – И тебе не советую. Станешь как батя.

– Да ну.

Голос батин тянулся с кухни, хриплый, пьяный, тоскливый. В ванной горел свет, там перед зеркалом крутилась мать. Только тонкая полоска света из-под двери.

А мы сидели перед елкой, в лица нам бил свет от гирлянды, вечно меняющийся, суматошный. Я смотрел на Володьку, на лицо его ложились то синие, то красные, то зеленые, то золотые блики.

А какие у нас игрушки славные, это вообще! Всякие разные стеклянные собачки, снегири, и домики, и шишки, и орешки, и ежики. Короче, ужасно они милые, в нежные цвета раскрашенные, и все такие трогательные, ну просто удавиться можно.

Был у Володьки любимый шарик, мы его называли царь, и вешали всегда выше всех других. Синий такой, с серебряной выемкой, а внутри, опять же, синее, но еще синее синего. Как бы глаз такой немного, я в детстве с ним ассоциировал.

У меня тоже любимый шарик есть, он такой персиково-золотой, с белой глазурью по типу чешуи, красивый – ну умат просто.

Этот шарик всегда висел чуть ниже царя, мы звали его князь.

Я вдруг сказал:

– А если царь разобьется, кто будет следующий царь?

– Ну князь, наверное, – сказал Володька. – Так справедливо.

Я с этим согласился.

– Жалко, батя в этом году приехал, – сказал Володя.

– Ну да, – сказал я, хотя на самом деле я рад был его видеть. Я к бате, думаю, привязан побольше, чем Володька, но и ненавижу его тоже сильнее. Ах, эти сложные чувства!

За окном гремели салюты, вспыхивало иногда, но мы слишком устали, чтобы вставать. Да и были мы уже на улице, видели салюты эти красивые.

Мне стало вдруг очень обидно, что эта новогодняя ночь подходит к концу. Что праздники, они такие короткие. А дальше – хуй пойми что опять.

А я хочу, чтоб вся жизнь – праздник. Это правильная позиция, если хотите знать. Но праздники-хуяздники, это так, секунда, есть только миг, блин, между прошлым и будущим, именно он называется жизнь.

Который ж там час-то был? Ну часа четыре, наверное. А завтра, конечно, тоже немного праздник, но все оно будет уже не так. Никакого чуда. Ты ждал его, а оно так – оп, прошло, будто и не случилось вовсе.

– Оливьеху хочешь? – спросил я.

– Не, – сказал Володя. – А то я умру.

– Ну я тоже обожрался. А огурец хочешь?

– Не так уж ты и обожрался. Хватит хавать, живот заболит. Вот тебе огурец.

Он пальцем стукнул по елочной игрушке, по мятно-зеленому такому стеклянному огурчику. Раздался тонкий, мелодичный звон, тут же забитый взрывом этих сраных салютов. Почему так громко? Нет, вообще я люблю, когда громко.

– Я еще холодца съем, – сказал я. – А ты как хочешь.

Я попытался встать, но вдруг Володя схватил меня за рукав, дернул вниз, чтобы я снова сел.

– Как хочется быть счастливым! – сказал он.

– Ну да, как-то я не сильно против.

– Но еще больше хочу, чтоб ты был счастливым.

– Это еще какого хуя? Потому что я из пизды на год позже вылез?

– Ты идиот. Потому что ты мой брат. И всё.

Володька положил руку мне на плечо.

– Красиво?

– Еще как.

Отец там дошел до драматичной ноты про черну шапку и буйну голову. Спел он, однако, что ветры злые сорвали буйну

шапку с его черной головы. Я засмеялся.

– Дебил пьяный.

– Это уж точно.

Мы помолчали. И тут Володька со знанием дела, значит, сказал:

– Раз красиво, и раз тебе хорошо, ты запомни это чувство. Ты сейчас счастлив.

И в самом деле, усталый, я смотрел на сияющую елку, счастливый, радостный. А о чем думал тогда Володька? Может, о чем-то невеселом.

Он, в принципе, любил подумать наперед, вот прямо до того момента, как все уже умерли.

Я схватил стакан с бухлом, залпом махнул.

– Ну ты мудак, – сказал Володька.

Он, наверное, хотел что-то сказать. Что-то еще.

Он хотел сказать: это наказание для тебя и меня.

За то, что испортили предкам жизнь или еще за что-нибудь такое.

Но он не сказал, потому что мечтал, чтоб я был счастливым, а вот такая вышла хуета. Ему было грустно, а я был счастлив.

В ту ночь я заснул у елки. Проснулся ранним снежным таким утром под одеялом, с подушкой, у погасшей гирлянды. Под елкой лежали подарки от него для меня. Подарков было много, пусть даже всякая мелочевка, но до чего мне стало хорошо. Подарил мне всякое, типа расческу, ручку, брелок, ножик. А среди всех подарков я больше всего почему-то полюбил коробку из-под конфетного набора.

Нет, конфет там не было уже. Конфеты отдельно висели прямо на елке.

А коробка была пустая, зато на жестяной этой штуке круглой нарисованы были планеты и звезды, вот прямо на торце, красивые до невозможности, и на крышке – Кремль. Такую на школьных елках дают, это я знаю.

Коробка эта пустая сильно запала мне в душу, я в ней всякое хранил важное, а потом я ее забыл. Тупо не сунул в чемодан, потому что я долбоеб. Во прикол, да?

Она дома. Запылилась небось, потому что матери по хуям, она нашу комнату закрыла и не убирает.

А брат мой – умер. Вот такой был его последний Новый год. Могло ли быть лучше? Ну хуй знает, наверное, лучше праздника уже быть не могло.

История-то идеальная, красивая, с некоторым даже глубинным посылом, с необычными репликами, которые можно интерпретировать так и сяк. Ну кино же?

Да только она все равно последняя.

Больше я его не увижу, и все следующие годы, все следующие праздники, все следующие будни – все без него.

Мы с ним не посидим больше под елочкой, он не скажет, что я мудак. Вот это ощущение всего, чего уже не будет, какого-то наваливающегося на меня будущего, в котором нет Володьки, оно очень страшное.

Что там? Сон, книжка, Новый год, гирлянды и салюты.

Я к чему все это говорил-то? Не просто ж, блин, так.

Больше всего боюсь теперь уехать отсюда, ведь здесь брат.

Ну, чао.

Запись 204: Экзамен

О том, как все прошло.

Первым делом, конечно, я сдал! Сдал!

Утром, когда шли к первому корпусу, в процедурную, встретил Антонину Алексеевну, она катила за собой большой чемодан, за руку держала Алешу.

Антонина Алексеевна сказала, что уедет, чтобы отвезти Алешу домой, а затем вернется к поискам, однако актриса она не очень хорошая. Я сразу понял, что к чему. Нет, «понял» не то слово, ведь я и так все знал. Но фальшь различил. Иногда Антонина Алексеевна не могла скрыть своей улыбки и нетерпения.

Впрочем, может быть, остальные думали, что таким образом она реагирует на стресс.

В любом случае, я рад был видеть Антонину Алексеевну в этот пасмурный день. Она странным образом умерила мое волнение. Теперь они с Ванечкой встретятся, потому что я его не выдал.

Антонина Алексеевна сладко пахла духами, она прошла мимо меня, а потом вдруг остановилась, вернулась на два шага, наклонилась ко мне и поцеловала в щеку.

Она прошептала:

– Спасибо.

Я не знал, что ответить, так и стоял в растерянности, а Боря надо мной смеялся.

Андрюша спросил:

– Что она тебе сказала?

– Пообещала снять с себя трусики, дрочер. Имей совесть, она же скорбящая мать.

– Это ты имей совесть, – сказал я, обернулся и все не мог наглядеться на ее тоненькую длинную фигурку. Чемодан на колесиках издавал мерный гулкий звук.

Дени Исмаилович велел нам не задерживаться. Как же сложно оказалось преодолеть этот короткий путь между корпусами.

Мы мало говорили, каждый думал о своем. Только Валя спросила:

– Дени Исмаилович, а экзамен как будет проходить?

– Там важные люди, они посмотрят на вас. Не думайте об этом, как о некоем испытании. Это, скорее, проверка вашего здоровья, возможностей вашего тела. Думаю, в целом экзамен не самое верное слово. Давайте лучше считать это простым

медицинским осмотром. По результатам экзамена никто вас не утилизирует. Просто отправят на…

– Доработку, – сказала Фира.

– Да, хорошее слово.

Я сказал:

– Значит, это не опасно?

– Вы сами себя напугали. Это совершенно безопасно! В вас вложено столько усилий, только представьте, кроме того…

Тут Дени Исмаилович замолчал, я посмотрел на Борю, тот цокнул языком.

– Ну вот как-то так, я понял.

Первыми сдавали экзамен мы с Борей. Нас впустили в процедурную, кроме Эдуарда Андреевича, мы увидели там незнакомых женщину и мужчину. Они были одеты на аврорианский манер, ничего футуристического: строгие костюмы и белые халаты. И все-таки, несмотря на то что они одевались стандартно, как наши врачи, что-то в обоих меня настораживало.

Максим Сергеевич мне не казался таким уж отличным от нас, Дени Исмаилович все-таки, скорее, странный.

А эти люди выглядели очень отстраненными, спокойными, как бы это сказать – стерильными, чистыми. Сложно объяснить впечатление, которое они произвели на меня. Обоим было за сорок, у мужчины уже начали седеть виски, женщина собирала каштановые волосы в высокий хвост и носила очки. Они не представились. На руках у обоих были синие латексные перчатки.

– Так, товарищи, – сказал нам Эдуард Андреевич. – Раздеваемся до трусов.

Мы с Борей переглянулись, и он и я мгновенно поняли, что Эдуарду Андреевичу некомфортно рядом с этими людьми.

Это был первый раз, когда я в самом деле увидел тех, кому мы противны по-настоящему.

Мы разделись, сели на кушетки. Ко мне подошла женщина, она подтянула перчатки на запястьях.

– Здравствуйте! – сказал я. – Меня зовут Арлен. Я буду очень рад, если мои результаты позволят мне стать космическим солдатом и бороться с галактическим империализмом.

Женщина обернулась к Эдуарду Андреевичу.

– Такой ласковый. Он сможет убивать?

Эдуард Андреевич сказал:

– Без сомнения, это ведь его природа.

Я смутился, не знал, что ответить, да и разве меня спрашивали? Женщина сказала:

– Открой рот, покажи зубы.

Я сделал, как она сказала. Женщина заглянула мне в рот,

пальцами потрогала мои зубы.

– Чуть острее, – сказала она. – Способен к тонкой работе?

Я чувствовал ее интерес ко мне, но это был интерес к живому существу, столь сильно отличающемуся от нее, что становится сложно ему сочувствовать.

Я сосредоточился, заострил свои зубы.

Женщина едва заметно улыбнулась. Ее руки были холодными, а может, так мне казалось из-за перчаток.

Боря потом сказал:

– Выглядят так, будто их воспитали роботы.

А я сказал:

– Может, это и правда! У них там, наверное, так много роботов.

Но этот разговор случился у нас уже после экзамена. Тогда я не подумал о роботах, а подумал просто о холодном металле и о том, что эти прикосновения ужасно сочетаются с царящим вокруг сладковатым карболовым запахом.

Она сжала мой язык.

– Длиннее.

Я сделал, что сказано.

– Хороший мальчик. Забелин, на твой взгляд, насколько его специализированные клетки легко переходят в плюрипотентные?

Надо же, подумал я, это и есть научная терминология для описания моего состояния. Мне стало интересно, но я же не мог спросить.

– Да, – сказал мужчина. – Насколько быстро?

– У Шиманова менее чем за минуту, у Жданова – три-пять минут.

– Хорошо, – сказал мужчина, а потом он достал из кармана халата острое лезвие и прежде, чем я успел что-либо понять, полоснул им по Бориному горлу.

– Боря! Нет, подождите, Боря!

Женщина резко надавила мне на плечи.

– Сидеть. Забелин, он же подчинится?

– Он испуган.

Борина кровь хлынула на пол, ее оказалось так много. Он прижимал руки к шее в нелепой попытке остановить кровотечение. Я едва не упал с кушетки, но Боря вдруг поднял липкую, покрытую кровью руку, сделал легкое движение влево, мол, не надо.

А я его в тот момент хорошо понял, словно бы все те глупые и обидные моменты, когда он помыкал мной, приказывал мне, управлял мной, случились с нами ради этой минуты, чтобы я его послушался.

Боря отвел от горла вторую руку. Кровь еще стекала вниз, но раны уже не было.

– Порядок, – сказал он, показав красные зубы. Мужчина брезгливо оглядел свой залитый кровью халат. Наверное, он не привык к грязи, которая не пропадает сразу. Пол ведь был уже чистый. Так, наверное, везде в Космосе.

Женщина сказала:

– Повернись ко мне.

Ее голос на миг показался мне даже дружелюбным. А потом она легко, деловито, без лишних эмоций вонзила скальпель мне в живот. Несколько быстрых движений, несколько быстрых и глубоких проникновений. Я не ощутил боли, но ощутил страшную пустоту там, где мое тело было цельным еще секунду назад.

А еще я запаниковал.

Женщина подозвала Эдуарда Андреевича, чтобы тот дал ей сменные перчатки. Она спокойно смотрела на меня, а мне вдруг почему-то очень сильно захотелось вцепиться в ее обнаженную золотистую красивую руку.

Чтобы попросить помощи или даже чтобы испачкать ее.

Я, конечно, понимаю, что ученым необходимы стальные нервы, и умение дистанцироваться, и еще много других вещей, которых мне не понять. Но я так испугался, не мог сосредоточиться, потом пришла и боль, сильная и очень неестественная – прежде я не испытывал такую боль, она не была похожа ни на что, что может случиться с организмом изнутри.

Боря тоже дергался на своей кушетке, но его держал тот мужчина.

– Дисциплина, – сказал он. – Веди себя спокойно.

Знаете это чувство, когда от волнения забываешь, как решаются простейшие примеры, или не можешь вставить в замок ключ, или даже перестаешь соображать, как дышать?

Это случилось и со мной.

Боря ругался, но я уже с трудом различал его слова. Слабость накатила на меня очень быстро, я упал на кушетку и смотрел на белый холодный свет, которым все здесь было пронизано.

Тогда я подумал: сейчас я умру. Я не справился, и я умру.

Если вдуматься, самая справедливая вещь на свете.

Но как же я испугался, запаниковал, задрожал. Недостойно. Я попытался унять страх, но боль не давала этого сделать.

Рядом каким-то образом оказался Боря, он что-то спрашивал у меня, потом резко надавил на одну из ран, его тут же схватили за руку, но еще более страшная боль, чем прежде, в самом деле меня отрезвила.

В конце концов, вы ведь знаете, мы всегда вспоминаем, как дышать. А то, что происходит со мной, когда я изменяюсь, это так же естественно, как дыхание.

Сначала я перестал ощущать ужасную пустоту внутри, а затем утихла и боль. Мне больше не было холодно, я не дрожал, меня не тошнило, и слабость ушла. Я сел на кушетке, оглядел свой живот, провел по нему рукой – все хорошо. Все-таки это очень странно, видеть столько своей крови и не видеть раны, через которую она покинула тело.

Женщина сказала:

– Почти пять минут.

– Он испугался. С ним такое впервые.

– Я думала, он потеряет сознание.

– Он очень выносливый.

Потом мужчина попросил нас с Борей лечь на кушетки. Я посмотрел на Борю, он одними губами прошептал мне что-то, что я понял как неприличное слово. Я покачал головой, какой, мол, ужас, что ты себе позволяешь.

Женщина мягко, но холодно погладила меня по голове.

– Посмотри на меня, – сказала она. Я снова ощутил себя умным, но животным.

– Ребра, – сказала она. – Сделай их острыми, сломай, пробей себе кожу.

Как выполнить это задание я не знал, но, подумав, прижал пальцы к ребрам, истончил кости в том месте, где чувствовал свои пальцы, и ребра в самом деле хрустнули.

– Молодец, умница.

Пробить кожу оказалось легко, хоть и довольно больно. Боря с этим заданием справлялся дольше, уж очень противна была ему идея причинять вред своему телу самостоятельно (так он сказал потом).

– Их психологические характеристики с момента последнего твоего отчета не изменились?

– Незначительно. Шиманов стабилизирован, Жданов на взводе, пропал мальчик из…

– Он проявлял агрессию?

– Нет.

– Он послушный?

– Да, Жданов из всех самый дисциплинированный.

Я улыбнулся, меня хвалили, и даже в этой ситуации мне было радостно это слышать.

Они надолго отвлеклись, обсуждали нас с Эдуардом Андреевичем. Боря спросил:

– А какая оценка?

– Прошел Шиманов, – сказал мужчина.

– А я?

– И ты, Жданов. Оба прошли. Ждите приказа о вашем назначении.

Мы с Борей переглянулись, он улыбался, улыбка его была в некоторой степени безумной, но я знал, что и я улыбаюсь так же.

– А кто займется их функциональным обучением в Космосе? – спросил Эдуард Андреевич.

Мы старались одеваться как можно медленнее, чтобы все послушать.

– Либо Санников, либо Соколова, либо Рахманов, посмотрим.

– А Шиманов?

– Шиманов не доживет, судя по твоему отчету.

Наша нарочитая медлительность была замечена.

– Так, ребята, оделись? Тогда зовите Кац и Толмачеву.

– А Арефьев?

– Последним пойдет.

Так мы сдали экзамен. Это оказалось быстрее и проще, чем я думал, хотя и намного страшнее. Вряд ли все действо заняло больше получаса.

Итого: полдевятого утра, и я свободен!

Сейчас сидим с Андрюшей. Хочу его поддержать, но не знаю как. У него пока не слишком получается, нельзя ведь объяснить, что делать, чтобы росли зубы мудрости.

Запись 205: Шоколад и сочувствие

Андрюша и Валя не сдали экзамен. Валя заращивала рану слишком долго, а Андрюше даже не стали ее наносить – индекс регенерации у него оказался недостаточным.

Мы все ужасно испугались, но Эдуард Андреевич опять нас успокоил: требуется еще некоторое время, чтобы Андрюша и Валя смогли показать лучшие результаты. Каждый работает в своем темпе, просто наша Родина заинтересована в получении боеспособных искусственно полученных солдат как можно быстрее.

Мы с Борей и Фирой оказались первыми в своем роде искусственно выведенными солдатами с планеты Аврора.

Сегодня я вошел в историю.

Но в то же время как мне обидно за лучшего друга, и за Валю тоже. Эгоистично думать о себе и своих маленьких радостях, когда товарищей постигла неудача.

Я бы всеми силами хотел им помочь, но, как я уже писал, не понимаю, каким образом это можно сделать.

В общем и целом, то, что ребятам потребуются дополнительные занятия, это, конечно, не беда. Но между нами, что очень обидно, тут же пролегла пропасть.

К примеру, Эдуард Андреевич тут же вручил нам с Борей и Фирой по шоколадке. Как же давно я не ел шоколад! Я даже забыл его вкус!

Но я совершенно не могу съесть эту шоколадку, когда Андрюша вынужден питаться только сырым мясом.

Андрюша, впрочем, не кажется очень расстроенным, а вот Валя все время плачет и говорит, что не хочет, чтобы Фиру увезли в Космос без нее, они же подруги.

Фира утверждает, что, пока ее отцу сделают операцию, Валя уже полностью завершит свои метаморфозы и они полетят вместе.

Вот такие новости.

Запись 206: Организационное

Отослал маме телеграмму, хотя ей точно уже сообщили. Через неделю нас забирают на космодром. Галечкино письмо еще не пришло, я так его жду. Кажется, не успею с ней увидеться, впрочем, может быть, я смогу заехать домой, и тетя Ира привезет Галечку к нам.

Мы с Борей первыми окажемся в Космосе, еще с нами полетит Жорж, его отпуск закончился.

Жорж говорит, что Андрюше и Вале даже повезло, потому что, когда они присоединятся к нам, мы сможем все им объяснить.

Я спросил, что лучше взять с собой в Космос, но мне сказали, что лучше не брать ничего, даже личные вещи, все, включая одежду и предметы гигиены, нам выдадут.

Запись 207: О шоколадке

Так и не съел ее, но Боря свою съел прямо на глазах у Андрюши!

Запись 208: Красивая сцена

Сейчас видел очень красивую сцену. Мы с Валей сидели на скамейке, я ее утешал, а Андрюша с Дианой стояли напротив. На асфальте Фира мелками рисовала красивую кошку с красным бантиком, и Диана все ею восхищалась.

Андрюша ее обнял, и они так стояли, совсем как картинка, а потом немного покружились, будто танцевали, и в конце концов Андрюша прижался носом к ее шее. В этом мне увиделось нечто просто удивительно красивое и вдохновляющее, не знаю почему, возможно из-за композиции.

Тут Диана сказала:

– Ай! Укусил!

Затем она очень громко засмеялась.

А сейчас Валя мне говорит:

– Ты как дебил со своей тетрадью дурацкой.

Надо заканчивать.

Запись 209: АРЛЕН

ПАСЛУШАЙ МИНЯ Я НЕ ЗНАЮ ШТО СЛУЧИЦА НО ШТО ТО СЛУЧИЦА СКОРО УЖАСНАЕ. У МИНЯ БАЛЬШАЯ ТРЕВОГА НИПАНЯТНАЯ. ЕСЛИ БЫ Я ТУТ БЫЛ Я БЫ ПОНЯЛ А ТАК НИМАГУ ПАНЯТЬ.

КАКАЯ-ТА БУДИТ БИДА.

А У МИНЯ ВСЕ ХАРАШО.

ПАКА.

БЕРИГИСЬ!!!

ТИПЕРЬ ТОЧНА ПАКА.

Запись 210: Разъяснения

Сейчас около трех часов ночи. Но я вдруг встал, словно лунатик, и, сам не понимаю как и почему, написал вышеприведенную запись.

Может быть, это просто Ванечка так глупо пошутил, но, думаю, вряд ли он приложил бы столько усилий, чтобы просто меня побеспокоить.

Его предупреждение, однако, не имеет смысла, ведь я не знаю, чего опасаться.

Запись 211: Свободный день

Сегодня первый день, когда я могу ни о чем не думать, расслабиться и не гнаться за результатом.

Однако за все это время я, видимо, отвык от этого состояния безделья. В голову то и дело лезут дурные мысли. О чем меня хотел предупредить Ванечка?

Пока все хорошо. Даже погода наладилась.

Запись 212: Поздравительная телеграмма от мамы

Лучший сын. Люблю. Верила. Целую. Мама.

Запись 213: Беда

Диана пропала. Сегодня приходил ее папа, сказал, что она вчера не пришла ночевать. Такого еще никогда не случалось.

Андрюша в ужасном шоке, но мы все верим, что она найдется.

Лично я думаю, что Диана просто уехала куда-то самовольно с друзьями (ведь у нее много друзей).

Но тогда почему в заголовке я написал «Беда»?

Может, я просто ищу то, о чем предупреждал Ванечка?

Согласно статистике, однако, большинство пропавших детей находятся живыми.

Запись 214: Еще нет

Сегодня Диану не нашли.

Запись 215: Снова нет

Фира и Валя под контролем Станислава Константиновича весь день помогали развешивать объявления.

Из-за того, что никто (почти) не знает, что случилось с Ванечкой, в городе стали появляться слухи о маньяке.

Это, конечно, относительная редкость, КБП отслеживает больных ксеноэнцефалитом, но ведь абсолютная безопасность невозможна, а человек на первой стадии болезни все еще сохраняет дееспособность и понимание происходящего.

Надеюсь все-таки, что с Дианой все в порядке и эти слухи – просто предположения, вызванные недостатком информации о Ванечке.

Хотелось бы как-то помочь с поиском, но что мы можем?

Андрюша очень тяжело это переживает.

Боря ему как-то сказал:

– А может, ты ее и убил, а, дрочер?

Видимо, он хотел так пошутить, но Андрюша вышел из палаты и до самого вечера сидел на улице.

Бедный мой друг, как же мне вселить в него надежду?

Что касается Дианы, я пытаюсь припомнить, не говорила ли она чего-то странного, не рассказывала ли о своих планах, но пока кажется, будто Диана была совершенно обычной.

Ничего, на что стоило бы обратить внимание.

Запись 216: Хорошие новости насчет ежа

Сегодня Николай Убийца впервые сам вылез из коробки! Его лапка, очевидно, зажила.

Вот бы Диана обрадовалась. Скорее бы она нашлась целой и невредимой, так, согласно статистике, находится большинство детей.

(Я это уже упоминал, но мне так тревожно, а от этой мысли – намного лучше.)

Запись 217: Земля

Проснулся среди ночи, теперь не могу решить, как поступить. Мне снился сон (сон-не сон, как это теперь бывает), и я ужасно испугался, но теперь, когда проснулся, думаю, что все это глупости.

Надо рассеять до конца ужас от кошмара, так что я его запишу.

Обычно подобные сны я рассказываю от первого лица, потому что таким образом я их чувствую, а значит, и лучше всего передам свои ощущения – тоже так.

На этот раз я не хочу передавать свои ощущения, сон был страшный.

Как-то раз, в середине лета, я, по просьбе Эдуарда Андреевича, пытался почувствовать, что сейчас делает Андрюша. И ощутил на его руках прохладную землю. Само чувство в тот момент показалось мне крайне приятным, но в то же время тревожащим.

Теперь я побывал им в тот день, в жаркий день, когда он копал прохладную землю. Андрюша долго выбирал место и долго боялся, что нужного места не найдет.

Он выбирал место с тех пор, как ее увидел, задолго до того, как сама она его выбрала.

То, что нужно, нашел он за футбольным полем. Там, в зарослях, почти у самого забора, лежала небольшая бетонная плита.

Эта плита зазеленелась от влажности, вокруг все заросло, даже мусор тут был старый, какой-то пожелтевший. Мало кто ходил на футбольное поле, и совсем никто – за него, в эти бесконтрольные заросли свидины.

Бетонная плита лежит тут, наверное, десяток лет, подумал Андрюша, никто и не догадается, что под ней что-то есть.

С другой стороны, так получится даже… уважительно.

Так он и подумал: уважительно.

У него не было с собой большой лопаты, только лопатка, которую он украл у садовников (еще он украл молоток). Совсем небольшая лопатка, а дело предстояло большое.

Андрюша потратил много времени на приготовление, и очень забавно, что все мы думали, будто он этот день провел с ней. А она уехала в деревню к бабушке. Ее не было с Андрюшей.

Андрюша сдвинул плиту и долго копал там, где она лежала, сначала лопаткой, а затем – руками. Не потому, что лопатка сломалась, не потому, что Андрюша устал ею орудовать, а

потому, что ему захотелось прочувствовать, что именно он делает.

В жаркий день земля показалась ему совсем холодной.

То и дело ему попадались черви, какие-то жучки, все то, что прячется обычно под камнями. Он копал, пока не выбился из сил, и это оказалась лучшая работа в его жизни.

Но когда Андрюша закончил, он обнаружил, что яма недостаточно длинная, хотя и вполне глубокая.

Он выкопал яму по размеру плиты, чтобы не заметны были раскопки. Но плита не очень крупная, значит, большую яму она не закроет. Поместится ли сюда то, что должно поместиться? Андрюша постарался прикинуть.

Туда мог поместиться его чемодан – он не очень большой.

Андрюша стоял около ямы, блестевшей свежей землей, и все думал, как ему разместить то, что должно сюда поместиться.

И конечно, это следует во что-то упаковать.

Ответ пришел снова, тот же самый: сюда поместится его чемодан.

Он повторил это несколько раз и сдвинул плиту на прежнее место.

В этот момент я очнулся. Голова моя была переполнена страхом, послевкусием еще не рассеявшегося сна.

Теперь это кажется глупостью. Мало ли, какие нам снятся сны? Но ведь нельзя оставить без внимания подобную информацию. Связь, червь, это нельзя игнорировать.

Ничего дурного не случится, если я проверю, что скрывается под маленькой бетонной плитой. Вполне возможно, что ничего особенного там и нет.

Боря спит, и я его не потревожу.

Скорее всего, эти глупые мысли вообще ничего не значат.

Что касается Андрюши: с ним и говорить нечего, только обижу его своими подозрениями, тем более, что они такие страшные.

Ему было больно, когда Боря сказал такое в шутку. Не стоит донимать его своими кошмарами.

Я просто проверю, а потом вернусь и буду спать. Скоро я отправлюсь в Космос, не могу же я не проверить, проверить надо сразу.

Нервничаю.

Запись 218: Чистосердечное признание

Арлен, ты найдешь под бетонной плитой чемодан.

В чемодане будет Диана.

Это я ее убил. Чтобы она поместилась туда, я перебил некоторые кости. Она хорошо вошла, хотя чемодан очень небольшой.

Мы давно стали ходить туда, к плите. На плите мы сидели и целовались. В тот день я сказал ей, что мы сбежим вместе. Мы договорились встретиться здесь ночью. Я даже принес чемодан. Диана сказала, что он слишком легкий. Я сказал, что мне почти ничего не нужно.

Там, за нашими спинами, в некотором отдалении от забора, проезжали машины, светили их фары. Меня это будоражило. Я снял рубашку. Она спросила, зачем я снял рубашку. Я сказал, что мне жарко. Она засмеялась.

Мы сидели и целовались, и я ударил ее молотком по голове. Одного раза оказалось недостаточно, но она не кричала, звук, который она издавала, был тихим и невнятным. Он немного напомнил мне кошачье мяуканье.

Я ударил еще раз. Но и после этого она дышала (слышу, вижу, ощущаю, помнишь, как нас учили оказывать первую помощь?). Я ударил ее в третий раз, больше бить не понадобилось. На этот раз образовалась не вмятина, а дыра (все три удара пришлись в разные места).

Потом мы еще некоторое время лежали вместе.

Я боялся, что на черных брюках все равно будет заметна кровь. Но не в темноте. Но все равно перед тем, как уложить ее в чемодан, я снял и брюки.

Как ломать кости, как ее изогнуть, я продумал заранее, даже зарисовал (в абстрактном стиле) результат, который мне нужен. Я показывал тебе эти рисунки. Ты сказал, что абстракционизм – не искусство и нашему народу такое не нужно.

Я полностью с тобой согласен. Это не искусство.

Уложить ее в чемодан оказалось очень легко, застегнуть его было сложнее, но я справился.

Я поместил чемодан в яму и накрыл ее бетонной плитой. Потом я оделся, вернулся в корпус и застирал брюки.

Было около двух часов ночи.

Я рассчитывал, что, так как мы хотели сбежать вместе (она хотела), что-то в ее поведении выдаст такое намерение и ее будут

искать, как беглянку.

Но она сказала мне, что не хочет убегать, потому что слишком любит маму, и папу, и свой город, и свой дом.

Я сказал: ладно.

Но я все равно ее убил.

Я сделал это потому, что надеялся таким образом завершить свои метаморфозы. Боря лучший, потому что ему больно. Тебе тоже больно (из-за Ванечки, я знаю, ведь мы друзья, у нас нет секретов).

Я решил, что если я убью девочку, то метаморфозы завершатся и я смогу попасть в Космос.

А может, я сделал это, потому что у меня в голове червь. Ничего другого от нас и не ждут. Мы ведь чудовища. Бешеные животные.

Или я не знаю, почему я это сделал.

Ты ведь видел сон о том, как я копал землю. Тогда я только играл с этой мыслью. А после экзамена решил, что нужно поступить так.

Нет, до. Я решил так, когда понял, что я не сдам.

Я запутался.

Но теперь дело сделано. Я знаю, что меня не накажут – я слишком ценен, а она – не более чем сырье для таких, как я. Но я не хочу, чтобы они нашли тело.

Фира сказала мне, что сегодня проверили одно место. Его проверили, значит, больше они туда не поедут. А ведь санаторий еще не проверяли. Могут проверить, никто ведь не знает, где она пропала.

Если хочешь, я признаюсь.

Но я не хочу, чтобы они нашли тело.

Помнишь, как мы с тобой побратались? С тех пор как тебе отрезали руки, шрама у тебя на ладони больше нет. Но ты помнишь. Конечно, я понимаю, что ты на меня злишься. Еще ты, наверное, в ужасе, Арлен.

Но помоги мне, а потом я признаюсь во всем.

Я обещаю, что во всем признаюсь.

Просто я запутался, Арлен, помоги мне.

Или лучше мне тогда не признаваться? Они не найдут. Вдруг из-за того, что я не сдал экзамен, меня теперь забракуют? Подумают, что я сошел с ума.

Я совсем запутался, Арлен. Зачем я так поступил? Я был к ней очень привязан. Я так привязан.

Не могу думать ни о чем другом. Под бетонной плитой, в чемодане.

Помоги мне, ведь мы друзья навсегда, причем лучшие. Это

много для нас с тобой значит. Мне не отрезали пока что руки, и у меня этот шрам есть.

Теперь я думаю: ужасно, что он не навсегда. Но на твоем теле больше нет места, где можно оставить такой шрам, чтобы он был навсегда.

Только не думай, пожалуйста, будто я несерьезен. Для меня все это очень важно. Я – большая пустота. Кроме тебя, у меня никого нет. Больше ничего хорошего, только то, что мы с тобой дружим.

Я боюсь это потерять, поэтому все время вру.

Не бросай меня, пожалуйста, сейчас. Я плохой и чудовищный человек. Я сам себя пугаю. А ты один меня видишь по-другому. Я с тобой рядом лучше, чем я на самом деле есть.

Я почти забываю о том, что голова у меня совсем червивая.

Я даже не думаю, что я схожу с ума.

Потому что я не схожу с ума, ведь ты – мой друг. Помоги мне один последний раз, ведь я тебе признался честно и во всем.

Я самое грустное чудовище на свете, и ты все время ошибался насчет меня.

Но все-таки лучше, чем дружба с тобой, со мной ничего не было.

Почти ничего лучше.

Помоги мне, пожалуйста, потому что я опять в этом нуждаюсь.

Все, что я пишу, звучит так ужасно, но как написать обо всем по-другому?

Я знаю, что ты меня поймешь, хотя ты всегда не понимал, но сейчас поймешь.

Лучшие друзья навсегда?

Запись 219: Скотомогильник

С самого начала.

Я отодвинул бетонную плиту и увидел чемодан. От него исходил отвратительный запах, но слабый, приглушенный подложкой. Можно было представить, что этого запаха нет.

Но я, конечно, не имел права себя обманывать.

Я открыл чемодан и увидел то, что было внутри.

Когда я вернулся, Андрюша молча протянул мне тетрадь. Я прочитал то, что он написал. Андрюша вышел ко мне на балкон, где я с трудом различал его убористый почерк под лунным светом.

– Да? – спросил он.

Я кивнул.

Он тихонько одевался, а я стоял на балконе и смотрел на спящего Борю. Конечно, необходимо было рассказать, причем не Боре, а взрослым. Но как же тогда Андрюша?

Пока Андрюша собирался, я осторожно разыскал в комнате две важные недостающие вещи. Потом я вышел на балкон.

– Эй! Куда это вы? – спросил Боря.

Голос у него был сонный и усталый. Я знал, что сейчас могу все ему рассказать и мы вместе, втроем, что-нибудь придумаем.

Но это слишком больно, а у него на сердце свежая рана.

Теперь рана есть и у меня на сердце, разбираться с ней я буду сам.

Я молчал, ведь врать нехорошо, а я уже достаточно врал.

Андрюша сказал:

– Мы идем перепрятывать тело.

Голос его был абсолютно спокойным, не таким дрожащим, как строчки в письме.

Боря сказал:

– Ну удачки, дрочер, смотри не упрись стояком в труп.

А потом Боря перевернулся на другой бок, обнял подушку и, по-видимому, потерял к нам всякий интерес.

Мы осторожно спустились вниз. Сделать это все равно оказалось просто, потому что Дени Исмаилович спал, а Эдуард Андреевич был у себя в первом корпусе.

Андрюша спросил:

– Ты злишься?

– Глупый вопрос, – сказал я.

– На самом деле очень глупый.

– Если тебя будут в чем-то обвинять, – сказал он, – у тебя есть мое признание.

– Зачем ты так говоришь?

– Прости.

Некоторое время мы шли к нашей цели, но это не важно. Важно, что мы отодвинули плиту, и Андрюша вытащил чемодан.

– Здесь не очень далеко, – сказал он.

– Ты рассказывал.

С чемоданом он обращался бережно. Куда бережнее, чем прежде, когда в маленьком чемодане он вез только вещи. Все мы были простыми и невинными в начале лета.

Я сказал:

– Ты не переберешься с ним через забор.

– Нет, – сказал Андрюша. – Но ты передашь его мне. Он не должен упасть.

Андрюша забрался первым, я поднял чемодан, и он вдруг показался мне легким, даже слишком. Я закрыл глаза и позволил себе слабость: подумать, что в нем ничего нет.

– Всё, – сказал Андрюша. – Передай его мне.

– Ты не упадешь?

– Я не боюсь.

Андрюша сидел на заборе, свет фар то выхватывал его из темноты, то исчезал, отправляя Андрюшу обратно во мрак. Он выглядел совсем бледным, хотя я бы не сказал, что у Андрюши бледный оттенок кожи, скорее наоборот, немного смуглый.

Я передал ему чемодан, и Андрюша с большой ловкостью спрыгнул вниз. Но он все-таки упал, не сумев удержаться на ногах, и чемодан придавил его сверху.

Боре это показалось бы комичным. Думаю, только ему.

Хотя, может быть, еще Станиславу Константиновичу.

Я протянул Андрюше руку, он посмотрел на мою ладонь робко, потом схватился.

– Спасибо.

За забором шло оживленное шоссе, машины неслись, быстро прорезая темноту.

– Тут нельзя ходить, – сказал я.

– Но это самый короткий путь. И здесь никто не сможет остановиться, не вызвав аварию. Шоссе скоростное. Так что мы в безопасности.

Вывод показался мне странным. Андрюша вытащил ручку чемодана и покатил его за собой. Я вспомнил Антонину Алексеевну, ее тонкую, длинную фигурку, чемодан, который она везла за собой с таким изяществом.

Мы пошли по узкой полоске земли между забором и шоссе. Ногу вперед ноги, так переступал на дереве Ванечка, так любит делать ловкий Боря, в этом есть что-то цирковое или звериное.

Я не люблю нарушать правила (хотя этим летом я нарушил их достаточно), а кроме того, резкие звуки могут меня испугать. Но я постарался сохранять максимальное спокойствие. Машины гудели, с ревом и грохотом проносились мимо нас (как и всегда на междугородних шоссе, ночью здесь было множество грузовиков).

Я сказал:

– Если нас собьет машина, ты не сумеешь регенерировать!

– Да, – сказал Андрюша так тихо, что я едва его расслышал.

По спине у меня ползли мурашки, и я всякий раз вздрагивал, когда позади гудели грузовики.

Я знал, что, скорее всего, выживу, но как, наверное, страшно было водителям: сбить двух маленьких мальчиков, бредущих по шоссе с маленьким черным чемоданом. Мы выглядели странно и пугающе, но, влекомые движением, водители не могли остановиться, они могли лишь надеяться, что не заденут нас.

Я старался думать только об этом.

Гудки, чемодан за спиной у Андрюши, его сутулая спина, снова гудки, дрожь асфальта под ногами, яркий свет фонарей.

А когда мы взошли на мост, где нам приходилось жаться к самому отбойнику, Андрюша сказал:

– Тут кусок бампера. Значит, они сюда врезаются.

В самом деле, кусок бампера, подумал я отстраненно. Он блестел в свете фонарей с одной стороны, а с другой был черным и матовым от грязи.

– Тебе не страшно? – сказал я.

– Нет, – сказал Андрюша. – Я не боюсь.

Снова я едва его расслышал.

Сколько мы так шли? Я почти привык к реву шоссе, привык к тому, что коленки царапает отбойник. Затем, после моста, идти стало легче, началась лесополоса. Когда мы свернули, я сказал Андрюше:

– Это совсем близко к шоссе и к лесу. Против санитарных правил.

– Да, – сказал Андрюша просто. Он тащил за собой свой чемодан.

– Что ты будешь делать потом?

– То, что ты скажешь. Я все сделаю так, как ты хочешь, Арлен.

– Хорошо, – сказал я.

– Ты – хороший человек. Самый лучший из всех, кого я знаю.

– Это неправда.

Андрюша слабо улыбнулся. Небо начало просветляться, туманно-сиреневое, оно еще сияло от ночных огней города. Скоро должны были погаснуть и они.

Говорят, что самый темный час перед рассветом. Я в общих чертах согласен с этим утверждением. Следует, кроме того, заметить, что рассвет никогда не наступает быстро.

Небо светлеет постепенно.

В лесу было еще темно, и я вспомнил о Ванечке.

Мог ли я истолковать его предупреждение правильно? Наверное, нет. У меня было недостаточно информации. Кроме того, я слишком наивен.

Мы вышли к скотомогильнику в последние минуты между утром и ночью, когда еще непонятна, не проведена эта граница.

Яму окружал жалкий забор из двух прогнивших балок, как Андрюша и говорил. Запах павшего скота показался мне отвратительным, но в то же время успокаивающим, ведь он забил другой запах, идущий от чемодана.

Они не показались мне похожими, но, может быть, дело в стадиях автолиза.

Мы остановились у балок, и я заглянул внутрь.

Белые кости и серое мясо. Почти ничего красного.

– Тебе плохо? – спросил Андрюша.

– Нет, – сказал я. – Ты ведь хочешь быть солдатом, чтобы убивать людей, да?

– Нет, – сказал Андрюша. – Я хочу бороться с галактическим империализмом.

Он не издевался надо мной, просто покорно говорил то, что я хочу услышать. Светлело, и в этом слабом утреннем сиянии я стремился запомнить его как можно лучше: светлые, большие глаза, ястребиный нос, грустный изгиб бровей.

– Почему ты взял меня с собой?

– Потому что ты все знаешь и ты – мой друг. Мне одиноко. И страшно.

– Страшно?

– У меня в чемодане тело девочки, с которой я целовался.

– Это страшно.

Я помолчал, а потом добавил еще:

– Я не смог тебе помочь. Ты нуждался в помощи, а я не заметил этого.

– Я не нуждался.

– Неправда. Это из-за червя. Ты заболел.

– Я заболел.

Я сказал:

– Ты все равно мой друг.

– Да?

– Абсолютно точно. Мы навсегда лучшие друзья.

Я показал чистую ладонь без шрама. На Андрюшиной ладони

шрам пока еще был.

Странное дело, я не думал о Диане много. Не думал о шумной девочке, которая любила танцевать, о том, что они с Валей – подружки, о ее отце и друзьях, и об анкете, которую она вписала в мою тетрадь.

Я думал о некоем образе: маленькая девочка в чемодане.

Хотя я видел, что именно там лежит.

Андрюша сказал:

– Пора прощаться.

Он сел на корточки перед чемоданом, внимательно на него посмотрел, прижался к нему щекой, словно к живому существу.

Я сказал:

– Андрюша, не надо так.

Он сказал:

– Я уже обо всем пожалел, честно.

Мне так совсем не показалось.

Андрюша с трудом поднял чемодан, будто бы он стал тяжелее, чем был, когда мы достали его из-под бетонной плиты, поставил на подгнившую балку, которая тут же прогнулась.

– Решайся, – сказал я. – Смелее.

Я говорил это не ему.

Я отстегнул от шлевки пистолет для забоя скота, когда чемодан полетел вниз. Андрюше не должно было показаться странным, что я взял его с собой, потому что я носил его всегда, как свои часы с надписью «Победа».

Андрюша знал, что стержня и заряда внутри нет, но я вернул их в пистолет, пока Андрюша одевался.

В идеале, если говорить о том, как я все задумывал, Андрюша не должен был ничего понять.

Я вскинул руку и упер дуло ему в затылок, он вздрогнул, и я выстрелил.

Стержень должен был пробить и мозг и червя, еще не прошедшего все метаморфозы. Выстрел в затылок – относительно гуманная казнь, предполагается, что человек не успеет понять, что умирает.

В детстве мы с Андрюшей играли в казни. Из игрушечных пистолетов мы расстреливали игрушки и друг друга. За каждой казнью стояла какая-нибудь история. Их обычно придумывал Андрюша, потому что у меня плохая фантазия.

Он дернулся, я отвел руку с пистолетом, стержень вышел из черепа с некоторым трудом, за ним протянулась ленточка липкой крови, смешанной с чем-то беловато-желтым.

Андрюша пошатнулся, и я подумал, что ничего не вышло. Движение было естественное, вполне для него обычное. А потом

он упал.

Я потянулся схватить его, но остановил себя, рука мазнула по холодному воздуху.

Андрюша упал туда, на груду костей и гниющего мяса.

В детстве, когда мы играли, я всегда вырывал маленькие расстрельные ямы. Ямки. Потому что у меня плохая фантазия и я не могу играть без декораций и реквизита.

Андрюшу это забавляло. Он мог представить что угодно в мельчайших подробностях, и ему ничего не было нужно.

Я смотрел на него и ждал: пошевелится?

Что тогда делать?

Но Андрюша лежал неподвижно.

Я крикнул:

– Прости меня! Но я не мог допустить, чтобы ты получил всю эту силу. Ты же хотел убивать людей, да? Ты же этого хотел! Ты очень сильно болен! И ты – вредитель. Ты – вредитель, а вредителей нужно уничтожать!

Вдруг на меня накатила детская обида: Ванечке я простил потенциальную опасность, а своего лучшего друга я убил.

– Нужно быть сильным! – крикнул я.

Андрюша лежал на дне ямы и не шевелился. Рядом с ним лежал чемодан, в котором хранилась девочка, придумавшая анкету для этой тетради.

Мы с ней не были лучшими друзьями, но я знал, что она живая и что с ней нельзя так поступать. Поэтому я убил своего лучшего друга.

– Таких, как ты, нужно обязательно уничтожать! Иначе куда мы придем? Ты мой лучший друг, но я обязан! Вредитель! Вредитель! Вредитель!

Я и сам не заметил, как начал злиться, а потом сел на траву (ту самую, которую нельзя косить, на которой нельзя выпасать скот, из-под которой нельзя брать земли) и заплакал.

Я попытался стереть кровь со стержня травой. Не потому, что я хотел скрыть следы своего преступления (я не собираюсь скрывать), а потому, что я не мог видеть эту вязкую кровь.

Я проплакал, пока солнце окончательно не вступило в свои права. Андрюша все еще лежал на дне карьера, неподвижный, как кукла.

Я сказал:

– Прости меня, пожалуйста, но так обязательно было нужно.

Вредитель, вредитель, вредитель.

Вредитель и враг.

Обратно я возвращался безо всякого страха, не обращая внимания на гудки машин. Я даже хотел, чтобы меня сбил

грузовик, хотя, конечно, с полной серьезностью к таким детским фантазиям относиться нельзя.

В то, что я совершил, мне до конца не верится и сейчас.

Я бы очень хотел забыть черный чемодан, окровавленный стержень и двадцать седьмой скотомогильник, но я не забуду.

Мне еще кажется (это шок), что все поправимо, но в то же время я боюсь, что, когда я приведу к скотомогильнику взрослых, Андрюши там не будет.

Боря еще спит, и я опять его не потревожу.

Если меня накажут, я все равно буду уверен, что все сделал правильно.

Как бы со мной ни поступили, я сам не мог поступить иначе.

Но это все равно очень и очень тяжело.

Я допишу эти строчки и пойду к Эдуарду Андреевичу, он более стойкий и спокойный, чем Дени Исмаилович, и более опытный. Я все расскажу как есть. Страшно, конечно, потому я и тяну, думаю: напишу последнее предложение и пойду, а нет, напишу еще вот это.

Надо заканчивать и идти. Страх – непродуктивная эмоция, с ним нужно бороться, чтобы выполнять свой долг.

Вот.

Запись 220: По результатам дня

Всё в порядке, Андрюша все еще был в скотомогильнике, когда мы туда приехали.

Теперь он в морге, там, где уже нет Володи.

Меня не забракуют, потому что я слишком ценен. Эдуард Андреевич сказал, что на меня, скорее всего, наложат взыскание, потому как Андрюша, мой лучший друг, тоже имел ценность, хоть и меньшую, чем я, ввиду того, что еще не прошел экзамен.

Еще Эдуард Андреевич сказал, что мой поступок нельзя назвать однозначным и мне следовало обратиться ко взрослым.

Думаю, Эдуард Андреевич имел в виду, что я так же поддался червю, как и Андрюша. Жестокость берется из тех трещинок, которые в нас уже есть.

Теперь я хорошо знаю все трещинки в своем сердце.

Боря сказал, что я все сделал правильно и по-другому нельзя было поступить, только зря я его не позвал.

А я хотел, чтобы Андрюша ничего не понял и чтобы Боря не жил с тем, что необходимо было сделать. Две причины.

А еще я знаю, что Боре больно, но он, как всегда, такой хвастун.

Жаль Дени Исмаиловича, да и девочки опять плачут.

Вот, собственно, и всё.

Я так ненавижу то, кем я стал.

Запись 221: Напоследок

Сегодня мы с Борей уезжаем. Валя остается в санатории, ей нужно продолжать процедуры. Фира едет в Москву, чтобы там стать донором для своего отца. Она едет с нами. Они с Милой уже обменялись почтовыми адресами, Фира еще успеет написать ей и Вале тоже.

А я уже завтра вечером буду на космодроме. Я увижу Космос, о котором так давно мечтал. Все сбудется.

Андрюша в холодильной камере.

Валя и Фира присоединятся к нам максимум через пару месяцев.

Андрюшу и Володю мы не увидим никогда.

Может быть, мы увидим Ванечку, во всяком случае, это мне снилось.

Моя красная тетрадь заканчивается, но это и к лучшему. Может, мне разрешат ее взять. Я хотел бы сохранить.

Может, мне не разрешат ее взять.

Тогда я сожгу ее, и это тоже будет хорошо, хотя и грустно.

Боря вовсе не боится, но, по-моему, печалится.

Я тоже.

Мы многое оставим на Авроре, в том числе и нашего ежа по имени Николай Убийца, и тело моего лучшего друга, и могилу Бориного брата.

Уже на вокзале, покидая этот город, мы оставим здесь прежних себя, тех, которые сюда приехали.

Наверное, это и есть взросление, темное пятно между детством и юностью, и я сейчас в самом его центре.

Мне больно, печально, и многое мне непонятно. Но я не отказываюсь от своего принципа: защищать слабого – привилегия сильного. Это всегда будет важно, что бы ни происходило вокруг.

Уезжать тяжело, потому что когда я уеду, все перемены, произошедшие со мной и с другими, окончательно вступят в силу, как договор после подписи. Это грустно.

Но у меня есть надежда, люди будущего, на то, что вы будете лучше меня во всем.